

ГОВАРД
ЛАВКРАФТ

КІТАЛХУ

Говард Лавкрафт
Ктулху (сборник)

«АСТ»
1919-1933

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Ктулху (сборник) / Г. Ф. Лавкрафт — «АСТ», 1919-1933

ISBN 978-5-17-099256-0

Лучшие произведения Лавкрафта. Они бесконечно разнообразны и многогранны. Одни относятся к классическому «черному неоромантизму», другие – к викторианской литературе ужасов. Но в каждом живет гений писателя, подарившего нам лишь на шаг отстоящий от реальности причудливый мир «богов-демонов» – подводного Ктулху и безликого Азатота, таинственного Шуб-Ниггурата и великого Йог-Сотота.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099256-0

© Лавкрафт Г. Ф., 1919-1933
© АСТ, 1919-1933

Содержание

Хребты Безумия	7
I	8
II	14
III	24
IV	30
V	35
VI	42
VII	46
VIII	52
IX	57
X	63
XI	67
XII	72
Тайна Чарлза Декстера Уорда	75
I. Исход и пролог	76
1	76
2	78
II. Ужас прошлого	82
1	82
2	85
3	88
4	91
5	94
6	97
III. Поиски и призыв	99
1	99
2	102
3	104
4	106
5	109
6	111
IV. Роковые перемены	114
1	114
2	116
3	119
4	123
V. Кошмар и катаклизм	129
1	129
2	130
3	133
4	135
5	139
6	142
7	144
Сны в Ведьмином доме	149
Показания Рэндольфа Картера	171

В поисках неведомого Кадата	175
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Говард Лавкрафт

Ктулху (сборник)

Howard Phillips Lovecraft
AT THE MOUNTAINS OF MADNESS
THE WHISPERER IN DARKNESS
DAGON

© Перевод. В. Бернацкая, 2016

© Перевод. В. Баканов, 2016

© Перевод. С. Лихачева, 2016

© Перевод. К. Королев, 2016

© Перевод. В. Кулагина-Ярцева, 2016

© Перевод. О. Колесников, 2016

© Перевод. Ю. Соколов, 2016

© Перевод. Е. Любимова, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Хребты Безумия

Перевод Валерии Бернацкой

I

Против своей воли начинаю я этот рассказ, меня вынуждает явное нежелание ученого мира прислушаться к моим советам, они жаждут доказательств. Не хотелось бы раскрывать причины, заставляющие меня сопротивляться грядущему покорению Антарктики – попыткам растопить вечные льды и повсеместному бурению в поисках полезных ископаемых. Впрочем, советы мои и на этот раз могут оказаться ненужными.

Понимаю, что рассказ мой поселит в души многих сомнения в его правдивости, но скрой я самые экстравагантные и невероятные события, что останется от него? В мою пользу, однако, свидетельствуют неизвестные дотоле фотографии, в том числе и сделанные с воздуха, – очень четкие и красноречивые. Хотя, конечно, и здесь найдутся сомневающиеся – ведь некоторые ловкачи научились великолепно подделывать фото. Что касается зарисовок, то их-то уж наверняка сочтут мистификацией, хотя, думаю, искусствоведы основательно поломают голову над техникой загадочных рисунков.

Мне приходится надеяться лишь на понимание и поддержку тех немногих гениев науки, которые, с одной стороны, обладают большой независимостью мысли и способны оценить ужасающую убедительность предъявленных доказательств, сопоставив их с некоторыми таинственными первобытными мифами; а с другой – имеют достаточный вес в научном мире, чтобы приостановить разработку всевозможных грандиозных программ освоения «хребтов безумия». Жаль, что ни я, ни мои коллеги, скромные труженики науки из провинциальных университетов, не можем считаться достаточными авторитетами в столь сложных и абсолютно фантастических областях бытия.

В строгом смысле слова мы и специалистами-то в них не являемся. Меня, например, Мискатоникский университет направил в Антарктику как геолога: с помощью замечательной буровой установки, сконструированной профессором нашего же университета Фрэнком Х. Пибоди, мы должны были добыть с большой глубины образцы почвы и пород. Не стремясь прослыть пионером в других областях науки, я тем не менее надеялся, что это новое механическое устройство поможет мне многое разведать и увидеть в ином свете.

Как читатель, несомненно, знает из наших сообщений, установка Пибоди принципиально нова и пока не имеет себе равных. Ее незначительный вес, портативность и сочетание принципа артезианского действия бура с принципом вращающегося перфоратора дают возможность работать с породами разной твердости. Стальная бурильная коронка, складной хвостовик бура, бензиновый двигатель, разборная деревянная буровая вышка, принадлежности для взрывных работ, тросы, специальное устройство для удаления разрушенной породы, несколько секций бурильных труб – шириной по пять дюймов, а длиной, в собранном виде, до тысячи футов, – все это необходимое для работы снаряжение могло разместиться всего на трех санях, в каждые из которых впрягалось по семь собак. Ведь большинство металлических частей изготовлялись из легких алюминиевых сплавов. Четыре огромных самолета, сконструированных фирмой Дорнье для полетов на большой высоте в арктических условиях и снабженных специальными устройствами для подогрева горючего, а также для скорейшего запуска двигателя (последнее – также изобретение Пибоди), могли доставить нашу экспедицию в полном составе из базы на краю ледникового барьера в любую нужную нам точку. А там можно передвигаться уже и на собаках.

Мы планировали исследовать за один антарктический сезон – немного задержавшись, если потребуется, – как можно больший район, сосредоточившись в основном у горных хребтов и на плато к югу от моря Росса. До нас в этих местах побывали Шеклтон, Амундсен, Скотт и Бэрд. Имея возможность часто менять стоянку и перелетать на большие расстояния, мы надеялись получить самый разнородный геологический материал. Особенно интересовал нас

докембрийский период – образцы антарктических пород этого времени малоизвестны научному миру. Хотелось также привезти с собой и куски отложений из верхних пластов, содержащих органические остатки, – ведь знание ранней истории этого сурового, пустынного царства холода и смерти необычайно важно для науки о прошлом Земли. Известно, что в давние времена климат на антарктическом материке был теплым и даже тропическим, а растительный и животный мир – богатым и разнообразным; теперь же из всего этого изобилия сохранились лишь лишайники, морская фауна, паукообразные и пингвины. Мы очень надеялись пополнить и уточнить информацию о былых формах жизни. В тех случаях, когда бурение покажет, что здесь находятся остатки фауны и флоры, мы взрывом увеличим отверстие и добудем образцы нужного размера и кондиции.

Из-за того, что внизу, на равнине, толща ледяного покрова равнялась миле, а то и двум, нам приходилось бурить скважины разной глубины на горных склонах. Мы не могли позволить себе терять время и бурить лед даже значительно меньшей толщины, хотя Пибоди и придумал, как растапливать его с помощью вмонтированных в перфоратор медных электродов, работающих от динамо-машины. После нескольких экспериментов мы отказались от такой затеи, а теперь именно этот отвергнутый нами метод собирается использовать, несмотря на все наши предостережения, будущая экспедиция Старкуэтера-Мура.

Об экспедиции Мискатоникского университета широкая общественность знала из наших телеграфных отчетов, публиковавшихся в «Аркхемской газете» и материалах «Ассошиэйтед Пресс», а позднее – из статей Пибоди и моих. Среди ее членов были четыре представителя университета: Пибоди, биолог Лейк, физик Этвуд, он же метеоролог, и я, геолог и номинальный глава группы, а также шестнадцать помощников: семеро студентов последнего курса и девять опытных механиков. Двенадцать из шестнадцати могли управлять самолетом, и все, кроме двоих, были умелыми радистами. Восемь разбирались в навигации, умели пользоваться компасом и секстантом, в том числе Пибоди, Этвуд и я. Кроме того, на двух наших кораблях – допотопных деревянных китобойцах, предназначенных для работы в арктических широтах и имеющих дополнительные паровые двигатели, – были полностью укомплектованные команды.

Финансировали нашу экспедицию Фонд Натаниэля Дерби Пикмена, а также еще несколько спонсоров; сборы проходили очень тщательно, хотя особой рекламы не было. Собаки, сани, палатка с необходимым снаряжением, сборные части самолетов – все перевозилось в Бостон и там грузилось на пароходы. Великолепной оснащенностью экспедиции мы во многом обязаны бесценному опыту наших недавних блестящих предшественников: мы придерживались их рекомендаций во всем, что касалось продовольствия, транспорта, разбивки лагеря и режима работы. Многочисленность таких предшественников и их заслуженная слава стали причиной того, что наша экспедиция, несмотря на ее значительные успехи, не привлекла особого внимания общественности.

Как упоминалось в газетах, мы отплыли из Бостона 2 сентября 1930 года и шли вначале вдоль североамериканского побережья. Пройдя Панамский канал, взяли курс на острова Самоа, сделав остановку там, а затем в Хобарте, административном центре Тасмании, где в последний раз пополнили запасы продовольствия. Никто из нас прежде не был в полярных широтах, и потому мы целиком полагались на опыт наших капитанов, старых морских волков, не один год ловивших китов в южных морях, – Дж. Б. Дугласа, командовавшего бригам «Аркхем» и осуществлявшего также общее руководство кораблями, и Георга Торфинсена, возглавлявшего экипаж барка «Мискатоник».

По мере удаления от цивилизованного мира солнце все позже заходило за горизонт – день увеличивался. Около 62° южной широты мы заметили первые айсберги – плоские, похожие на огромные столы глыбы с вертикальными стенками, и еще до пересечения Южного полярного круга, кое событие было отпраздновано нами 20 октября с традиционной эксцентричностью, стали постоянно натекать на ледяные заторы. После долгого пребывания в тропиках резкий

спад температуры особенно мучил меня, но я постарался взять себя в руки в ожидании более суровых испытаний. Меня часто приводили в восторг удивительные атмосферные явления, в том числе впервые увиденный мною поразительно четкий мираж: отдаленные айсберги вдруг ясно представились зубчатыми стенами грандиозных и фантастичных замков.

Пробившись сквозь льды, которые, к счастью, имели в себе открытые разломы, мы вновь вышли в свободные воды в районе 67° южной широты и 175° восточной долготы. Утром двадцать шестого октября на юге появилась ослепительно блиставшая белая полоска, а к полудню всех нас охватил восторг: перед нашими взорами простиралась огромная заснеженная горная цепь, казалось, не имевшая конца. Словно часовой на посту, высилась она на краю великого и неведомого материка, охраняя таинственный мир застывшей Смерти. Несомненно, то были открытые Россом Горы Адмиралтейства, и, следовательно, нам предстояло, обогнув мыс Адэр, плыть вдоль восточного берега земли Виктории до места будущей базы на побережье залива Мак-Мердо, у подножья вулкана Эребус на $77^{\circ} 9'$ южной широты. Заключительный этап нашего пути был особенно впечатляющим и будоражил воображение. Величественные, полные тайны хребты скрывали от нас материк, а слабые лучи солнца, невысоко поднимавшегося над горизонтом даже в полдень, не говоря уж о полуночи, бросали розовый отблеск на белый снег, голубоватый лед, разводья между льдинами и на темные, торчащие из-под снега гранитные выступы скал. Вдали, среди одиноких вершин, буйствовал свирепый антарктический ветер; лишь ненадолго умирал он свои бешеные порывы; завывания его вызывали смутное представление о диких звуках свирели; они разносились далеко и в силу неких подсознательных мнемонических причин беспокоили и даже вселяли ужас. Все вокруг напоминало странные и тревожные азиатские пейзажи Николая Рериха, а также еще более невероятные и нарушающие душевный покой описания зловещего плоскогорья Ленг, которые дает безумный араб Абдула Альхазред в мрачном «Некрономиконе». Впоследствии я не раз пожалел, что, будучи студентом колледжа, заглядывал в эту чудовищную книгу.

7 ноября горная цепь на западе временно исчезла из поля нашего зрения; мы миновали остров Франклина, а на следующий день вдали, на фоне длинной цепи гор Перри, замаячили конусы вулканов Эребус и Террор на острове Росса¹. На востоке же белесой полосой протянулся огромный ледяной барьер толщиной не менее двухсот футов. Резко обрываясь, подобно отвесным скалам у берегов Квебека, он ясно говорил, что кораблям идти дальше нельзя. В полдень мы вошли в залив Мак-Мердо и встали на якорь у курящегося вулкана Эребус. Четкие очертания этого гиганта высотой 12700 футов напомнили мне японскую гравюру священной Фудзиямы; сразу же за ним призрачно белел потухший вулкан Террор, высота которого равнялась 10900 футам.

Эребус равномерно выпускал из своего чрева дым, и один из наших ассистентов, одаренный студент по фамилии Денфорт, обратил наше внимание, что на заснеженном склоне темнеет нечто, напоминающее лаву. Он также прибавил, что, по-видимому, именно эта гора, открытая в 1840 году, послужила источником вдохновения для По, который спустя семь лет написал:

Было сердце мое горячее,
Чем серы поток огневой,
Чем лавы поток огневой,
Бегущий с горы Эореи
Под ветра полярного вой,
Свергающийся с Эореи,

¹ Здесь и далее имеется в виду полуостров Росса.

Под бури арктической вой.²

Денфорт, большой любитель такого рода странной, эксцентрической литературы, мог говорить о По часами. Меня самого интересовал этот писатель, сделавший Антарктиду местом действия своего самого длинного произведения – волнующей и загадочной «Повести о приключениях Артура Гордона Пима».

А на голом побережье и на ледяном барьере вдали с шумным гоготанием бродили, переваливаясь и хлопая лапами, толпы нелепейших созданий – пингвинов. В воде плавало множество жирных чаек, поверхность медленно дрейфующих льдин была также усеяна ими.

Девятого числа, сразу после полуночи, мы с превеликим трудом добрались на крошечных лодчонках до острова Росса, таща за собой канаты, соединяющие нас с обоими кораблями; снаряжение и продовольствие доставили позже на плотках. Ступив на антарктическую землю, мы пережили чувства острые и сложные, несмотря на то что до нас здесь уже побывали Скотт и Шеклтон. Палаточный лагерь, разбитый нами прямо у подножия вулкана, был всего лишь временным пристанищем, центр же управления экспедицией оставался на «Аркхеме». Мы перевезли на берег все бурильные установки, а также собак, сани, палатки, продовольствие, канистры с бензином, экспериментальную установку по растапливанию льда, фотоаппараты, аэрокамеры, разобранные самолеты и прочее снаряжение, в том числе три миниатюрных радиоприемника – помимо тех, что помещались в самолетах. В какой бы части ледяного континента мы ни оказались, они помогли бы нам не терять связь с «Аркхемом». А с помощью мощного радиопередатчика на «Аркхеме» осуществлялась связь с внешним миром; сообщения о ходе работ регулярно посылались в «Аркхемскую газету», имевшую свою радиостанцию в Кингспорт-Хеде (штат Массачусетс). Мы надеялись завершить дела к исходу антарктического лета, а в случае неудачи перезимовать на «Аркхеме», послав «Мискатоник» домой заблаговременно – до того, как станет лед, – за свежим запасом продовольствия.

Не хочется повторять то, о чем писали все газеты, и рассказывать еще раз о штурме Эребуса; об удачных пробах, взятых в разных частях острова; о неизменной, благодаря изобретению Пибоди, скорости бурения, которая не снижалась даже при работе с очень твердыми породами; об удачных испытаниях устройства по растапливанию льда; об опаснейшем подъеме на ледяной барьер с санями и снаряжением и о сборке пяти самолетов в лагере на ледяной круче. Все члены нашей экспедиции – двадцать мужчин и пятьдесят пять ездовых собак – чувствовали себя превосходно, правда, до сих пор мы еще не испытывали лютого холода или ураганного ветра. Ртуть в термометре держалась на отметках 4–7° ниже нуля – морозы, к которым мы привыкли у себя в Новой Англии, где зимы бывают довольно суровыми. Лагерь на ледяном барьере был также промежуточным, там предполагалось хранить бензин, провизию, динамит и еще некоторые необходимые вещи.

Экспедиция могла рассчитывать только на четыре самолета, пятый оставался на базе под присмотром летчика и еще двух подручных и в случае пропажи остальных самолетов должен был доставить нас на «Аркхем». Позже, когда какой-нибудь самолет или даже два были свободны от перевозки аппаратуры, мы использовали их для связи: помимо этой основной базы у нас имелось еще одно временное пристанище на расстоянии шестисот-семисот миль – в южной части огромного плоскогорья, рядом с ледником Бирдмора. Несмотря на метели и жесточайшие ветры, постоянно дующие с плоскогорья, мы в целях экономии и эффективности работ отказались от промежуточных баз.

В радиосводках от 21 ноября сообщалось о нашем захватывающем беспосадочном полете в течение четырех часов над бескрайней ледяной равниной, окаймленной на западе горной

² Пер. К. Чуковского.

грядой. Рев мотора разрывал вековое безмолвие; ветер не мешал полету, а попав в туман, мы продолжили путь по радиокompасу.

Когда между 83 и 84° южной широты впереди замаячил некий массив, мы поняли, что достигли ледника Бирдмора, самого большого шельфового ледника в мире; ледяной покров моря сменяла здесь суша, горбатившаяся хребтами. Теперь мы окончательно вступали в сверкающее белизной мертвое безмолвие крайнего юга. Не успели мы это осознать, как вдали, на востоке, показалась гора Нансена, высота которой равняется почти 15000 футов. Удачная разбивка лагеря за ледником на 86° 7' южной широты и 174° 23' восточной долготы и невероятно быстрые успехи в бурильных и взрывных работах, проводившихся в нескольких местах, куда мы добирались на собаках или на самолетах, – все это успело стать достоянием истории, так же как и триумфальное восхождение Пибоди с двумя студентами, Гедни и Кэрролом, на гору Нансена, которое они совершили 13–15 декабря. Находясь на высоте 8500 футов над уровнем моря, мы путем пробного бурения обнаружили твердую почву уже на глубине двадцати футов и, прибегнув к установке Пибоди, растапливающей снег и лед, смогли добыть образцы пород там, где до нас не помыслил бы это сделать ни один исследователь. Полученные таким образом докембрийские граниты и песчаники подтвердили наше предположение, что у плато и большей, простирающейся к западу части континента одно происхождение, чего нельзя было сказать о районах, лежащих к юго-востоку от Южной Америки; они, по нашему разумению, составляли другой, меньший континент, отделенный от основного воображаемой линией, соединяющей моря Росса и Уэдделла. Впрочем, Бэрд никогда не соглашался с нашей теорией.

В некоторых образцах песчаников, которые после бурения и взрывных работ обрабатывались уже долотом, мы обнаружили крайне любопытные вкрапления органических остатков – окаменевшие папоротники, морские водоросли, трилобиты, криноиды и некоторых моллюсков – лингвелл и гастроподов, что представляло исключительный интерес для изучения первобытной истории континента. Встречались там и странного вида треугольные полосатые отпечатки, около фута в основании, которые Лейк собирал по частям из сланца, добытого на большой глубине в самой западной точке бурения, недалеко от гор Королевы Александры. Биолог Лейк посчитал полосатые вкрапления фактом необычным и наводящим на размышления; я же как геолог не нашел здесь ничего удивительного – такой эффект часто встречается в осадочных породах. Сланцы сами по себе – метаморфизированные образования, в них всегда есть спрессованные осадочные породы; под давлением они могут принимать самые невероятные формы – так что особых причин для недоумения я тут не видел.

6 января 1931 года Лейк, Пибоди, Дэниэлс, все шестеро студентов, четыре механика и я вылетели на двух самолетах в направлении Южного полюса, однако разыгравшийся не на шутку ветер, который, к счастью, не перерос в частый здесь свирепый ураган, заставил нас пойти на вынужденную посадку. Как писали газеты, это был один из наших разведывательных полетов, когда мы наносили на карту топографические особенности местности, где еще не побывал ни один исследователь Антарктиды. Предыдущие полеты оказались в этом отношении неудачными, хотя мы вдоволь налюбовались тогда призрачно-обманчивыми полярными миражами, о которых во время морского путешествия получили лишь слабое представление. Далекие горные хребты парили в воздухе как сказочные города, а белая пустыня под волшебными лучами низкого полнотного солнца часто обретала золотые, серебряные и алые краски страны грез, суля смельчаку невероятные приключения. В пасмурные дни полеты становились почти невозможны: земля и небо сливались в одно таинственное целое и разглядеть линию горизонта в этой снежной хмари было очень трудно.

Наконец мы приступили к выполнению нашего первоначального плана, готовясь перелететь на пятьсот миль к западу и разбить там еще один лагерь, который, как мы ошибочно полагали, будет находиться на другом малом континенте. Было интересно сравнить геологические

образцы обоих районов. Наше физическое состояние оставалось превосходным – сок лайма разнообразил наше питание, состоявшее из консервов и солонины, а умеренный холод позволял пока не кутаться. Лето было в самом разгаре, и, поспешив, мы могли закончить работу к марту и тем избежать долгой тяжелой зимовки в период антарктической ночи. На нас уже обрушилось несколько жестоких ураганов с запада, но урона мы не понесли благодаря изобретательности Этвуда, поставившего элементарные защитные устройства вокруг наших самолетов и укрепившего палатки. Нам фантастически везло.

В мире знали о нашей программе, а также об упрямой настойчивости, с которой Лейк требовал до переселения на новую базу совершить вылазку в западном, а точнее, в северо-западном направлении. Он много думал об этих странных треугольных вкраплениях, мысль о них не давала ему покоя; в результате ученый пришел к выводу, что их присутствие в сланцах противоречит природе вещей и не отвечает соответствующему геологическому периоду. Любопытство его было до крайности возбуждено, ему отчаянно хотелось возобновить буровые и взрывные работы в западном районе, где отыскиались эти треугольники. Он почему-то уверовал в то, что мы встретились со следами крупного, неизвестного науке организма, основательно продвинувшегося на пути эволюции, однако почему-то выпадающего из классификации. Странно, но горная порода, сохранившая их, относилась к глубокой древности – кембрийскому, а может, и докембрийскому периоду, что исключало возможность существования не только высокоразвитой, но и прочей жизни, кроме разве одноклеточных и трилобитов. Сланцам, в которых отыскивались странные следы, было от пятисот до тысячи миллионов лет.

II

Полагаю, читатели с неослабевающим вниманием следили за нашими сообщениями о продвижении группы Лейка на северо-запад, в края, куда не только не ступала нога человека, но о которых и помыслить-то раньше было невозможно. А какой бы поднялся переполох, упомяни мы о его надеждах на пересмотр целых разделов биологии и геологии! Его предварительная вылазка совместно с Пибоди и еще пятью членами экспедиции, длившаяся с 11 по 18 января, омрачилась гибелью двух собак при столкновении саней с оледеневшими каменными выступами. Однако бурение принесло Лейку дополнительные образцы архейских сланцев, и тут даже я заинтересовался явными и многочисленными свидетельствами присутствия органических остатков в этих древнейших пластах. Впрочем, то были следы крайне примитивных организмов – революции в науке подобное открытие не сделало бы, оно говорило лишь в пользу того, что низшие формы жизни существовали на Земле еще в докембрии. Поэтому я по-прежнему не видел смысла в требовании Лейка изменить наш первоначальный план, внося в него экспедицию на северо-запад, что потребовало бы участия всех четырех самолетов, большого количества людей и всех машин. И все же я не запретил эту экспедицию, хотя сам решил не участвовать в ней, несмотря на все уговоры Лейка. После отлета группы на базе остались только мы с Пибоди и еще пять человек; я тут же засел за подробную разработку маршрута восточной экспедиции. Еще раньше пришлось приостановить полеты самолета, начавшего перевозить бензин из лагеря у пролива Мак-Мердо. На базе остались только одни сани и девять собак: совсем без транспорта находиться в этом безлюдном крае вечной Смерти было неразумно.

Как известно, Лейк на своем пути в неведомое посылал с самолета коротковолновые сообщения, они принимались как нами, в южном лагере, так и на «Аркхеме», стоявшем на якоре в заливе Мак-Мердо, откуда передавались дальше всему миру – на волне около пятидесяти метров. Экспедиция стартовала в четыре часа утра 22 января, а первое послание мы получили уже два часа спустя. В нем Лейк извещал нас, что они приземлились в трехстах милях от базы и тотчас приступают к бурению. Через шесть часов поступило второе, очень взволнованное сообщение: после напряженной работы им удалось пробурить узкую скважину и подорвать породу; наградой стали куски сланцев – на них обнаружили те же отпечатки, из-за которых и заварился весь этот сыр-бор.

Через три часа мы получили очередную краткую сводку: экспедиция возобновила полет в условиях сильного ветра. На мой приказ не рисковать Лейк резко возразил, что новые находки оправдают любой риск. Я понимал, что он потерял голову и взбунтовался – дальнейшая судьба всей экспедиции находилась теперь под угрозой. Оставалось только ждать, и я со страхом представлял себе, как мои товарищи стремительно движутся в глубь коварного и зловещего белого безмолвия, готового обрушить на них свирепые ураганы, озадачить непостижимыми тайнами и простирающегося на полторы тысячи миль – вплоть до малоизученного побережья Земли Королевы Мери и Берега Нокса.

Затем часа через полтора поступило еще одно, крайне эмоциональное послание прямо с самолета, оно почти изменило мое отношение к экспедиции Лейка и заставило пожалеть о своем неучастии:

«22.05. С борта самолета. После снежной бури впереди показались горы необычайной величины. Возможно, не уступают Гималаям, особенно если принять во внимание высоту самого плато. Наши координаты: примерно 76° 15' южной широты и 113° 10' восточной долготы. Горы застилают весь горизонт. Кажется, вижу два курящихся конуса. Вершины все черные – снега на них нет. Резкий ветер осложняет полет».

После этого сообщения все мы, затаив дыхание, застыли у радиоприемника. При мысли о гигантских горных хребтах, возвышающихся неприступной крепостью в семистах милях от

нашего лагеря, у нас перехватило дыхание. В нас проснулся дух первопроходцев, и мы от души радовались, что наши товарищи, пусть без нас, совершили такое важное открытие. Через полчаса Лейк снова вышел на связь:

«Самолет Мултона совершил вынужденную посадку у подножия гор. Никто не пострадал, думаем сами устранить повреждения. Все необходимое перенесем на остальные три самолета – независимо от того, полетим дальше или вернемся на базу. Теперь нет нужды путешествовать с грузом. Невозможно представить себе величие этих гор. Сейчас налегке полечу на разведку в самолете Кэррола.

Вам трудно вообразить себе здешний пейзаж. Самые высокие вершины вздымаются ввысь более чем на тридцать пять тысяч футов. У Эвереста нет никаких шансов. Этвуд остается на земле – будет определять с помощью теодолита высоту местности, а мы с Кэрролом немного летаем. Возможно, я ошибся относительно конусов, потому что формация выглядит слоистой. Должно быть, докембрийские сланцы с вкраплением других пластов. На фоне неба прочерчены странные конфигурации – на самых высоких вершинах как бы лепятся правильные секции каких-то кубов. В золотисто-алых лучах заходящего солнца все это выглядит очень впечатляюще – будто приоткрылась дверь в сказочный, чудесный мир. Или – ты дремлешь, и тебе снится таинственная, диковинная страна. Жаль, что вас здесь нет – хотелось бы услышать ваше мнение».

Хотя была глубокая ночь, ни один из нас не подумал идти спать. Должно быть, то же самое происходило на базе в заливе и на «Аркхеме», где также приняли это сообщение. Капитан Дуглас сам вышел в эфир, поздравив всех с важным открытием, к нему присоединился Шерман, радист с базы. Мы, конечно, сожалели о поломке самолета, но надеялись, что ее легко устранить. И вот в двадцать три часа мы опять услышали Лейка:

«Летим с Кэрролом над горами. Погода не позволяет штурмовать самые высокие вершины, но это можно будет сделать позже. Трудно и страшно подниматься на такую высоту, но игра стоит свеч. Горная цепь тянется сплошным массивом – никакого проблеска с другой стороны. Некоторые вершины превосходят самые высокие пики Гималаев и выглядят очень необычно. Хребты состоят из докембрийских сланцевых пород, но в них явно угадываются пласты другого происхождения. Насчет вулканов я ошибся. Конца этим горам не видно. Выше двадцати одной тысячи футов снега нет».

«На склоне высоких гор странные образования. Массивные, низкие глыбы с отвесными боковыми стенками; четкие прямые углы делают их похожими на стены крепостного вала. Невольно вспоминаешь картины Рериха, где древние азиатские дворцы лепятся по склонам гор. Издали это смотрится потрясающе. Когда мы подлетели ближе, Кэрролу показалось, что глыбы состоят из более мелких частей, но, видимо, это оптическая иллюзия – просто края искрошились и обточились, и немудрено – сколько бурь и прочих превратностей климата пришлось им вынести за миллионы лет».

«Некоторые слои, особенно верхние, выглядят более светлыми, чем другие, и, следовательно, природа их кристаллическая. С близкого расстояния видно множество пещер или впадин, некоторые необычайно правильной формы – квадратные или полукруглые. Надо обязательно осмотреть их. На одном пике видел что-то наподобие арки. Высота его приблизительно от тридцати до тридцати пяти тысяч футов. Да я и сам нахожусь сейчас на высоте двадцати одной тысячи пятисот футов – здесь жуткий холод, продрог до костей. Ветер завывает и свищет вовсю, гуляет по пещерам, но для самолета реальной опасности не представляет».

Еще с полчаса Лейк разжигал наше любопытство своими рассказами, а потом поделился намерением покорить эти вершины. Я заверил его, что составлю ему компанию, пусть прилетит за мной самолет. Только прежде нам с Пибоди нужно решить, как лучше распорядиться бензином и где сосредоточить его основной запас в связи с изменением маршрута. Теперь, учитывая буровые работы Лейка и частую аэроразведку, большая масса горючего должна храниться

на новой базе, он предполагал разбить ее у подножия гор. Полет же в восточном направлении откладывался – во всяком случае, до будущего года. Я вызвал по радиации капитана Дугласа и попросил его переслать нам как можно больше бензина с той единственной упряжкой, которая оставалась в заливе. Нам предстояло пуститься в путь через неисследованные земли между базой в заливе Мак-Мердо и стоянкой Лейка.

Позднее на связь вышел Лейк и сообщил, что решил разбить лагерь на месте поломки самолета Мултона, где уже вовсю шел ремонт. Ледяной покров там очень тонкий, в некоторых местах даже чернеет грунт, так что Лейк сможет проводить буровые и взрывные работы, не совершая вылазки на санях и не карабкаясь в горы. Его окружает зрелище неопишущей красоты, продолжал он, но ему как-то не по себе у подножия этих гигантов, высящихся плотной стеной и вспарывающих пиками небо. По расчетам Этвуда, высота пяти главных вершин колеблется от тридцати до тридцати четырех тысяч футов. Лейка явно беспокоило, что местность не защищена от ветра: можно ожидать любой метели, от которых нас пока Бог миловал. Лагерь находился на расстоянии немногим более пяти миль от подножия высочайших гор. В пробившемся сквозь ледяную пустыню голосе Лейка я уловил подсознательное беспокойство, очень уж он призывал нас поторопиться и как можно скорее составить представление об этом таинственном уголке Антарктики. Сам он наконец собрался отдохнуть после этого безумного дня, беспрецедентного по нагрузкам и полученным результатам.

Утром Лейк, Дуглас и я провели одновременно переговоры с наших так далеко отстоящих друг от друга баз и договорились, что один из самолетов Лейка доставит к нему в лагерь Пибоди, меня и еще пятерых членов экспедиции, а также столько горючего, сколько сможет поднять. Вопрос об остальном топливе оставался открытым и зависел от того, какое мы примем решение относительно восточной экспедиции. Сошлись на том, чтобы подождать с этим несколько дней – у Лейка пока хватало горючего и на нужды лагеря, и на бурение. Хорошо было бы пополнить запасы и южной базы, хотя в том случае, если экспедиция на восток откладывалась, база будет пустовать до следующего лета. Лейку вменили в обязанность послать самолет с заданием проложить трассу от открытых им гор до залива Мак-Мердо.

Пибоди и я готовились к закрытию базы на более или менее длительный срок. Даже если будет принято решение зимовать в Антарктике, мы, возвращаясь на «Аркхем», сюда не завернем. Несколько палаток были уже укреплены кубами плотного снега, и теперь мы решили довершить начатое. У Лейка на новой базе палаток хватало – в чем-чем, а в этом недостатка не было, так что везти их с собой не представлялось разумным. Я послал радиogramму, что уже через сутки мы с Пибоди готовы вылететь на новое место.

Однако после четырех часов, когда мы получили взволнованное и неожиданное послание от Лейка, деятельность наша несколько затормозилась. Рабочий день его начался неудачно: обзорный полет показал, что в ближайших свободных от снега скалах полностью отсутствуют столь нужные ему древние архейские пласты, коих было великое множество на вершинах хребтов, манящих и дразнящих его воображение. Большинство скал состояло из юрских и команчских песчаников, а также из пермских и триасовых кристаллических сланцев, в которых поблескивала темная обнаженная порода – по виду каменный уголь. Это не могло не разочаровать Лейка, который надеялся напасть здесь на древнейшие – старше пятисот миллионов лет – породы. Он понимал, что архейские пласты, где ему впервые повстречались странные отпечатки, залегают на крутых склонах гигантских гор, к которым следовало еще добираться на санях.

Тем не менее Лейк решил в интересах дела начать буровые работы и, установив буровую машину, поручил пятерым членам экспедиции управляться с нею; остальные тем временем обустроивали лагерь и занимались ремонтом самолета. Для работ выбрали место в четверти мили от базы, где горная порода казалась не очень твердой. Песчаник здесь бурился отлично – почти обошлись без сопутствующих взрывных работ. Через три часа после первого основа-

тельного взрыва раздались возбужденные крики бурильщиков, и руководитель работ, молодой человек по фамилии Гедни, прибежал в лагерь с потрясающим известием.

Они наткнулись на пещеру. После начала бурения песчаник быстро сменился известняком, полным мельчайших органических отложений – цефалоподов, кораллов, морских ежей и спириферид; изредка попадалось нечто напоминающее губки и позвонки рыб – скорее всего, из отрядов телеостов, акул и ганоидов. Это была уже сама по себе важная находка: первый раз в наши руки попадали органические остатки позвоночных, но когда вскоре после этого буровая коронка, пройдя очередной пласт, вышла в пустоту, бурильщиков охватил двойной восторг. Заложили динамит, и последовавший взрыв приоткрыл завесу над подземной тайной: сквозь зияющее неровное отверстие – пять на пять футов – жадным взорам людей предстала впадина в известняке, размытом более пятидесяти миллионов лет назад медленно сочившимися грунтовыми водами этого некогда тропического мира.

Пещерка была не глубже семи-восьми футов, зато разветвлялась во всех направлениях и, судя по гулявшему в ней ветру, составляла лишь одно звено в целой подземной системе, верх и низ которой были густо усеяны крупными сталактитами и сталагмитами, некоторые – столбчатой структуры. Но что важнее всего, тут были россыпи раковин и костей, кое-где они просто забивали проходы. Это костное месиво, вынесенное потоком из неведомых зарослей мезозойских древесных папоротников и грибов, лесов третичной системы с веерными пальмами и примитивными цветковыми растениями, содержало в себе останки такого множества представителей животного мира – мелового, эоценового и прочих периодов, что даже величайшему палеонтологу потребовалось бы больше года на опись и классификацию этого богатства. Моллюски, ракообразные, рыбы, амфибии, рептилии, птицы и низшие млекопитающие – крупные и мелкие, известные и не известные науке. Немудрено, что Гедни бросился сломя голову к лагерю, после чего все, побросав работу, помчались, несмотря на лютый мороз, туда, где буровая вышка указывала на местонахождение только что найденной дверцы в тайны земного прошлого и канувших в вечность тысячелетий.

Слегка утолив свое любопытство ученого, Лейк нацарапал в блокноте короткую информацию о событиях и отправил молодого Мултона в лагерь с просьбой послать сообщение в эфир. Так я впервые услышал об этом удивительном открытии – о найденных раковинах, костях ганоидов и плакодерм, останках лабиринтодонтов и текодонтов, черепных костях и позвонках динозавра, кусках панциря броненосца, зубах и крыльях птеродактиля, останках археоптерикса, зубах миоценовых акул, костях первобытных птиц, а также обнаруженных останках древнейших млекопитающих – палеотерий, ксифодонтов, эогиппусов, ореодонтов и титанофонеусов. Останки позднейших видов, вроде мастодонтов, слонов, верблюдов или быков, отсутствовали, и потому Лейк определил возраст пласта и содержащихся в нем окаменелостей довольно точно – не менее тридцати миллионов лет, причем самые последние отложения приходились на олигоцен.

С другой стороны, преобладание следов древнейших организмов просто поражало. Хотя известняковая формация по всем признакам, в том числе и вкрапленным органическим останкам, относилась к команчскому периоду и никак не к более раннему, в разбросанных по пещере костях узнавались останки организмов, обычно относимых к значительно более древнему времени, – рудиментарных рыб, моллюсков и кораллов, распространенных в силурийском и ордовикском периодах. Вывод напрашивался сам собой: в этой части Земли существовали организмы, жившие как триста, так и тридцать миллионов лет тому назад. Продолжалось ли это мирное сосуществование на антарктических землях и дальше – после того, как во времена олигоцена пещеру наглухо завалило? Это оставалось загадкой. Во всяком случае, начало материковых оледенений в период плейстоцена пятьсот тысяч лет назад – ничтожная цифра по сравнению с возрастом этой пещеры – наверняка убило все ранние формы жизни, которые каким-то чудом здесь удержались.

Лейк не успокоился, послав нам первую сводку, а тут же накатал еще одно донесение и отправил его в лагерь, не дождавшись возвращения Мултона. Тот так и остался сидеть в одном из самолетов у передатчика, диктуя мне – и разумеется, радисту «Арххема», который держал связь с внешним миром, – серию посланий Лейка. Те из читателей, кто следил за газетными публикациями, несомненно, помнят, какой ажиотаж вызвали они в научном мире. Именно они побудили снарядить экспедицию Старкуэтера-Мура, которая вот-вот отправится в путь, если мне не удастся отговорить ее энтузиастов от безумного плана. Приведу эти послания дословно, как записал их наш радист Мактай, – так будет вернее.

«Во время бурения Фаулер обнаружил необычайно ценные свидетельства в песчаных и известняковых пластах – отчетливые треугольные отпечатки, подобные тем, что мы видели в архейском сланце. Значит, этот вид просуществовал шестьсот миллионов лет – вплоть до команчского периода, не претерпев значительных морфологических изменений и лишь слегка уменьшившись в объеме. Команчские отпечатки сохранились хуже древних. Прессе следует подчеркнуть исключительную важность открытия. Для биологии оно не менее ценно, чем для физики и математики – теории Эйнштейна. И полностью подкрепляет выводы, к которым я пришел за годы работы».

«Открытие доказывает, как я и подозревал, что на Земле сменилось несколько циклов органической жизни, помимо того, известного всем, что начался с археозойской клетки. Еще тысячу миллионов лет назад юная планета, считавшаяся непригодной для любых форм жизни и даже для обычной протоплазмы, была уже обитаема. Встает вопрос: когда и каким образом началась эволюция?»

«Некоторое время спустя. Разглядывая скелетные кости крупных наземных и морских ящеров и древних млекопитающих, нашел отдельные следы увечий, которые не могло нанести ни одно из известных науке хищных или плотоядных животных. Увечья эти двух типов: от колотых и резаных ран. В одном или даже двух случаях кости кажутся аккуратно отрубленными. Но в общем повреждено не так уж много экземпляров. Послал в лагерь за электрическими фонариками. Хочу расширить границы пещеры, обрубив часть сталактитов».

«Еще немного спустя. Нашел любопытный мыльный камень длиной около шести дюймов и шириной полтора. Очень отличается от местных пород – зеленоватый; непонятно, к какому периоду его отнести. Удивительно гладкий, правильной формы. Напоминает пятиконечную звезду с отломанными краями и с насечками во внутренних углах и в центре. Небольшое плавное углубление посередине. Интересно, каково его происхождение и как он приобрел столь удивительную форму? Возможно, действие воды. Кэррол надеется с помощью линзы уточнить его геологические особенности. На нем правильные узоры из крошечных точек. Все время, пока мы изучали камень, собаки непрерывно лаяли. Кажется, он им ненавистен. Нужно проверить, нет ли у него особого запаха. Следующее сообщение отправлю после прихода Миллза с фонарями, когда мы продвинемся по пещере дальше».

«22.15. Важное открытие. Оррендорф и Уоткинс, работая при свете фонарей под землей, наткнулись на устрашающего вида экземпляр – нечто бочкообразное, непонятного происхождения. Может, растительного? Разросшиеся морские водоросли? Ткань сохранилась, очевидно, под действием пропитавших ее минеральных солей. Прочная, как кожа, местами удивительно гибкая. По бокам и концам – следы разрывов. Длина находки – шесть футов, ширина – три с половиной; можно накинуть на каждый размер, учитывая потери, еще по футу. Похоже на бочонок, а в тех местах, где обычно клепки, – набухшие вертикальные складки. Боковые обрывы – видимо, более тонких стеблей – проходят как раз посередине. В бороздах между складками – любопытные отростки, что-то вроде гребешков или крыльев; они складываются и раскрываются, как веер. Все отростки в плохом состоянии, сильно попорчены, кроме одного, он равняется почти семи футам. Видом странная особь напоминает чудовищ из первобытной мифологии, в особенности легендарных Старцев из «Некрономикона»».

«Крылья этой твари перепончатые, остов их трубчатый. На концах каждой секции видны крошечные отверстия. Поверхность ссохлась, и потому непонятно, что находится внутри и что оторвалось. Нужно будет, вернувшись на базу, тут же вскрыть этот таинственный организм. Пока не могу решить – растение это или животное? Многие говорят в пользу того, что неизвестный организм относится к древнейшему времени. В это трудно поверить. Заставил всех обрубить сталактиты и искать другие экземпляры, подобные этому. Нашли еще несколько костей с глубокими зарубками, но с этим можно подождать. Не знаю, что делать с собаками. Они будто взбесились, остервенело лают на находку и наверняка разорвали бы ее на куски, не удерживай мы их на расстоянии силой».

«23.30. Всем, всем – Дайеру, Пибоди, Дугласу. Дело, можно сказать, чрезвычайной важности. Пусть «Аркхем» тут же свяжется с радиостанцией Кингспорта. Отпечатки в архейском сланце принадлежат именно этому бочкообразному «растению». Миллз, Будро и Фаулер нашли и других подобных особей – целых тринадцать штук – в сорока футах от скважины. Они лежали вперемешку с обломками тех гладких, причудливой формы мыльных камней: все камни – меньше предыдущих, тоже звездчатые, но без отбитых концов, разве только покрестились немного».

«Из этих органических особей восемь сохранились превосходно, целы все отростки. Все экземпляры извлекли из пещеры, предварительно отведя подальше собак. Те их просто не выносят, так и заливаются истошным лаем. Прослушайте внимательно точное описание нашей находки и для верности повторите. В газетах оно должно появиться предельно точным.

Длина каждого экземпляра – восемь футов. Само бочкообразное, пятискладочное тело равняется шести футам в длину и трем с половиной – в ширину. Ширина указывается в центральной части, диаметр же оснований – один фут. Все особи темно-серого цвета, хорошо гнутся и необычайно прочные. Семифутовые перепончатые «крылья» того же цвета, найденные сложенными, идут из борозд между складками. Они более светлого цвета, остов трубчатый, на концах имеются небольшие отверстия. В раскрытом состоянии – по краям зубчатые. В центре тела, на каждой из пяти вертикальных, похожих на клепки складок, – светло-серые гибкие лапы-щупальца. Обвернутые в настоящий момент вокруг тела, они способны в деятельном состоянии дотягиваться до предметов на расстоянии трех футов – как примитивная морская лилия с ветвящимися лучами. Отдельные щупальца у основания – трех дюймов в диаметре, через шесть дюймов они членятся на пять щупалец, каждое из которых еще через восемь дюймов разветвляется на столько же тонких, сужающихся к концу щупалец-усиков – так что на каждой «грозди» их оказывается по двадцать пять.

Венчает торс светло-серая, раздутая, как от жабр, «шея», на которой сидит желтая пятиконечная, похожая на морскую звезду «головка», поросшая жесткими разноцветными волосиками длиной в три дюйма.

Гибкие желтоватые трубочки длиной три дюйма свисают с каждого из пяти концов массивной (около двух футов в окружности) головки. В самом центре ее – узкая щель, возможно, начальная часть дыхательных путей. На конце каждой трубочки сферическое утолщение, затянутое желтой пленкой, под которой скрывается стекловидный шарик с радужной оболочкой красного цвета – очевидно, глаз.

Из внутренних углов головки тянутся еще пять красноватых трубочек, несколько длиннее первых, они заканчиваются своего рода мешочками, которые при нажиме раскрываются, и по краям круглых отверстий, диаметром два дюйма, хорошо видны острые выступы белого цвета, наподобие зубов. По-видимому, это рот. Все эти трубочки, волосики и пять концов головки аккуратно сложены и прижаты к раздутой шее и торсу. Гибкость тканей при такой прочности – удивительная.

В нижней части туловища находится грубая копия головки, но с другими функциями. На светло-серой раздутой лжешее отсутствует подобие жабр, она сразу переходит в зеленоватое пятиконечное утолщение, тоже напоминающее морскую звезду.

Внизу также находятся прочные мускулистые щупальца длиной около четырех футов. У самого туловища ширина их в диаметре составляет семь дюймов, но к концу они утончаются, достигая не более двух с половиной дюймов, и переходят в зеленоватую треугольную перепончатую «лапку» с пятью фалангами. Длина ее – восемь дюймов, ширина у «запястья» – шесть. Это лапа, плавник или нога – словом, то, что оставило свой след на камне от тысячи до пятидесяти-шестидесяти миллионов лет назад.

Из внутренних углов пятиконечного нижнего утолщения также тянутся двухфутовые красноватые трубочки, ширина которых колеблется от трех дюймов у основания до одного – на конце. Заканчиваются они отверстиями. Трубочки необычайно плотные и прочные и при этом удивительно гибкие.

Четырехфутовые щупальца с лапками, несомненно, служили для передвижения – по суше или в воде. Похоже, очень мускулистые. В настоящее время все эти отростки плотно обвиты вокруг лжешей и низа туловища – точно так же, как и в верхней части.

Не совсем уверен, к растительному или животному миру отнести это существо, но скорее все же к животному. Может быть, это невероятно продвинутая на пути эволюции морская звезда, не утратившая, однако, и некоторых признаков примитивного организма. Свойства семейства иглокожих налицо, хотя кое-что явно не согласуется.

При том что морское происхождение в высшей степени вероятно, озадачивает наличие «крыла» (хотя оно могло помогать при передвижении в воде), а также симметричное расположение отдельных частей, более свойственное растениям с их вертикальной постановкой, в отличие от горизонтальной – у животных. Эта тварь находится у истоков эволюции, предшествуя даже простейшим архейским одноклеточным организмам; это сбивает с толку, когда задумываешься о происхождении таинственной находки.

Неповрежденные особи так напоминают некоторых существ из древней мифологии, что нельзя не предположить, что когда-то они обитали вне Антарктики. Дайер и Пибоди читали «Некрономикон», видели жуткие рисунки вдохновленного им Кларка Эштона Смита и потому понимают меня, когда я говорю о Старцах – тех, которые якобы породили жизнь на Земле не то шутки ради, не то по ошибке. Ученые всегда считали, что прообраз этих Старцев – древняя тропическая морская звезда, фантастически преображенная болезненным сознанием. Вроде чудовищ из доисторического фольклора, о которых писал Уилмарт. Вспоминается культ Ктулху...

Материал для изучения огромный. Судя по всему, геологические пласты относятся к позднему мелу или к раннему эоцену. Над ними нависают массивные сталактиты. Отколоть их стоит большого труда, но именно такая высокая прочность препятствовала разрушению. Удивительно, как хорошо все здесь сохранилось – очевидно, благодаря близости известняка. Других интересных находок пока нет – возобновим поиски позже. Главное теперь – переправить четырнадцать крупных экземпляров на базу и уберечь их от собак, которые уже хрипят от лая. Держать животных вблизи находок нельзя ни в коем случае.

Оставив трех человек стеречь собак, мы вдвоем без труда перевезем драгоценные экземпляры на трех санях, хотя ветер сильный. Нужно сразу же наладить воздушное сообщение с базой у залива и заняться транспортировкой находок на корабль. Перед сном препарирую одну из особей. Жаль, нет здесь настоящей лаборатории. Дайеру должно быть стыдно, что он возражал против экспедиции на запад. Сначала открыли высочайшие в мире горы, а теперь вот и это. Думаю, наши находки сделали бы честь любой экспедиции. Если это не так, значит, я ничего не смыслю. Сделан большой вклад в науку. Спасибо Пибоди за его устройство, оно нам

очень помогло при бурении, иначе мы не проникли бы в пещеру. А теперь вы, на «Аркхеме», повторите дословно описание найденных особей».

Трудно передать наши с Пибоди чувства после получения этой радиограммы. Ликовали и все наши спутники. Мактай торопливо переводил на английский звуки, монотонно доносившиеся из принимающего устройства. Как только радист Лейка закончил диктовку, Мактай аккуратно переписал все донесение. Все мы понимали, что это открытие знаменует переворот в науке, и я сразу же после того, как радист с «Аркхема» повторил описание находок, поздравил Лейка. К этим поздравлениям присоединились Шерман, глава базы в заливе Мак-Мердо, и капитан Дуглас от имени команды «Аркхема». Позже я как научный руководитель экспедиции сказал несколько слов, комментируя это открытие. Радист «Аркхема» должен был донести мои слова до мировой общественности. О сне, естественно, никто и подумать не мог. Все находились в состоянии крайнего возбуждения, а моим единственным желанием было как можно скорее оказаться в лагере Лейка. Меня очень расстроило его известие, что ветер в горах усиливается, делая воздушное сообщение на какое-то время невозможным.

Но через полтора часа мое разочарование вновь сменилось жгучим интересом. Лейк в новых донесениях рассказывал, как все четырнадцать экземпляров благополучно доставили в лагерь. Путешествие оказалось нелегким – находки оказались на удивление тяжелы: девять человек едва справились с этим грузом. Для собак пришлось городить на безопасном от базы расстоянии укрытие из снега. Предполагалось, что там их будут держать и кормить. Все найденные экземпляры разложили на плотном снегу рядом с палатками, кроме того, который Лейк отобрал для предварительного вскрытия.

Препарирование оказалось делом не столь легким, как могло на первый взгляд показаться. Несмотря на жар, шедший от газелиновой горелки в наскоро оборудованной под лабораторию палатке, обманчиво гибкая ткань выбранной, хорошо сохранившейся и мускулистой особи нисколько не утратила своей удивительной плотности. Лейк ломал голову, как сделать необходимые надрезы и одновременно не нарушить внутренней целостности организма. Конечно, он располагал еще семью абсолютно не поврежденными особями, но ему не хотелось кромсать их без крайней надобности, не зная, обнаружатся ли в пещере другие. В конце концов Лейк решил не вскрывать этот экземпляр, а, убрав его, занялся тем, у которого хоть и сохранились звездчатые утолщения на концах, но были повреждения и разрывы вдоль одной из складок туловища.

Результаты, о которых тут же сообщили по радио, поражали и настораживали. Говорить об особой тщательности и аккуратности вскрытия не приходилось – инструменты с трудом резали необычную ткань, но даже то небольшое, чего удалось достичь, приводило в недоумение и внушало благоговейный страх. Вся биология подлежала теперь пересмотру: эта ткань не имела клеточного строения. Однако организм принадлежал явно к органическому миру, и, несмотря на солидный возраст – около сорока миллионов лет, – его внутренние органы сохранились в идеальном виде. Одним из свойств этой неизвестной формы жизни была неразрушаемая временем, необычайно плотная кожа, созданная природой в процессе эволюции беспозвоночных на некоем неведомом нам этапе. Когда Лейк приступил к вскрытию, влага в организме отсутствовала, но постепенно, под влиянием тепла, у неповрежденной стороны тела собралось немного жидкости с резким, отталкивающим запахом. Густую темно-зеленую жижу трудно было назвать кровью, хотя она, очевидно, выполняла ее функции. К тому времени все тридцать семь собак уже находились в загоне – не обустроенном, однако, до конца, – но даже оттуда доносился их свирепый лай. С распространением едкого запаха он еще более усилился.

Словом, предварительное вскрытие не только не внесло ясности, но, напротив, напустило еще больше туману. Предположения о назначении внешних органов неизвестной особи оказались правильными, и, видимо, были все основания считать ее принадлежащей к животному

миру, однако обследование внутренних органов дало много свидетельств близости к растениям, и Лейк окончательно растерялся. Таинственный организм имел системы пищеварения и кровообращения, а также выбрасывал продукты отходов через красноватые трубки у звездчатого основания. На первый взгляд органы дыхания потребляли кислород, а не углекислый газ; внутри обнаружили также специальные камеры, где задерживался воздух; вскоре стало понятно, что кислородный обмен осуществляли еще и жабры, а также поры кожи. Следовательно, Лейк имел дело с амфибией, которая могла прожить долгое время без поступления кислорода. Голосовые связки находились, видимо, в непосредственной связи с системой дыхания, но имели такие отклонения от нормы, что делать окончательные выводы не стоило. Отчетливая, артикулированная речь вряд ли была возможна, но издавать трубные звуки разной высоты эта тварь вполне могла. Мускулатура была развита даже чрезмерно.

Но особенно обескуражила Лейка невероятно сложная и высокоразвитая нервная система. Будучи в некоторых отношениях чрезвычайно примитивной и архаичной, эта тварь имела систему ганглиев и нервных волокон, свойственных высокоразвитому организму. Состоящий из пяти главных отделов мозг был удивительно развит, наличествовали и признаки органов чувств. К ним относились и жесткие волоски на головке, хотя полностью уяснить их функцию не удавалось – ничего похожего у других земных существ не имелось. Возможно, у твари было больше, чем пять чувств: Лейк с трудом представлял себе ее поведение и образ жизни, исходя из известных стереотипов. Он полагал, что встретился с высокочувствительным организмом, выполнявшим в первобытном мире специализированные функции, вроде наших муравьев и пчел.

Размножалась тварь как бессемянные растения – ближе всего к папоротникообразным: на кончиках крыльев у нее образовывались споры – происхождение ее явно прослеживалось от талломных растений и проталлиев.

Причислить ее куда-либо было невозможно. Хотя внешне тварь выглядела как морская звезда, но являлась несравненно более высоким организмом. Обладая признаками растения, она на три четверти принадлежала к животному миру. О ее морском происхождении говорили симметричные очертания и прочие признаки, однако далее она развивалась в других направлениях. В конце концов, у нее выросли крылья, значит, не исключено, что эволюция оторвала ее от земли. Когда успела она проделать весь этот сложный путь развития и оставить свои следы на архейских камнях, если Земля в те далекие годы была совсем молодой планетой? Это невозможно уразуметь. Замечтавшийся Лейк припомнил древние мифы о Старцах, прилетевших с далекой звезды и шутки ради, а то и по ошибке сотворивших здесь жизнь, припомнил он и фантастические рассказы друга-фольклориста из Мискатоникского университета о живущих в горах тварях родом из космоса.

Лейк, конечно, подумывал и о том, не могло ли на докембрийском камне оставить следы существо более примитивное, чем лежащая перед ним особь, но быстро отказался от такого легкого объяснения. Те следы говорили скорее о более высокой организации. Размеры лженоги у позднейшей особи уменьшились, да и вообще форма и строение как-то огрубели и упростились. Более того, нервные волокна и органы вскрываемого существа указывали на то, что имела место регрессия. Преобладали, к удивлению Лейка, атрофированные и рудиментарные органы. Во всяком случае, для окончательных выводов не доставало информации, и тогда Лейк вновь обратился к мифологии, назвав в шутку найденных тварей Старцами.

В половине третьего ночи, решив на время прекратить работу и немного отдохнуть, Лейк, накрыв рассеченную особь брезентом, вышел из палатки и с новым интересом стал изучать неповрежденные экземпляры. Под лучами незаходящего антарктического солнца они несколько обмякли, углы головок и две или три трубочки немного распрямились, но Лейк не увидел в этом никакой опасности, полагая, что процесс распада не может идти быстро при минусовой температуре. Однако он сдвинул цельные экземпляры ближе друг к другу и набро-

сил на них свободную палатку, чтобы предохранить трофеи от прямых солнечных лучей. Это к тому же умеряло неприятный едкий запах, который необычайно возбуждал собак. Они чуяли его даже на значительном расстоянии: за ледяными стенами, которые росли все выше и выше, – над воздвижением этого снежного убежища теперь трудилось вдвое больше человек. Со стороны могучих гор подул сильный ветер, там, видимо, зарождалась буря, и Лейк для верности придавил углы палатки тяжелыми льдинами. Зная, насколько свирепыми бывают внезапные антарктические ураганы, все под руководством Этвуда продолжили начатую ранее работу по укреплению снегом палаток, загона для собак и сооруженных на скорую руку укрытий для самолетов. Лейка особенно тревожили недостаточно высокие снежные стены этих укрытий, возводившихся в свободную минуту, от случая к случаю, и он наконец бросил всю рабочую силу на решение этой важнейшей задачи.

После четырех часов Лейк дал радиоотбой, посоветовав нам отправляться спать; его группа, хорошо поработав, тоже немного отдохнет. Он перемолвился несколькими теплыми словами с Пибоди, еще раз поблагодарив того за удивительное изобретение, без которого им вряд ли удалось бы совершить открытие. Этвуд тоже дружески попрощался с нами. Я еще раз поздравил Лейку, признав, что он был прав, стремясь на запад. Мы договорились о новой встрече в эфире в десять утра. Если ветер утихнет, Лейк пошлет за нами самолет. Перед сном я отправил последнюю сводку на «Аркхем», попросив с большой осторожностью передавать в эфир информацию о сенсациях дня. Слишком все невероятно! Нам могли не поверить, нужны доказательства.

III

В ту ночь никто из нас не мог заснуть крепким сном, все мы поминутно просыпались. Возбуждение было слишком велико, а тут еще ветер бушевал с неимоверной силой. Его свирепые порывы заставляли нас задумываться, каково же там, на базе Лейка, у подножья бесконечных неведомых хребтов, в самой колыбели жестокого урагана. В десять часов Мактай был уже на ногах и попытался связаться по радию с Лейком, но помешали атмосферные условия. Однако нам удалось поговорить с «Аркхемом», и Дуглас сказал мне, что также не смог вызвать Лейка на связь. Об урагане он узнал от меня – в районе залива Мак-Мердо было тихо, хотя в это верилось с трудом.

Весь день мы провели у приемника, прислушиваясь к малейшему шуму и потрескиванию в эфире, и время от времени тщетно пытались связаться с базой. Около полудня с запада налетел шквал, порывы безумной силы испугали нас – не снесло бы лагерь. Постепенно ветер утих, лишь около двух часов возобновился на непродолжительное время. После трех он окончательно утомился, и мы с удвоенной энергией стали искать Лейка в эфире. Зная, что у него в распоряжении четыре радиофицированных самолета, мы не допускали мысли, что все великолепные передатчики могут разом выйти из строя. Однако нам никто не отвечал, и, понимая, какой бешеной силы мог там достигать шквалистый ветер, мы строили самые ужасные догадки.

К шести часам вечера страх наш достиг апогея, и, посоветовавшись по радио с Дугласом и Торфинсеном, я решил действовать. Пятый самолет, оставленный нами в заливе Мак-Мердо на попечение Шермана и двух матросов, находился в полной готовности, оснащенный для таких вот крайних ситуаций. По всему было видно, что момент наступил. Вызвав по радио Шермана, я приказал ему срочно вылететь ко мне, взяв обоих матросов: условия для полета стали к этому времени вполне благоприятными. Мы обговорили состав поисковой группы и решили в конце концов отправиться все вместе, захватив также сани и собак. Огромный самолет, сконструированный по нашему специальному заказу для перевозки тяжелого машинного оборудования, позволял это сделать. Готовясь к полету, я не прекращал попыток связаться с Лейком, но безуспешно.

Шерман вместе с матросами Гунарссоном и Ларсеном взлетели в половине восьмого и несколько раз за время полета информировали нас, как обстоят дела. Все шло хорошо. Они достигли нашей базы в полночь, и мы тут же приступили к совещанию, решая, как действовать дальше. Было довольно рискованно лететь всем в одном самолете над ледяным материком, не имея промежуточных баз, но никто не спасовал. Это был единственный выход. Загрузив часть необходимого в самолет, мы около двух часов ночи легли отдохнуть, но уже спустя четыре часа снова были на ногах, заканчивая паковать и укладывать вещи.

И вот 5 января в 7 часов 15 минут утра начался наш полет на север в самолете, который вел пилот Мактай. Кроме него в самолете находились еще десять человек, семь собак, сани, горючее, запас продовольствия, а также прочие необходимые вещи, в том числе и рация. Погода стояла безветренная, небо было чистым, температура для этих мест – не слишком низкой, так что особых трудностей не предвиделось. Мы были уверены, что с помощью указанных Лейком координат легко отыщем лагерь. Но дурные предчувствия нас не покидали: что обнаружим мы у цели? Ведь радио по-прежнему молчало, никто не отвечал на наши постоянные вызовы.

Каждый момент этого четырехчасового полета навсегда врезался в мою память: он изменил всю мою жизнь. Именно тогда, в 54-летнем возрасте, я навсегда утратил мир и покой, присущий человеку с нормальным рассудком и живущему в согласии с природой и ее законами. С этого времени мы – все десятеро, но особенно мы с Денфортом – неотрывно следили за фантомами, таящимися в глубинах этого чудовищного искаженного мира, и ничто не заставит нас

позабить его. Мы не стали бы рассказывать, будь это возможно, о наших переживаниях всему человечеству. Газеты напечатали бюллетени, посланные нами с борта самолета, в которых сообщалось о нашем беспосадочном перелете; о встрече в верхних слоях атмосферы с предательскими порывами ветра; об увиденной с высоты шахте, которую Лейк пробурил три дня назад на полпути к горам, а также о загадочных снежных цилиндрах, замеченных ранее Амундсеном и Бэрдом, – ветер гнал их по бескрайней ледяной равнине. Затем наступил момент, когда мы не могли адекватно передавать охватившие нас чувства, а потом пришел и такой, когда мы стали строго контролировать свои слова, введя своего рода цензуру.

Первым завидел впереди зубчатую линию таинственных кратеров и вершин матрос Ларсен. Он так завопил, что все бросились к иллюминаторам. Несмотря на значительную скорость самолета, горы, казалось, совсем не приближались; это говорило о том, что они бесконечно далеки и видны только из-за своей невероятной, непостижимой высоты. И все же постепенно они мрачно вырастали перед нами, застилая западную часть неба, и мы уже могли рассмотреть голые, лишенные растительности и не защищенные от ветра темные вершины. Нас понижывало непередаваемое ощущение чуда, переживаемое при виде этих залитых розоватым антарктическим светом громад на фоне облаков ледяной пыли, переливающейся всеми цветами радуги.

Эта картина рождала чувство близости к некоей глубочайшей тайне, которая могла вдруг раскрыться перед нами. За безжизненными жуткими хребтами, казалось, таились пугающие пучины подсознательного, некие бездны, где смешались время, пространство и другие, неведомые человечеству измерения. Эти горы представлялись мне вместилищем зла – хребтами безумия, дальние склоны которых обрывались, уходя в пропасть, за которой ничего не было. Полупрозрачная дымка облаков, окутывающая вершины, как бы намекала на начинающиеся за ними бескрайние просторы, на затаенный и непостижимый мир вечной Смерти – далекий, пустынный и скорбный.

Юный Денфорт обратил наше внимание на любопытную закономерность в очертаниях горных вершин – казалось, к ним прилепились какие-то кубики; об этом упоминал и Лейк в своих донесениях, удачно сравнивая их с призрачными руинами первобытных храмов в горах Азии, которые так таинственно и странно смотрятся на полотнах Рериха. Действительно, в нездешнем виде этого континента с его загадочными горами было нечто рериховское. Впервые я почувствовал это в октябре, завидев издали Землю Виктории, теперь прежнее чувство ожило с новой силой. В сознании всплывали древние мифические образы, беспокоящие и будоражащие. Как напоминало это мертвое пространство злое плато Ленг, упоминаемое в старинных рукописях! Ученые посчитали, что оно находилось в Центральной Азии, но родовая память человечества или его предшественников уходит в глубины веков, и многие легенды, несомненно, зарождались в землях, горах и мрачных храмах, существовавших в те времена, когда не было еще самой Азии да и самого человека, каким мы его себе сейчас представляем. Некоторые особенно дерзкие мистики намекали, что дошедшие до нас отрывки Пнакотических рукописей созданы до плейстоцена, и предполагали, что последователи Цатогуа не являлись людьми, так же как и сам Цатогуа. Но где бы и в какое время ни существовал Ленг, это было не то место, куда бы я хотел попасть, не радовала меня и мысль о близости к земле, породившей странных, принадлежавших непонятно к какому миру чудовищ – тех, о которых упоминал Лейк. Как сожалел я в эти минуты, что некогда взял в руки отвратительный «Некрономикон» и подолгу беседовал в университете с фольклористом Уилмартом, большим эрудитом, но крайне неприятным человеком.

Это настроение не могло не усилить мое и без того неприязненное отношение к причудливым миражам, рожденным на наших глазах изменчивой игрой света, в то время как мы приближались к хребтам и уже различали холмистую местность предгорий. За прошедшие недели я видел не одну дюжину полярных миражей, и некоторые не уступали нынешнему в

жутком ирреальном правдоподобию. Но в этом, последнем, было что-то новое, какая-то потаенная угроза, и я содрогался при виде поднимающегося навстречу бесконечного лабиринта из фантастических стен, башен и минаретов, сотканных из снежной пыли.

Казалось, перед нами раскинулся гигантский город, построенный по законам неведомой человечеству архитектуры, где пропорции темных как ночь конструкций говорили о чудовищном надругательстве над основами геометрии. Усеченные конусы с зазубренными краями увенчивались цилиндрическими колоннами, кое-где вздутыми и прикрытыми тончайшими зубчатыми дисками; с ними соседствовали странные плоские фигуры, как бы составленные из множества прямоугольных плит, или из круглых пластин, или пятиконечных звезд, перекрывавших друг друга. Там были также составные конусы и пирамиды, некоторые переходили в цилиндры, кубы или усеченные конусы и пирамиды, а иногда даже в остроконечные шпили, сбитые в отдельные группки – по пять в каждой. Все эти отдельные композиции, как бы порожденные бредом, соединялись воедино на головокружительной высоте трубчатыми мостиками. Зрелище подавляло и ужасало своими гигантскими размерами. Миражи такого типа не являлись чем-то совершенно новым: нечто подобное в 1820 году наблюдал и даже делал зарисовки полярный китобой Скорсби, но время и место усугубляли впечатление: глядя на неведомые горы, возвышавшиеся темной стеной впереди, мы не забывали, какие странные открытия совершили здесь наши друзья, а также не исключали, что с ними, то есть с большей частью нашей экспедиции, могло приключиться несчастье. Естественно, что в мираже нам чудились потаенные угроза и беспредельное зло.

Когда мираж начал расплываться, я не мог не почувствовать облегчения, хотя в процессе исчезновения все эти зловещие башенки и конусы принимали на какое-то время еще более отвратительные, неприемлемые для человека формы. Когда мираж растаял, превратившись в легкую дымку, мы снова обратили свой взор к земле и поняли, что наш полет близится к концу. Горы взмывали ввысь на головокружительную высоту, словно крепость неких гигантов, а их удивительная геометрическая правильность улавливалась теперь с поразительной четкостью простым, не вооруженным биноклем глазом. Мы летели над самым предгорьем и различали среди льда, снежных наносов и открытой земли два темных пятна – по-видимому, лагерь Лейка и место бурения. Еще один подъем начинался примерно через пять-шесть миль, образуя нижнюю гряду холмов, оттеняющих грозный вид пиков, превосходящих самые высокие вершины Гималаев. Наконец Роупс, студент, сменивший Мактая у штурвала самолета, начал снижение, направляя машину к левому большому «пятну», где, как мы считали, располагалась база. Мактай же тем временем послал в эфир последнее, еще не подвергнувшееся нашей цензуре послание миру.

Не сомневаюсь, что все читали краткие, скупые бюллетени о ходе наших поисковых работ. Через несколько часов после посадки мы в осторожных выражениях сообщили о гибели всей группы Лейка от пронесшегося здесь прошлым днем или ночью урагана. Были найдены трупы десяти человек, не могли отыскать лишь тело молодого Гедни. Нам простили отсутствие подробностей, объяснив его шоком от трагедии, и поверили, что все одиннадцать трупов невозможно перевезти на корабль из-за множества увечий, причиненных ураганным ветром. Я горжусь тем, что даже в самые страшные минуты, обескураженные и потрясенные, с перехваченным от жуткого зрелища дыханием, мы все же нашли в себе силы не сказать всей правды. Мы недоговаривали самого главного, я и теперь не стал бы ворошить прошлое, если бы не возникла необходимость предупредить смельчаков о предстоящих им кошмарных встречах.

Ураган действительно произвел бесчисленные разрушения. Трудно сказать, удалось бы людям выжить, не будь еще одного вмешательства в их судьбы. Вряд ли. На нашу экспедицию еще не обрушивался такой жестокий ураган, который бы в ярости швырял и крошил ледяные глыбы. Один ангар – все здесь не очень-то подготовили к подобным стихийным бедствиям – был просто стерт в порошок, а буровая вышка разнесена вдребезги. Открытые металлические

части самолетов и буровой техники ледяной вихрь отполировал до ослепительного блеска, а две небольшие палатки, несмотря на высокие снежные укрепления, валялись, распластанные на снегу. С деревянного покрытия буровой установки полностью сошла вся краска, от ледяной крошки оно было сплошь выщерблено. К тому же ветер замел все следы. Мы также не нашли ни одного цельного экземпляра древнего организма – с собой увезти нам было нечего. В беспорядочной куче разных обломков нашлось несколько любопытных камней, среди них диковинные пятиконечные кусочки зеленого мыльного камня с еле заметными точечными узорами, ставшими предметом споров и разных толкований, а также некоторое количество органических остатков, в том числе и кости со странными повреждениями.

Ни одна собака не выжила; почти полностью разрушилось и спешно возведенное для них снежное убежище. Это можно было приписать действию урагана, хотя с подветренной стороны укрытия остались следы разлома, – возможно, обезумевшие от страха животные вырвались наружу сами. Все трое саней исчезли; мы объяснили пропажу тем, что бешеный вихрь унес их в неизвестном направлении. Буровая машина и устройство по растапливанию льда совсем вышли из строя, о починке не могло быть и речи, мы просто спихнули их в яму – «ворота в прошлое», как называл ее Лейк. Оставили мы в лагере и два самолета, больше других пострадавших при урагане, тем более что теперь у нас было только четыре пилота – Шерман, Денфорт, Мактай и Роупс, причем перед отлетом Денфорт пребывал в состоянии такого тяжелого нервного расстройства, что допускать его к пилотированию ни в коем случае не следовало. Все, что мы смогли отыскать – книги, приборы и прочее снаряжение, – тоже загрузили в самолет. Запасные палатки и меховые вещи либо пропали, либо находились в негодном состоянии.

Около четырех часов дня, совершив облет местности на небольшой высоте в надежде отыскать Гедни и убедившись, что он бесследно исчез, мы послали на «Аркхем» осторожное, обдуманное сообщение. Полагаю, благодаря нашим стараниям оно получилось спокойным и достаточно обтекаемым, поскольку все сошло как нельзя лучше. Подробнее всего мы рассказали о волнениях наших собак при приближении к загадочным находкам, чего и следовало ожидать после донесений бедняги Лейка. Однако, помнится, не упомянули, что они приходили в такое же возбуждение, обнюхивая странные зеленоватые камни и некоторые другие предметы среди всеобщего развала в лагере и на месте бурения: приборы, самолеты, машины были разворочены, отдельные детали сорваны яростным ветром – казалось, и ему не чуждо было любопытство.

О четырнадцати неведомых тварях мы высказались очень туманно. И это простительно. Сообщили, что на месте оказались только поврежденные экземпляры, но и их хватило, чтобы признать описание бедняги Лейка абсолютно точным. Было нелегко скрывать наши истинные эмоции по этому поводу, а также не называть точных цифр и не упоминать, где мы обнаружили вышеназванные экземпляры. Между собой мы уже договорились ни словом не намекать на охватившее, по-видимому, группу Лейка безумие. А чем еще, как не безумием, можно было объяснить захоронение шести поврежденных тварей – в стоячем положении, в снегу, под пятиугольными ледяными плитами с нанесенными на них точечными узорами, точь-в-точь повторяющими узоры на удивительных зеленоватых мыльных камнях, извлеченных из мезозойских или третичных пластов. А восемь цельных экземпляров, о которых упоминал Лейк, сгинули бесследно.

Мы с Денфортом постарались также не будоражить общественное мнение, сказав лишь несколько общих слов о жутком полете над горами, который предприняли на следующее утро. С самого начала было ясно, что одолеть эти высоченные горы сможет только почти пустой самолет, поэтому на разведку полетели лишь мы двое, что спасло других от немислимых испытаний. Когда мы в час ночи вернулись на базу, Денфорт был на грани истерики, но кое-как держал себя в руках. Я легко убедил его никому не показывать наши записи и рисунки, а также прочие вещи, которые мы попрятали в карманы, и повторять всем только то, что мы решили

сделать достоянием общественности. И еще – подальше упрятать пленки и проявить их позже, в полном уединении. Так что мой рассказ явится неожиданностью не только для мировой общественности, но и для бывших тогда вместе с нами участников экспедиции – Пибоди, Мактая, Роупса, Шермана и других. Денфорт оказался еще большим молчуном, чем я: он видел или думает, что видел, нечто такое, о чем не говорит даже мне.

Как известно, в своем отчете мы упоминали о трудном взлете; затем подтвердили предположение Лейка, что высочайшие вершины состоят из сланцевых и прочих древних пород и окончательно сформировались к середине команчского периода; еще раз упомянули о прилепившихся к склонам кубических фигурах необычно правильной формы, напоминающих крепостные стены; сообщили, что, судя по виду расщелин, здесь имеются и вкрапления известняка; предположили, что некоторые склоны и перешейки вполне преодолимы для альпинистов, если штурмовать их в подходящий сезон, и, наконец, объявили, что по другую сторону загадочных гор раскинулось поистине безграничное плато столь же древнего происхождения, как и сами горы, – высотой около двадцати тысяч футов над уровнем моря, с поверхностью, изрезанной скальными образованиями, проступающими под ледяной коркой, – оно плавно повышается, подходя к вертикально взмывающей, высочайшей в мире горной цепи.

Эта информация в точности соответствовала действительности и вполне удовлетворила всех на базе. Наше шестнадцатичасовое отсутствие – гораздо большее, чем того требовали полет, посадка, беглая разведка и сбор геологических образцов, – мы объяснили изрядно потрепавшим нас встречным ветром, честно признавшись, что совершили вынужденную посадку на дальнем плато. К счастью, рассказ наш выглядел вполне правдиво и достаточно прозаично: никому не пришло в голову последовать нашему примеру и совершить еще один разведывательный полет. Впрочем, всякий, кто надумал бы полететь, встретился бы с решительным сопротивлением с моей стороны, не говоря уж о Денфорте. Пока мы отсутствовали, Пибоди, Шерман, Роупс, Мактай и Уильямсон работали как каторжные, восстанавливая два лучших самолета Лейка, система управления которых была повреждена каким-то непостижимым образом.

Мы решили загрузить самолеты уже на следующее утро и немедленно вылететь на нашу прежнюю базу. Конечно, это был основательный крюк на пути к заливу Мак-Мердо, но прямой перелет через неведомые просторы мертвого континента мог быть чреват новыми неожиданностями. Продолжение исследований не представлялось возможным из-за трагической гибели наших товарищей и поломки буровой установки. Испытанный ужас и неразрешимые сомнения, которыми мы не делились с внешним миром, заставили нас покинуть этот унылый край, где, казалось, навеки воцарилось безумие.

Как известно, наше возвращение на родину прошло благополучно. Уже к вечеру следующего дня, а именно 27 января, мы, совершив быстрый беспосадочный перелет, оказались на базе, а 28-го переправились в лагерь у залива Мак-Мердо, сделав только одну кратковременную остановку из-за бешеного ветра, несколько сбившего нас с курса. А еще через пять дней «Аркхем» и «Мискатоник» с людьми и оборудованием на борту, разламывая ледяную корку, вышли в море Росса, оставив с западной стороны Землю Виктории и насмешливо ощерившиеся нам вслед громады гор на фоне темного грозового неба. Порывы и стоны ветра преображались в горах в странные трубные звуки, от которых у меня замирало сердце. Не прошло и двух недель, как мы окончательно вышли из полярных вод, вырвавшись наконец из плена этого проклятого, наводненного призраками царства, где жизнь и смерть, пространство и время вступили в дьявольский противоестественный союз задолго до того, как жизнь запульсировала на еще не остывшей земной коре.

Вернувшись, мы сделали все, дабы предотвратить дальнейшее изучение антарктического континента, дружно держа язык за зубами относительно побуждающих нас к тому причин и никого не посвящая в наши мучительные сомнения и догадки. Даже молодой Денфорт, пере-

несший тяжелый нервный срыв, молчал, ни слова не сказав своему лечащему врачу, а ведь, как я уже говорил, было нечто такое, что, по его разумению, только он один и видел. Со мной Денфорт тоже как воды в рот набрал, хотя тут уж, полагаю, откровенность пошла бы ему на пользу. Его признание могло бы многое объяснить, если, конечно, все это не было лишь галлюцинацией, последствием перенесенного шока. К такому выводу я пришел, слыша от него в редкие моменты, когда он терял над собой контроль, отдельные бессвязные вещи, которые он, обретая вновь равновесие, горячо отрицал.

Нам стоило большого труда сдерживать энтузиазм смельчаков, стремившихся увидеть воочию громадный белый континент, тем более что некоторые наши усилия, напротив, сыграли роль рекламы и принесли обратный результат. Мы забыли, что человеческое любопытство неистребимо: опубликованные отчеты о нашей экспедиции побуждали и других к поискам неведомого. Натуралисты и палеонтологи живо заинтересовались сообщениями Лейка об обнаруженных им древних существах, хотя мы проявили мудрость и нигде не демонстрировали ни привезенные с собой части захороненных особей, ни их фотографии. Утаили также и кости с наиболее впечатляющими глубокими рубцами, и зеленоватые мыльные камни, а мы с Денфортом скрывали от посторонних глаз фотографии и зарисовки, сделанные нами по другую сторону хребтов; оставаясь одни, мы разглаживали смятые бумаги, в страхе их рассматривали и вновь прятали подальше.

И вот теперь полным ходом идет подготовка к экспедиции Старкуэтера-Мура, и она, несомненно, будет гораздо оснащенной нашей. Если сейчас не отговорить энтузиастов, они проникнут в самое сердце Антарктики, будут растапливать лед и бурить почву до тех пор, пока не извлекут из глубин нечто такое, что, как мы поняли, может погубить человечество. Поэтому я снимаю с себя обет молчания и расскажу все, что знаю, – в том числе и об этой жуткой неведомой твари по другую сторону Хребтов Безумия.

IV

Мне трудно вернуться даже мысленно в лагерь Лейка, я делаю это с большой неохотой, но надо наконец откровенно рассказать, что же мы в действительности увидели там, а потом и далее – за Хребтами Безумия. Ловлю себя на постоянном искушении – хочется опускать детали, не делать четких выводов, говорить не прямо, а намеками. Думаю, я и так уже многое сказал, теперь нужно только заполнить лакуны. Главное – ужас, который охватил нас в лагере. Я уже рассказывал о сокрушенных ветром скалах, развороченных укрытиях, приведенных в негодность машинах, странном беспокойстве собак, пропавших санях, смерти наших людей и собак, исчезновении Гедни, шести ненормально захороненных тварях, обладавших необычно плотным строением ткани, особенно если учесть, что они пролежали сорок миллионов лет в земле. Не помню, упоминал ли я о том, что мы недосчитались одного собачьего трупа. Скоро все позабыли об этом, кроме меня и Денфорта.

Основное, что я стремился утаить, касалось вида трупов и еще нескольких деликатных вещей, которые, возможно, могли приоткрыть ужасную завесу тайны и дать объяснение, казалось бы, бессвязным и непостижимым событиям. Сразу после трагедии я как мог старался отвлечь внимание своих товарищей от всех этих несоответствий – было проще, да и естественней, приписать все стихийной вспышке безумия в лагере Лейка. Эти чертовы горы могли хоть кого свести с ума, особенно здесь – в самом таинственном и пустынном месте на Земле.

Вид трупов, и человеческих и собачьих, приводил в недоумение. Казалось, они погибли в борьбе, защищаясь от дьявольски жестокого нападения неведомых врагов, искалечивших и искромсавших их тела. Насколько мы могли судить, все они были либо задушены, либо разорваны на куски. Началось все, очевидно, с собак, вырвавшихся из ненадежного загончика, который пришлось городить на некотором расстоянии от лагеря из-за патологической неприязни животных к загадочным древним организмам. Однако все предосторожности оказались тщетными. Оставшись одни, они при первых яростных порывах ураганного ветра разнесли это хилое убежище – то ли их испугал ветер, то ли растревожил источаемый кошмарными тварями едкий запах.

Но так или иначе, а зрелище было премерзким. Придется мне превозмочь отвращение и брезгливость и открыть наконец самое худшее, при этом заявив категорически, что сгинувший Гедни ни в коем случае не повинен в чудовищном злодеянии. Это наше с Денфортом глубокое убеждение, обоснованное на фактах и законах дедукции. Я уже говорил о том, что трупы были страшно изуродованы. Добавлю, что у некоторых вспороли животы и вытащили внутренности. В изощренной жестокости поступка было нечто нечеловеческое. Так обошлись не только с людьми, но и с собаками. С расчетливостью мясника у самых крупных и здоровых двуногих и четвероногих существ вырезали основательные куски плоти. Рассыпанная вокруг соль, похищенная из продуктовых запасов, хранившихся на самолетах, наводила на страшные подозрения. Весь этот кошмар мы обнаружили в одном из временных ангаров – самолет из него был, по-видимому, перед тем вытащен. Ни одно разумное объяснение этой трагедии не приходило на ум, тем более что пронесшийся ветер, возможно, уничтожил следы, которые могли бы пролить свет на загадку. Не вносили ясность и найденные клочки одежды, грубо сорванной с человеческих тел. Правда, в одном углу, менее других пострадавшем от урагана, мы увидели на снегу слабые отпечатки, но то были совсем не человеческие следы – скорее уж они напоминали те доисторические отпечатки, о которых так много говорил в последнее время бедняга Лейк. Впрочем, вблизи этих мрачных Хребтов Безумия всякое могло померещиться.

Как я уже говорил, вскоре выяснилось, что Гедни и одна из собак бесследно пропали. В убежище, где разыгралась жуткая трагедия, мы недосчитались двух человек и двух собак, но когда, осмотрев чудовищные могилы, перешли в чудом сохранившуюся палатку, где Лейк про-

водил вскрытие, кое-что прояснилось. Здесь мы обнаружили перемены: внутренности доисторической твари исчезли с импровизированного стола. Все сопоставив, мы пришли к выводу, что одной из столь ненормально погребенных шести тварей, той, от которой шел особенно невыносимый запах, была как раз препарированная Лейком особь. На лабораторном столе и вокруг него теперь лежало нечто иное, и нам не понадобилось много времени, чтобы понять: то были неумело рассеченные трупы – мужчины и собаки. Щадя чувства родственников, я не назову имя несчастного. Инструменты Лейка пропали, но остались следы того, что их пытались стерилизовать. Газолиновая горелка также исчезла, а рядом с местом, где она стояла, валялась куча обгоревших спичек. Мы захоронили нашего расчлененного товарища вместе с десятью другими трупами, а останки несчастной собаки – с тридцатью пятью погибшими животными. Что касается непонятных пятен на лабораторном столе и на валявшихся рядом иллюстрированных книгах, то здесь мы терялись в догадках, не зная, что и подумать.

Собственно, самое страшное я уже поведал, но настораживали и другие вещи. Мы не могли объяснить исчезновения Гедни, собаки, восьми цельных найденных Лейком организмов, трех саней, инструментов, многих иллюстрированных научных книг и книг по технике, записей и отчетов, электрических фонариков и батареек, пищи и горючего, нагревательных приборов, запасных палаток, меховых курток и прочих вещей. Приводили в недоумение и расплывшиеся пятна на книжных листах, и характер поломок в авиационной и бурильной технике – словно из-за неумелого обращения. Собаки, казалось, питали нескрываемое отвращение к этим испорченным машинам. В месте, где хранилась провизия, также царил полный беспорядок, некоторые продукты питания отсутствовали вовсе; неприятно поражало и множество сваленных в кучу консервных банок, вскрытых кое-как и совсем не в тех местах, которые для этого предназначались. Осталось загадкой и то, зачем понадобилось разбрасывать повсюду спички – использованные, поломанные, а то и совсем целые; приводили также в недоумение странные разрывы на двух или трех палатках и меховых куртках – будто их неумело приспособляли для каких-то непонятных целей. Полное пренебрежение к трупам людей и собак, в то время как останки древних тварей были похоронены, хоть и весьма странным образом, тоже вписывалось в картину повального безумия. На всякий случай мы тщательно сфотографировали эти наглядные признаки охватившего лагерь помешательства и теперь обязательно предъявим их, чтобы предотвратить отправку экспедиции Старкуэтера-Мура.

Обнаружив в укрытии растерзанные тела людей, мы затем сфотографировали и разрыли ряд диковинных могил – пятиконечных снежных холмиков. Нам сразу же бросилось в глаза сходство странных композиций из точек, нанесенных на ледяные плиты поверх этих жутких могил, с узорами на чудных зеленых камнях, о которых говорил бедняга Лейк. Когда же мы выискали эти камни среди прочих минералов, то еще раз убедились, что он был прав. Тут нужно внести ясность: камни неприятнейшим образом напоминали звездчатые головы древних тварей, и мы все согласились, что это сходство могло сыграть роковую роль, подействовав на возбужденное воображение смертельно уставших людей Лейка.

Сумасшествие – вот единственное объяснение, которое приходило на ум, во всяком случае, единственное, которое произносилось вслух. Гедни находился под особым подозрением – ведь только он мог остаться в живых. Впрочем, я не настолько наивен, чтобы не предположить, что у каждого из нас были другие объяснения случившегося, но они казались нам слишком уж фантастическими, и здравый смысл удерживал нас от попыток четко их сформулировать. Днем Шерман, Пибоди и Мактай совершили продолжительный полет над окрестностями, тщетно пытаясь отыскать следы Гедни или что-нибудь из пропавших вещей. Вернувшись, они сообщили, что гигантские горы, похоже, тянутся бесконечно далеко и вправо, и влево, не снижаясь и сохраняя единую структуру. На некоторых пиках правильные кубы и нечто напоминавшее крепостные валы вырисовывались четче, чем на прочих, усиливая сходство с изображенными на картинах Рериха руинами в горах Азии. Что касается загадочных отверстий – возможных

входов в пещеры, то они распределялись довольно равномерно на свободных от снега темных вершинах.

Несмотря на ниспосланные тяжелые испытания, в нас не угасала научная любознательность и томил один и тот же вопрос: что же таится там, за таинственными горными хребтами? В полночь, после кошмарного дня, полного неразрешимых загадок, мы сообщили по радио, избегая подробностей, что хотим наконец отдохнуть. На следующее утро было намечено совершить один или несколько разведывательных полетов через хребты – налегке, прихватив с собой только геологические инструменты и аэрокамеру. Первыми готовились лететь мы с Денфортом, поэтому в семь утра были уже на ногах, но из-за сильного ветра полет пришлось перенести на девять, о чем мы опять-таки поведали в краткой сводке по радио.

Я уже не раз повторял ту неопределенно-уклончивую информацию, которой, вернувшись спустя шестнадцать часов, мы поделились со своими оставшимися в лагере товарищами, а также с остальными, ждущими наших сообщений вдалеке. Теперь же должен выполнить свой тягостный долг и заполнить наконец оставленные мной из чувства человеколюбия лакуны, рассказав хотя бы часть того, что увидели мы в действительности по другую сторону адских хребтов и что привело Денфорта к последующему нервному срыву. Хотелось, чтобы и Денфорт чистосердечно поведал о том, что, по его убеждению, он видел (хотя не исключена возможность галлюцинации) и что, допускаю, и привело его к настоящему жалкому состоянию. Но он отказался наотрез. Могу лишь воспроизвести на бумаге его бессвязный лепет по поводу зрелища, из-за которого он непрерывно вопил в течение всего обратного полета, когда нас болтал разыгравшийся не на шутку ветер. Впрочем, и остального, увиденного нами вместе, хватило бы, чтобы свести кого угодно с ума. Об этом я сейчас и поведаю. Если рассказ о доживших до нашего времени жутких монстрах, на который я решился, чтобы удержать безумцев от путешествия в центральную часть Антарктики или хотя бы от желания проникнуть в недра этого бескрайнего материка, полного неразгаданных тайн и несущего печать векового проклятия пустынных просторов, в которых нет ничего человеческого, если этот рассказ не остановит их – ну что ж, тогда, по крайней мере, я не буду в ответе за чудовищные и непредсказуемые последствия.

Изучив записи, сделанные Пибоди во время его дневного полета, и сверив их с показаниями секстанта, мы с Денфортом вычислили, что самое подходящее место для перелета через горы находится правее лагеря, высота хребта там минимальная – двадцать три или двадцать четыре тысячи футов над уровнем моря. Все же мы полностью разгрузили самолет. Лагерь наш находился в предгорьях, достигавших и так приблизительно двенадцати тысяч футов, поэтому фактически нам нужно было подняться не на такую уж большую высоту. Тем не менее, взлетев, мы остро почувствовали нехватку воздуха и мучительный холод: из-за плохой видимости пришлось оставить иллюминаторы открытыми. Вряд ли стоит говорить о том, что мы натянули на себя из одежды все, что смогли.

Приближаясь к мрачным вершинам, грозно темневшим над снежной линией, отделявшей обнаженную породу от вечных льдов, мы замечали все большее количество прилепившихся к горным склонам геометрически правильных конструкций и в очередной раз вспоминали загадочные картины Николая Рериха из его азиатской серии. Вид выветрившихся древних пород полностью соответствовал описаниям Лейка: скорее всего, эти гиганты точно так же высились здесь и в исключительно давние времена – более пятидесяти миллионов лет назад. Гадать, насколько выше они были тогда, представлялось бессмысленным, хотя по всем приметам некие особые атмосферные условия в этом таинственном районе препятствовали переменам, сдерживая обычный процесс разрушения горных пород.

Волновали и дразнили наше воображение скорее уж все эти правильной формы кубы, пещеры и крепостные валы. Денфорт вел самолет, а я рассматривал их в бинокль, то и дело щелкая аэрокамерой и иногда замещая у руля своего товарища, чтобы дать и ему возможность

полюбоваться в бинокль на все эти диковины. Впрочем, ненадолго, ибо мое искусство пилотирования оставляло желать лучшего. Мы уже поняли, что странные композиции состояли по большей части из легкого архейского кварцита, которого больше нигде вокруг не было, а удивительная равномерность их чередования пугала и настораживала нас, как и беднягу Лейка.

Все прочее, сказанное им, тоже оказалось правдой: края этих каменных фигур за долгие годы искрошились и закруглились, но исключительная прочность камня помогла ему выстоять. Нижние, примыкающие к склону части кубов казались схожими с породами хребтов. Все вместе это напоминало развалины Мачу-Пикчу³ в Андах или крепостные стены Киша⁴, обнаруженные археологической экспедицией Оксфордского музея под открытым небом. Нам с Денфортом несколько раз почудилось, что все эти конструкции состоят из отдельных гигантских глыб, то же самое померещилось и Кэрролу, сопровождавшему Лейка в полете. Какое объяснение можно дать этому, я не понимал и чувствовал себя как геолог посрамленным.

Вулканические породы часто принимают необычные формы, стоит вспомнить хотя бы знаменитую Дорогу Великанов в Ирландии, но здесь-то, несмотря на первоначальное предположение Лейка о наличии в горной цепи вулканов, было нечто другое.

Необычные пещеры, рядом с которыми группировались эти диковинные каменные образования, казались не меньшей загадкой – слишком уж правильной формы были отверстия. Чаще всего они представляли собой квадрат или полукруг (что соответствовало сообщению Лейка), как если бы чья-то волшебная рука придала этим естественным входам более законченную симметричную форму. Их насчитывалось на удивление много; видимо, весь известняковый слой был здесь пронизан подземными туннелями. Хотя недра пещер оставались недоступными для наших биноклей, но у самого их входа мы кое-что могли рассмотреть, но не заметили там ни сталактитов, ни сталагмитов. Горная поверхность вблизи пещер была необычно ровной и гладкой, а Денфорту чудилось, что небольшие трещины и углубления складывались в непонятный узор. Немудрено, что после пережитых в лагере потрясений узор этот смутно напомнил ему странный точечный рисунок на зеленоватых камнях, воспроизведенный безумцами на кошмарных ледяных надгробиях шести чудовищных тварей.

Мы медленно набирали высоту, готовясь перелететь через горы в том месте, которое казалось относительно ниже остального хребта. Время от времени поглядывая вниз, мы прикидывали, смогли бы покорить это ледовое пространство, если бы у нас было не новейшее снаряжение, а то, что применялось раньше. К нашему удивлению, подъем не отличался особой крутизной; встречались, конечно, расселины и прочие трудные места, но все же сани Скотта, Шеклтона или Амундсена, без сомнения, прошли бы здесь. Ледники подступали к открытым всем ветрам перевалам – оказавшись над нашим, мы убедились, что и он не был исключением.

Трудно описать волнение, с которым мы ожидали встречи с неведомым миром по другую сторону хребтов, хотя не было никаких оснований полагать, что он существенно отличается от остального континента. Но какая-то мрачная, гнетущая тайна чудилась в этих горах, в манящей переливчатой глубине неба между вершинами – это ощущение невозможно передать на бумаге, оно слишком неопределенно и зыбко. Дело здесь, видимо, заключалось в эстетических ассоциациях, в налете психологического символизма, вспоминались экзотическая поэзия и живопись, в подсознании всплывали древние миры из потаенных книг. Даже в завываниях ветра слышалась некая злобная воля; порой нам казалось, что этот вой сопровождается какой-то дикой музыкой – то ли свистом, то ли трубными звуками, – так случалось, когда ветер забирался в многочисленные гулкие пещеры. Звуки эти вызывали у нас какое-то неосознанное отвращение – сложное, необъяснимое чувство, которое возникает, когда сталкиваешься с чем-то порочным.

³ Мачу-Пикчу – город-крепость инков XIV–XV вв.

⁴ Киш – центр одного из древнейших месопотамских государств (XXVIII в. до н. э.).

Мы немного снизили высоту и теперь летели, согласно показаниям анероида, на высоте 23570 футов – район вечных снегов остался внизу. Выше нас чернели только голые скалистые вершины, облепленные загадочными кубами и крепостными валами и продырявленные поющими пещерами, – все это создавало ощущение чего-то ненатурального, фантастического, иллюзорного; отсюда начинали свой путь и остроконечные ледники. Вглядываясь в высоченные пики, я, кажется, видел тот, упомянутый несчастным Лейком, на вершине которого ему померещился крепостной вал. Пик этот был почти полностью затянут особым антарктическим туманом – Лейк принял его за признаки вулканической активности. А перед нами лежал перевал, и ветер, завывая, проносился меж его неровных и мрачно наслупленных каменных стен. Дальше простиралось небо, по нему, освещенному низким полярным солнцем, ползли кудрявые облачка. Внизу же находился тот неведомый мир, который еще не удавалось лицезреть смертному. Еще немного – и он откроется перед нами. Заглушая все вокруг, с яростным воем неся через перевал ветер, в его реве, усиливавшемся шумом мотора, можно было расслышать разве что крик, и потому мы с Денфортом обменялись лишь красноречивым взглядом. Но вот последние футы позади – и перед нами неожиданно как бы распахнулись двери в древний и абсолютно чужой мир, таящий множество нераскрытых секретов.

V

Думаю, в этот момент мы оба одновременно издали крик, в котором смешалось все – восторг, удивление, ужас и недоверие. Конечно, у нас имелись кое-какие познания, умерявшие наши чувства. Можно было, например, вспомнить причудливую природную форму камней Сада Богов в Колорадо или удивительную симметричность отполированных ветром скал Аризонской пустыни. Или принять открывшееся зрелище за мираж, вроде того, что созерцали прошлым утром, подлетая к Хребтам Безумия. Надо было непременно опереться на что-то известное, привычное, чтобы не лишиться рассудка при виде бескрайней ледяной пустыни, на которой сохранились следы разрушительных ураганов, и кажущегося так же бесконечным грандиозного, геометрически правильного каменного лабиринта со своей внутренней ритмикой, вздымающего свои вершины, испещренные трещинами и впадинами, над вечными снегами. Снежный покров здесь, кстати, был не более сорока-пятидесяти футов, а кое-где и того меньше.

Невозможно передать словами впечатление от кошмарного зрелища – ведь здесь, не иначе как по наущению дьявола, оказались порушенными все законы природы. На этом древнем плоскогорье, вознесенном на высоту двадцати тысяч футов над уровнем моря, с климатом, непригодным для всего живого еще за пятьсот тысяч лет до появления человека, на всем протяжении этой ледяной равнины высились – как бы ни хотелось, в целях сохранения рассудка, списать все на обман зрения – каменные джунгли явно искусственного происхождения. А ведь раньше мы даже и мысли не допускали, что все эти кубы и крепостные валы могут быть сотворены отнюдь не природой. Да и как допустить, если человек в те времена, когда материк сковал вечный холод, еще мало чем отличался от обезьяны?

Но теперь власть разума основательно поколебалась: гигантский лабиринт из квадратных, округлых и прямоугольных каменных глыб давал недвусмысленное представление о своей подлинной природе. Это был, несомненно, тот самый дьявольский город-мираж, только теперь он раскинулся перед нами как объективная, неотвратимая реальность. Выходит, проклятое наваждение имело под собой материальное основание: отражаясь в облаках ледяной пыли, этот доисторический каменный монстр посылал свой образ через горный хребет. Призрачный фантом, конечно, нес в себе некоторые преувеличения и искажения, отличаясь от первоисточника, и все же реальность показалась нам куда страшнее и опасней грез.

Только колоссальная, нечеловеческая плотность массивных каменных башен и крепостных стен уберегла от гибели это жуткое творение, которое сотни тысяч – а может, и миллионов – лет дремало здесь, посередине ледяного безмолвия. «Corona Mundi – Крыша Мира...» С наших губ срывались фразы одна бессвязнее другой; наши головы кружило от невероятного зрелища, раскинувшегося внизу. Мне вновь пришли на ум таинственные древние мифы, которые так часто вспоминались в этом мертвом антарктическом крае: демоническое плато Ленг; Ми-Го, омерзительный снежный человек Гималаев; Пнакотические рукописи с содержащимися там намеками на их «нечеловеческое» происхождение; культ Ктулху, «Некрономикон»; гиперборейские легенды о бесформенном Цатогуа и звездных пришельцах, еще более аморфных.

Город тянулся бесконечно далеко в обе стороны, лишь изредка плотность застройки редела. Как бы пристально ни вглядывались мы в его правую от нас или левую части, протянувшиеся вдоль низких предгорий, мы не видели большого просвета – только с левой стороны от перевала, над которым мы пролетели, была небольшая прогалина. По чистой случайности мы наткнулись как бы на пригород – небольшую часть огромного мегаполиса. Предгорья заполняли фантастического вида каменные постройки, соединявшие зловещий город с уже знакомыми нам кубами и крепостными валами; последние, по всей видимости, являлись не чем

иным, как оборонительными сооружениями. Здесь, на внутренней стороне хребтов, они были, на первый взгляд, столь же основательными, как и на внешнем склоне.

Неведомый каменный лабиринт состоял по большей части из стен, высота которых колебалась от десяти до ста пятидесяти футов (не считая скрытого подо льдом), а толщина – от пяти до десяти футов. Сложены они были из огромных глыб – темных протерозойских сланцев. Строения очень отличались друг от друга размерами. Некоторые соединялись на манер сот, и сплетения эти тянулись на огромные расстояния. Постройки поменьше стояли отдельно. Преобладали конические, пирамидальные и террасированные формы, хотя встречались сооружения в виде нормальных цилиндров, совершенных кубов или их скоплений, а также другие прямоугольные формы; кроме того, повсюду были разбросаны причудливые пятиугольные строения, немного напоминавшие современные фортификационные объекты. Строители постоянно и со знанием дела использовали принцип арки; возможно также, что в период расцвета город украшали купола.

Все эти каменные дебри изрядно повыветрились, а само ледяное поле, на котором возвышалась верхняя часть города, было засыпано обломками обрушившихся глыб, покоившихся здесь с незапамятных времен. Там, где лед был попрозрачнее, просматривались фундаменты и нижние этажи гигантских зданий, а также каменные мосты, соединявшие башни на разных уровнях. На открытом воздухе мосты не уцелели, но на стенах от них остались следы. Вглядевшись пристальнее, мы заметили изрядное количество довольно больших окон, кое-где закрытых ставнями – изготовленными изначально, видимо, из дерева, а со временем ставшими окаменелостью, – но в массе своей окна угрожающе зияли пустыми глазницами. Крыши в основном отсутствовали, а края стен были стерты и закруглены, но некоторые строения, преимущественно конической или пирамидальной формы, окруженные высокими ограждениями, стояли незыблемо наперекор времени и стихиям. В бинокль нам удалось даже разглядеть орнамент на карнизах – в нем присутствовали все те же странные группы точек, что и на древних камнях, но теперь это представлялось в совершенно новом свете. Многие сооружения разрушились, а лед раскололся по причинам чисто геологического свойства. Кое-где камень истерся вплоть до самого льда. Через весь город тянулся широкий, свободный от построек «проспект» – он шел к расщелине в горной низине, приблизительно в миле от перешейка. По нашим предположениям, это могло быть русло большой реки, которая протекала здесь миллионы лет назад, в третичный период, теряясь под землей и впадая в бездонную пропасть где-нибудь под огромными горами. Ведь район этот – со множеством пещер и коварных бездн – явно таил в себе недоступные людям подземные тайны.

Удивительно, как нам удалось сохранить равновесие духа при том изумлении, которое охватило нас от поразительного, невозможного зрелища – города, восставшего из предвечных глубин, задолго до появления на Земле человека. Что же все-таки происходило? Путаница с хронологией? Устарели научные теории? Нас подвело собственное сознание? Ответа мы не знали, но все же держали себя в руках, продолжая заниматься своим делом – вели самолет согласно курсу, наблюдали одновременно множество вещей и непрерывно фотографировали, надеясь, что это сослужит и нам, и всему человечеству хорошую службу. В моем случае работал укоренившийся навык ученого: любознательность одержала верх над понятной растерянностью и даже страхом – хотелось проникнуть в вековые тайны и узнать, что за существа жили здесь, возводя свои жилища на столь огромной территории, и как они соотносились с миром.

То, что мы увидели, нельзя было назвать обычным городом, нашим глазам открылась поразительная страница из древнейшей и невероятнейшей главы земной истории. Следы ее сохранились разве что в самых темных, искаженных легендах, ведь глубокие катаклизмы уничтожили все, что могло просочиться за эти гигантские стены. Страница, однако, подошла к концу задолго до того, как человечество потихоньку выбилось из обезьяньего царства. Перед нами простирался палеогенный мегаполис, в сравнении с которым легендарные Атлантида и

Лемурия Коммория, Узударум и Олатоз в земле Ломар относились даже не ко вчерашнему дню истории, а к сегодняшнему; этот мегаполис вставал в один ряд с такими дьявольскими порождениями, как Валусия, Р'лайх, Иб в земле Мнар и Безымянный город в Аравийской пустыне. Когда мы летели над бесконечными рядами безжизненных гигантских башен, воображение то и дело уносило меня в мир фантастических ассоциаций, и тогда протягивались незримые нити между этим затерянным краем и ужасом, пережитым мной в лагере и теперь бередившим мой разум неясными догадками.

Нам следовало соблюдать осторожность и не слишком затягивать полет: стремясь как можно больше уменьшить вес, мы залили неполные баки. И все же мы основательно продвинулись вперед, снизив высоту и тем самым ускользнув от ветра. Ни горным хребтам, ни подходившему к самым предгорьям ужасному городу не было, казалось, ни конца ни края. Пятьдесят миль полета вдоль хребтов не выявили ничего нового в этом неизменном каменном лабиринте. Вырываясь, подобно заживо погребенному, из ледяного плена, он однообразно простирался в бесконечность. Впрочем, некоторые неожиданные вещи все же встречались, вроде узоров, выбитых на скалах ущелья, где широкая река когда-то прокладывала себе дорогу через предгорья, прежде чем излиться в подземелье. Утесы по краям ущелья были дерзко превращены неизвестными ваятелями в гигантские столбы, и что-то в их бочкообразной форме будило в Денфорте и во мне смутные, тревожные и неприятные воспоминания.

Нам также повстречались открытые пространства в виде пятиконечных звезд (по-видимому, площади), обратили мы внимание и на значительные неровности в поверхности. Там, где дыбились скалы, их обычно превращали в каменные здания, но мы заметили по меньшей мере два исключения. В одном случае камень слишком истерся, чтобы можно было понять его предназначение; в другом же из скалы был высечен грандиозный цилиндрической формы памятник, несколько напоминающий знаменитое Змеиное надгробие в древней долине Петры.

По мере облета местности нам становилось ясно, что в ширину город имел свои пределы – в то время как его протяженность вдоль хребтов казалась бесконечной. Через тридцать миль диковинные каменные здания стали попадаться реже, а еще через десять под нами оказалась голая ледяная пустыня – без всяких следов хитроумных сооружений. Широкое русло реки плавно простиралось вдаль, а поверхность земли, казалось, становилась все более неровной, отлого поднимаясь к западу и теряясь там в белесой дымке тумана.

До сих пор мы не делали попыток приземлиться, но разве можно было вернуться, не попробовав проникнуть в эти жуткие и величественные сооружения! Поэтому мы решили выбрать для посадки место поровнее – в предгорье, ближе к перешейку, и, оставив там свой самолет, совершить пешую вылазку. Снизившись, мы разглядели среди руин несколько довольно удобных для нашей цели мест. Выбрав то, что лежало ближе к перевалу – ведь нам предстояло возвращаться в лагерь тем же путем, – мы точно в 12:30 дня приземлились на ровный и плотный снежный наст, откуда ничто не могло помешать нам спустя некоторое время легко и быстро взлететь.

Мы не собирались надолго отлучаться, да и ветра особого не было, поэтому решили не насыпать вокруг самолета заслон из снега, а просто укрепить его лыжные шасси и по возможности утеплить двигатель. Мы сняли лишнюю меховую одежду, а из снаряжения захватили с собой в поход немного: компас, фотоаппарат, немного еды, бумагу, толстые тетради, геологический молоток и долото, мешочки для образцов, моток веревки, мощные электрические фонарики и запасные батарейки. Всем этим мы запаслись еще перед отлетом, надеясь, что нам удастся-таки совершить посадку, сделать несколько снимков, зарисовок и топографических чертежей, а также взять несколько образцов обнаженных пород – со скал или в пещерах. К счастью, у нас был с собой основательный запас бумаги, которую мы порвали на клочки, сложили в свободный рюкзак, чтобы в случае необходимости, если попадем в подземные лабиринты, применить принцип игры в «зайцев – собак». Найди мы пещеры, где не гулял бы ветер,

этот удобный метод позволил бы продвигаться вперед с большей скоростью, чем обычные при таких подземных экскурсиях опознавательные насечки на камнях.

Осторожно спускаясь вниз по плотному снежному насту в направлении необъятного каменного лабиринта, затянутого на западе призрачной дымкой, мы остро ощущали близость чуда; подобное состояние мы пережили четыре часа назад, когда подлетали к перевалу в этих таящих вековые тайны хребтах. Конечно, теперь мы уже кое-что знали о том, что прячут за своей мощной спиной горы, но одно дело глазеть на город с самолета, и совсем другое – ступить самому внутрь этих древних стен, понимая, что возраст их исчисляется миллионами лет и что они стояли здесь задолго до появления на Земле человека. Иначе чем благоговейным ужасом это состояние не назовешь, ведь к нему примешивалось ощущение некоей космической аномалии. Хотя на такой значительной высоте воздух был окончательно разрежен, что затрудняло движение, мы с Денфортом чувствовали себя неплохо, полагая в своем энтузиазме, что нам по плечу любая задача. Неподалеку от места посадки торчали вросшие в снег бесформенные руины, а немного дальше поднималась над ледяной корой – примерно футов на десять-одиннадцать – огромная крепость в виде пятиугольной звезды со снесенной крышей. К ней мы и направились, и когда наконец прикоснулись к этим источенным временем гигантским каменным глыбам, нас охватило чувство, что мы установили беспрецедентную и почти богохульственную связь с канувшими в пучину времени веками, до сих пор наглухо закрытыми от наших сородичей.

Эта крепость, расстояние между углами которой равнялось тремстам футам, была сложена из известняковых глыб юрского периода, каждая в среднем шириной в шесть, длиной в восемь футов. Вдоль всех пяти лучей, на четырехфутовой высоте над сверкающей ледяной поверхностью, тянулся ряд симметрично выдолбленных сводчатых окошек. Заглянув внутрь, мы обнаружили, что стены были не менее пяти футов толщиной, все перегородки внутри отсутствовали, зато сохранились следы резного орнамента и барельефных изображений – о чем мы догадывались и раньше, пролетая низко над подобными сооружениями. О том, как выглядит нижняя часть помещения, можно было только догадываться, ибо вся она была сокрыта под темной толщей снега и льда.

Мы осторожно передвигались от окна к окну, тщетно пытаясь разглядеть узоры на стенах, но не делая никаких попыток влезть внутрь и сойти на ледяной пол. Во время полета мы убедились, что некоторые здания менее других скованы льдом, и нас не оставляла надежда, что там, где сохранились крыши, можно ступить на свободную от снега землю. Прежде чем покинуть крепость, мы сфотографировали ее в нескольких ракурсах, а также внимательно осмотрели могучие стены, стараясь понять принцип их кладки. Как сожалели мы, что рядом нет Пибоди: его инженерные познания помогли бы нам понять, как в те безумно отдаленные от наших дней времена, когда создавался город, его строители управлялись с этими неподъемными глыбами.

Навсегда, до мельчайшей подробности, запечатлен в моем сознании наш путь длиной в полмили до настоящего города; высоко над нами, в горах, все это время буйствовал, свирепо рыча, ветер. Наконец перед нами раскинулось призрачное зрелище – такая фантазмагория прочим смертным могла привидеться только в страшном кошмаре. Чудовищные переплетения темных каменных башен на фоне белесого, словно бы вспученного тумана меняли облик с каждым нашим шагом. Это был мираж из камня, и если бы не сохранившиеся фотографии, я бы до сих пор сомневался, въяве ли все это видел. Принцип кладки оставался тот же, что и в крепости, но невозможно описать те причудливые формы, которые принимал камень в городских строениях.

Снимки запечатлели лишь пару наглядных примеров этого необузданного разнообразия, грандиозности и невероятной экзотики. Вряд ли Эвклид подобрал бы названия некоторым из встречающихся здесь геометрических фигур – усеченным конусам неправильной формы; вызывающе непропорциональным портикам; шпилям со странными выпуклостями;

необычно сгруппированным разрушенным колоннам; всевозможным пятиугольным и пятиконечным сооружениям, непревзойденным в своей гротескной фантастичности. Находясь уже в окрестностях города, мы видели там, где лед был прозрачным, темневшие в ледяной толще трубы каменных перемычек, соединявших эти невероятные здания на разной высоте. Улиц в нашем понимании здесь не было – только там, где прежде протекала древняя река, простиралась открытая полоса, разделявшая город пополам.

В бинокли нам удалось разглядеть вытянутые по длине зданий полустершиеся барельефы и орнаменты из точек; так понемногу в нашем воображении начал складываться былой облик города, хотя теперь в нем отсутствовало большинство крыш, шпилей и куполов. Когда-то он был весь пронизан тесными проулками, похожими на глубокие ущелья, некоторые чуть ли не превращались в темные туннели из-за нависших над ними каменных выступов или арок мостов. А сейчас он раскинулся перед нами как порождение чьей-то мрачной фантазии, за ним клубился туман, в северной части которого пробивались розоватые лучи низкого антарктического солнца. Когда же на мгновение солнце скрылось совсем и все погрузилось в полумрак, мы отчетливо уловили некую смутную угрозу, характер которой мне трудно описать. Даже в отдаленном завывании не достигающего нас ветра, бушующего на просторе среди гигантских горных вершин, почудилась зловещая интонация. У самого города нам пришлось преодолеть исключительно крутой спуск, где обнаженная порода по краям равномерно чередующихся выступов заставила меня подумать, что, видимо, в далеком прошлом здесь существовала искусственная каменная лестница. Без сомнения, глубоко подо льдом обнаружили бы ступени или что-нибудь в этом роде.

Когда наконец мы вступили в город и стали продвигаться вперед, карабкаясь через рухнувшие обломки каменных глыб и чувствуя себя карликами рядом с выщербленными и потрескавшимися стенами-гигантами, нервы наши вновь напряглись до такой степени, что мы лишь чудом сохраняли самообладание. Денфорт поминутно вздрагивал и изводил меня совершенно неуместными и крайне неприятными предположениями относительно того, что на самом деле произошло в лагере. Мне они были просто отвратительны: ведь вид этого ужасного города-колосса, поднявшегося из темной пучины глубокой древности, и меня наталкивал на определенные выводы. У Денфорта не на шутку разыгралось воображение: он настаивал, что там, где засыпанный обломками проулок делает крутой поворот, видел удручившие его непонятные следы; он постоянно оглядывался, уверяя, что слышит еле различимую, неведомо откуда доносящуюся музыку – приглушенные трубные звуки, напоминающие завывание ветра. Наводили на тревожные мысли и навязчивое пятиконечие в архитектуре, и рисунок нескольких сохранившихся орнаментов; в нашем подсознании уже поселилась ужасная догадка, кем были первобытные создания, которые воздвигли этот богохульный город и жили в нем.

В нас, однако, не совсем угас интерес первооткрывателей и ученых, и мы продолжали механически отбивать кусочки камней от разных глыб – пород, применявшихся в строительстве. Хотелось набрать их побольше, чтобы точнее определить возраст города. Громадные внешние стены были сложены из юрских и команчских камней, да и во всем городе не нашлось бы камешка моложе плиоцена. Несомненно, мы блуждали по городу, который был мертв по крайней мере пятьсот тысяч лет, а может, и больше.

Кружа по этому сумрачному каменному лабиринту, мы останавливались у каждого доступного нам отверстия, чтобы заглянуть внутрь и прикинуть, нельзя ли туда забраться. До некоторых окошек было невозможно дотянуться, в то время как другие открывали нашему взору вросшие в лед руины под открытым небом, вроде повстречавшейся нам первой крепости. Одно, достаточно просторное, так и манило воспользоваться им, но под ним разверзалась настоящая бездна, а никакого спуска мы не разглядели. Несколько раз нам попадались уцелевшие ставни; дерево, из которого их изготовили, давно окаменело, но строение его, отдельные прожилки еще различались, и эта ожившая перед нами древность кружила голову. Ставни

вырезали из мезозойских голосеменных хвойных деревьев, а также из веерных пальм и покрытосеменных деревьев третичного периода. И здесь – ничего моложе плиоцена. Судя по расположению ставен, по краям которых сохранились метки от давно распавшихся петель странной формы, они крепились не только снаружи, но и внутри. Их, казалось, заклинило, и это помогло им сохраниться, пережив изъеденные ржавчиной металлические крепления и запоры.

Наконец мы напали на целый ряд окон – в венчавшем здание громадном пятиугольнике; сквозь них просматривалась просторная, хорошо сохранившаяся комната с каменным полом, однако спуститься туда без веревки не представлялось возможным. Веревка лежала у нас в рюкзаке, но не хотелось возиться без крайней необходимости с двадцатифутовой связкой, особенно в такой разреженной атмосфере, где сердечно-сосудистая система испытывала большие перегрузки. Огромная комната была, скорее всего, главным вестибюлем или залом, и наши электрические фонарики высветили четкие барельефы с поражающими воображение резными портретами, идущими широкой полосой по стенам зала и отделенными друг от друга традиционным точечным орнаментом. Постаравшись получше запомнить это место, мы решили вернуться сюда в том случае, если не найдем ничего более доступного.

В результате мы отыскиали проем в стене с арочным перекрытием, шириной шесть и длиной десять футов – прежде сюда подходил воздушный мостик, соединявший между собой здания. Не знаю, как раньше, но теперь бы он располагался всего в пяти футах над ледяным покровом. Эти сводчатые проходы соответствовали верхним этажам; сохранился здесь, к счастью, и пол. Фасадом это доступное для нас строение было обращено на запад, спускаясь ко льду террасами. Напротив него, там, где зиял другой арочный проем, возвышалась обшарпанная глухая постройка цилиндрической формы с венчающим ее округлым утолщением – футов в десяти над единственным отверстием.

Гора обломков облегчила нам вход в первый дом, но хотя мы ждали такого удобного случая и мечтали о нем, на какое-то время нас охватило сомнение. Мы не побоялись влиться в эту стародавнюю мистерию, это правда, но тут нам предстояло вновь собраться с духом и войти в уцелевшее здание баснословно древней эпохи, природа которой постепенно открывалась нам во всей своей чудовищной неповторимости. В конце концов мы почти заставили себя вскарабкаться по обледелым камням к провалу в стене и спрыгнуть на выложенный сланцами пол – туда, где, как мы еще раньше разглядели, находился вестибюль с барельефными портретами по стенам.

Отсюда во все стороны расходились арочные коридоры, и, понимая, как легко заблудиться в этом сплетении коридоров и комнат, мы решили, что пора рвать бумагу. До сих пор мы ориентировались по компасу, а то и просто на глазок – по видимым отовсюду хребтам, лишь ненадолго заслоняемым шпилями башен, но теперь это было невозможно. Мы порвали всю лишнюю бумагу и запихнули клочки в рюкзак Денфорта, порешив тратить ее по возможности экономнее. Этот способ казался подходящим: в старинном сооружении не было сквозняков. А в случае, если ветер вдруг все же разгуляется или кончится бумага, мы сможем прибегнуть к более надежному, хотя и требующему больших усилий способу – начнем делать зарубки.

Трудно было понять, как далеко простирается этот лабиринт. Строения в городе так тесно соприкасались друг с другом, что можно было незаметно переходить из одного в другое по мостикам прямо подо льдом, если, конечно, не натолкнешься на последствия геологических катаклизмов. Обледевших участков внутри встречалось не так уж много. Там же, где мы все-таки натыкались на ледяную толщу, повсюду сквозь прозрачную поверхность видели плотно закрытые ставни, как будто город специально подготовили к нашествию холода – как бы законсервировали на неопределенное время. Трудно было отделаться от впечатления, что город не бросили в спешке, застигнутые внезапной бедой, а покинули сознательно. И речи не могло идти о постепенном вымирании. Может, жители знали заранее о вторжении холода, может, ушли

из города *en masse*⁵, отправившись на поиски более надежного пристанища? Нельзя ответить с точностью, какие геофизические условия способствовали образованию ледяного покрова в районе города. Это не мог быть долгий, изнурительный процесс. Возможно, причина крылась в излишнем скоплении снега или в разливе реки, а может, прорвала заслоны снежная лавина, обрушившаяся на город с гигантских горных хребтов. В этом невероятном месте могли прийти на ум самые фантастические объяснения.

⁵ *En masse* – все вместе (*фр.*).

VI

Вряд ли стоит описывать шаг за шагом наши скитания в этом древнем как мир лабиринте – переплетении отдельных помещений-ячеек, в этом чудовищном хранилище вековых тайн, куда впервые за минувшие тысячелетия ступила нога человека. Какая драма выстроилась из настенной резьбы перед нашим внутренним взором, какие ужасные открытия захватили наш разум! Фотографии, сделанные нами, могут подтвердить достоверность моего рассказа, жаль только, что не хватило на все пленки. Впрочем, мы восполнили ее недостаток зарисовками.

Здание, куда мы проникли, было огромным и величественным – внушительный образец архитектуры неведомой геологической эпохи. Внутренние стены не отличались такой же массивностью, как внешние, но отлично сохранились на нижних этажах. Изопращенная запутанность лабиринта усложнялась здесь постоянной сменой уровней, переходом с одного этажа на другой, и не прибегни мы к испытанному способу с клочками бумаги, которые разбрасывали по всему пути, то, несомненно, заблудились бы сразу. Сначала мы решили обследовать более ветхие помещения и потому взобрались футов на сто вверх, туда, где под полярным небом, открытые снегу и ветру, понемногу разрушались комнаты, находившиеся когда-то под самой крышей. Вместо лестниц тут применялись лежащие под небольшим углом каменные плиты с ребристой поверхностью. Помещения были самых разнообразных размеров и форм – от излюбленных звездчатых до треугольных и квадратных. Можно с уверенностью сказать, что площадь каждого из них в среднем равнялась 30 на 30 футов, а высота – футов двадцать, хотя попадались комнаты и побольше. Облазив весь верхний этаж и осмотрев ледяной покров, мы спустились в нижние помещения, где, собственно, и начинался настоящий лабиринт – комнаты и коридоры переходили одни в другие, сливаясь и расходясь снова, – все эти запутанные ходы тянулись бесконечно далеко, выходя за пределы дома. Каждый новый зал превосходил предыдущий размерами; скоро эта необъятность окружающего стала исподволь подавлять нас, тем более что в очертаниях, пропорциях, убранстве и неуловимых особенностях древней каменной кладки таилось нечто глубоко чуждое человеческой натуре. Довольно скоро мы поняли из резных настенных изображений, что этот противоестественный город выстроен много миллионов лет тому назад.

Нам оставался неясен инженерный принцип, в соответствии с которым все эти огромные глыбы удерживались в равновесии, плотно прилегая друг к другу; одно было понятно – в нем явно много значила арка. В комнатах отсутствовала какая-либо мебель, они были абсолютно пусты, что говорило в пользу того, что город покинули по заранее составленному плану. Единственным украшением являлась настенная скульптура, высеченная в камне горизонтальными полосами шириной три фута; барельефы чередовались с полосами орнамента той же ширины из геометрических фигур. Было несколько исключений, но, как говорится, они лишь подтверждали правило. Часто, впрочем, среди орнамента мелькали картуши из причудливо расположенных точек.

Приглядевшись, мы отметили высокий уровень техники резьбы, но исключительное мастерство не вызывало в нас теплого отклика – слишком уж чуждо оно было всем художественным традициям человечества. Однако в искусстве исполнения ничего более совершенного я не видел. Несмотря на масштабность и мощь резьбы, даже мельчайшие особенности жизни растительного и животного мира были переданы здесь с потрясающей убедительностью. Арабески говорили об основательном знании законов математики, представляя собой расположенные с неявной симметричностью кривые линии и углы; любимым числом древних строителей являлась, несомненно, пятерка. Барельефы были выполнены в сугубо формалистической традиции и в необычной перспективе; однако, несмотря на пропасть, отделяющую наше время

от того, давно минувшего, мы не могли не почувствовать художественную мощь рисунка. В основе изобразительного метода лежал принцип сопоставления поперечного сечения объекта с его двумерным силуэтом – ни одну древнюю расу не занимала до такой степени аналитическая психология. Бесполезно даже сравнивать подобное искусство с тем, что можно увидеть в современных музеях. Специалист, разглядывая наши фотографии, возможно, сочтет, что по экстравагантности замысла эти изображения несколько напоминают работы наших самых дерзких футуристов.

Орнаментальный рисунок на хорошо сохранившихся стенах был выполнен в технике углубленного рельефа, уходя в толщу камня на один-два дюйма; когда же появлялись картуши со скоплениями точек – несомненно, древние письма на неведомом первобытном языке с точечным алфавитом, – то «буквы» эти уходили еще на полдюйма глубже. Барельеф с предметным изображением выступал над плоскостью фона дюйма на два. Кое-где заметили мы следы еле различимого цвета, но в основном быстротечное время уничтожило все нанесенные краски. Чем больше мы всматривались в барельефы, тем больше изумлялись блестящей технике исполнения. Строгие эстетические каноны не скрывали зоркую наблюдательность и графическое мастерство художников, напротив, жесткое следование определенной традиции сильнее подчеркивало сущность изображаемого, его неповторимую уникальность. Кроме того, нас не покидало ощущение, что помимо бросающихся в глаза достоинств есть еще и другие, недоступные нашему восприятию. По некоторым приметам мы догадывались, что наш интеллектуальный и эмоциональный опыт, а также изначально другой сенсорный аппарат мешают нам понять смысл скрытых символов и аллюзий.

Древние скульпторы, несомненно, черпали свои темы из окружающей жизни, а главным предметом изображения была история. Эта озабоченность историей оказалась нам как нельзя более на руку: рельефы несли баснословное количество информации, поэтому львиную долю времени мы отдали фотографированию и зарисовкам. На стенах некоторых комнат были высечены громадные карты, астрономические таблицы и прочая научная информация: все это красноречиво и наглядно подтверждало то, что изображалось на рельефах. Приступая к рассказу, далеко не полному, с основательными купюрами, я горячо надеюсь, что здравый смысл поверивших мне читателей восторжествует над безрассудным любопытством и они внемлют моим предостережениям. Будет ужасно, если мое повествование породит в них желание отправиться в это мертвое царство кошмарных теней, то есть приведет к прямо противоположному результату.

Настенную резьбу разрывали высокие оконные и двенадцатифутовые дверные проемы; кое-где сохранились отдельные, аккуратно выпиленные и отполированные окаменевшие доски, бывшие когда-то частями ставен и дверей. Металлические крепления давно разрушились, но некоторые двери по-прежнему оставались на месте, и, проходя из комнаты в комнату, мы затрачивали немало усилий, чтобы открыть их. Кое-где уцелели оконные рамы с необычными прозрачными стеклами. Довольно часто на нашем пути попадались вырубленные в камне громадные ниши, по большей части пустые, хотя изредка там оказывались некие ни на что не похожие предметы, выточенные из зеленого мыльного камня; их, видимо, бросили за ненадобностью из-за трещин и прочих повреждений. Остальные углубления в стенах, несомненно, предназначались для существовавших в те стародавние времена удобств – отопления, освещения – и прочих непонятных для нас устройств, которые мы видели на барельефах. Потолки ничем особенным не выделялись, хотя иногда их покрывала облупившаяся мозаика из зеленого камня. На полах мозаика также изредка встречалась, но в основном в кладке преобладали простые грубые плиты.

Как я уже говорил, в помещениях не было никакой мебели, хотя из настенных рисунков становилось ясно, что в этих гулких, похожих на склепы комнатах ранее находились вполне определенные вещи, правда, непонятного для нас назначения. Многочисленные обломки,

осколки и прочий хлам заполняли этажи выше ледового уровня, но ниже становилось все чище. Немного пыли с песком – вот все, что там можно было увидеть, да еще осевший на камнях многовековой налет. А некоторые комнаты вообще имели такой вид, будто там только что подмели. Встречались, конечно, трещины и проломы, а самые нижние этажи были замусорены не меньше верхних. Из центрального зала идущий сверху свет разливался по боковым помещениям, спасая их от полной темноты, так было и в других постройках, виденных нами с самолета. На верхних этажах мы редко пользовались электрическими фонариками, разве что разглядывая фрагменты барельефов. Ниже ледового уровня тьма сгущалась, а во многих комнатах-ячейках у самой земли почти ничего не было видно – хоть глаз выколи.

Чтобы иметь хоть какое-то представление о том, что пережили мы, оказавшись в этом давно опустевшем и хранящем гробовое молчание лабиринте, сложенном нечеловеческой рукой, нужно постараться воссоздать всю хаотичную, смертельно изматывающую череду разных настроений, впечатлений, воспоминаний. Одно кружащее голову сознание того, сколь древним был этот город и как далеко зашла в нем мерзость запустения, могло вывести из равновесия любого мало-мальски чувствительного человека, а ведь мы к тому же пережили недавно в лагере сильное потрясение, а потом – еще и эти откровения, сошедшие к нам прямо с покрытых резьбой стен. Стоило только бросить взгляд на хорошо сохранившиеся барельефы, и все сразу становилось ясно – недвусмысленные изображения выдавали страшную тайну. Наивно предполагать, что мы с Денфортом не догадывались о ней раньше, хотя тщательно скрывали друг от друга свои догадки. Не оставалось никаких сомнений в том, кем являлись существа, построившие этот город и жившие в нем миллионы лет назад, в те времена, когда по земле, в тропических степях Европы и Азии, бродили далекие предки людей – примитивные млекопитающие и громадные динозавры.

Раньше мы не теряли надежды и убеждали себя в том, что встречающийся повсеместно мотив пятиконечия – всего лишь знак культурного и религиозного почитания некоего древнего физического объекта, имевшего подобные признаки: минойская цивилизация на Крите использовала в качестве декоративного элемента священного быка, египетская – скарабея, римская – волчицу и орла, а дикие, первобытные племена – разных тотемных животных. Но теперь все иллюзии отпали, нам предстояло смириться с реальностью, от которой волосы вставали на голове. Думаю, читатель уже догадался, в чем дело; мне трудно вывести эти слова на бумаге.

Существа, которые в эпоху динозавров владели этими мрачными замками, сами динозаврами не являлись. Дело обстояло иначе. Динозавры не так давно появились на Земле, они были молодыми животными с неразвитым мозгом, а строители города – старыми и мудрыми. Камень запечатлел и сохранил следы их пребывания на Земле, уже тогда насчитывающего почти тысячу миллионов лет: они построили город задолго до того, как земная жизнь пошла в своем развитии дальше простых соединений клеток. Более того, они-то и являлись создателями и властителями этой жизни, послужив прототипами для самых жутких древних мифов – именно на них робко намекают Пнакотические рукописи и «Некрономикон». Они назывались Старцами и прилетели на Землю в ту пору, когда планета была еще молода. Плоть их сформировалась за годы эволюции на далекой планете: они обладали невероятной, безграничной мощностью. Подумать только, ведь мы с Денфортом всего лишь сутки назад видели их члены, отделенные от тел, тысячелетия пролежавших во льду, а бедняга Лейк с товарищами, сами того не ведая, созерцали их подлинный облик...

Невозможно припомнить, в каком порядке собирали мы факты, относящиеся к этой невероятной главе из истории планеты до появления человека. Испытав глубокий шок, мы прервали осмотр, чтобы немного прийти в себя, а когда вновь приступили, занявшись теперь систематическим обследованием, было уже три часа. Судя по геологическим, биологическим и астрономическим признакам, скульптурные изображения в доме, где мы первоначально оказа-

лись, принадлежали к относительно позднему времени, им было не более двух миллионов лет и в сравнении с барельефами более древнего здания, куда мы перешли по мостику, выглядели просто декадентскими. Этому величественному, высеченному из цельного камня сооружению было никак не меньше сорока, а возможно, и пятидесяти миллионов лет, оно относилось к позднему эоцену или раннему мелу, и его барельефы превосходили в мастерстве исполнения все виденное нами, за одним исключением – с ним мы встретились позже – то была древнейшая в городе постройка.

Не будь необходимости прокомментировать снимки, которые скоро появятся в прессе, я бы из опасения прослыть сумасшедшим придержал язык и не стал распространяться о том, что именно увидел я на стенах и к каким выводам пришел. Конечно, можно было отнести к области мифотворчества барельефы, где изображалась жизнь звездоголовых существ в бесконечно отдаленные эпохи, когда они обитали на другой планете, в иной галактике или даже вселенной, однако некоторые высеченные на камне чертежи и диаграммы заставляли нас вспомнить о последних открытиях в математике и астрофизике, и тут уж я совсем растерялся. Вы меня поймете, когда сами увидите эти фотографии.

На каждом барельефе рассказывалась, естественно, только небольшая часть единой истории, и «читать» мы ее начали не с начала и не по порядку. Иногда на стенах нескольких комнат или коридоров разворачивалась подряд непрерывная хроника событий, но неожиданно туда вклинивались тематически обособленные залы. Лучшие карты и графики висели на стенах бездонной пропасти: эта каверна площадью двести квадратных футов и глубиной шестьдесят футов образовалась, видимо, на месте бывшего учебного центра или чего-то в этом роде. Некоторые темы, отдельные исторические события пользовались особой популярностью и у художников, и у самих обитателей города, барельефы с подобными сюжетами повторялись с раздражающей навязчивостью. Впрочем, иногда разные версии одного события проясняли нам его значение, заполняли лакуны.

Мне до сих пор непонятно, каким образом уяснили мы суть дела за такой небольшой срок. Впоследствии, рассматривая снимки и зарисовки, мы многое уточнили и заново переосмыслили, хотя и теперь кое-что остается загадкой. Нервный срыв Денфорта, возможно, объясняется именно этими позднейшими расшифровками, его впечатлительная натура не смогла вынести жутких воспоминаний, смутных, мучительных видений и вновь пережить тот ужас, который он испытал, увидев нечто такое, о чем не решился поведать даже мне.

И все же нам пришлось заново просмотреть все документальные свидетельства: нужно представить миру как можно более полную информацию, чтобы наше предостережение, такое актуальное, стало еще и убедительным. В неразгаданном мире Антарктики, мире смещенного времени и противоестественных законов, человек испытывает губительные для него влияния – словом, продолжение там исследований попросту невозможно.

VII

Полный отчет о нашем походе появится сразу же после расшифровки всех записей в официальном бюллетене Мискатоникского университета. Здесь же я рассказываю обо всем лишь в общих чертах и потому прошу простить мне некоторую непоследовательность. Опираясь на мифотворчество или что-то другое, не знаю, безвестные ваятели разворачивали на камне историю появления на Земле, тогда еще молодой планете, звездоголовых пришельцев, а также прочих чужеземных существ – пионеров космоса. На своих огромных перепончатых крыльях они, по-видимому, могли преодолевать межзвездные пространства – так неожиданно подтвердились легенды жителей гор, пересказанные мне другом-фольклористом. В течение долгого времени они обитали под водой, строили там сказочные города и вели войны с неизвестными врагами, используя сложные механизмы, в основе которых лежал неведомый нам принцип получения энергии. Их научные и технические познания значительно превосходили наши, хотя они редко применяли их на практике – только в случае необходимости. Судя по барельефам, они исчерпали у себя на планете идею механистической цивилизации, сочтя ее последствия пагубными для эмоциональной сферы. Исключительная плотность тканей и неприхотливость позволяли им жить также в высокогорной местности, обходясь без всякого комфорта, даже без одежды, и заботясь только об укрытии на случай непогоды.

Именно под водой звездоголовые впервые создали земных существ – сначала для пищи, а потом и для других целей, – создали давно им известными способами из доступных и подходящих субстанций. Особенно плодотворный период экспериментов начался после поражения их многочисленных космических врагов. Прежде звездоголовые делали то же самое на других планетах, производя не только биологическую пищевую массу, но и многоклеточную протоплазму, способную под гипнозом образовывать нужные временные органы. Так они получали идеальных рабов для тяжелой работы. В своем наводящем ужас «Некрономиконе» Абдула Альхазред, говоря о шогготах, намекает именно на эту вязкую массу, хотя даже этот безумный араб считает, что они лишь грезились тем, кто жевал траву, содержащую алкалоид. После того как звездоголовые Старцы синтезировали достаточное количество простейших организмов для пищевых целей и развели сколько требовалось шогготов, они предоставили возможность прочим клеточным соединениям развиваться далее самим, превращаясь в растительные или животные организмы. Впрочем, виды, им чем-то не приглянувшиеся, безжалостно уничтожались.

С помощью шогготов, которые, увеличиваясь под гипнозом в объеме, могли поднимать громадные тяжести, небольшие подводные поселения стали разрастаться, превращаясь в протяженные и внушительные каменные лабиринты, вроде тех, которые позднее выросли на земле. Легко приспосабливаясь к любым условиям, Старцы до прилета на Землю подолгу жили на суше в самых разных уголках Вселенной и, видимо, не утратили навыка в возведении наземных конструкций. Внимательно рассматривая архитектуру древних городов, запечатленную на барельефах, а также того, по чьим пустынным лабиринтам бродили сейчас, мы были поражены одним любопытным совпадением, которое не смогли объяснить даже себе. На барельефах были хорошо видны кровли домов – в наше время проваленные и рассыпавшиеся, взмывали к небу тонкие шпили, конусы с изящными флеронами, топорщились крыши в форме пирамид, а также плоских зубчатых дисков, обычно завершающих цилиндрические постройки. Все это мы уже видели раньше, подлетая к лагерю Лейка, в зловещем, внушающем ужас миреже, отбрасываемом мертвым городом, хотя такого облика, который мы созерцали тогда нашими несведущими глазами, у реального каменного лабиринта, укрывшегося за недостижимыми Хребтами Безумия, не было уже тысячи или даже десятки тысяч лет.

О жизни Старцев под водой и позже, когда часть из них перекочевала на сушу, можно говорить бесконечно много. Те, что обитали на мелководье, видели с помощью глаз, которыми заканчивались пять головных щупалец; они ваяли и могли писать – при естественном освещении – пером на водоотталкивающих вошечных таблицах. Те, что жили на дне океана, использовали для освещения любопытные фосфоресцирующие организмы, хотя при случае могли прибегать к специальному, дублирующему зрение органу чувств – призматическим ресничкам; благодаря им Старцы свободно ориентировались в темноте. Их скульптура и графика странно изменились под влиянием особой техники химического покрытия, рассчитанной на сохранение эффекта фосфоресценции. Но точно понять, в чем дело, мы не сумели. В воде эти существа перемещались двумя способами: плыли, перебирая боковыми конечностями, или, извиваясь, двигались толчками, помогая себе нижними щупальцами и лженожкой. Иногда же подключали две-три пары веерообразных складных крыльев и тогда стрелой устремлялись вперед. На суше они пользовались лженожкой, но часто, раскрыв крылья, воспаряли под небеса и летали на большие расстояния. Многочисленные щупальца, которыми заканчивались «руки», были изящными, гибкими, сильными и необычайно точными в мускульно-нервной координации, позволяя добиваться замечательного мастерства в изобразительном искусстве и других занятиях, требующих ручных операций.

Прочность их тканей была поистине изумительна. Даже громадное давление на дне глубочайших морей не могло причинить им вреда. Умирали немногие – и то лишь в результате несчастных случаев, так что места захоронений исчислялись единицами. То, что они погребали своих мертвецов в вертикальном положении и устанавливали на могилах пятиконечные надгробия с эпитафиями, а именно это уяснили мы с Денфортом, разглядев внимательно несколько барельефов, настолько потрясло нас, что потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. Размножались эти существа спорами – как папоротникообразные, это предполагал и Лейк, – но так как из-за своей невероятной прочности они были практически вечными, размножение поощрялось лишь в периоды освоения новых территорий. Молодое поколение созревало быстро и получало великолепное образование, качество которого нам даже трудно вообразить. Высокоразвитая интеллектуальная и эстетическая сферы породили устойчивые традиции и учреждения, о которых я подробно расскажу в своей монографии. Была, конечно, некоторая разница в устоях у морских Старцев и их земных собратьев, но она не касалась основных принципов.

Эти твари могли, подобно растениям, получать питание из неорганических веществ, но предпочитали органическую пищу и особенно животную. Те, что жили под водой, употребляли все в сыром виде, но те, что населяли землю, умели готовить. Они охотились, а также разводили скот на мясо, закалывая животных каким-то острым оружием, оставлявшим на костях грубые отметины, – на них-то и обратили внимание наши коллеги. Старцы хорошо переносили любые изменения температуры и могли оставаться в воде вплоть до ее замерзания. Когда же в эпоху плейстоцена, около миллиона лет назад, началось резкое похолодание, обитавшим на Земле Старцам пришлось прибегнуть к решительным мерам, вроде создания установок искусственного обогрева, но потом жестокие холода все же вынудили их вновь вернуться в море. Старцы поглощали некие вещества, после чего могли долгое время обходиться без еды и кислорода, а также переносить любую жару и холод, но ко времени великого похолодания они уже утратили это свое умение. Попробуй они теперь впасть в подобное искусственное состояние, добром бы это не кончилось.

У Старцев отсутствовали биологические предпосылки к семейной жизни, подобные тем, какие наблюдаемы у млекопитающих: они не разбивались на пары и вообще имели много общего с растениями. Однако семьи они все же создавали, и даже весьма многочисленные, но только ради удобства и интеллектуального общения. Обживая свои дома, они размещали мебель в центре комнат, оставляя стены открытыми для декоративной отделки. Жившие на

суше Старцы освещали свои жилища с помощью особого устройства, в основе которого, если мы правильно поняли, лежат электрохимические процессы. И под водой, и на суше им служили одинаково непривычные для наших глаз столы и стулья, а также постели-цилиндры, где они отдыхали и спали стоя, обмотавшись щупальцами; непременной частью интерьера являлись стеллажи, где хранились книги – прочно скрепленные пластины, испещренные точками.

Общественное устройство было у них скорее социалистического толка, хотя твердой уверенности у меня нет. Торговля процветала, в том числе и между городами, а деньгами служили небольшие плоские пятиугольные жетончики, усеянные точками. Видимо, маленький камушек из зеленых мыльных камней, найденных Лейком, как раз и был такой валютой. Хотя цивилизация Старцев была урбанистической, но сельское хозяйство и особенно животноводство тоже играли в ней важную роль. Добывалась руда, существовало какое-никакое производство. Старцы много путешествовали, но массовые переселения случались редко – только во время колонизации, когда раса завоевывала новые пространства. Транспортные средства не были им известны. Старцы сами могли развивать и в воде, и на суше, и в воздухе необыкновенную скорость. Грузы перевозились выючными животными: под водой – шогготами, а на земле – любопытной разновидностью примитивных позвоночных, но это уже на довольно позднем этапе освоения суши.

Эти позвоночные так же, как и бесконечное множество прочих живых организмов – животных и растений, тех, кто обитает в море, на земле и в воздухе, – возникли в процессе неконтролируемой эволюции клеток, созданных Старцами, но со временем вышедших из-под их контроля. Они развивались себе понемногу, поскольку не мешали хозяевам планеты. Те, что вели себя беспокойнее, механически уничтожались. Любопытно, что в поздних, декадентских произведениях скульпторы изобразили примитивное млекопитающее с неуклюжей походкой, которое земные Старцы вывели не только из-за вкусного мяса, но и забавы ради – как домашнего зверька; в нем неуловимо просматривались черты будущих обезьяноподобных и человекообразных существ. В строительстве земных городов принимали участие огромные птеродактили, неизвестные доселе науке, – они поднимали на большую высоту камни для укладки башен.

В том, что Старцы сумели пережить самые разнообразные геологические катаклизмы и смещения земной коры, было мало удивительного. Хотя из первых городов, по-видимому, ни один не сохранился, эта цивилизация никогда не прерывала своего существования, о чем свидетельствовали и увиденные нами барельефы. Впервые Старцы приземлились на нашу планету в районе Антарктического океана, и, похоже, произошло это вскоре после того, как оторвалась часть материи, образовавшая Луну, а на то место сместился Тихий океан. На одном из барельефов мы увидели, что во времена прилета Старцев всю Землю покрывала вода. Шли века, и каменные города распространялись по планете, все дальше отходя от Антарктиды. Вырезанная на камне карта показывала, что вокруг Южного полюса образовалось широкое кольцо суши – Старцы построили на ней свои первые экспериментальные поселения, хотя подлинные центры оставались все же на морском дне. На позднейших картах было видно, как откалывались и перемещались огромные массы земли, оторвавшиеся части материка сносило к северу – что подтверждало теории Тейлора, Вегенера и Джоли.

Смещение пластов земли на юге Тихого океана привело к катастрофическим последствиям. Некоторые морские города были разрушены до основания, но худшее еще предстояло пережить. Из космоса прилетели новые пришельцы, напоминавшие формой осьминогов – их, возможно, и нарекли в древних мифах потомством Ктулху; они развязали жестокую войну, загнав Старцев надолго под воду. Это нанесло последним страшный урон – к тому времени число поселений на суше постоянно росло. В конце концов обе расы заключили мирный договор, по которому новые земли переходили к потомкам Ктулху, за Старцами же оставалось море и прежние владения. Стали возводиться новые города, и самые величественные из них – в

Антарктике, ибо эта земля, место первых поселений, стала почитаться священной. И впредь Антарктика оставалась центром цивилизации Старцев, а города, которые успели там основать потомки Ктулху, стерлись с лица земли. Потом часть суши в районе Тихого океана вновь опустилась, и с ней ушел на дно зловещий Р'лайх, город из камня, и все космические осьминоги в придачу. Так Старцы вновь стали единственными хозяевами планеты; правда, существовало нечто, чего они боялись и о чем не любили говорить. Через некий весьма продолжительный отрезок времени Старцы заполонили всю планету: их города достаточно равномерно распределились и на суше, и на дне морском. В своей монографии я дам совет пытливому археологу пробурить машиной Пибоди несколько глубоких скважин в самых разных районах Земли и проанализировать полученные данные.

В течение веков шло закономерное переселение Старцев из глубин моря на сушу – этот процесс подстегивался рождением новых материков, хотя и океан никогда не пустовал. Второй причиной миграции стали трудности по выращиванию и удерживанию в повиновении шогготов, без которых жизнь под водой не могла продолжаться. С течением времени, как скорбно поведали нам сюжеты на древних барельефах, был утрачен секрет создания жизни из неорганической материи, и Старцам пришлось довольствоваться модификацией уже существующих форм. На суше у Старцев не было никаких проблем с громадными, но исключительно послушными рептилиями, а вот размножавшиеся делением шогготы, которые в результате случайного стечения обстоятельств нарастили до опасного предела интеллект, беспокоили их чрезвычайно.

Старцы всегда управляли шогготами с помощью гипноза, легко трансформируя эту внушаемую плотную плазму согласно потребностям и создавая на время нужные им члены и органы, теперь же у шогготов иногда появлялась способность самим преобразовывать свою плоть по воспоминаниям о старых приказах властителей. Казалось, у них развился мозг с неустойчивой системой связей, в котором иногда зарождался сильный волевой импульс, противоречивший воле хозяина. Изображения шогготов вызывали у нас с Денфортом глубочайшее отвращение, граничащее с ужасом.

Эти бесформенные в обычном состоянии существа состояли из желеподобной пузырчатой массы; если они обретали форму шара, диаметр их в среднем равнялся пятнадцати футам. Впрочем, очертания, равно как и объем, менялись у них постоянно: они то создавали себе, то, напротив, уничтожали органы слуха, зрения, речи, во всем подражая хозяевам, – иногда произвольно, а иногда выполняя команду.

Сто пятьдесят миллионов лет тому назад, где-то в середине перми, шогготы стали совершенно неуправляемыми, и тогда жившие на морском дне Старцы развязали против них настоящую войну, чтобы силой вернуть свою прежнюю власть. Многовековая пропасть отделяла нас от того времени, но и теперь мороз пробирал по коже, когда мы разглядывали картины той войны и особенно ужасное зрелище жертв, обезглавленных шогготами и выпачканных затем выделяемой ими слизью. В конце концов Старцы, прибегнув к мощному оружию, вызывавшему у врагов нарушения на молекулярном и атомарном уровнях, добились полной победы. Барельефы отразили тот период, когда сломленные шогготы стали совсем ручными и покорились воле Старцев, совсем как дикие мустанги Запада – американским ковбоям. Во время бунта шогготы доказали, что могут жить на суше, но новая способность никак не поощрялась – трудности их содержания на земле значительно превосходили возможную пользу.

В юрский период на Старцев обрушились новые напасти – из космоса прилетели полчища мерзких тварей; они соединяли в себе черты ракообразных, ибо были покрыты твердым панцирем, а также низших растений, а именно грибов. В мифологии горных народов северного полушария, особенно в Гималаях, они запечатлелись как Ми-Го, или Снежные люди. Чтобы одержать верх над пришельцами, Старцы впервые за всю свою земную историю решили вновь выйти в космос, однако, совершив все положенные приготовления, поняли, что не сумеют

покинуть земную атмосферу. Секрет межзвездных полетов был полностью утрачен. В результате Ми-Го вытеснили Старцев с северных земель, и те понемногу вновь сбились в антарктическом регионе – своей земной колыбели. Все эти перемены не коснулись подводных владений Старцев, недоступных для завоевателей.

Даже на барельефах бросалось в глаза разительное отличие материальной субстанции Ми-Го или потомков Ктулху от плоти Старцев. Первые обладали способностью к структурным изменениям, умели перевоплощаться и вновь возвращать себе прежний облик. Все это было недоступно для Старцев, по-видимому, их враги прибыли из более отдаленной части Вселенной, чем они. Несмотря на удивительную плотность тканей и необычные жизненные свойства, Старцы являлись материальными существами и, следовательно, происходили из известного пространственно-временного континуума, в то время как о происхождении их врагов можно было, затаив дыхание, строить самые немыслимые догадки. Словом, нельзя отнести к чистому мифотворчеству разбросанные в легендах сведения об аномалии завоевателей и их внегалактическом происхождении. Хотя этот миф могли распространять и сами Старцы, чтобы списать на него свои военные неудачи: ведь исторический престиж был у них своего рода «пунктиком». Недаром в их каменных анналах не упоминались многие могущественные и высокоразвитые народы с неповторимыми культурами и величественными городами – народы, украсившие собой не одну легенду.

Чередование геологических эпох и связанные с ним перемены были с поразительной яркостью представлены на резных картах и барельефах. Кое в чем наши научные представления оказались ошибочными, но встречались и подтверждения некоторых смелых гипотез. Как я уже говорил, именно здесь, в этом невероятном месте, мы убедились в правоте Тейлора, Вегенера и Джоли, предположивших, что все континенты суть части бывшего единого антарктического материка, оторвавшиеся от него под действием мощных центробежных сил и дрейфовавшие в разные стороны по вязкой поверхности земной мантии. Это подтверждалось и очертаниями Африки и Южной Америки, а также направлениями главнейших горных цепей.

На картах, отобразивших Землю времен карбона, то есть сто миллионов или более лет тому назад, мы видели бездонные ущелья и трещины, которые впоследствии, углубившись, разделили Африку и обширный материк, включавший в себя Европу (легендарную Валусию), обе Америки и Антарктику. На более поздних картах материка были уже обособлены друг от друга, в том числе и на той, которую вычертили пятьдесят миллионов лет назад в связи с основанием ныне мертвого города, где мы сейчас пребывали. И наконец, на самой поздней, относящейся, видимо, к плиоцену карте очертания и расположения материков соответствовали нынешним – только Аляска была еще соединена с Сибирью, Северная Америка через Гренландию – с Европой, а Южная Америка через Землю Грейама – с Антарктидой. Карты времен карбона пестрели значками, говорившими, что каменные города Старцев покрывали весь земной шар – от дна морского до изрытых ущельями горных районов, однако на последующих картах ясно обозначился откат градостроительства к южным антарктическим районам. Во времена же плиоцена, как показывала последняя карта, города остались только в Антарктике да на оконечности Южной Америки – севернее пятидесятой параллели южной широты отсутствовали даже морские поселения. Интерес Старцев к северным территориям, по-видимому, угас, сократилась информация о них, лишь изредка совершали теперь Старцы разведывательные полеты на своих всеобразных перепончатых крыльях, изучая очертания береговых линий.

Потом наступило время грандиозных катаклизмов – образовывались новые горные цепи, создавались континенты, землю и дно океанов сотрясали конвульсии, и на месте разрушенных городов все реже возводились новые. Окружавший нас громадный мертвый мегаполис был, видимо, последней столицей звездоголовых; город построили в начале мела недалеко от того места, где рухнул в разверзшуюся пропасть его предшественник, превосходивший размерами

даже своего юного двойника. Район этих двух городов почитали священным – ведь именно здесь впервые, тогда еще на морское дно, высадились их предки. Мы узнавали на барельефах некоторые характерные приметы города, в котором оказались. Как нам стало понятно, он тянулся вдоль хребтов на сотни миль в обе стороны, так что обозреть его даже с самолета не представлялось возможным. Считалось, что в нем сохранились священные камни из фундамента первого поселения на дне моря; по прошествии многих веков их выбросило при очередном катаклизме на сушу.

VIII

Мы с Денфортом с особым интересом и смешанным чувством благоговения и страха отыскивали на барельефах то, что относилось к месту нашего пребывания. Такого материала, естественно, было предостаточно; кроме того, скитаясь по наземным лабиринтам города, мы забрели, по счастливой случайности, в исключительно старое здание, на потрескавшихся стенах которого в декадентской манере последних скульпторов разворачивалась история города и его окрестностей после плиоцена – на нем обычно завершались все прочие скульптурные рассказы.

Этот дом мы облазили и изучили до последнего уголка, и то, что нам удалось здесь узнать, поставило перед нами новую цель.

Итак, нам суждено было попасть в самое таинственное, жуткое и зловещее место на Земле. И самое древнее. Мы почти поверили, что это мрачное нагорье и есть то самое легендарное плато Ленг, средоточие зла, о котором страшился упоминать даже безумный творец «Некрономикона». Грандиозная горная цепь была невероятно, умопомрачительно длинна, зарождаясь невысоким кряжем на земле у моря Уэдделла и пересекая весь континент. Наиболее высокий массив образовывал величественную арку между 82° южной широты, 60° восточной долготы и 70° южной широты, 115° восточной долготы, вогнутой стороной обращенную к нашему лагерю, а одним концом упиравшуюся в закованное льдом морское побережье. Уилкс и Маусон видели эти горы на широте Южного полярного круга.

Но нас ожидало еще более сокрушительное открытие. Как я уже говорил, хребты эти превышали Гималаи, но древние резчики по камню уверяли нас, что они уступали другим, еще более грандиозным. Тех великанов окутывала мрачная тайна, большинство скульпторов предпочитали не касаться этой темы, другие приступали к ней с очевидной неохотой и робостью. Похоже, та часть древней суши, что поднялась из моря первой после того, как оторвался кусок, образовавший Луну, и со своих далеких звезд прилетели Старцы, таила в себе, по мнению пришельцев, неведомое, но ощутимое зло. Возводимые там города преждевременно разрушались, их жители внезапно пропадали неведомо куда. Когда первые подземные толчки сотрясли эту зловещую местность, из качнувшейся, а затем разверзшейся земли неожиданно выросла пугающая громада хребтов с высоко взметнувшимися вершинами. Так, среди грохота и хаоса, Земля произвела свое самое жуткое творение.

Если система координат на барельефах соответствовала истине, то эти рождающие ужас и омерзение гиганты вздымались на высоту более сорока тысяч футов, значительно превосходя покоренные нами Хребты Безумия. Они тянулись от 77° южной широты, 70° восточной долготы до 70° южной широты, 100° восточной долготы и, следовательно, находились всего в трехстах милях от мертвого города, так что, не будь тумана, мы могли бы различить на западе их сумрачные вершины. А их северную оконечность можно видеть с широты Южного полярного круга на Земле Королевы Мери.

Во времена упадка некоторые Старцы возносили этим горам тайные молитвы, однако никто не осмеливался приблизиться к ним или хотя бы предположить, что находится за ними. Из людей также ни один человек не бросил взгляда на этих великанов, но, видя, какой страх источают эти древние изображения, я от души порадовался тому, что это и не могло случиться. Ведь за этими колоссами проходит еще одна цепь гор – Королевы Мери и Кайзера Вильгельма, заслоняющая гигантов со стороны побережья, и на эти горы, к счастью, никто не пробовал взбираться. Во мне уже нет былого скептицизма, и я не стану насмехаться над убежденностью древнего скульптора, что молния иногда задерживалась на гребне этих погруженных в тяжелое раздумье гор, и тогда ночь напролет мерцал там дивный таинственный свет. Возможно, в древ-

них Пнакотических рукописях, где упоминается Кадат из Страны Холода, за таинственными темными словесами скрывается подлинная и ужасающая реальность.

Впрочем, городу хватало и своих загадок, пусть и не столь демонических. С его основанием ближние горы понемногу обрастали храмами; они стояли, как мы уразумели из барельефов, в тех местах, где теперь лепились друг к другу диковинные кубы и крепостные валы – все, что осталось от башен неизъяснимой красоты и причудливых, устремленных ввысь шпилей. Затем, с течением времени, появились пещеры, которые соответствующим образом оформлялись, становясь своеобразными придатками к храмам. Шли годы, подземные воды источили слой известняка, и пространство под хребтами, нагорьем и равниной превратилось в запутанный лабиринт из подземных ходов и пещер. Многие барельефы отразили осмотры Старцами бесчисленных подземелий, а также неожиданное открытие ими там моря, которое подобно Стиксу таилось в земном лоне, не зная ласки солнечных лучей.

Эта сумрачная пучина была, конечно же, порождением реки, текущей со стороны зловещих, не имеющих названия западных гор; у Хребтов Безумия она сворачивала в сторону и текла вдоль гор вплоть до своего впадения в Индийский океан между Землями Бадда и Тоттена на Побережье Уилкса. Понемногу река размывала известняк на повороте, пока не достигала грунтовых вод, а слившись с ними, с еще большей силой продолжала точить породу. В конце концов, сломив сопротивление камня, воды ее излились в глубь земли, а прежнее русло, ведущее к океану, постепенно высохло. Позже его покрыли постройки постоянно разраставшегося города. Поняв, что произошло с рекой, Старцы, повинувшись присущему им мощному эстетическому чувству, высекли на своих самых изысканных пилонах картины низвержения водного потока в царство вечной тьмы.

С самолета мы видели бывшее русло этой когда-то прекрасной реки, одетой в былые годы в благородное кружево каменных мостов. Положение, которое занимала река на барельефах, изображающих город, помогло нам лучше понять, как менялся мегаполис в бездонном колодце времени; мы даже наскоро набросали карту с основными достопримечательностями – площадями, главными зданиями и прочими приметами, чтобы лучше ориентироваться в дальнейшем. Скоро мы могли уже воссоздать в своем воображении живой облик этого поразительного города, каким он был миллион, десять миллионов или пятьдесят миллионов лет назад, – так искусно изобразили древние скульпторы здания, горы и площади, окраины и живописные пейзажи с буйной растительностью третичного периода. Все было пронизано несказанной мистической красотой, и, впитывая ее в себя, я забывал о гнетущем чувстве, порожденном непостижимым для человека возрастом города, его мертвым величием, укрытостью от мира и сумеречным сверканием льда. Однако, судя по барельефам, у обитателей города тоже частенько на душе кошки скребли и сердце сжималось от страха: нередко встречались изображения Старцев, отшатывающихся в ужасе от чего-то, чему на барельефе никогда не находилось места. Косвенно можно было догадаться, что предмет этот выловили в реке, которая принесла его с загадочных западных гор, поросших вечно шелестящими деревьями, увитыми диким виноградом.

Только в одном доме поздней постройки мы отчетливо прочли на декадентском барельефе предчувствие грядущей катастрофы и опустения города. Несомненно, были и другие свидетельства, несмотря на снижение творческой активности и художественных устремлений, характерное для скульпторов смутного времени, – вскоре мы в этом, хоть и не воочию, смогли убедиться. Но тот барельеф был первым и единственным в таком роде из всех, какие мы внимательно рассмотрели. Мы хотели продолжить осмотр, но, как я уже говорил, обстоятельства изменились и перед нами возникла новая цель. Впрочем, вскоре все настенные свидетельства и так исчерпали себя: надежда на долгое безоблачное будущее покинула Старцев, а с ней и желание украсить свой быт. Окончательный удар принесло повальное наступление холодов, они

сковали почти всю планету, а с полюсов так никогда и не ушли. Именно эти жестокие холода уничтожили на противоположной стороне планеты легендарные земли Ломара и Гипербореи.

Трудно сказать, когда именно воцарились в Антарктике холода. Сейчас мы относим раннюю границу ледникового периода на пятьсот тысяч лет от нашего времени, но по полюсам этот бич Божий хлестнул еще раньше. Все цифры, конечно, условны, но весьма вероятно, что последние барельефы высечены менее миллиона лет назад, а город покинут полностью задолго до времени, которое принято считать началом плейстоцена, то есть раньше, чем пятьсот тысяч лет тому назад.

На поздних барельефах растительность выглядит более скудной, да и сама жизнь горожан далеко не бьет ключом. В домах появляются нагревательные приборы, путники зимой кутаются в теплую одежду. Картуши, которые все чаще разбивают каменную ленту поздних барельефов, вторгаясь со своей темой, отображали отдельные элементы непрерывной миграции – часть жителей укрылась на дне моря, найдя прибежище в подводных поселениях у далеких берегов, другие опустились под землю и, проскитавшись по запутанным известняковым лабиринтам, вышли к пещерам на краю темных бездонных вод.

Так сложилось, что большинство обитателей города предпочли уйти под землю. До какой-то степени это объяснялось тем, что место здесь почиталось священным, но главным было, конечно же, то, что в этом случае оставалась возможность пользоваться храмами, возведенными на изрезанных подземными галереями хребтах, а также бывать в самом городе, оставленном в качестве летней резиденции и координационного пункта между отдельными поселениями. Провели кое-какие земляные работы, улучшили уже существующие подземные пути, а также проложили новые, напрямик соединившие древнюю столицу с темной пучиной. Тщательно все просчитав, мы нанесли входы в эти новые, прямые как стрела туннели на путеводитель, который понемногу рождался под нашими руками. По меньшей мере два туннеля начинались неподалеку от нас, ближе к хребтам – один всего в четверти мили, в направлении древнего русла реки, а другой – примерно вдвое дальше, в прямо противоположном направлении.

Новый город Старцы выстроили не на пологих берегах подземного моря, а на его дне – температура там была равномерно теплой. Огромная глубина этого тайного моря давала гарантию, что внутренний жар земли позволит новым поселенцам жить там сколько потребуется. Те же без труда приспособились проводить под водой большую часть времени, а позднее и вовсе перестали выходить на берег – они ведь никогда не позволяли жабрам окончательно отмереть. На отдельных барельефах мы видели картины посещения Старцами живущих под водой родственников, а также их продолжительных купаний на дне глубокой реки. Не смущала их и вечная тьма земных недр – сказала привычка к долгим арктическим ночам.

Когда древние скульпторы рассказывали на своих барельефах о том, как на дне подземного моря закладывали новый город, их декадентская, упадническая манера преображалась, и в ней появлялись характерные эпические черты. Подойдя к проблеме научно, Старцы наладили в горных недрах добычу особо прочных камней и пригласили из ближайшего подводного поселения опытных строителей, чтобы использовать в работе новейшие технологии. Специалисты захватили с собой все необходимое для успешной деятельности, а именно: клеточную массу для производства шогготов-чернорабочих, способных поднимать и перетаскивать камни, и протоплазму, с легкостью превращавшуюся в фосфоресцирующие организмы, освещавшие темноту.

И вот на дне мрачного моря вырос громадный город, архитектурой напоминавший прежнюю столицу, а мастерством исполнения даже превзошедший, ибо везде строительству предшествовал точный математический расчет. Новые шогготы достигли здесь исполинских размеров и значительного интеллекта, понимая и исполняя приказы с удивительной быстротой. Со Старцами они изъяснялись, подражая их голосам, мелодичными, трубными звуками, слыш-

ными, если правильно предположил бедняга Лейк, на большом расстоянии; теперь шогготы подчинялись не гипнотическому внушению, а простым командам и были идеально послушны. Фосфоресцирующие организмы полностью обеспечивали Старцев светом, компенсируя этим утрату полярных сияний – неперенных спутников антарктических ночей.

Изобразительные искусства продолжали существовать, хотя упадок был очевиден. Старцы, по-видимому, и сами это понимали, потому что во многих случаях предвосхитили политику Константина Великого и перенесли в подводный город несколько глыб с великолепными образцами древней резьбы, подобно тому как вышеозначенный император в такое же гиблое для искусств время ограбил Грецию и Азию, вывезя оттуда лучшие произведения искусства, чтобы сделать свою новую столицу, Византию, еще более прекрасной. То, что Старцы не забрали из бывшей столицы все барельефы, объяснялось, несомненно, тем, что первое время город на суше не был еще полностью заброшен. Когда же он полностью обезлюдел – а это случилось еще до прихода на полюс самых жестоких холодов плейстоцена, – Старцев уже, видимо, вполне устраивало современное искусство, и они перестали замечать особое совершенство работы древних резчиков и ваятелей. Во всяком случае, вековые руины вокруг нас во многом сохранили свои первоначальные красоты, хотя все, что было легко вывезти, особенно отдельно стоявшие прекрасные скульптуры, обрело новое пристанище на дне подземного моря.

Эта история, рассказанная на панелях и картушах, – последнее свидетельство об ушедшей эпохе, обнаруженное нами на ограниченной территории наших поисков. Выходило, что Старцы некоторое время жили как бы двойной жизнью, проводя зиму на дне подземного моря, а летом возвращаясь в свою бывшую столицу. Завязалась активная торговля с другими городами в относительном отдалении от антарктического побережья. К этому времени стала абсолютно ясна обреченность земного города, и резчики сумели показать на своих барельефах многочисленные признаки вторжения холода. Растительность гибла, и даже в разгар лета грозные приметы зимы полностью не исчезали. Пресмыкающиеся вымерли почти полностью, млекопитающие разделили их участь. Чтобы продолжать работу на суше, можно было приспособить к земным условиям жизни удивительно хорошо переносящих холод бесформенных шогготов, но этого-то Старцы совсем не хотели. Замерла жизнь на великой реке, опустело морское побережье, из его былых обитателей задержались только тюлени и киты. Птицы улетели, по берегу ковыляли одни крупные неуклюжие пингвины. Можно только предполагать, что произошло дальше. Как долго просуществовал подводный город? Может, этот каменный мертвец по-прежнему стоит там, в вечном мраке? Замерзли подземные воды или нет? И какова судьба других городов на дне океана? Выбрались ли из-под ледяного колпака Старцы? Может, мигрировали к северу? Но современная геология нигде не обнаружила следов их пребывания. Значит, злобные Ми-Го все еще создавали угрозу на севере? И кто знает, что таится сейчас в темной, неведомой морской пучине, затерявшейся в потаенных глубинах земли? Сами звездоголовые и их творения могли выдерживать колоссальное давление – а рыбаки иногда вылавливали в этих краях всякие диковины. И может, вовсе не кит-убийца повинен, как предполагали, в кровавой резне, оставившей на телах тюленей многочисленные ранения, на что обратил внимание поколение назад Борхгревинк?⁶

Экземпляры, найденные беднягой Лейком, обсуждению не подлежали: их засыпало в пещере в те времена, когда город был совсем юным. По всем признакам им было не меньше тридцати миллионов лет, а тогда, как мы понимали, подземный город в заполненной водами каверне еще не существовал, как, собственно, и сама каверна. Если бы они ожили, то помнили бы только те давние времена, когда повсюду буйно росла зелень – ведь шел третичный период, –

⁶ Борхгревинк, Карстен (1864–1934) – норвежский путешественник.

в городе процветали искусства, могучая река несла свои воды на север, вдоль величественных гор к далекому тропическому океану.

И все же у нас не шли из головы эти твари, особенно восемь полноценных, которые таинственным образом исчезли из развороченного лагеря Лейка. Слишком многое не укладывалось в голову, и потому приходилось относить разные дикие вещи на счет внезапного помешательства кого-нибудь из членов экспедиции – и эти невероятные могилы, и множество пропавших вещей, и исчезновение Гедни; потрясла нас неземная плотность тканей древних чудищ и всякие странности их биологии, о которых поведали нам древние скульпторы, – словом, мы с Денфортом многое повидали за несколько последних часов, но были готовы к встрече с новыми пугающими и невероятными тайнами первобытной природы, о которых собирались хранить молчание.

IX

Я уже упоминал, что во время осмотра упаднических барельефов у нас родилась новая цель. Она, конечно же, была связана с теми пробитыми в земле туннелями, которые вели в мрачный подземный мир и о существовании которых мы поначалу не имели понятия, зато теперь сгорали от любопытства и желания поскорее увидеть их и по возможности обследовать. Из высеченного на стене плана было ясно, что стоит нам пройти по одному из ближайших туннелей около мили, и мы окажемся на краю головокружительной бездны, там, куда никогда не заглядывает солнце; по краям этого неправдоподобного обрыва Старцы проложили тропинки, ведущие к скалистому берегу потаенного, погруженного в великую ночь океана. Возможность воочию созерцать легендарную пучину явилась соблазном, которому противиться было невозможно, но мы понимали, что нужно либо немедленно пускаться в путь, либо отложить визит под землю до другого раза.

Было уже восемь часов вечера, наши батарейки поиздержались, и мы не могли позволить себе совсем не выключать фонарики. Все пять часов, что мы находились в нижних этажах зданий, подо льдом, делая записки и зарисовки, фонарики не выключались, и потому в лучшем случае их могло хватить часа на четыре. Но, исхитрившись, можно было обойтись одним, зажигая второй только в особенно интересных или опасных местах. Так мы обезопасили бы себя, создав дополнительный резерв времени. Блуждать в гигантских катакомбах без света – верная погибель, следовательно, если мы хотим совершить путешествие на край бездны, нужно немедленно прекратить расшифровку настенной скульптуры. Про себя мы решили, что еще не раз вернемся сюда, возможно, даже посвятим целые недели изучению бесценных свидетельств прошлого и фотографированию – вот где можно сделать коллекцию «черных снимков», которые с руками оторвет любой журнал, специализирующийся на «ужасах», – но теперь поскорее в путь!

Мы уже израсходовали довольно много клочков бумаги, и хотя нам не хотелось рвать тетради или альбомы для рисования, все-таки пришлось пожертвовать еще одной толстой тетрадью. Если случится худшее, решили мы, начнем делать зарубки, тогда, даже если заблудимся, пойдем по одному из туннелей, пока не выйдем на свет – если, конечно, успеем к сроку. И вот мы, сгорая от нетерпения, направились в сторону ближайшего туннеля.

Согласно высеченной на камне карте, с которой мы перерисовали свою, нужный туннель начинался в четверти мили от места, где мы находились. Его окружали прочные, хорошо сохранившиеся дома, так что, похоже, это расстояние мы могли преодолеть под ледяным покрытием. Туннель шел из ближайшего к хребтам угла некой пятиконечной объемистой конструкции – явно места общественных сборищ, возможно, даже культового характера. Мы еще с самолета пытались разглядеть среди руин такие постройки. Однако сколько мы ни обращались к своей памяти, не могли припомнить, чтобы видели с высоты нечто подобное, и потому решили, что это объясняется скорее всего тем, что крыша здания сильно повреждена, а может, и совсем разрушена прошедшей по льду трещиной. Ее-то мы хорошо помнили. Но в таком случае вход в туннель мог быть завален, и тогда нам останется попытать счастья в другом туннеле, что начинался примерно в миле к северу. Русло реки отсекло от нас все южные туннели, и, оказавшись оба ближайших хода завалены, наше дальнейшее путешествие не состоится: не позволят батарейки – ведь до следующего, северного туннеля еще одна миля. Мы шли сумеречными лабиринтами, не выпуская из рук компас и карту, пересекали одну за другой комнаты и коридоры, находившиеся в разных стадиях обветшания, взбирались наверх, шагали по мостикам, опускались снова, упирались в заваленные проходы и груды мусора, зато на некоторых участках, поражающих по контрасту своей идеальной чистотой, почти бежали, наверстывая упущенное время. Иногда мы выбирали неверное направление, и тогда нам приходилось возвращаться,

подбирая оставленные клочки бумаги, а несколько раз оказывались на дне открытой шахты, куда проникал, а точнее, как бы просачивался солнечный свет. И всюду нас мучительно притягивали к себе, дразня воображение, барельефы. Даже при беглом взгляде на них становилось ясно, что многие рассказывали о важнейших исторических событиях, и только уверенность в том, что мы еще не раз вернемся сюда, помогала нам преодолеть желание остановиться и получше их рассмотреть. Иногда мы все же замедляли шаги и зажигали второй фонарик. Будь у нас лишняя пленка, мы могли бы немного пощелкать фотоаппаратом, но о том, чтобы попытаться кое-что перерисовать, и речи не было.

Я приближаюсь к тому месту в своем рассказе, где мне хотелось бы – искушение очень велико – замолчать или хотя бы частично утаить правду. Но истина важнее всего: надо в корне пресечь всякие попытки вести в этих краях дальнейшие исследования. Итак, согласно расчетам, мы уже почти достигли входа в туннель, добравшись по мостику на втором этаже до угла этого пятиконечного здания, а затем спустившись в полуразрушенный коридор, в котором было особенно много по-декадентски утонченных поздних скульптур, явно обрядового назначения, когда около половины девятого Денфорт своим обостренным юношеским чутьем уловил непонятный запах. Будь с нами собака, она, почуяв недоброе, отреагировала бы еще раньше. Поначалу мы не могли понять, что случилось со свежайшим прежде воздухом, но вскоре память подсказала нам ответ. Трудно без дрожи выговорить это. Этот запах смутно, но безошибочно напоминал тот, от которого нас чуть не стошнило у раскрытой могилы одного из чудищ, рассеченных несчастным Лейком.

Мы, естественно, не сразу нашли ответ. Нас мучили сомнения, запаху находилось сразу несколько объяснений. А главное, нам не хотелось отступать – слишком уж мы приблизились к цели, чтобы поворачивать назад, не почувство явной угрозы. Кроме того, подозрения наши казались невероятными. В нормальной жизни такое не случается. Следуя некоему иррациональному инстинкту, мы несколько притушили фонарик, замедлили ход и, не реагируя более на мрачные декадентские скульптуры, угрожающе косившиеся на нас с обеих сторон, осторожно, на цыпочках двинулись дальше, почти ползком преодолевая кучи обломков и мусора, которых с каждым шагом становилось все больше.

Глаза у Денфорта тоже оказались острее моих, ведь именно он первым обратил внимание на некоторые странности. Мы уже успели миновать довольно много полузасыпанных арок, ведущих в покои и коридоры нижнего этажа, когда он заметил, что сор на полу не производит впечатления пролежавшего нетронутым тысячелетия. Прибавив свет в фонарике, мы увидели нечто вроде слабой колеи, словно здесь что-то недавно тащили. Разносортность мусора препятствовала образованию четких следов, но там, где он был мельче и однороднее, следы различались явственнее – видимо, тащили какие-то тяжелые предметы. Раз нам даже померещились параллельные линии, вроде как следы полозьев. Это заставило нас вновь остановиться.

Тогда-то мы и почувствовали еще один запах. Парадоксально, но он испугал нас одновременно и больше и меньше предыдущего: сам по себе он был вполне зауряден, но с учетом места и обстоятельств – невозможен, а потому заставил нас похолодеть от страха. Ведь пахло не чем иным, как бензином. Единственное, что приходило на ум, – не связано ли это как-то с Гедни.

Наше дальнейшее поведение пусть объясняют психологи. Мы понимали, что на это темное как ночь кладбище канувших в вечность времен прокралось нечто, подобное монстрам с базы Лейка, и потому не сомневались: впереди нас ждет встреча с неведомым. И все же продолжили путь – то ли из чистого любопытства, то ли из-за сумятицы в головах или под влиянием самогипноза, а может, нас влекло вперед беспокойство за судьбу Гедни. Денфорт напомнил мне шепотом о подозрительных следах на улице города и прибавил, что он также слышал слабые трубные звуки – очень важное свидетельство в свете оставленного Лейком отчета о вскрытии неизвестных тварей. Эти звуки, впрочем, могли сойти за эхо, гулко разносившееся

по пещерам, изрешетившим горные вершины; похожие звуки доносились и откуда-то снизу, из таинственных недр. Я тоже прошептал ему на ухо свою версию, напомнив, в каком страшном виде предстал перед нашими взорами лагерь Лейка и сколько всего там исчезло: одинокий безумец мог совершить невозможное – перевалить через эти гигантские хребты и, подобно нам, войти в каменный первобытный лабиринт...

Но, поверяя друг другу свои догадки, мы не приходили к единому мнению. Стоя на месте, мы в целях экономии потушили фонарик и только тогда заметили, что в темноте чуть брезжится – это сверху просачивался свет. Непроизвольно двинулись дальше, включая теперь фонарик лишь изредка, чтобы убедиться, что идем в нужном направлении. Неприятный осадок от недавних следов не покидал нас, тем более что запах бензина становился все сильнее. Разруха усиливалась, мы спотыкались на каждом шагу и вскоре поняли, что впереди тупик. Наши пессимистические прогнозы оправдались, и виной была та глубокая расщелина, которую мы заметили еще с воздуха. Проход к туннелю был завален – даже к выходу не пробраться.

Зажженный фонарик высветил на стенах глухого коридора очередную серию барельефов и несколько дверных проемов, заваленных в разной степени каменными обломками. Из одного доносился острый запах бензина, почти заглушая другой запах. Приглядевшись, мы обратили внимание, что обломков и прочего мусора там поменьше, причем создавалось впечатление, что проход расчистили совсем недавно. Сомнений не было – путь к неведомому монстру лежал через эту дверь. Думаю, всякий поймет, что нам потребовалось изрядно потоптаться на пороге, прежде чем решиться войти.

Когда же мы все-таки ступили под эту черную арку, то первым чувством было недоумение. В этой уединенной замусоренной комнате – абсолютно квадратной, длина каждой из покрытых все теми же барельефами стен равнялась примерно двадцати футам, – не было ничего необычного, и мы инстинктивно закрутили головами, ища прохода дальше. Но тут зоркие глаза Денфорта различили в углу какой-то беспорядок, и мы разом включили оба фонарика. Зрелище было самым заурядным, но говорило о многом, и тут меня опять тянет оборвать рассказ. На слегка притоптанном мусоре что-то валялось, там же, судя по всему, недавно пролили изрядное количество бензина, от него, несмотря на несколько разреженный воздух, шел резкий запах. Короче говоря, здесь недавно устроили привал некие существа, так же, как и мы, стремящиеся попасть в туннель и точно так же остановленные непредвиденным завалом.

Скажу прямо. Все разбросанные вещи были похищены из лагеря Лейка – консервные банки, открытые непередаваемо варварским способом, как и на месте трагедии; обгоревшие спички; три иллюстрированные книги в грязных пятнах непонятого происхождения; пустой пузырек из-под чернил с цветной этикеткой; сломанная авторучка; искромсанные палатка и меховая куртка; использованная электрическая батарейка с приложенной инструкцией; коробка от обогревателя и множество мятых бумаг. От одного этого голова могла пойти кругом, но когда мы подняли и расправили несколько бумажек, то поняли, что самое худшее ожидало нас здесь. Еще в лагере Лейка нас поразили вид уцелевших бумаг, испещренных странными пятнами, но то, что предстало нашим взорам в подземном склепе кошмарного города, было абсолютно невыносимо.

Сойдя с ума, Гедни мог, конечно, подражая точечному орнаменту на зеленоватых камнях, воспроизвести такие же узоры на отвратительных, невероятных пятиугольных могилах, а затем повторить их тут, на этих листках; поспешные грубые зарисовки тоже могли быть делом его рук; мог он составить и приблизительный план места и наметить путь от обозначенного кружком ориентира, лежащего в стороне от нашего маршрута, – громадной башни-цилиндра, постоянно встречавшейся на барельефах, с самолета она нам виделась громадной круглой ямой, – до этого пятиугольного здания и дальше, до самого выхода в туннель.

Он мог, повторяю, начертить какой-никакой план, ведь, несомненно, источником для него, так же как и для наших наметок, послужили все те же барельефы в ледяном лабиринте,

но разве сумел бы дилетант воспроизвести эту неподражаемую манеру рисунка: ведь, несмотря на явную поспешность и даже небрежность зарисовок, манера эта ощущалась сразу и намного превосходила декадентский рисунок поздних барельефов. Здесь чувствовалась характерная техника рисунка Старцев в годы наивысшего расцвета их искусства.

Не сомневаюсь, что многие сочтут нас с Денфортом безумцами из-за того, что мы не бросились тут же прочь, спасать свои жизни. Самые чудовищные наши опасения подтвердились, и те, кто читает сейчас мою исповедь, понимают, о чем я говорю. А может, мы и правда сошли с ума – ведь назвал же я эти страшные горы «Хребтами Безумия»? Но нас охватил тот безумный азарт, какой не покидает охотников, отслеживающих диких зверей где-нибудь в джунглях Африки и рискующих жизнью, только чтобы понаблюдать за ними и сфотографировать. Мы застыли на месте, страх парализовал нас, но где-то в глубине уже разгорался неугасимый огонек любопытства, и он в конце концов одержал победу.

Мы, конечно, не хотели бы встретиться лицом к лицу с тем или с теми, кто побывал здесь, но у нас было ощущение, что они ушли. Должно быть, сейчас уже отыскивали ближайший туннель, проникли внутрь и направляются на встречу с темными осколками своего прошлого, если только они сохранились в темной пучине – в неведомой бездне, которую они никогда прежде не видели. А если заблокирован и тот туннель, значит, пойдут на север в поисках другого. Им ведь не так, как нам, необходим свет – это мы помнили.

Возвращаясь мысленно в прошлое, затрудняюсь определить, какие именно эмоции овладели нами тогда, какую форму приняли и как изменился наш план действий в связи с острым предчувствием чего-то необычайного. Разумеется, мы не хотели бы столкнуться с существами, вызывавшими у нас столь жгучий страх, но, думаю, подсознательно жаждали хоть издали их увидеть, тайком подсмотреть из укромного убежища. Мы не расставались окончательно с мыслью увидеть воочию таинственную бездну, хотя теперь перед нами маячила новая цель – дойти до места, которое на смятом плане было обозначено большим кругом. Было ясно, что так изобразили диковинную башню цилиндрической формы, которую мы видели даже на самых ранних барельефах, – ведь сверху она выглядела просто огромным круглым провалом. Даже на этом небрежном чертеже чувствовалось некое скрытое величие этой постройки, уважительное к ней отношение; это заставляло нас думать, что в той части, что находится ниже уровня льда, может найтись для нас много интересного. Башня вполне могла быть архитектурным шедевром. Судя по барельефам, построена она в непостижимо далекие времена – одно из старейших зданий города. Если там сохранились барельефы, они могут многое поведать. Кроме того, от нее мы могли бы, возможно, найти для себя более короткую дорогу, чем та, которую так последовательно метили клочками бумаги.

Начали мы с того, что тщательно изучили эти ошеломляющие зарисовки, которые вполне совпадали с нашими собственными, а затем отправились в обратный путь, точно придерживаясь указанного на листке маршрута, ведущего к цилиндрической башне. Наши неизвестные предшественники, должно быть, проделали этот путь дважды. Как раз за гигантским цилиндром начинался ближайший туннель. Не стану описывать нашу обратную дорогу, во время которой мы старались как можно экономнее тратить бумагу: ничего нового нам не повстречалось. Разве только теперь путь наш реже взмывал вверх, стелясь по самой земле и даже иногда опускаясь в подземелье. Не однажды замечали мы следы, оставленные прошедшими перед нами незнакомцами, а после того как запах бензина остался далеко позади, в воздухе вновь стал слышен слабый, но отчетливый неприятный запах, от которого нас бросило в дрожь. Свернув в сторону от прежнего маршрута, мы стали иногда включать фонарик, направляя свет на стены, и могу вас заверить, не было случая, чтобы при этом не высветился очередной барельеф – несомненно, то был наилюбимейший вид искусства у Старцев.

Около 9:30, двигаясь по длинному сводчатому коридору, обледеневший пол которого, казалось, уходил под землю, а потолок становился все ниже, мы заметили впереди яркий днев-

ной свет и тут же выключили фонарик. Вскоре стало понятно, что наш коридор кончается просторной круглой площадкой вроде арены, до которой было уже рукой подать. Впереди вырисовывалась чрезвычайно низкая арка, совсем не типичная для мегалитов⁷, и, даже не выходя, мы увидели довольно много интересного. Перед нами раскинулся огромный круг – не менее двухсот футов в диаметре, – заваленный обломками и прочим мусором, от него расходилось множество сводчатых коридоров, вроде того, которым шли мы, но большинство из них было основательно засыпано. По стене на высоте человеческого роста тянулась широкая полоса барельефов, и, несмотря на разрушительное действие времени, усиленное пребыванием под открытым небом, сомнений не оставалось: ничто из виденного нами ранее нельзя было поставить рядом с этими великолепными шедеврами. Толстый слой льда проступал из-под завалов мусора, и мы догадались, что настоящее дно открытого цилиндра глубоко внизу.

Но главной достопримечательностью места был огромный каменный пандус, который, не заслоняя коридоры, плавной спиралью взмывал ввысь внутри цилиндрического колосса, подобно своим двойникам в зиккуратах⁸ Древнего Вавилона. Из-за скорости самолета, нарушившей перспективу, мы не заметили его с воздуха, потому-то и не направились к башне, когда решили спуститься под лед. Не сомневаюсь, что Пибоди доискался бы до принципа устройства этой конструкции, мы же с Денфортом могли только смотреть и восхищаться. Каменные консоли и колонны были великолепны, но мы не могли взять в толк, как это все функционирует. Время не повредило пандусу, что само по себе удивительно – ведь он находился под открытым небом; мало того, он еще предохранил от разрушения диковинные космические барельефы.

Опасливо ступили мы на частично затененное пандусом ледяное дно этого необыкновенного цилиндра – ведь ему было никак не меньше пятидесяти миллионов лет, без сомнения, то была самая древняя постройка из всех, что нам пришлось увидеть, – мы обратили внимание, что стены его, увитые пандусом, возвышаются на полных шестьдесят футов. Это означало, судя по нашему впечатлению с самолета, что снаружи ледяной пласт тянулся вверх, обхватывая цилиндр, еще на сорок футов: ведь зияющая яма, которую мы отметили с самолета, находилась посередине холма высотой футов в двадцать, состоящего, как мы решили, из раздробленного каменного крошева. На три четверти яму затеняли массивные, нависшие над ней руины окружающих ее высоких стен. На древних барельефах мы видели первоначальный облик башни. Стоя в центре огромной площади, она взмывала ввысь на пятьсот-шестьсот футов, сверху ее покрывали горизонтальные диски, верхний из которых имел по краям остроконечные завершения в виде игольчатых шпилей. К счастью, разрушенная кладка сыпалась наружу – иначе рухнул бы пандус, полностью завалив интерьер башни. И так-то зрелище было довольно жалкое. А вот щебень от арок, казалось, недавно отгребли.

Не составляло особого труда понять: именно по этому пандусу спустились в подземелье неведомые пришельцы. Мы тут же решили выбраться отсюда тем же способом, благо башня находилась от оставленного в предгорье самолета на таком же расстоянии, что и внушительных размеров дом с колоннадой, через который мы проникли в сердце города. Зря, конечно, оставили за собой тропу из бумажек, ну да ладно. Остальную разведку можно провести и в этом месте. Вам может показаться странным, но мы до сих пор не оставили мысль о том, чтобы вернуться сюда и, может быть, даже не один раз – и это несмотря на все увиденное и домысленное. С превеликой осторожностью прокладывали мы путь сквозь груды обломков, но тут необычное зрелище заставило нас застыть на месте. За выступом пандуса стояли трое саней, связанные вместе и находившиеся ранее вне поля нашего зрения. Они-то и пропали из лагеря Лейка и вот теперь обнаружили здесь, изрядно расшатанные в дороге, – по-видимому, их тащили не только по снегу, но и по голым камням и завалам, а кое-где перетаскивали на весу. На

⁷ Мегалиты – сооружения из больших блоков грубо обработанного камня.

⁸ Зиккурат – культовое сооружение в древнем Двуречье.

санях лежали аккуратно увязанные и стянутые ремнями знакомые до боли вещи: наша печурка, канистры с бензином, набор инструментов, банки с консервами, завязанные узлом в брезент книги и еще какие-то тюки – словом, похищенный из лагеря скарб. После всего предыдущего мы не очень удивились находке, скажу больше – были почти к ней готовы. Однако когда, склонившись над санями, развязали брезентовый тюк, очертания которого меня почему-то смутно встревожили, нас как громом поразило. По-видимому, существам, побывавшим в лагере, тоже не была чужда страсть к научной систематизации, как и Лейку: в санях лежали два свежемороженых экземпляра, раны вокруг шеи аккуратно залеплены пластырем, а, дабы избежать дальнейших повреждений, сами тела туго перевязаны. Надо ли говорить, что то были Гедни и пропавшая собака.

X

Наверное, многие сочтут нас бездушными и, конечно же, не вполне нормальными, но и после этой жуткой находки мы продолжали думать о северном туннеле, хотя, уверяю, мысль о дальнейшем путешествии на какое-то время оставила нас, вытесненная другими размышлениями. Закрыв тело Гедни брезентом, мы стояли над ним в глубокой задумчивости, из которой нас вывели непонятные звуки – первые услышанные с того момента, как мы покинули улицы города, где слабо шелестел ветер, спускаясь со своих заоблачных высот. Очень земные и хорошо знакомые нам звуки были настолько неожиданны в этом мире пагубы и смерти, что, опрокидывая все наши представления о космической гармонии, ошеломили нас сильнее, чем это сделали бы самые невероятные звучания и шумы.

Услышав мы загадочные и громкие трубные звуки, мы удивились бы меньше – результаты проведенного Лейком вскрытия подготовили нас к чему-то в этом роде, более того, наша болезненная фантазия после кровавой резни в лагере вынуждала нас чуть ли не в каждом завывании ветра чувствовать недоброе. Ничего другого не приходилось ожидать от этого дьявольского края вечной смерти. Здесь приличествовали кладбищенские, унылые песни канувших в прошлое эпох. Но услышанные нами звуки разом сняли с нас умопомрачение, в которое мы впали, уже и мысли не допуская, что в глубине антарктического континента может существовать хоть какая-то нормальная жизнь. То, что мы услышали, вовсе не исходило от захороненной в незапамятные времена дьявольской твари, разбуженной полярным солнцем, приласкавшим ее дубленую кожу. Нет, существо, издавшее этот крик, было до смешного заурядным созданием, к которому мы привыкли еще в плавании, недалеко от Земли Виктории, и на нашей базе в заливе Мак-Мердо; его мы никак не ожидали встретить здесь. Короче – этот резкий, пронзительный крик принадлежал пингвину.

Он доносился откуда-то снизу – как раз напротив коридора, которым мы только что шли, то есть со стороны проложенного к морской пучине туннеля. Присутствие в этом давно уже безжизненном мире животного, не способного существовать без воды, наводило на вполне определенные предположения, но прежде всего хотелось убедиться в реальности крика – а вдруг нам просто послышалось? Он, однако, повторился и даже умножился – орали уже в несколько глоток. Пойдя на звуки, мы вошли в арку, которую, видно, только недавно расчистили от завалов. Оставив дневной свет позади, мы возобновили нашу возню с клочками, тем более что позаимствовали, хоть и не без брезгливости, изрядную толику бумаги из тюка на санях.

Вскоре лед сменился открытой почвой, состоящей преимущественно из обломков детрита, – на ней явственно виднелись следы непонятного происхождения, как если бы что-то тащили, а раз Денфорт заметил очень четкий отпечаток, но о нем не стоит распространяться. Мы шли на крик пингвинов, что соответствовало направлению, в котором, как говорили нам и карта, и компас, находился вход в северный туннель; коридор, ведущий туда, к счастью, не был засыпан. Согласно плану, туннель шел из подвала большой пирамидальной конструкции, на которую мы обратили внимание еще во время полета над городом, – она сохранилась лучше многих других построек. Освещая путь единственным фонариком, мы видели, что нас и тут продолжают сопровождать барельефы, но теперь нам было не до них.

Впереди замаячил белый громоздкий силуэт, и мы поспешно включили второй фонарик. Как ни странно, мы тут же сосредоточились на новой загадке, позабыв о своих страхах. Те, что оставили часть снаряжения на дне огромного цилиндра и отправились на разведку к морской пучине, могли в любую минуту вернуться, но мы почему-то перестали принимать их во внимание. Беловатое существо, неуклюже ковылявшее впереди, было не менее шести футов росту, но мы ни минуты не сомневались, что оно не из тех, кто побывал в лагере Лейка. Те были выше и темнее, а по земле двигались, несмотря на свою приспособленность к жизни под

водой, быстро и уверенно, – это мы поняли из барельефов. И все же, не буду скрывать, мы испугались. На какое-то мгновение нас охватил безотчетный ужас, пострашнее прежнего, осознанного, с которым мы ожидали встречи с существами, опередившими нас на пути к туннелю. Разрядка, впрочем, наступила быстро, стоило белому увальню свернуть, переваливаясь, в проход под арку, где к нему присоединились двое братьев, приветствуя его появление резкими, пронзительными криками. Это был всего лишь пингвин, хотя и значительно превосходящий размерами обычных королевских пингвинов. Полная слепота еще более усугубляла отталкивающее впечатление, которое производил этот альбинос.

Мы последовали за нелепым созданием, а когда, ступив под арку, направили лучи обоих фонариков на безучастно топчущуюся в проходе троицу, то поняли, что слепыми были и остальные два представителя этого неизвестного науке вида пингвинов-гигантов. Они напоминали нам древних животных с барельефов Старцев, и мы быстро смекнули, что эти недотепы наверняка были потомками тех прежних великанов, которые выжили, уйдя от холода под землю; вечный мрак разрушил пигментацию и лишил их зрения, сохранив как бы в насмешку ненужные теперь узкие прорезы для глаз. Мы ни на минуту не сомневались, что они и теперь обитают на берегах подземного моря, и это свидетельство продолжающегося существования пучины, по-прежнему дарующей тепло и пристанище тем, кто в них нуждается, наполнило нас волнующими чувствами.

Интересно, что заставило этих трех увальней покинуть привычную среду обитания? Особая атмосфера разора и заброшенности, царящая в громадном мертвом городе, не позволяла предположить, что он был для них сезонным пристанищем, а полнейшее равнодушие животных к нашему присутствию заставляло сомневаться, что их с обжитых мест могли вспугнуть опередившие нас незнакомцы – если, конечно, не набросились на пингвинов с целью пополнить свой запас продовольствия. А может, животных раздражил висевший в воздухе едкий запах, от которого бесились собаки? Тоже маловероятно, ведь их предки жили в полном согласии со Старцами, и это должно было продолжаться и под землей. В сердцах посетовав, что не можем сфотографировать в интересах науки эти удивительнейшие экземпляры, мы обогнали их, еще долго слыша, как они гогочут и хлопают крыльями-ластами, и решительно направились вдоль указанного ими сводчатого коридора к неведомой бездне.

Вскоре на стенах исчезли барельефы, а коридор, став заметно ниже, резко пошел под уклон. Видимо, неподалеку находился вход в туннель. Мы поравнялись еще с двумя пингвинами; впереди слышались крики и гогот их братьев. Неожиданно коридор оборвался, и у нас перехватило дыхание – перед нами находилась большая сферическая пещера, диаметром сто, а высотой пятьдесят футов; во все стороны от нее расходились низкие сводчатые галереи, и только один ход, пятнадцати футов высотой, нарушая симметрию, зиял огромной черной пустотой. То был, несомненно, путь, ведущий к Великой бездне.

Под сводом пещеры, которой явно пытались в свое время придать резцом вид небесной сферы (зрелище впечатляющее, хотя художественно малоубедительное), бродили незрячие и ко всему равнодушные пингины-альбиносы. Туннель зазывно чернел, приглашая спуститься еще ниже, манил и сам вход, которому резец придал декоративную форму двери. Из таинственно зияющего отверстия, казалось, тянуло теплом, нам даже почудились струйки пара. Кого же еще, кроме пингвинов, скрывали эти бездонные недра и эти бесконечные ячейки, пронизывающие землю и гигантские хребты? Нам пришло в голову, что дымка, окутывавшая вершины гор, которой мы любовались с самолета и которую Лейк, обманувшись, принял за проявление вулканической активности, могла быть всего лишь паром, поднимающимся из самых глубин земли.

Туннель был выложен все теми же крупными глыбами, и поначалу ширина в нем равнялась высоте. Стены украшали редкие картуши, приметы позднего упаднического искусства, все здесь сохранилось превосходно – и кладка, и резьба. На каменной пыли отпечатались следы

пингвинов и тех, других, опередивших нас. Одни следы вели в сферическую пещеру, другие – из нее. С каждым шагом становилось все теплее, и вскоре мы, расстегнув теплые куртки, шли нараспашку. Кто знает, не происходят ли там, под водой, вулканические выбросы, благодаря которым подземное море сохраняет тепло? Довольно скоро кладку сменила гладкая скальная поверхность, но это никак не отразилось на размерах туннеля, да и картуши украшали стены с той же регулярностью. Иногда спуск становился слишком крутым, и тогда мы нащупывали под ногами каменные ступени. Несколько раз нам попадались небольшие боковые галереи, не обозначенные на нашем плане, впрочем, они никак не могли нас запутать и помешать нашему быстрому возвращению, напротив, в случае опасности мы могли в них укрыться. Неприятный едкий запах тем временем все усиливался. Учитывая обстоятельства, лезть в туннель было чистым безумием, но в некоторых людях страсть к познанию перевешивает все, ей уступает даже инстинкт самосохранения, именно эта страсть и гнала нас вперед. Мы повстречали еще нескольких пингвинов. Сколько нам предстояло идти? Согласно плану, крутой спуск начинался за милю до бездны, но предыдущие скитания научили нас не очень-то доверяться масштабам на барельефах.

Через четверть мили едкий запах стал почти невыносимым, и мы с особой осторожностью проходили мимо боковых галерей. Струйки пара, напротив, исчезли – температура теперь всюду выровнялась, такого контраста, как при входе в туннель, больше не было. Становилось все жарче, и поэтому мы не удивились, увидев брошенную на пол до боли знакомую теплую одежду и скarb. В основном это были меховые куртки и палатки, пропавшие из лагеря Лейка, и нам совсем не хотелось рассматривать странные прорезы, сделанные похитителями, подгонявшими вещи по своим фигурам. Вскоре число и размеры боковых галерей резко увеличилось, видимо, начинался район изрешеченных подземными ходами-ячейками предгорий.

К едкой вони теперь примешивался какой-то новый, не столь резкий запах, откуда он взялся, мы не понимали и только гадали: может, что-то гниет, или так своеобразно пахнет какая-нибудь неизвестная разновидность подземных грибов? Неожиданно туннель как по волшебству (карты нас к этому не подготовили) вдруг расширился, сменившись просторной, по-видимому, естественного происхождения пещерой овальной формы, с ровным каменным полом приблизительно семидесяти пяти футов длиной и пятидесяти – шириной. Отсюда расходилось множество боковых галерей, теряясь в таинственной мгле.

При ближайшем рассмотрении пещера оказалась вовсе не естественного происхождения: перегородки между отдельными ячейками были сознательно разрушены. Сами стены были неровными, с куполообразного потолка свисали сталактиты, а вот пол, казалось, только что вымели – никаких тебе обломков, осколков и даже пыли совсем немного. Чисто было и в боковых галереях, и это нас глубоко озадачило. Новый запах все усиливался, он почти вытеснил прежнее зловоние. От необычной чистоты, граничащей прямо-таки со стерильностью, мы потеряли дар речи, это казалось настолько необъяснимым, что произвело на нас более жуткое впечатление, чем все прежние странности. Прямо перед нами начиналась галерея, вход в которую был отделан более тщательно, чем все прочие; нам следовало выбрать его: на это указывали ведущие к нему внушительные груды пингвиньего помета. Решив не рисковать, мы, во избежание всяких случайностей, начали вновь рвать бумагу: ведь на следы рассчитывать не приходилось, чистота была прямо идеальная – никакой пыли. Войдя в галерею, мы привычно осветили фонариком стены и застыли в изумлении: как снизился уровень резьбы! Нам уже было известно, что во времена строительства туннелей искусство у Старцев находилось в глубоком упадке, и сами недавно воочию в этом убедились. Но теперь, на подступах к загадочной бездне, мы увидели перемены настолько разительные, что не могли найти им никаких объяснений. И форма, и содержание немисливо деградировали, говорить о каком-либо мастерстве исполнения просто не приходилось.

В новой манере появилось нечто грубое, залихватское – никакой тонкости. Резьба в орнаментальных завитках была слишком глубокой, и Денфорту пришла мысль, что, возможно, здесь происходило как бы обновление рисунка, своего рода палимпсест – после того как обветшала и стерлась старая резьба. Новый рисунок был исключительно декоративным и традиционным – сплошные спирали и углы – и казался грубой пародией на геометрический орнамент Старцев. Нас не оставляла мысль, что не только техника, но само эстетическое чувство подверглось здесь грубому перерождению, а Денфорт уверял меня, что здесь не обошлось без руки «чужака». Рисунок сразу же вызывал в памяти искусство Старцев, но это сравнение порождало в нас одновременно и глубокое внутреннее неприятие. Непроизвольно вспомнилось мне еще одно неудачное подражание чужому стилю – пальмирские скульптуры, грубо копирующие римскую манеру. Те, что шли перед нами, тоже заинтересовались резьбой, об этом говорила использованная батарейка, брошенная рядом с наиболее типичным картушем.

Однако из-за недостатка времени мы бросили на эти необычные барельефы лишь беглый взгляд и почти тут же возобновили путь, хотя далее довольно часто направляли на стену лучи фонариков, высматривая, не появились ли еще какие-нибудь новшества. Но все шло как прежде, разве что увеличивалось расстояние между картушами: слишком много отходило от туннеля боковых галерей. Нам повстречалось несколько пингвинов, мы слышали их крики, но нас не оставляло чувство, что где-то в отдалении, глубоко под землей, гогочут и кричат целые стаи этих больших птиц. Новый запах непонятного происхождения почти вытеснил прежний, едкий. Вновь появившиеся в воздухе струйки пара говорили о нарастающей разнице температур и о близости морской бездны, таящейся в крошечной мгле. И тут вдруг, совершенно неожиданно, мы увидели впереди, прямо на сверкающей глади пола, какое-то препятствие – нет, совсем не пингвинов, а что-то другое. Решив, что непосредственной опасности как будто нет, мы включили второй фонарик.

XI

И вот снова слова застывают у меня на губах. Казалось бы, пора привыкнуть спокойнее на все реагировать, а может, даже ожесточиться, но в жизни случаются такие переживания, что ранят особенно глубоко, от них невозможно исцелиться, рана продолжает ныть, а чувствительность настолько обостряется, что достаточно оживить в памяти роковые события, и снова вспыхивают боль и ужас. Как я уже говорил, мы увидели впереди, на чистом блестящем полу, некое препятствие, и одновременно наши ноздри уловили все тот же новый запах, многократно усилившийся и смешавшийся с едкими испарениями тех, кто шел перед нами. При свете фонариков у нас не осталось никаких сомнений в природе неожиданного препятствия; мы не побоялись подойти поближе, потому что даже на расстоянии было видно, что распростертые на полу существа не способны больше никому причинить вреда – так же как и шестеро их товарищей, похороненных под ужасными пятиконечными надгробиями из льда в лагере несчастного Лейка. Как и у собратьев, почивших в ледяной могиле, у них были отсечены некоторые члены, а по расплывшейся темно-зеленой вязкой лужице было понятно, что печальное событие случилось совсем недавно. Мы увидели только четверых, хотя из посланий Лейка явствовало, что звездоголовых существ должно быть не менее восьми. Зрелище потрясло и одновременно удивило нас: что за роковая встреча произошла здесь, в крошечной тьме?!

Напуганные пингвины разъяренно щелкали клювами; по доносившимся издали крикам мы поняли, что впереди – гнездовье. Неужели звездоголовые, потревожив птиц, навлекли на себя их ярость? Судя по характеру ран, такого быть не могло: ткани, которые с трудом рассек скальпелем Лейк, легко выдержали бы удары птичьих клювов. Кроме того, огромные слепые птицы вели себя исключительно мирно.

Может, звездоголовые поссорились между собой? Тогда вина легла на четверых отсутствующих. Но где они? Прячутся неподалеку и выжидают удобный момент, чтобы напасть на нас? Медленно продвигаясь к месту трагедии, мы опасливо поглядывали в сторону боковых галерей. Что бы здесь ни случилось, это очень напугало пингвинов, они необычайно всполошились. Возможно, схватка завязалась недалеко от гнездовья, где-нибудь на берегу бездонной темной пучины: ведь поблизости не было птичьих гнезд. Может, звездоголовые бежали от преследователей, хотели поскорее добраться до оставленных саней, но тут убийцы нагнали тех, кто послабее, и прикончили? Можно представить себе панику среди звездоголовых, когда нечто ужасное поднялось из темных глубин, распугав пингвинов, и те с криками и гогом бросились в бегство.

Итак, мы опасливо приближались к загроможденным проход истерзанным созданиям. Но не дошли, а, слава Создателю, бросились прочь, опрометью понеслись назад по проклятому туннелю, по его гладкому, скользкому полу, мимо издевательских орнаментов, открыто высмеивающих искусство, которому подражали. Мы бросились бежать прежде, чем уяснили себе, что же все-таки увидели, прежде чем наш мозг опалило знание, из-за которого никогда уже нам не будет на земле покоя!

Направив свет обоих фонариков на распростертые тела, мы поняли, что более всего встревожило нас в этой жуткой груде тел. Не то, что жертвы были чудовищно растерзаны и искалечены, а то, что все были без голов. Подойдя еще ближе, мы увидели, что головы не просто отрубили, а изничтожили каким-то дьявольским способом – оторвали или, скорее, отъели. Кровь, темно-зеленая, все еще растекавшаяся лужицей, источала невыносимое зловоние, но теперь его все больше забивал новый, неведомый запах – здесь он ощущался сильнее, чем прежде, по дороге сюда. Только на совсем близком расстоянии от поверженных существ мы поняли, где таится источник этого второго, необъяснимого запаха. И вот тогда Денфорт, вспомнив некоторые барельефы, живо воспроизводящие жизнь Старцев во время перми, сто пять-

десять миллионов лет назад, издал пронзительный, истошный вопль, отозвавшийся мощным эхом в этой древней сводчатой галерее со зловещей и глубоко порочной резьбой на стенах.

Секундой позже я уже вторил ему: в моей памяти тоже запечатлелся старинный барельеф, на котором неизвестный скульптор изобразил покрытое мерзкой слизью и распростертое на земле тело обезглавленного Старца; это чудовищные шогготы убивали таким образом своих жертв – отъедая головы и высасывая из них кровь; происходило это в годы их неповиновения, во время изнурительной, тяжелой войны с ними Старцев. Высекая эти кошмарные сцены, художник нарушал законы профессиональной этики, хотя и изображал события, уже канувшие в Лету: ведь шогготы и последствия их деяний явно были запретным для изображения предметом. Несомненно, на это существовало табу. Недаром безумный автор «Некрономикона» пылко заверял нас, что подобные твари не могли быть созданы на Земле и что они являлись людям только в наркотических грезах. Бесформенная протоплазма, до такой степени способная к имитированию чужого вида, органов и процессов, что копию трудно отличить от подлинника. Липкая пузырчатая масса... эластичные пятнадцатифутовые сфероиды, легко поддающиеся внушению послушные рабы, строители городов... все строптивее... все умнее... живущие и на земле, и под водой... и все больше постигающие искусство подражания! О Боже! Какая нелегкая дернула этих нечестивых Старцев создать этих тварей и пользоваться их услугами?!

Теперь, когда мы с Денфортом воочию увидели блестящую, маслянистую черную слизь, плотно обволакивающую обезглавленные тела, когда в полную силу вдохнули этот ни на что не похожий мерзкий запах, источник которого мог себе представить только человек с больным воображением – исходил он от слизи, которая не только осела на телах, но и поблескивала точечным орнаментом на грубо и вульгарно переиначенных картушах, – лишь теперь мы всем своим существом прочувствовали, что такое поистине космический страх. Мы уже не боялись тех четверых, которые сгинули неведомо где и вряд ли представляли теперь опасность. Бедняги! Они-то как раз не несли в себе зла. Природа сыграла с ними злую шутку, вызвав из векового сна: какой трагедией обернулось для них возвращение домой! То же станет и с остальными, если человеческое безумие, равнодушие или жестокость вырвут их из недр мертвых или спящих полярных просторов. Звездоголовых нельзя ни в чем винить. Что они сделали? Ужасное пробуждение на страшном холоде в неизвестную эпоху и, вполне вероятно, нападение разъяренных, истошно лающих четвероногих, отчаянное сопротивление, и, наконец, впридачу – окружившие их неистовые белые обезьяны в диких одеяниях... несчастный Лейк... несчастный Гедни... и несчастные Старцы. Они остались до конца верны своим научным принципам. На их месте мы поступили бы точно так же. Какой интеллект, какое упорство! Они не потеряли головы при встрече с неведомым, сохранив спокойствие духа, как и подобает потомкам тех, кто изображен на барельефах! Кого бы они ни напоминали внешним обликом – морских звезд или каких-то наземных растений, мифических чудищ или инопланетян, по сути своей они были людьми!

Они перевалили через заснеженные хребты, на склонах которых ранее стояли храмы, где они возносили хвалу своим богам; там же они прогуливались когда-то в зарослях древесных папоротников. Город, в который они так стремились, спал, объятый вечным сном, но они сумели, как и мы, прочесть на древних барельефах историю его последних дней. Ожившие Старцы пытались разыскать своих соплеменников здесь, в этих легендарных темных недрах, и что же они нашли? Примерно такие мысли рождались у нас с Денфортом при виде обезглавленных и выпачканных мерзкой слизью трупов. Затем мы перевели взгляд на резьбу, вызывавшую отвращение своей вульгарностью, над которой жирно поблескивала только что нанесенная гнусной слизью надпись из точек. Теперь мы поняли, кто продолжал жить, победив Старцев, в подводном городе на дне темной бездны, по краям которой устроили свои гнездо-

вья пингвины. Ничего здесь не изменилось. Должно быть, и теперь над пучиной все так же дымятся клубы пара.

Шок от ужасного зрелища обезглавленных, перепачканных гнусной слизью тел был так велик, что мы застыли на месте, не в силах вымолвить ни слова, и только значительно позже, делаясь своими переживаниями, узнали о полном сходстве наших мыслей. Казалось, прошли годы, на самом же деле мы стояли так, окаменевшие, не более десяти-пятнадцати секунд. И тут в воздухе навстречу нам поплыли легкие струйки пара, как бы от дыхания приближающегося к нам, но еще невидимого существа, а потом послышались звуки, которые, разрушив чары, открыли нам глаза, и мы опрометью бросились наутек мимо испуганно гогочущих пингвинов. Мы бежали тем же путем, топча брошенную нами бумагу, по извивавшимся под ледяной толщей сводчатым коридорам – назад, скорее в город! Выбежав на дно гигантского цилиндра, мы заторопились к древнему пандусу; оцепенело, автоматически стали карабкаться вверх – наружу, к спасительному солнечному свету! Только бы уйти от опасности!

Мы считали, в соответствии с гипотезой Лейка, что трубные звуки издают те, которые сейчас, в большинстве своем, были уже мертвы. Значит, кто-то уцелел! Денфорт позже признался, что именно такие звуки, только более приглушенные, он слышал при нашем вступлении в город, когда мы осторожно передвигались по ледяной толще. Они удивительно напоминали завывания, доносившиеся из горных пещер. Не хотелось бы показаться наивным, но все же прибавлю еще кое-что, тем более что Денфорту, по странному совпадению, пришла в голову та же мысль. Этому, конечно, способствовал одинаковый круг чтения; Денфорт к тому же намекнул, что, по его сведениям, По, работая сто лет назад над «Артуром Гордоном Пимом», пользовался неизвестными даже ученым тайными источниками. Как все, наверное, помнят, в этой фантастической истории некая огромная мертвенно-белая птица, живущая в самом сердце зловещего антарктического материка, постоянно выкрикивает некое никому неведомое слово, полное рокового скрытого смысла: *«Текели-ли! Текели-ли!»*

Уверяю вас, именно его мы расслышали в коварно прозвучавших за клубами белого пара громких трубных звуках. Они еще не отзвучали, а мы уже со всех ног неслись прочь, хотя знали, как быстро перемещаются Старцы в пространстве: выжившему участнику этой немыслимой бойни, тому, кто издал этот непередаваемый трубный клич, не стоило большого труда догнать нас – хватило бы минуты. Мы смутно надеялись, что нас может спасти отсутствие агрессии и открытое проявление нами добрых намерений – в преследователе могла проснуться любознательность. В конце концов, зачем причинять нам вред, если ему ничто не угрожает? Пробегаая по галерее, где невозможно было укрыться, мы на секунду замедлили бег и, нацелив назад лучи фонариков, заметили, что облако пара рассеивается. Неужели мы наконец увидим живого и неврежденного жителя древнего города? И тут снова прозвучало: *«Текели-ли! Текели-ли!»*.

Преследователь отставал; может, он ранен? Но мы не решались рисковать: ведь он, услышав крик Денфорта, не убегал от врагов, а устремился вперед. Времени на размышления не было, оставалось только гадать, где сейчас пребывали убийцы его соплеменников, эти непостижимые для нас кошмарные создания, горы зловонной, изрыгающей слизь протоплазмы, покорившие подводный мир и направившие посланцев на сушу, где те, ползая по галереям, испоганили барельефы Старцев. Скажу откровенно, нам было жаль оставлять этого последнего и, возможно, раненого жителя города на почти верную смерть.

Слава Богу, мы не замедлили бег. Пар вновь сгустился, мы летели вперед со всех ног, а позади, хлопая крыльями, испуганно кричали пингвины. Это было само по себе странно, если вспомнить, как вяло реагировали они на наше присутствие. Вновь послышался громкий трубный клич: *«Текели-ли! Текели-ли!»* Значит, мы ошибались. Звездоголовый не был ранен, он просто задержался у трупов своих товарищей, над которыми поблескивала на стене надпись из гнусной слизи. Неизвестно, что означала дьявольская надпись, но она могла оскорбить звездо-

голового: похороны в лагере Лейка говорили о том, что Старцы безмерно чтут своих усопших. Включенные на полную мощь фонарики высветили впереди ту, уже известную нам большую пещеру, где сходилась множество подземных ходов. Мы облегченно вздохнули, вырвавшись наконец из плена загаженных шогготами стен: даже не разглядывая мерзкую резьбу, мы ощутили ее всем своим естеством.

При виде пещеры нам пришлось также в голову, что, возможно, наш преследователь затеряется в этом лабиринте. Находившиеся здесь слепые пингины-альбиносы пребывали в страшной панике, казалось, они ожидают появления чего-то ужасного. Можно попробовать притушить фонарики и в надежде, что испуганно мечущиеся и гогочущие огромные птицы заглушат наш слоновий топот, юркнуть напрямик в туннель: кто знает, вдруг удастся обмануть врага. В туманной дымке грязный, тусклый пол основного туннеля почти не просматривался, разительно отличаясь от зловеще поблескивавшей позади нас галереи; тут даже Старцам с их шестым чувством, позволявшим до какой-то степени ориентироваться в темноте, пришлось бы туго. Мы и сами боялись промахнуться, угодить не в тот коридор, ведь у нас была одна цель – мчаться что есть силы по туннелю в направлении мертвого города, а попади мы ненароком в одну из боковых галерей, последствия могли быть самые непредсказуемые.

То, что мы сейчас живы, доказывает, что существо, гнавшееся за нами, ошиблось и выбрало не тот путь, мы же чудом попали куда надо. И еще нам помогли пингины и туман. К счастью, водяные пары, то сгущаясь, то рассеиваясь, в нужный момент закрыли нас плотной завесой. А вот раньше, когда мы только вбежали в пещеру, оставив позади оскверненную гнусной резьбой галерею, и в отчаянии оглянулись назад, вот тогда дымка несколько разошлась, и перед тем как притушить фонарики и, смешавшись с пингвиной стаей, попытаться незаметно улизнуть, мы впервые увидели догонявшую нас тварь. Судьба была благосклонна к нам позже, когда скрыла нас в тумане, а в тот момент она явила нам свой грозный лик: мелькнувшее видение отняло у нас покой до конца наших дней.

Заставил нас обернуться извечный инстинкт догоняемой жертвы, которая хочет знать, каковы ее шансы, хотя, возможно, здесь примешались и другие подсознательные импульсы. Во время бегства все в нас было подчинено одной цели – спастись, мы не замечали ничего вокруг и, уж конечно, ничего не анализировали, но в мозг тем не менее, помимо нашей воли, поступали сигналы, которые посылало наше обоняние. Все это мы осознали позже. Удивительно, но запах не менялся! В воздухе висело все то же зловоние, которое поднималось ранее над измазанными слизью, обезглавленными трупами. А ведь запаху следовало бы измениться! Этого требовала простая логика. Теперь должен преобладать прежний едкий запах, неизменно сопровождавший звездоголовых. Но все наоборот: ноздри захлестывала та самая вонь, она нарастала с каждой секундой, становясь все ядовитее.

Казалось, мы оглянулись одновременно, как по команде, но на самом деле, конечно же, первым был один из двоих, хотя второй тут же последовал его примеру. Оглянувшись, мы включили на полную мощность фонарики и направили лучи на поредевший туман. Поступили мы так, возможно, из обычного страха, желая знать, в чем именно заключается опасность, а может, из подсознательного стремления ослепить врага, а потом, пока он будет приходить в себя, скользнув меж пингинов, юркнуть в туннель. Но лучше бы нам не оглядываться! Ни Орфей, ни жена Лота не заплатили больше за этот безрассудный поступок! И тут снова послышалось ужасное *«Текели-ли! Текели-ли!»*.

Буду предельно откровенным, хотя откровенность дается мне с большим трудом, и доскажу все, что увидел. В свое время мы даже друг с другом избегали говорить на эту тему. Впрочем, никакие слова не передадут и малой толики пережитого ужаса. Зрелище настолько потрясло нас, что можно только диву даваться, как это у нас хватило соображения притушить фонарики да еще выбрать правильное направление. Есть только одно объяснение: нами руководил инстинкт, а не разум. Может, так оно было и лучше, но все равно за свободу мы запла-

тили слишком большой ценой. Во всяком случае, с рассудком у нас с тех пор не совсем в порядке.

Денфорт совершенно потерял голову; помнится, весь обратный путь он твердил на бегу одно и то же, для любого нормального человека это звучало бы чудовищным бредом – только один я понимал, откуда все взялось. Голос его разносился эхом по коридорам, теряясь среди криков пингвинов и замирая где-то позади, в туннеле, где, к счастью, уже никого не было. Слава Богу, он забубнил этот бред не сразу после того, как оглянулся, иначе нас давно уже не было бы в живых. Страшно даже вообразить себе нашу возможную участь.

«Саут-стейшн – Вашингтон-стейшн – Парк-стейшн – Кендалл-стейшн – Сентрел-стейшн – Гарвард...»

Бедняга перечислял знакомые станции подземки, проложенной из Бостона в Кембридж за тысячи миль отсюда, в мирной земле Новой Англии, но мне его нервный лепет не казался ни бредом, ни некстати проснувшимся ностальгическим чувством. Денфорт находился в глубоком шоке, но я тут же безошибочно уловил пришедшую ему на ум болезненную аналогию.

Оглядываясь, мы ни на минуту не сомневались, что увидим жуткое чудовище, но все же вполне определенное – к обличью звездоголовых мы как-то привыкли и смирились с ним. Однако в зловещей дымке вырисовывалось совершенно другое существо, гораздо более гнусное. Оно казалось реальным воплощением «чужого», инородного организма, какие любят изображать наши фантасты, и больше всего напоминало движущийся состав, если смотреть на него с платформы станции метро. Темная громада, усеянная ярко светящимися разноцветными точками, рвалась из подземного мрака, как пуля из ствола.

Но мы находились не в метро, а в подземном туннеле, а за нами гналась, синусоидно извиваясь, кошмарная черная блестящая тварь, длиною не менее пятнадцати футов, изрыгавшая зловоние и все более набиравшая скорость; густой пар окружал ее, восставшую из морских глубин. Это невообразимое чудовище – бесформенная масса пузырящейся протоплазмы – слабо иллюминировало, образуя тысячи вспыхивавших зеленоватым светом и тут же гаснувших глазков, и несло прямо на нас; массивнее любого вагона, оно безжалостно давило испуганных беспомощных пингвинов, скользя по сверкающему полу – ведь именно эти твари отполировали его до полного блеска. Вновь издевательски прогремел дьявольский трубный глас: *«Текели-ли! Текели-ли!»*. И тут мы вспомнили, что этим нечестивым созданиям, шогготам, Старцы дали все – жизнь, способность мыслить, пластические органы; шогготы пользовались их точечным алфавитом и, конечно же, подражали в звучании языку своих бывших хозяев.

XII

Не все запомнилось нам с Денфортом из нашего поспешного бегства, но кое-что все-таки удержалось в памяти. Помним, как пробежали громадную пещеру, куполу которой Старцы придали черты небесной сферы; как, несколько успокоившись, шли потом коридорами и залами мертвого города, но все это помним как во сне. Как будто мы находились в иллюзорном, призрачном мире, в некоем неизвестном измерении, где отсутствовали время, причинность, ориентиры. Нас несколько отрезвил сумеречный дневной свет, падавший на дно гигантской цилиндрической башни, но мы все же не осмелились приблизиться к оставленным саням и взглянуть еще раз на несчастного Гедни и собаку. Они покоились здесь как на дне огромного круглого мавзолея, и я от всей души надеюсь, что их мертвый сон никто и никогда не потревожит.

Лишь взбираясь по колоссальному пандусу, мы осознали, насколько устали; от долгого бега в разреженной атмосфере перехватывало дыхание, но ничто не могло заставить нас остановиться и перевести дух, пока мы не выбрались наружу и не оказались под открытым небом. Карабкаясь на вершину сработанного из цельных глыб шестидесятифутового цилиндра, пыхтя и отдуваясь, мы тем не менее понимали, что сейчас происходит наше глубоко символическое прощание с городом: параллельно пандусу шли широкой полосой героические барельефы, выполненные в изумительной технике древней эпохи сорок миллионов лет назад, – последний привет от Старцев.

Поднявшись на вершину башни, мы, как и предполагали, обнаружили, что спускаться нам предстоит по замерзшему каменному крошеву, окружившему башню снаружи на манер холма. На западе высились другие, не менее громадные постройки, на востоке же, в той стороне, где дремали вдали занесенные снегом вершины великих гор, здания обветшали и были заметно ниже. Косые лучи низкого антарктического полночного солнца пробивались сквозь строй покосившихся руин, а город по контрасту со знакомым полярным пейзажем казался еще древнее и угрюмее. В воздухе дрожала и переливалась снежная пыль, мороз пробирал до костей. Устало опустив рюкзаки, которые лишь чудом сохранились во время нашего отчаянного бегства, мы застегнули пуговицы на куртках и начали спуск. Потом побрели по каменному лабиринту к подножью гор, где нас дожидался самолет. За весь путь мы ни словом не обмолвились о том, что побудило нас спастись бегством, так и не позволив побывать на краю загадочной и самой древней бездны на Земле.

Меньше чем через четверть часа мы по крутой древней террасе спустились туда, откуда был виден темный силуэт нашего самолета, оставленного на высокой площадке среди вмерзших в лед редких руин. На полпути к нему мы остановились, переводя дух, и посмотрели еще раз на оставленные позади фантастические каменные джунгли, четко и таинственно отпечатанные на фоне неба. В это время туманная дымка, затягивавшая западную сторону небосвода, рассеялась, снежная пыль устремилась ввысь, сливаясь в некий диковинный узор, за которым, казалось, вот-вот проступит некая страшная, роковая тайна.

За сказочным городом, на совершенно белом небосклоне протянулась тонкая фиолетовая ломаная линия, ее острые углы, озаренные розовым сиянием, призрачно вырисовывались на горизонте. Плоскогорье постепенно шло ввысь – к этому таинственно мерцавшему и манившему венцу; местность пересекало бывшее русло реки, похожее теперь на неровно легшую тень. У нас захватило дух от неземной красоты пейзажа, а сердце екнуло от страха. Далекая фиолетовая ломаная линия была не чем иным, как проступившим силуэтом зловещих гор, к которым жителям города запрещалось приближаться. Эти высочайшие на Земле вершины являлись, как мы поняли, средоточием чудовищного Зла, вместилищем отвратительных пороков и мерзостей; им опасливо поклонялись жители древнего города, страшившиеся приот-

крыть их тайну даже на своих барельефах. Ни одно живое существо не ступало на склоны загадочных гор – лишь жуткие, наводящие ужас молнии задерживались в долгие полярные ночи на их острых вершинах, освещая таинственным светом землю далеко вокруг. На полярных просторах они стали как бы прообразом непостижимого Кадата, находившегося за зловещим плато Ленг, о чем смутно упоминается в древних легендах.

Если верить виденным нами барельефам и резным картам, до загадочных фиолетовых гор было почти триста миль, однако очертания их четко проступали над раскинувшейся снежной гладью, а зубчатые вершины, круто взмывая ввысь, вызывали ощущение того, что они находятся на чужой, полной неведомых опасностей планете. Высота этих вершин была немыслимой, недоступной человеческому воображению, они уходили в сильно разреженные слои земной атмосферы, которые посещали разве что призраки – ведь ни один из дерзких воздухоплавателей не остался в живых, чтобы поведать о своем непонятном, не поддающемся объяснению внезапном крушении. Вид гигантских гор заставлял меня не без дрожи вспоминать барельефные изображения, которые подсказывали нам, что великая река могла нести с проклятых склонов нечто, державшее жителей города в смертном ужасе, и я мысленно задавал себе вопрос: а не был ли их страх порождением укоренившегося предрассудка? Я припомнил также, что горы эти своей северной оконечностью выходят к побережью в районе Земли Королевы Мери, где, в тысяче миль отсюда, именно сейчас работает экспедиция сэра Дугласа Моусона, и от всей души пожелал, чтобы ни с научным руководителем, ни с прочими членами экспедиции не случилось ничего дурного и чтобы они даже не заподозрили, сколь опасные гиганты таятся за грядой прибрежных скал. Эти мысли ужасно угнетали меня, нервная система была напряжена до предела, а Денфорт просто находился на грани срыва.

Однако еще задолго до того, как мы, миновав руины пятиконечного Утроения, достигли самолета, наши неопределенные страхи обрели вполне четкую мотивацию. Черные, усеянные вмерзшими в лед руинами склоны Хребтов Безумия, заслонив от нас высоченной стеной восточную часть неба, вновь напомнили нам о таинственных азиатских полотнах Николая Рериха. То и дело возвращаясь мыслями к ужасным бесформенным тварям, которые, изрыгая зловоние, копошились в подземных норах, пронизывавших хребты вплоть до вершин, мы содрогались от страха, представляя, как будем вновь пролетать над круглыми отверстиями, пробуровленными в земле, и как от трубного завывания ветра у нас будет холодеть в груди. Хуже того – кое-какие вершины окутывал туман (бедняга Лейк принял это за проявление вулканической деятельности), и мы ежились, вспоминая туманные завитки в подземном туннеле и представляя себе адскую бездну, от которой восходил весь этот пар.

Самолет благополучно дожидался нас на прежнем месте, и мы, напялив на себя всю теплую одежду, приготовились к взлету. Денфорт легко завел мотор, и самолет без труда плавно взмыл в воздух, унося нас от кошмарного города. Внизу вновь поплыл каменный лабиринт, а мы поднимались все выше, замеряя силу и направление ветра. Должно быть, где-то в верхних слоях зарождалась буря, мы видели, как бешено мчались там облака, но на высоте двадцати четырех тысяч футов, над перевалом, условия для перелета через горы были довольно сносные. Когда мы приблизились к торчащим пикам, вновь послышались странные трубные звуки, отчего у Денфорта, сидевшего у штурвала, затряслись руки. Хотя я был средним пилотом, скорее дилетантом, но тут все же решил вести самолет сам: в сложных условиях лавирования между пиками слишком опасно было доверять управление человеку, потерявшему голову от страха. Денфорт даже не протестовал. Собрав всю свою волю, я сосредоточился на управлении и, стараясь вести самолет как можно увереннее, не сводил глаз с красноватого клочка неба, открывшегося в провале между пиками. Я сознательно избегал смотреть на клубившийся у вершины туман и, слыша тревожные трубные звуки, завидовал в душе Одиссею, который в подобной ситуации, чтобы не внимать чарующему пению Сирен, залепил уши воском.

Денфорт же, оставшись без дела и томясь внутренним беспокойством, не мог спокойно усидеть на месте. Он все время крутил головой: провожал взглядом оставшийся позади город, глядел вперед на приближавшиеся вершины, изрытые пещерами и усеянные прямоугольными руинами, поворачивался то в одну, то в другую сторону, где проплывали внизу заснеженные предгорья с утопавшими в снегу развалинами крепостных стен, а иногда устремлял взор в небо, следя за фантастическими сочетаниями мчавшихся над нами облаков. Вдруг у самого перевала, когда я, вцепившись в штурвал, преодолевал самый ответственный участок пути, раздался его истошный вопль, который чуть не привел к катастрофе: штурвал дрогнул у меня в руках и я едва не потерял управление. К счастью, мне удалось совладать с волнением и мы благополучно завершили перелет, но вот Денфорт... Боюсь, он никогда теперь не обретет душевного равновесия.

Как я уже говорил, Денфорт наотрез отказался поведать мне, что за кошмарное зрелище заставило его завопить с такой силой, а ведь именно оно окончательно лишило юношу покоя. Оказавшись по другую сторону Хребтов Безумия и чувствуя себя в безопасности, мы наконец заговорили, обмениваясь громкими (чтобы перекрыть шум мотора и завывания ветра) замечаниями; в основном они касались наших взаимных обещаний не разглашать ничего имеющего отношение к древнему городу. Эти поистине космические тайны не должны были стать достоянием широкой публики, предметом зубоскальства, и, клянусь, я никогда бы и рта не раскрыл, если бы не вполне реальная перспектива работы в тех краях экспедиции Старкуэтера-Мура и прочих научных коллективов. В интересах безопасности человечества нельзя бесцеремонно заглядывать в потаенные уголки планеты и проникать в ее бездонные недра, ибо дремлющие до поры монстры, выжившие адские создания могут восстать ото сна, могут выползти из своих темных нор, подняться со дна подземных морей, готовые к новым завоеваниям.

Мне удалось испытать у Денфорта, что его последнее ужасное зрительное впечатление напоминало мираж. По его словам, оно не имело ничего общего ни с кубическими сооружениями на склонах, ни с поющими, источающими пар пещерами Хребтов Безумия. Мелькнувшее среди облаков дьявольское видение открыло ему, что таят фиолетовые горы, которых так боялись и к которым не осмеливались приближаться Старцы. Возможно, видение являлось наполовину галлюцинацией, вполне вероятной после перенесенных нами испытаний, а наполовину – тем не распознанным им миражом, который мы уже созерцали, подлетая днем назад к лагерю Лейка. Но что бы это ни было, оно лишило Денфорта покоя до конца его дней.

Иногда с его губ срываются бессвязные, лишённые смысла словосочетания вроде: «черная бездна», «резные края», «протошогготы», «пятимерные, наглухо закрытые конструкции», «мерзкий цилиндр», «древний Фарос», «Йог-Сотот», «исходная белая студнеобразная структура», «космический оттенок», «крылья», «глаза в темноте», «лунная дорожка», «первозданный, вечный, неумирающий» и прочие странные словосочетания. Придя в себя, он ничего толком не объясняет, связывая свои темные высказывания с неумеренным чтением в юные годы опасной эзотерической литературы. Денфорт, один из немногих, осмелился дочитать до конца источенный временем том «Некрономикона», хранившийся под замком в библиотеке университета.

Помнится, когда мы летели над Хребтами Безумия, небо хмурилось, и хотя я ни разу не посмотрел вверх, но, думаю, клубившиеся снежные вихри принимали там фантастические очертания. Быстро бегущие облака могли усилить, дополнить и даже исказить картину, воображение – с легкостью разукрасить ее еще больше, а к тому времени, когда Денфорт впервые заикнулся о своем кошмарном видении, оно успело также обрасти аллюзиями из его давнего чтения. Не мог узреть он так много в одно мгновение.

Тогда же, над хребтами, он истошно вопил одно и то же – безумные, услышанные нами одновременно слова: *«Текели-ли! Текели-ли!»*

Тайна Чарлза Декстера Уорда

Жизненные соли зверей тако готовить и сохранять можно, что ученый муж в комнате своей хоть целый Ноев ковчег соберет и форму всякого зверя из праха подымет. Также же из солей человеческих философ способен без преступной некромантии форму любого предка из пепла возродить, где бы его тело прежь огню ни предали.

Бореллий

Перевод Екатерины Романовой

I. Исход и пролог

1

Недавно из частной лечебницы для душевнобольных близ Провиденса, Род-Айленд, исчез в высшей степени необыкновенный человек. Звали его Чарлз Декстер Уорд, а в больницу его поместил убитый горем отец, на глазах которого незначительные странности в поведении сына переросли в зловещую манию с склонностью к насилию и поразительно глубокими переменами в образе и характере мыслей. Врачи признавались, что состояние пациента – совершеннейшая для них загадка, ведь отклонения носили как общий физиологический, так и психологический характер.

Во-первых, пациент выглядел много старше своих лет (ему было двадцать шесть). Душевные болезни действительно имеют свойство старить, однако на лице молодого человека как будто лежала едва уловимая печать, каковая отмечает лица глубоких стариков. Во-вторых, естественные процессы в его организме отличались невиданной в медицинской практике несообразностью: дыхание и сердцебиение поразила загадочная аритмия, голос почти полностью пропал, пищеварение крайне замедлилось, а нервные реакции на раздражители не походили на известные – будь то здоровые или патологические. Кожа была болезненно холодной и сухой, клеточная структура тканей выглядела неестественно грубой и рыхлой. Вдобавок у Уорда отчего-то исчезло большое родимое пятно на правом бедре, а на груди появилась диковинная черная родинка. Кроме того, все врачи и исследователи сходились во мнении, что обмен веществ в организме Уорда недопустимо замедлен.

Не поддавались объяснениям и перемены в психике Чарлза Уорда. Его безумие не имело ни малейшего сходства с недугами, описанными даже в самых современных научных трудах, вдобавок душевной болезни сопутствовала такая острота ума, что Уорд мог бы стать гениальным ученым или выдающимся политиком, не прими его рассудок столь причудливых и безобразных форм. Доктор Уиллет, семейный врач Уордов, подтвердил, что изрядные умственные способности пациента, если рассматривать их отдельно от душевной болезни, после припадка стали и вовсе незаурядными. Действительно, Уорд с детства интересовался литературой и историей, но даже в самых удачных его трудах не чувствовалось той удивительной прозорливости и способности проникновения в суть вещей, какие он проявлял во время осмотров психиатрами. Нелегко было найти вескую причину для помещения Уорда в больницу – таким ясным и острым казался его ум; лишь свидетельства других людей и странные пробелы в кругозоре (при столь редкой проницательности) позволили врачам признать его невменяемым. До самого дня исчезновения Уорд много читал и охотно, насколько позволял слабый голос, беседовал с окружающими; многие внимательные наблюдатели (не сумевшие, однако, предсказать его побег) прочили Уорду скорейшую выписку и возвращение домой.

Мысль о выписке Уорда ужасала лишь доктора Уиллета, принимавшего роды у матери Чарлза Уорда и с тех пор наблюдавшего за развитием его души и тела. Недавно он стал свидетелем страшных событий и сделал жуткое открытие, о котором боялся поведать своим скептически настроенным коллегам. Отношение Уиллета к делу Чарлза Декстера Уорда – само по себе загадка. Он был последним, кто видел пациента перед побегом из лечебницы, и после разговора с юношей, по свидетельству нескольких человек, пребывал в состоянии ужаса и одновременно облегчения. Побег Чарлза Уорда по сей день остается нераскрытой тайной лечебницы доктора Уэйта. Пациент не мог сбежать через окно, открытое над пропастью в шестьдесят футов, и все же после разговора с доктором Уиллетом юноша в самом деле исчез. У многих, правда, сложилось впечатление, что доктор мог бы рассказать больше о той последней встрече с Чарлзом,

если бы знал, что ему поверят. После того как он покинул палату, работники лечебницы долго и тщетно стучали в запертую дверь. Когда же ее вскрыли, пациента внутри не оказалось, а промозглый апрельский ветер из открытого окна поднял в воздух облако тонкой голубовато-серой пыли, которая чуть не задушила вошедших. Незадолго до этого громко выли собаки, но то было еще при докторе Уиллете, и вскоре они успокоились. Врачи сразу же позвонили отцу Уорда, однако тот не столько удивился, сколько опечалился. Когда же доктор Уэйт нанес ему личный визит, мистер Уорд уже побеседовал с доктором Уиллетом и оба категорически отрицали свою причастность к побегу Чарлза. Несколько догадок удалось выжать лишь из близких друзей Уиллетта и Уорда-старшего, однако они были столь неправдоподобными и надуманными, что доверия не вызывали. До сего времени не обнаружено ни единого следа пропавшего безумца.

Чарлз Уорд с детства интересовался стариной – несомненно, формированию его увлечений способствовали освященный веками родной город и реликвии прошлого, коих оказалось немало в фамильном особняке на Проспект-стрит, стоящем на самой вершине холма. С годами любовь Чарлза к древностям только усиливалась, и в конце концов история, генеалогия, колониальная архитектура и интерьеры целиком захватили мысли юноши, вытеснив все прочее из круга его интересов. Об этих предпочтениях необходимо помнить, изучая историю душевной болезни Чарлза Декстера Уорда; пусть они не составляли ее ядра, характерную форму его безумию придали именно они. Пробелы в картине мира, выявленные психиатрами, неизменно касались современной жизни, на фоне которых особенно ярко выделялись обширные познания пациента в области давно минувшего. Казалось, Уорд словно бы перенесся в прошлый век посредством некоего таинственного самогипноза. Еще удивительнее было то, что его интерес к старине внезапно иссяк; он словно бы забросил источник знаний, вычерпав его до дна, а все умственные усилия направил на знакомство с окружающим миром, познания о котором вдруг начисто и безвозвратно стерлись из его разума. Сей факт Чарлз Уорд пытался всячески скрыть, но каждому было ясно, что его жажда к чтению и беседам с окружающими объясняется отчаянными попытками наверстать упущенное, вобрать как можно больше знаний о собственной жизни и культурно-бытовых особенностях современного мира, о которых должен быть осведомлен всякий, кто родился в 1902 году и получил образование в учебных заведениях своего времени. Теперь психиатры задаются вопросом, как же беглецу со столь искаженными и убогими воззрениями удастся существовать в нашем сложном мире; большинство убеждены, что он «затаился» и восполняет пробелы в знаниях.

Начало душевной болезни Уорда также стало для психиатров предметом жарких споров. Доктор Лайман, выдающийся бостонский врач, считает временем ее зарождения 1919–1920 годы, когда мальчик доучивался в школе Моисея Брауна. Тогда-то он и переключился с изучения прошлого на оккультные науки, а затем отказался поступать в университет, объясняя это тем, что ему предстоят более важные исследования. Гипотеза эта подтверждается внезапной переменой в деятельности Уорда: он вдруг принялся копаться в городских архивах и бродить по старым кладбищам в поисках некой могилы, где в 1771 году был захоронен его предок по имени Джозеф Кервен. Личные бумаги этого человека Чарлз случайно обнаружил за деревянными панелями ветхого дома в Олни-корте, который, как известно, Кервен выстроил для себя в середине XVIII века и где жил до самой смерти. Словом, зимой 1919–1920-го в Чарлзе Уорде произошли перемены, из-за которых он бросил занятия историей и полностью погрузился в жадное изучение оккультных наук – как дома, так и за границей, – которое прерывал временами лишь с тем, чтобы продолжить на удивление упорные поиски могилы давнего предка.

Доктор Уиллет, однако, решительно против этой гипотезы. В качестве довода он приводит близкое знакомство с пациентом, а также сделанные им недавно чудовищные открытия. Эти исследования и находки наложили на разум Уиллетта тяжелый отпечаток: голос его дрожит, когда он пытается о них рассказать, а руки трясутся, стоит ему взять перо. Уиллет признает, что зима 1919–1920-го действительно отмечает собой начало прогрессирующего ухуд-

шения, каковое достигло своей ужасной кульминации в полном умственном помешательстве 1928 года. Однако его личные наблюдения показывают, что здесь многое необходимо уточнить. Спокойно соглашаясь, что мальчик всегда был несколько неуравновешен, чрезмерно впечатлителен и восторжен в своих реакциях на окружающие явления, Уиллет наотрез отказывается признавать, что вышеупомянутые первые перемены ознаменовали собой переход от нормального психического состояния к безумию, и приводит письмо Уорда о некоем открытии или переоткрытии, способном в значительной степени изменить человечество. Настоящее безумие, убежден Уиллет, пришло вместе с другими, более поздними переменами в его сущности: после обнаружения портрета Кервена и его личных бумаг; после того как Уорд побывал в странном европейском замке и при загадочных обстоятельствах прочел ужасные заклинания, на которые получил ответ и в страшном возбуждении написал последнее отчаянное письмо; после волны вампиризма, пронесшейся по городу, и странных слухах из деревни Потакет; после того как из памяти пациента вдруг стерлось понятие о современном мире, а психика и характер претерпели неуловимые изменения, замеченные впоследствии столь многими.

Лишь после всего этого, тщательно подчеркивает Уиллет, его пациенту стали присущи некоторые страшные качества и особенности. Вдобавок доктор с содроганием заверяет, что Уорд не лгал, говоря об открытии, которое может изменить мир. Во-первых, свидетелями обнаружения бумаг Джозефа Кервена стали двое весьма надежных и неглупых рабочих. Во-вторых, Уорд сам однажды показывал доктору Уиллету эти старинные бумаги и страницу из дневника Кервена – то есть в подлинности документов сомнений не возникало. Потайную нишу, в которой Уорд их нашел, давно заделали, но много позже Уиллет своими глазами увидел их в самой немыслимой и невообразимой обстановке. Загадочные письма Орна и Хатчинсона; улики касательно таинственного исчезновения доктора Аллена; карандашная записка, начертанная средневековым минискулом и обнаруженная Уиллетом в собственном кармане после страшных и незабываемых событий, – все свидетельствовало в пользу правдивости этого смелого заявления.

Самым же убедительным доводом можно считать ужасающие результаты, которые доктор получил после чтения некоей двойной магической формулы, – они фактически доказывали подлинность бумаг и их кошмарное значение, хотя сами эти бумаги более недоступны человечеству.

2

На прежнюю жизнь Чарлза Уорда стоит смотреть как на столь же глубокую старину, что и реликвии прошлого, которыми он так истово увлекался. Осенью 1918 года, проявив изрядный интерес к военной подготовке, которой тогда уделяли большое значение, он поступил в школу Моисея Брауна. Главный корпус, возведенный в 1819-м, всегда пленял своей красотой юного любителя старины, и разбитый вокруг просторный парк тоже отвечал его тонкому вкусу. Со сверстниками Чарлз общался мало; свободное от учебы и военной подготовки время он проводил дома, в долгих прогулках или поисках исторических и генеалогических сведений, что хранились в архивах городской ратуши, парламента, в читальном зале публичной библиотеки, исторического общества, университетских библиотеках Джона Картера Брауна и Джона Хея, а также совсем недавно открытой библиотеке Шепли на Бенефит-стрит. Несложно представить, как он выглядел в то время: высокий подтянутый юноша со светлыми волосами, серьезным пытливым взглядом и немного сутулыми плечами, одетый слегка небрежно и создающий впечатление скорее безобидного и неуклюжего, нежели привлекательного человека.

Его прогулки всегда были вылазками в прошлое, во время каковых он умудрялся из множества реликвий чарующего старинного города восстановить цельную картину минувших веков. Дом его представлял собой великолепный кирпичный особняк в георгианском стиле

на вершине чрезвычайно крутого холма, вздымающегося к востоку от реки. Из задних окон его флигелей Чарлз заворуженно смотрел на теснящиеся шпили, купола, крыши и верхушки небоскребов делового района, на пурпурные холмы за городом. Здесь он родился, и с этого прекрасного крыльца в классическом стиле няня когда-то выкатила его в коляске на первую прогулку; они проходили мимо белого фермерского домика, построенного двести лет назад и давно проглоченного городом, к статным университетским зданиям на тенистой зеленой улице, где квадратные кирпичные особняки и деревянные дома поменьше с узкими крыльцами промеж дорических колонн величаво дремали среди пышных садов и просторных дворов.

Затем он проезжал в коляске по сонной Конгдон-стрит, протянувшейся чуть ниже по склону холма и заставленной домами на высоких террасах. Деревянные домики здесь были постарше, ведь на этот холм когда-то начинал карабкаться растущий город; во время подобных прогулок Чарлз, должно быть, и проникся духом старинной колониальной деревни. Няня любила сидеть на скамейках в парке Проспект Террас и болтать с полисменами. Одним из первых воспоминаний Чарлза было раскинувшееся на западе огромное море крыш, куполов, шпилей и далеких холмов в дымке, которое он увидел однажды утром с этой великолепной смотровой площадки: таинственный фиолетовый город на фоне апокалипсических закатных облаков – алых, золотистых, багровых и загадочно-зеленоватых. Громадный мраморный купол здания парламента штата вырисовывался на фоне пылающего неба, увенчанный статуей с фантастическим ореолом.

Немного повзрослев, Чарлз начал подолгу гулять – сначала нетерпеливо таская за собой няню, а потом уже в одиночку, погружившись в мечтательные размышления. Он шел все дальше и дальше по практически отвесному склону, каждый раз проникая чуть глубже в старинные и причудливые кварталы древнего города. Он с опаской спускался по вертикальной Дженкс-стрит с каменными заборами и старомодными коттеджами в колониальном стиле и входил на тенистую Бенефит-стрит, где впереди высилась деревянная громада с двумя парадными входами, обрамленными ионическими пилястрами, а за спиной стоял доисторический дом с мансардной крышей и остатками первобытных фермерских построек. Дальше располагался особняк судьи Дарфи, почти полностью растерявший бывшее георгианское великолепие. Эти места потихоньку превращались в трущобы, но вязы-титаны бросали на улицы живительную тень, и потому мальчик шел дальше на юг, мимо длинных верениц дореволюционных домов с центральными дымовыми трубами и классическими крыльцами. Дома с восточной стороны улицы сидели на высоких фундаментах, а ко входу с разных сторон вели две каменные лестницы с перилами, и маленький Чарлз представлял их новенькими, только что выстроенными, а по крашеным тротуарам, теперь таким истоптанным и стертым, сновали люди в пышных париках и красных туфлях с каблуками.

Не теряя крутизны, склон спускался на запад к старой Таун-стрит, которую основатели города проложили вдоль речного берега в 1636 году. Здесь переплетались множество улочек и переулков, заставленных сутулыми и покосившимися домишками невообразимой старины. Однако, как ни завораживали они маленького Чарлза, пройти по древним крутым мостовым он решился еще очень не скоро – боялся, что они вдруг окажутся сном или порталом в непостижимый ужас. Куда безопасней и приятней было идти дальше по Бенефит-стрит: мимо железного забора церкви Святого Иоанна, задней стены здания колониальной легислатуры, построенного в 1761 году, и рассыпающейся громады «Золотого шара» – гостиницы, в которой однажды останавливался сам Джордж Вашингтон. На Митинг-стрит – ранее называвшейся Джейл-лейн и Кинг-стрит – он вновь смотрел наверх, на восток, и видел изогнутую лестницу, без которой обратно было не забраться, а внизу – старую кирпичную школу, улыбающуюся через дорогу зданию типографии, прозванному «Головой Шекспира», где еще до революции печатались «Провиденс газетт» и «Кантри джорнал». Наконец Чарлз приближался к великолепной Первой баптистской церкви 1775 года с несравненной колокольной Гиббса, георги-

анскими крышами и куполами. Отсюда на юг уходили респектабельные кварталы, чудесные соцветия старинных особнячков; однако и здесь сплетение узких переулков манило вниз, на запад, – окунуться в призрачную многофронтонную древность, в пестрое буйство гниения и упадка, где старая зловещая береговая линия еще помнила великолепные ост-индские времена с их многоязычной нищетой и пороком, смрадными верфями и мутноглазыми торговцами корабельным скарбом, а переулки назывались Золотой, Серебряный, Монетный, Дублон, Соверен, Гульден, Доллар, Четвертак и Цент.

Немного повзрослев и осмелев, Уорд стал время от времени совершать вылазки в этот водоворот покосившихся домишек с выломанными оконными рамами, порушенных лестниц, извилистых парапетов, загорелых лиц и неведомых запахов; там он петлял между Саут-Мейн и Саут-Уотер, заглядывая в доки, где еще стояли древние пароходы, и возвращался на север вдоль складов с крутыми крышами, в конце концов упираясь в площадь у Большого моста, где крепко стояло на своих древних арках здание рынка, построенное в 1773 году. На этой площади Уорд останавливался и впитывал пьянящую красоту старого города, что поднимался на восток георгианскими шпилями и был увенчан громадным куполом новой Научной церкви Христа, – так купол собора Святого Павла венчает Лондон. Уорду особенно нравилось приходить сюда ближе к вечеру, когда косые лучи солнца покрывали золотом старый рынок, древние кровли и колокольни, а дремлющие верфи, пристанище кораблей Ост-Индской компании, утопали в волшебстве. После такого долгого любования городом у юноши от поэтического восторга едва не кружилась голова, и в сумерках он отправлялся в обратный путь, мимо белой церкви по крутым узким улочкам, где первые огни уже зажигались в окнах с мелким переплетом и веерообразных окошках над парадными дверями, к которым вели каменные лестницы с причудливыми коваными перилами.

Взрослея, Уорд все чаще отправлялся на поиски разительных контрастов. Первую половину прогулки он проводил в полуразрушенных колониальных кварталах к северо-западу от дома, где холм спускался к гетто и негритянскому кварталу района Стэмперс-хилл – отсюда до революции отправлялись почтовые кареты в Бостон. Затем Уорд шел в изысканные южные кварталы на Джордж-, Беневолент-, Пауэр- и Уильямс-стрит – там на старом склоне сохранились в первозданном виде великолепные поместья, обнесенные каменными стенами сады и крутая зеленая тропинка, хранившая множество ароматных воспоминаний.

Прогулки эти вкупе с прилежной учебой, несомненно, во многом обусловили любовь Уорда к древностям и истории, обширные познания в которой затем и вытеснили все остальное из его разума; они наглядно показывают нам ту духовную почву, из которой в роковую зиму 1919–1920-го проклюнулись побег, принесшие затем столь страшные и странные плоды.

Доктор Уиллет убежден, что до той злополучной зимы первых перемен интерес Чарльза Уорда к старине был совершенно здоровым. Кладбища его особенно не манили, разве только красотой могильных памятников да исторической ценностью; склонным к насилию или жестокости он никогда не был. Но затем Чарльз как-то исподволь и незаметно стал уделять много внимания одной генеалогической находке, сделанной им годом раньше: среди предков по материнской линии он обнаружил некоего долгожителя по имени Джозеф Кервен, который приехал в Провиденс из Салема в 1692 году и о котором ходили чрезвычайно удивительные и неприятные слухи.

Прапрадед Уорда по имени Уэлком Поттер в 1785 году женился на некой «Анне Тиллингаст, дочери миссис Элизы, дочери капитана Джеймса Тиллингаста», о чем отце не сохранилось никаких сведений. Позже, в 1918-м, изучая городские архивы, молодой генеалог наткнулся на запись о смене фамилии: миссис Элиза Кервен, вдова Джозефа Кервена, в 1772 году решила сменить фамилию мужа на девичью, Тиллингаст, а заодно изменить и фамилию дочери. Причину она указала следующую: «Имя мужа стало предметом всеобщих попреков

вследствие того, что открылось после его кончины и о чем прежде ходили одни лишь досужие слухи, в полной мере затем подтвердившиеся».

Запись эта обнаружилась совершенно случайно после того, как Чарлз разъединил две аккурратно склеенные и перенумерованные страницы.

Чарлзу стало ясно, что он нашел своего прежде никому не известного прапрапрадеда. Находка поразила его вдвое сильнее еще и потому, что он уже не раз слышал странные и разрозненные истории про этого человека, о котором не осталось доступных архивных сведений – как будто кто-то сговорился уничтожить всякую информацию о нем из памяти человечества. Исключительность и пикантность сохранившихся преданий будили желание разузнать, о чем же столь упорно молчали хроникеры колониальных времен... и наводили на мысль, что молчали они неспроста.

До сих пор Чарлз Уорд не придавал особого значения слухам о Джозефе Кервене, и фантазия его дремала; но стоило вскрыться их родству с этой одиозной личностью, как он начал систематически охотиться за любыми доступными сведениями о своем предке. Эти лихорадочные поиски неожиданно увенчались успехом: старые письма, дневники и груды неопубликованных мемуаров, хранившиеся на затканной паутиной чердаках Провиденса, проливали немало света на занятия Джозефа Кервена, о которых авторы не сочли нужным умалчивать. Важная информация поступила даже из далекого Нью-Йорка, где в музее-таверне Фрэнсиса сохранилась род-айлендская переписка дореволюционных лет. Но главной находкой – и роковой, по мнению Уиллета, – стала стопка бумаг за деревянными панелями полуразрушенного дома в Олни-корте. Именно они, несомненно, и вскрыли черную пропасть безумия, в которую упал юный Чарлз.

II. Ужас прошлого

1

Джозеф Кервен, если верить легендам, которые Уорд слышал и читал, был личностью крайне необычной, таинственной и жуткой. Он сбежал из Салема в Провиденс – тихую гавань для всех недовольных и инакомыслящих – в самом начале охоты на ведьм, испугавшись, что его затворничество и увлечение алхимией вызовут подозрение у горожан. Он был бледным молодым человеком лет тридцати, который вскоре стал почетным гражданином Провиденса и приобрел участок к северу от особняка Грегори Декстера, в начале Олни-стрит. Его дом построили в районе Стэмперс-хилла к западу от Таун-стрит, который впоследствии стал называться «Олни-корт». В 1761 году Кервен построил на месте старого домика дом побольше, который и стоит там по сей день.

Итак, первая странная особенность Джозефа Кервена заключалась в том, что он почти не постарел со дня своего приезда в Провиденс. Он занимался морской торговлей, потом приобрел верфи неподалеку от Майл-энд-Коув, помогал перестраивать Большой мост в 1713-м, а в 1723-м стал одним из основателей Конгрегационалистской церкви на холме; все это время он обладал непримечательной внешностью человека средних лет. Шли десятилетия, и свойство это стало привлекать широкое внимание общества, однако на все расспросы он отвечал, что унаследовал моложавый вид от своих закаленных предков, которые вели простой и здоровый образ жизни. Как эта простота соотносилась с постоянными разъездами скрытного торговца, а также с его горящими ночами напролет окнами, оставалось загадкой для горожан. Неудивительно, что они стали придумывать другие объяснения его вечной молодости. Большинство людей сходились во мнении, что прекрасный внешний вид ему помогают сохранять различные химические снадобья, которые он без конца варит в лаборатории своего особняка. Ходили слухи о странных веществах, которые Кервен закупал в Ньюпорте, Бостоне или Нью-Йорке, а также привозил на кораблях из Лондона и Индии. Когда же старый доктор Иавис Боуэн из Рехобота открыл аптеку за Большим мостом, разговоры и сплетни о лекарствах, кислотах и металлах, постоянно привозимых молчаливому затворнику, больше не затихали. Убежденные в том, что Кервен обладает некими тайными медицинскими знаниями, многие жители Провиденса стали приходить к нему с самыми разными хворями – в надежде на помощь. Хотя своими намеками и уклончивыми ответами он лишь подтверждал эти догадки, да вдобавок всегда одаривал желающих зельями странных цветов, лекарства эти редко приносили пользу людям. Но вот прошло пятьдесят лет, а лицом и сложением Кервен постарел от силы на пять, и по городу пошла недобрая молва. Кервен наконец мог насладиться полным уединением, которого так алкал.

Частные письма и дневники того времени дают еще одно объяснение тому, почему люди сначала дивились Кервену, а потом стали его бояться и избегать, как чумы. Он любил кладбища, где его можно было застать в любую погоду и в любое время дня и ночи, однако никто не видел, чтобы Кервен раскапывал могилы или занимался иными сомнительными делами. Он купил себе ферму на Потакет-роуд, где жил летом и куда частенько, даже среди ночи, отправлялся верхом на лошади. На ферме работало всего два человека: мрачные престарелые индейцы племени наррагансетт, бессловесный и исполосованный шрамами муж и отвратительного вида жена (дурнота ее, возможно, объяснялась примесью негритянской крови). В пристройке к фермерскому дому находилась лаборатория, где Кервен проводил большинство своих опытов. Любопытные носильщики и посыльные, доставлявшие к небольшой красной двери бутылки, мешки и коробки, обменивались потом рассказами о фантастических колбах,

ретортах, перегонных кубах и печах, которые они успели разглядеть в комнатке с низкими полками, и шепотом прочили молчаливому «химику» (под химией они имели в виду алхимию) скорое открытие Философского камня. Ближайшие соседи, Феннеры, жившие в четверти мили от фермы, рассказывали о странных и жутких звуках, доносившихся по ночам из дома Кервена – криках и сдавленных столах. Недоумение вызывали и огромные стада домашнего скота, толпившиеся на пастбищах, – одинокому человеку и двум его слугам не могло понадобиться столько мяса, молока и шерсти. Причем скот этот постоянно менялся, и у кингстонских фермеров покупали все новые и новые стада. Наводила ужас на местных жителей и одна из внешних построек фермы – высокое каменное здание с узенькими щелями вместо окон.

Зевакам с Большого моста тоже было что порассказать о городском жилище Кервена в Олни-корте – не о новеньком доме, построенном в 1761-м, когда старику должно было стукнуть почти сто лет, а о старинном особняке с мансардной крышей, чердаком без окон и крытыми гонтом стенами, после сноса которого Кервен тщательно сжег все доски. Здесь загадок было меньше, однако ночные бдения хозяина, молчаливость двух смуглых слуг, омерзительное бормотание невероятно древней француженки-домработницы, огромное количество пищи, приносимое в дом, где жили всего четыре человека, а также странные приглушенные разговоры, доносившиеся из-за стен среди ночи или на рассвете, – все это вкупе со слухами о потакетской ферме обеспечило особняку недобрую славу.

В избранных кругах, несомненно, тоже ходили слухи о доме Кервена, поскольку участие в торговой и религиозной жизни города подразумевало завязывание знакомств с уважаемыми людьми, в общество которых он легко влился благодаря превосходному образованию. Он происходил из хорошего рода: Кервенов (или Корвинов) из Салема знала вся Новая Англия. Выяснилось, что в молодости Джозеф много путешествовал, некоторое время жил в Англии и по меньшей мере дважды плавал на восток. Когда он все-таки заговаривал (случалось это нечасто), речь выдавала в нем благородного и образованного англичанина. По какой-то загадочной причине общество Кервена не интересовало. Никогда не проявляя к гостям открытого нерасположения, он воздвигал вокруг себя столь непроницаемую стену молчания и сдержанности, что любая попытка заговорить с ним казалась большинству людей неуместной.

В его повадках чувствовалось едва уловимое сардоническое высокомерие, как будто всех собеседников он заведомо считал людьми безынтересными, а сам вращался среди существ куда более возвышенных и могущественных. В 1738 году из Бостона в Провиденс приехал доктор Чекли, знаменитый умник и остряк, новый приходской священник Королевской церкви. Он не преминул навестить господина, о котором был столь наслышан, однако очень скоро покинул его дом: в речи хозяина дома ему послышалось нечто недоброе и зловещее. Чарлзу Уорду, как вспоминает его отец, очень хотелось узнать, что же сказал таинственный старик бойкому и жизнерадостному священнику, но авторы всех дневников как один писали, что доктор Чекли не желал повторять услышанное. Этот славный человек был неприятно потрясен и с тех пор, вспоминая о Джозефе Кервене, всегда утрачивал знаменитую веселость и обходительность манер.

Чуть более ясна причина, по которой еще один человек с прекрасным воспитанием и вкусом избегал общества надменного отшельника. В 1746 году Джон Меррит, престарелый англичанин с обширными познаниями в литературе и науке, переехал из Ньюпорта в Провиденс – город, столь стремительно укрепляющий позиции и догоняющий по значимости его родину, – и скоро выстроил себе особняк в сердце самого респектабельного района. Он жил со вкусом и комфортом, держал превосходную карету, слуг в ливреях и был гордым обладателем микроскопа, телескопа и великолепной библиотеки. Узнав, что Кервен – хозяин лучшей частной библиотеки Провиденса, мистер Меррит сразу же нанес ему визит и был принят куда радушней прочих гостей. Его искреннее восхищение книжными полками, ломящимися от греческой, латинской и английской классики, а также великолепной подборкой научных трудов Парацельса, Агриколы, Ван Гельмонта, Сильвия, Глаубера, Бойля, Бургава, Бехера и Штала

настолько польстило Кервену, что он пригласил гостя посетить его лабораторию на ферме – подобной чести не удостоивался еще никто. Двое без промедлений сели в карету мистера Меррита и отправились в путь.

Мистер Меррит потом уверял, что ничего по-настоящему ужасного на ферме не увидел, но одних названий книг по магии, алхимии и теологии, которые Кервен хранил в своей особой библиотеке, было достаточно, чтобы надолго проникнуться к их обладателю чувством глубокого отвращения. Возможно, однако, что на восприятие мистера Меррита повлияло и выражение лица Кервена во время демонстрации библиотеки. Жуткое собрание, помимо дюжины классических трудов, включало произведения чуть ли не всех известных человечеству каббалистов, демонологов и колдунов и представляло собой настоящий клад сведений по таким сомнительным областям знаний, как алхимия и астрология. С менаровским изданием Гермеса Трисмегиста, «*Turba Philosophorum*», «*Liber Investigationis*» Джабира ибн Хайана и «Ключом к мудрости» Артефия тесно соседствовали каббалистический «Зогар», полное собрание сочинений Альберта Великого под редакцией Питера Джэмми, «Великое искусство» Раймунда Луллия в издании Зецнера, «*Thesaurus Chemicus*» Роджера Бэкона, «*Clavis Alchimiae*» Фладда и «*De Lapide Philosophico*» Иоганна Тритемия. В большом объеме там были представлены сочинения средневековых арабов и иудеев, и мистер Меррит побледнел, узнав в толстом томе под неприметным названием «Обычаи индийских мусульман» запрещенный «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда, о котором несколько лет назад ходили ужасные слухи, – после того как были разоблачены чудовищные ритуалы, проводимые жителями глухой рыбацкой деревушки Кингспорт в заливе Массачусетс.

Однако, как ни странно, больше всего беспокоила сего славного джентльмена сущая мелочь. На огромном столе красного дерева лежала корешком вверх раскрытая книга Бореллия, на полях и между строк которой было множество комментариев, написанных рукой Кервена. Книга оказалась раскрыта примерно на середине, и готические строчки одного из абзацев были подчеркнуты столь неровной и жирной чертой, что мистер Меррит не удержался и прочел его. То ли содержание абзаца, то ли тревожный характер линий, то ли все вместе произвело на Меррита страшное и неизгладимое впечатление. В своих дневниках он вспоминал эти строчки до конца жизни, а однажды попытался процитировать их своему близкому другу доктору Чекли – но священник так встревожился, что ему пришлось замолчать. Строчки эти гласили:

«Жизненные соли зверей тако приготовить и сохранять можно, что ученый муж в комнате своей хоть целый Ноев ковчег соберет и форму всякого зверя из праха подымет. Также из солей человеческих философ способен без преступной некромантии форму любого предка из пепла возродить, где бы его тело прежь огню ни предали».

Однако самые страшные слухи о Джозефе Кервене ходили у доков в южном конце Таун-стрит. Моряки – народ суеверный, и даже матерые морские волки, ходившие в бесконечные плаванья на кораблях с ромом, рабами и патокой, лихие капитаны каперов и бригов, принадлежавших Браунам, Кроуфордам и Тиллингастам, – все принимались лихорадочно чертить в воздухе знаки-обереги, завидев сухощавого, обманчиво молодого человека со светлыми волосами и немного сутулыми плечами, когда тот входил на склад на Дублон-стрит или переговаривался с капитанами и хозяевами грузов на длинном пирсе, куда без конца причаливали кервеновские суда. Его собственные работники и капитаны боялись и ненавидели его, а матросов он набирал из всякого сброда на Мартинике, Синт-Эстатиусе, в Гаване и Порт-Ройале. Частота, с какой менялись эти матросы, пробуждала в остальных суеверный ужас. Когда судно приставало к берегу, экипаж отпускали в увольнение на сушу, а стоило всем снова собраться на борту, как обязательно кого-нибудь не досчитывались. Почти всегда пропадали те матросы, которых отправляли с поручениями на ферму в Потакете, и это обстоятельство не укрылось от внимания остальных. Вскоре Кервен начал испытывать серьезные трудности с набором эки-

пажа. Стоило матросам узнать слухи о зловещих верфях Провиденса, как несколько человек непременно сбегали, а найти им замену на островах Вест-Индии становилось все тяжелей.

К 1760 году Джозеф Кервен стал настоящим изгоем, которого подозревали в таинственных связях с демонами и прочих страшных преступлениях – тем более жутких от того, что никто не мог их толком назвать, описать и даже доказать. Последней каплей стала история с пропавшими в 1758 году солдатами. В марте и апреле того года два королевских полка, направлявшихся в Новую Францию, были временно расквартированы в Провиденсе, после чего из обоих полков стали убывать солдаты – такое количество исчезновений нельзя было списать на дезертирство. Прошел слух, что Кервена часто видят беседующим с юношами в красных мундирах. Когда несколько из них пропали, жители Провиденса вспомнили об исчезнувших без вести моряках. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, останься полки в городе на более долгий срок.

Тем временем дела негоцианта процветали. Кервен фактически единолично торговал в Провиденсе селитрой, черным перцем и корицей, а также стал вторым после Браунов импортером медной посуды, индиго, хлопка, шерсти, соли, снастей, железа, бумаги и всевозможных английских товаров. Почти целиком зависели от Кервена такие торговцы, как Джеймс Грин – хозяин магазинчика «Слон» в Чипсайте, Расселы, чья лавка была у Большого моста под вывеской «Золотой орел», Кларк и Найтингейл – хозяева «Рыбы на сковородке». А связи с местными винокурами, хозяевами молочных ферм, наррагансеттскими коноводами и нью-портскими свечниками сделали его одним из ведущих экспортеров колонии.

Хоть Кервена и подвергли остракизму, чувства ответственности перед обществом он все-таки не лишился. Когда сгорело здание колониальной легислатуры, он любезно подписался на лотерею, благодаря которой собрали средства на строительство нового кирпичного дома, по сей день красующегося на прежней главной улице города. В том же 1761 году он помог восстановить Большой мост после октябрьского урагана и закупил много книг для публичной библиотеки, пострадавшей от пожара в легислатуре. Затем Кервен активно участвовал в лотерее, на выручку от которой у вечно грязной Маркет-парад и изрезанной колеями Таун-стрит появилась новая красивая брусчатка и кирпичные пешеходные дорожки посередине. Примерно в это же время он выстроил себе простой, но элегантный дом с великолепными резными пилястрами. Когда в 1743 году сторонники Уайтфильда откололись от церкви доктора Коттона на холме и основали на другом берегу свою собственную, Кервен последовал за ними – вот только религиозный пыл в нем быстро иссяк и церковь он посещал нечасто. Впрочем, уже очень скоро он вновь стал подчеркнуто набожен, словно решил развеять окутавшую его черную тень, которая сделала его изгоем и грозила, если вовремя не предпринять строгих мер, навредить его делам.

2

Поистине захватывающим и одновременно жалким зрелищем было наблюдать, как этот странный бледный человек – на вид средних лет, но в действительности ему было не меньше ста, – наконец пытается выйти из облака всеобщего презрения и страха. Но такова уж власть денег и внешних приличий: отношение к нему в обществе действительно стало заметно лучше, особенно после того, как прекратились исчезновения моряков. Вдобавок он начал тщательно скрывать свои походы на кладбище, и больше его там никто не видел; утихли и сплетни о жутких криках на потакетской ферме. Еду и скот Кервен по-прежнему закупал в огромных количествах, но до недавнего времени, когда Чарлз Уорд поднял архивы со счетами и заказами Кервена в библиотеке Шепли, никому не приходило в голову провести параллель между количеством гвинейских негров, которых он ввозил в страну вплоть до 1766 года, и необъяснимо малым числом купчих, удостоверяющих продажу этих рабов торговцам с Большого

моста и плантаторам округа Наррагансетт. Словом, когда возникала острая необходимость, этот страшный человек мог проявить необычайную хитрость и изобретательность.

Эффект от запоздалого исправления, конечно, был невелик. Кервена продолжали избегать и сторониться; людям было достаточно уже одного того, что в свои сто лет он так молодо выглядит. Кервен понимал, что рано или поздно дурная репутация испортит ему торговлю, а для проведения опытов и исследований требовались изрядные средства. Поскольку смена города лишила бы его добытых большим трудом торговых преимуществ, о переезде не могло быть и речи. По здравому размышлению Кервен понял, что должен как можно скорей восстановить добрые отношения с жителями Провиденса, чтобы его появление больше не становилось сигналом к перешептыванию, внезапным отлучкам «по важным делам» и общему напряжению обстановки. Слугами в его доме давно работали нищие лентяи, которых никто другой нанимать не хотел, и они причиняли ему немало хлопот; из прежних капитанов и матросов с ним соглашались работать лишь те, над кем он имел какую-нибудь власть, будь то закладная, долговая расписка или тайные сведения, могущие нанести существенный урон их благосостоянию. Кервен, о чем с трепетом писали авторы различных дневников, обладал почти сверхъестественным даром по добыванию компрометирующих семейных тайн. В последние пять лет его жизни многим казалось, что сведения, которыми он свободно располагал, могли сообщить ему лишь мертвецы.

Примерно в это время коварный негодяй предпринял последнюю попытку восстановить свое положение в обществе. Абсолютный отшельник и изгой, Кервен вдруг решил заключить брак по расчету, взяв в жену леди, безупречная репутация которой не дала бы подвергать дальнейшему ostracismu его дом. Возможно, на то имелись и другие, более глубокие причины – причины столь неподдающиеся человеческому восприятию, что лишь найденные через полтора столетия бумаги стали поводом для страшных догадок.

Естественно, он понимал, с каким ужасом и негодованием воспримет его ухаживания любая девушка, поэтому решил подыскать себе такую жену, на родителей которой мог бы оказывать существенное давление. Подобных кандидаток оказалось немного, поскольку у Кервена были очень высокие требования к будущей супруге по части внешности, образования и положения в обществе. В конце концов поиски привели его в дом одного из самых лучших и давних его капитанов, вдовца с благородным происхождением и непререкаемым авторитетом по имени Дьюти Тиллингаст, чья дочь Элиза была наделена всеми достоинствами, какие только можно пожелать, за исключением наследства. Капитан Тиллингаст целиком и полностью находился во власти Кервена; после страшной беседы, состоявшейся в его доме с куполом на Пауэрс-лейн-стрит, он был вынужден благословить сей богохульный союз.

Элизе Тиллингаст в то время было восемнадцать лет; она получила самое лучшее воспитание и образование, какое только мог предоставить ей разорившийся отец. Элиза посещала школу Стивена Джексона напротив Корт-хаус-переид и училась всем тонкостям ведения домашнего хозяйства у матери, пока та не погибла от оспы в 1757 году. Вышивки Элизы, сделанные ею в возрасте девяти лет, по сей день украшают комнаты Род-Айлендского исторического общества. После смерти матери девочка взяла все домашнее хозяйство на себя, и в помощниках у нее была только чернокожая старуха. Несомненно, споры с отцом по поводу брака с Кервеном причинили ей немало боли, однако об этом никаких сведений не сохранилось. Помолвку с Эзрой Уиденом, вторым помощником капитана судна «Энтерпрайз», пришлось разорвать. 7 марта 1763 года в Баптистской церкви, в присутствии всех знатных персон города, состоялась свадьба Элизы и Джозефа Кервена – церемонию проводил Сэмюэль Уиндзор-младший. В «Газетт» по этому поводу написали коротенькую заметку, но из большинства сохранившихся экземпляров того номера ее либо вырвали, либо вырезали. Единственную уцелевшую копию газеты удалось найти в архивах известного частного коллекционера, и Чарлз

Уорд не мог не подивиться и не улыбнуться бездушной обходительности языка, которым была написана заметка:

«Минувшим вечером мистер Джозеф Кервен, купец сего города, сочетался законным браком с Элизой Тиллингаст, дочерью капитана Дьюти Тиллингаста, – истинной леди, чьи несомненные достоинства вкупе с истинной красотой да принесут счастье и согласие сему славному союзу».

Собрание писем судьи Дарфи и мистера Арнольда, незадолго до первого приступа безумия обнаруженное Чарлзом в частной коллекции господина Мелвилла Ф. Питерса с Джордж-стрит, проливает весьма яркий свет на то, какое негодование вызвал в обществе сей нечестивый союз. Однако авторитета Тиллингастов это не подорвало, и в дом Джозефа Кервена вновь потянулись люди, которых прежде он ничем не мог заманить на порог. Конечно, полностью в общество его не приняли, и супруге его пришлось немало пострадать, однако стена полного остракизма все же рухнула. К вящему удивлению самой Элизы и всех остальных, Кервен относился к жене с поразительным уважением и любовью. В новом доме не осталось и следа от его прежних занятий, и хотя Кервен часто отлучался на ферму в Потакете, где его жена никогда не бывала, дома он вел себя совершенно нормально. Лишь один человек не прекратил с ним открытой вражды – юный помощник капитана, с которым Элиза Тиллингаст столь внезапно разорвала помолвку. Эзра Уиден поклялся отомстить Кервену, и хотя по натуре он был человек мягкий и незлобивый, теперь он лелеял одну-единственную цель, не сулившую мужу-узурпатору ничего хорошего.

7 мая 1765 года родился единственный ребенок Кервена, дочь Анна; преподобный Джон Грейвз крестил ее в Королевской церкви, прихожанами которой, дабы найти компромисс между конгрегационалистскими убеждениями мужа и баптистскими – жены, недавно стали оба супруга. Запись об этом рождении, как и о заключении брака двумя годами раньше, тщательно вымарали из всех церковных и городских архивов; Чарлзу Уорду удалось найти их лишь после того, как он узнал о смене фамилии вдовы и собственном родстве с Кервеном, каковое открытие пробудило в нем безудержный интерес и впоследствии привело к безумию. Запись о рождении нашлась весьма удивительным образом: благодаря переписке с наследниками лоялиста Грейвза, который после начала революции сбежал из Провиденса, прихватив с собой копию церковного архива. Уорд решил испытать этот источник, поскольку знал, что его прапрабабушка Анна Тиллингаст Поттер относилась к епископальной церкви.

Вскоре после рождения дочери – события, которое он встретил с необычайным для его холодной натуры восторгом, Кервен решил позировать для портрета. Художником стал одаренный шотландец по имени Космо Александр, который впоследствии поселился в Ньюпорте и был одним из первых учителей Гилберта Стюарта. Портрет повесили в библиотеке заново отстроенного дома, но ни в одном из дневников, где упоминалась картина, не было сведений о ее дальнейшей судьбе. В это время ученый стал проявлять необычайную рассеянность и почти все свое время проводил на потакетской ферме. Он постоянно пребывал, как свидетельствовали окружающие, в состоянии тщательно скрываемого возбуждения, словно вот-вот должно было свершиться нечто удивительное. Это явно имело отношение к химии и алхимии, поскольку Кервен перевез на ферму множество книг по этим темам.

Между тем его интерес к жизни Провиденса не угас, и он не упускал случая помочь таким деятелям как Стивен Хопкинс, Джозеф Браун и Бенджамин Уэст в попытках поднять культурный уровень города, который тогда был гораздо ниже ньюпортского, где издавна покровительствовали гуманитарным наукам. В 1763 году Кервен помог Дэниелу Дженкксу открыть книжный магазин, после чего стал там постоянным покупателем; оказывал поддержку нуждающейся «Газетт», свежий номер которой каждую среду печатался в «Голове Шекспира». Что касается политики, он горячо поддерживал губернатора Хопкинса в борьбе с партией Уорда, основная сила которой была сосредоточена в Ньюпорте. А чрезвычайно убедительная речь Кервена в

Хэчерс-холле против обособления Северного Провиденса позволила ему вновь закрепить свое положение в обществе. Один лишь Эзра Уиден цинично усмехался его напускному пылу и клятвенно заверял остальных, что все это – лишь прикрытие для страшных дел, свершаемых в самых черных глубинах Тартара. Мстительный молодой человек принялся систематически собирать сведения о Кервене в порту и часами проводил на верфи с плоскодонкой наготове, чтобы преследовать маленькую лодку, которая время от времени покидала кервеновский склад и отправлялась куда-то вниз по заливу. Вдобавок он пристально наблюдал за потакетской фермой и однажды подобрался так близко, что его жестоко искусили собаки, спущенные стариками-индейцами.

3

В 1766 году в Джозефе Кервене произошли последние перемены. Это случилось внезапно и получило широкую огласку среди любопытных горожан: Кервен вдруг скинул с себя возбужденное ожидание, точно старый плащ, и его место занял плохо скрываемый триумф. Он с явным трудом удерживал себя от публичных выступлений по поводу своей находки или открытия, однако необходимость сохранить это в тайне все же не дала ему поделиться радостью с остальными, поскольку никаких объяснений он так и не предоставил. Именно после этих странных перемен, произошедших с ним в начале июля, Кервен стал поражать окружающих сведениями, которые могли сообщить ему разве что давно почившие родственники.

Однако тайные занятия Кервена после этого не прекратились. Напротив, они стали еще интенсивней; его торговыми делами теперь занимались лишь те капитаны, которых он сковал по рукам и ногам угрозой полного банкротства. Кервен совершенно забросил работорговлю, поскольку она приносила все меньше прибыли, и каждую свободную минутку проводил на потакетской ферме и в местах, не столь далеких от кладбища, – люди наблюдательные начали задаваться вопросом, действительно ли старый негоциант так уж изменил своим привычкам. Эзра Уиден, который из-за частых дальних плаваний мог следить за Кервеном лишь изредка и недолго, все же обладал мстительным упорством, несвойственным практичным горожанам; он подверг дела своего заклятого врага такому тщательному изучению, какому они прежде никогда не подвергались.

Странные маневры кервеновских судов горожане объясняли трудными временами: каждый колонист, казалось, решил всеми силами бороться с Законом о сахаре, серьезно подорвавшим морскую торговлю. Контрабанда стала нормой в заливе Наррагансетт, и ночные перевозки незаконных грузов уже никого не удивляли. Однако Уиден, еженощно следивший за лодками, которые тайно выплывали со складов Кервена, вскоре утвердился во мнении, что зловещий негоциант тщательно скрывается вовсе не от боевых кораблей Его Величества. До перемен 1766 года в этих лодках обычно перевозили закованных в цепи негров, которых высаживали на берег неподалеку от Потакета, а затем везли через поле на ферму Кервена, где держали в огромном каменном здании с пятью узкими щелочками вместо окон. Но после тех перемен схема стала иной. Кервен забросил работорговлю, и на какое-то время ночные вылазки в море тоже прекратились. Однако весной 1767-го негоциант возобновил свою деятельность на новый лад. Из безмолвных черных доков снова стали выплывать лодки, но теперь они шли гораздо дальше, возможно, до самого Намквит-пойнта, где принимали груз с каких-то странных и постоянно меняющихся кораблей. Матросы Кервена затем доставляли этот груз на прежнее место неподалеку от Потакета, откуда транспортировали его по суше на ферму и запирали в том же загадочном каменном здании, где раньше держали рабов. Груз состоял в основном из ящиков и сундуков, многие из которых были тяжелыми, вытянутыми и подозрительно похожими на гробы.

Уиден всегда следил за фермой с неусыпным вниманием, на протяжении долгого времени посещая ее каждую ночь – за исключением тех ночей, когда на земле лежал снег и могли

остаться видимые следы. Но даже тогда Уиден подходил как можно ближе, стараясь ходить по тропинкам или твердому льду протекающей рядом речушки: он высматривал следы, оставленные другими. Поскольку дозоры то и дело приходилось прерывать из-за плаваний, он нанял себе сменщика – приятеля по имени Елеазар Смит, который продолжал слежку в его отсутствие. При желании они могли бы пустить по городу весьма любопытные слухи, но не делали этого, чтобы не спугнуть жертву и вывести как можно больше. Друзья сговорились найти какое-нибудь подтверждение своим догадкам и лишь затем что-либо предпринимать. Видимо, им открылось нечто поистине ужасное: Чарлз нередко жаловался родителям, что Уиден сжег все свои записи. Единственные сведения об открытии обнаружились в довольно бессвязном дневнике Елеазара Смита, а также в письмах других людей, которые лишь робко повторяли слова Уидена и Елеазара: согласно им, ферма была лишь прикрытием для чего-то столь гнусного и омерзительного, для зла столь безграничного и непостижимого, что человеческий разум не в силах даже его осознать.

Известно, что Уиден и Смит еще на ранних этапах своего расследования узнали об огромной сети катакомб и туннелей, проложенных под фермой, где помимо двух стариков-индейцев трудились сотни рабов. Дом был древней реликвией середины семнадцатого века с острокопечной крышей, огромной дымовой трубой и витражными окнами. Лаборатория располагалась в северной пристройке с односкатной крышей, которая спускалась почти до самой земли. Здание стояло в отдалении от всех остальных построек, однако, судя по голосам разных людей, доносившимся оттуда в разное время дня и ночи, в дом можно было попадать тайными подземными ходами. Голоса эти до 1766 года что-то неясно бормотали, шептали или вопили, к ним то и дело и примешивались загадочные песнопения и молитвы. Однако после 1766-го они приобрели необычайно жуткий характер: смиренные безжизненные стоны сменялись воплями ярости, громогласными спорами и жалобными мольбами, учащенным хриплым дыханьем и криками протеста. Языки были разные, но Кервен знал их все – его сиплый голос с узнаваемым акцентом часто произносил в ответ упреки или угрозы. Иногда казалось, что в доме собралось несколько человек: Кервен, пленники и их стражи. Таких голосов ни Уиден, ни Смит никогда прежде не слышали, и многие языки казались им совершенно незнакомыми, хотя оба часто бывали в разных уголках света. Сами разговоры всегда напоминали допросы, словно бы Кервен пытался силой добыть из обезумевших от страха или бунтующих пленников какие-то сведения.

Многие из подслушанных разговоров Уиден записал дословно – на ферме часто разговаривали на английском, французском и испанском, а эти языки он прекрасно знал. Однако ни одной записи тех бесед не сохранилось. Впоследствии он признался, что лишь немногие из леденящих душу разговоров касались семей Провиденса; большая часть вопросов и ответов, которые он сумел разобрать, имели отношение к истории и различным наукам, весьма отдаленным местам и эпохам. Однажды, к примеру, некоего человека допрашивали на французском языке о Черном Принце и расправе над жителями города Лимож в 1370 году – словно бы он по какой-то неведомой причине мог знать о тех событиях. Кервен спросил узника – если тот вообще был узником – о причинах гибели трех тысяч человек: истребили их потому, что на алтаре в древнеримском склепе под собором нашли символ козла, или потому, что Черный Человек из Верхней Вьенны произнес три слова? Не получив желаемого ответа, инквизитор прибегнул к крайним мерам, поскольку тут же раздался страшный визг, за которым последовала внезапная тишина, глухое проклятье и тяжелый удар.

Ни один из этих разговоров Уидену и Смит не удалось увидеть собственными глазами, поскольку окна всегда были плотно зашторены. Но однажды, во время допроса на неизвестном им языке, на портъеру упала тень допрашиваемого, один вид которой привел Уидена в ужас: она напомнила ему о марионетках, которых он видел в Хэчерс-Холле осенью 1764 года, когда некий артист из Джермантауна показывал публике любопытный механический спектакль. На плакате, зазывавшем зрителей, было написано:

«Вы увидите знаменитый город Иерусалим с Храмом Соломона, царским тронном, знаменитыми башнями и холмами, а также страсти Христовы от Гефсиманского сада до распятия на Голгофе; искусное зрелище на самого любопытного и взыскательного зрителя».

Именно в ту ночь Уиден, подкравшись во время разговора поближе к окну, от ужаса подскочил на месте, и охранявшие дом индейцы спустили на него собак. После этого случая всякие допросы в доме прекратились, и Уиден со Смитом решили, что Кервен перенес поле своей деятельности под землю.

Тому, что под землей действительно что-то располагалось, было много свидетельств. Местами оттуда доносились едва различимые крики и стоны, а никаких построек поблизости не было. В зарослях кустарника вдоль реки, где за крутым холмом начиналась долина Потакет, обнаружилась тяжелая деревянная дверь с каменным обрамлением – очевидно, то был вход в пещеры под холмом. Кто и когда его построил, Уиден сказать не мог, однако он часто подчеркивал, что со стороны реки там вполне могли незаметно трудиться рабочие. Да, Джозефу Кервену было чем занять своих матросов-полукровок! Во время сильных весенних дождей 1769-го два друга постоянно следили за крутым речным берегом – на случай, если паводок вынесет на поверхность какие-нибудь подземные тайны. Наградой им было обилие человеческих и животных костей в глубоких промоинах на берегу. Конечно, на задворках скотной фермы, где в стародавние времена к тому же находилось индейское кладбище, подобные находки были вполне объяснимы, но Уиден и Смит пришли к другим выводам.

В январе 1770-го, пока они раздумывали, что же им делать с этими ужасными открытиями, произошел странный случай с баржей «Форталеза». Летом прошлого года близ Ньюпорта контрабандисты сожгли таможенный корабль «Либерти», и раздосадованный адмирал Уоллес, командовавший тогда таможенным флотом, стал с удвоенной бдительностью следить за неизвестными судами. Так, однажды ранним утром боевая шхуна «Лебедь» под управлением капитана Чарлза Лесли после недолгого преследования захватила барселонскую баржу «Форталеза», следовавшую, согласно бортовому журналу, из Каира в Провиденс. Когда судно обыскали на предмет контрабандных товаров, таможня с удивлением обнаружила, что груз целиком состоит из египетских мумий, предназначенных «матросу А. Б. В.», который должен был забрать их близ Намквит-пойнта и доставить в нужное место. Личность таинственного матроса капитан баржи Мануэль Арруда считал своим долгом не разглашать. Вице-адмирал в Ньюпорте пришел в замешательство: с одной стороны, груз не назовешь контрабандным, с другой – дело явно нечисто и разрешения на ввоз мумий они не давали. В конечном итоге он решил последовать совету контролера Робинсона и отпустить судно, но запретить ему входить в воды Род-Айленда. Потом пошли слухи, что баржу видели в бостонской гавани, хотя открыто в порт она не входила.

Необычный этот случай не мог не получить широкой огласки в Провиденсе, и мало кто сомневался в связи между грузом с мумиями и зловещим Джозефом Кервеном. Его экзотические исследования, частые поставки странных химических веществ, подозрительная любовь к кладбищам, о которой все прекрасно знали... нетрудно было догадаться, кому именно в Провиденсе предназначался столь жуткий груз. Словно понимая, что подобных подозрений не избежать, Кервен несколько раз с нарочитой беспечностью обмолвился в обществе о химической уникальности древних бальзамических жидкостей, надеясь таким образом объяснить случившееся и одновременно не указывать прямо на свое участие. Уидена и Смита, это, разумеется, не успокоило, и они продолжали строить безумные догадки о чудовищных опытах Кервена.

Следующей весной опять шли сильные дожди, и дозорные внимательно следили за речным берегом позади потакетской фермы. Вода вновь смыла толстый слой земли и обнажила множество костей, но подземных пещер и туннелей так и не открыла. Правда, странные слухи поползли по деревне Потакет, что находилась примерно в миле по течению от фермы, где река переливалась через уступ и каскадами спускалась в мирную лагуну. На склоне холма тесни-

лись причудливые старинные домики, а в сонных доках дремали рыбацкие лодки. Из этих безмятежных мест стали поступать жуткие слухи о непонятных предметах, плывущих по реке и исчезающих в пучине водопада. Конечно, Потакет – река длинная и минует немало поселений с кладбищами, а дожди той весной шли сильные и продолжительные; но рыбаков на мосту напугал дикий взгляд, каким посмотрел на них один из этих «предметов», прежде чем свалиться в водопад, и страшный крик другого – он почти разложился и пребывал вовсе не в том состоянии, чтобы кричать. Эти слухи погнали Смита (Уиден тогда ушел в очередное плавание) на берег реки, где непременно должны были остаться следы обширного обвала. Но попасть на крутой берег оказалось невозможно: обвал оставил за собой твердую стену из земли и кустарника. Смит думал даже устроить экспериментальные раскопки, но быстро бросил эту затею, испугавшись неудачи (или, наоборот, его устрасил возможный успех). Будь на его месте Уиден, он бы наверняка поступил иначе.

4

К осени 1770-го Уиден решил, что пришла пора рассказать остальным о своих открытиях. В его распоряжении было множество фактов, которые легко увязывались в единое целое, и второй свидетель – на случай, если его собственное суждение было замутнено ревностью и жадной мести. В качестве первого доверенного лица Уиден избрал капитана Джеймса Мэтьюсона с «Энтерпрайза», который, с одной стороны, хорошо знал Эзру и не усомнился бы в правдивости его слов, а с другой – пользовался достаточным авторитетом – в городе его бы выслушали с уважением. Разговор состоялся в верхних комнатах таверны Томаса Сабина рядом с доками. Пришел туда и Смит, чтобы в случае необходимости подтвердить каждое слово Уидена. Капитан Мэтьюсон был крайне поражен услышанным. Как и все жители города, он давно подозревал своего соседа Джозефа Кервена в темных делах, и теперь его подозрения подтвердились. В конце беседы он стал очень мрачен и велел молодым людям хранить полное молчание. Мэтьюсон решил сам распространить полученную информацию среди примерно десяти выдающихся жителей Провиденса, узнать их мнение и последовать любому их совету. Как бы то ни было, все нужно держать в строжайшей тайне, потому что ни городские констебли, ни армия не смогут уладить такое дело. И прежде всего нельзя посвящать в это впечатлительный народ: не приведи Бог, повторится жуткая Салемская история, которая случилась меньше века назад и погнала Кервена с насиженных мест.

Доверенными лицами Мэтьюсон избрал доктора Бенджамина Уэста, чей труд о прохождении Венеры по диску Солнца обнаружил в нем крепкого ученого и мыслителя; президента университета Джеймса Маннинга, который совсем недавно переехал из Уоррена и временно проживал в здании школы на Кинг-стрит, дожидаясь окончания строительства нового университетского здания на Пресвитериан-лейн; бывшего губернатора Стивена Хопкинса, члена Ньюпортского философского общества и человека весьма широких взглядов; Джона Картера, издателя «Газетт»; всех четырех братьев Браун – Джона, Джозефа, Николаса и Моисея, – городских магнатов; старого Иависа Боуэна, человека весьма эрудированного и первым узнавшего о странных покупках Кервена; и, наконец, капитана Абрахама Уиппла, приватира небывалой храбрости и силы духа, который поведет за собой остальных в случае, если придется прибегнуть к активным действиям. Всех этих почтенных господ предполагалось собрать вместе, посвятить в случившееся и возложить на них ответственность за решение, уведомлять или не уведомлять губернатора колонии Джозефа Уонтонна о дальнейших мерах.

Миссия капитана Мэтьюсона увенчалась неожиданным успехом; хотя среди посвященных два или три человека отнеслись к услышанному весьма скептически, все как один были убеждены в необходимости тайных, решительных и слаженных мер. Кервен, несомненно, угрожал благоденствию города и колонии в целом, и угрозу эту нужно было искоренить любой

ценой. В конце декабря 1770 года компания именитых горожан встретилась в доме Стивена Хопкинса – обсудить первые пробные шаги. Они внимательно изучили заметки Уидена, предоставленные капитаном Мэтьюсоном, а также вызвали самих Уидена и Смита для дачи личных показаний. Нечто сродни суеверному страху охватило всех присутствующих еще до того, как собрание закончилось, однако в этом страхе сквозила решимость, нашедшая самое яркое отражение в грубовато-простодушной и звучной брани капитана Уиппла. Губернатора решили ни во что не посвящать, поскольку здесь требовалось нечто большее, чем вмешательство закона. Кервена, обладавшего некой таинственной силой, о могуществе которой оставалось лишь гадать, нельзя было просто попросить покинуть город – страшную неведомую кару сулила такая просьба всем обратившимся. К тому же переезд Кервена ничего бы не решил: нечистое бремя легло бы на другой город, но не исчезло. Всюду царило беззаконие, и люди, долгие годы игравшие в прятки с королевским таможенным флотом, не боялись предпринять более крутые меры, если того требовал долг. Кервена можно было застать врасплох: отправить на его ферму рейдерскую группу из матерых приватиров и дать ему последний шанс оправдаться. Если выяснится, что он обыкновенный безумец, развлекающий себя воплями и разговорами на разные голоса, надо будет просто поместить его в лечебницу. Если же под землей действительно обнаружится некая ужасная тайна, Кервен и все, что с ним связано, должно исчезнуть с лица земли. Дело можно провернуть тихо, и даже вдове не обязательно сообщать, что они узнали.

Пока эти серьезные меры только обсуждались, в городе произошло событие столь страшное и необъяснимое, что на какое-то время во всей округе говорили только об этом. Однажды лунной и снежной январской ночью тишину над рекой и холмом пронзили жуткие вопли. Проснувшиеся жители прильнули к окнам, и люди близ Уэйбоссет-пойнта увидели, как в проруби у «Головы Шекспира» барахтается и мечется странное белое существо. Где-то вдалеке лаяли собаки, но стоило подняться шуму разбуженного города, как лай утих. Люди с фонарями и мушкетами отправились узнать, что происходит, и ничего не нашли. На следующее утро, однако, на ледяных глыбах у южной опоры Большого моста обнаружили огромное, абсолютно нагое мускулистое тело. Личность этого человека стала предметом бесчисленных бесед и перешептываний, причем сплетничала главным образом не молодежь, а старики – застывшее лицо с выпученными от ужаса глазами пробудило в патриархах города кое-какие воспоминания. Дрожа и хрипя, они обменивались пугающими сплетнями: отвратительные черты мертвеца делали его как две капли воды похожим на человека, умершего пятьдесят лет назад.

Эзра Уиден лично присутствовал при находке; вспомнив о собачьем лае, раздававшемся минувшей ночью, он отправился по Уэйбоссет-стрит и через мост Мадди-Док к тому месту, откуда он доносился. Уиден рассчитывал на интересное открытие и не удивился, когда на краю жилого квартала, где улица переходила в Потакет-роуд, обнаружились весьма любопытные следы. За нагим великаном бежала целая свора собак и множество людей в сапогах. По следам, оставшимся на снегу, легко можно было проследить их обратный путь: преследователи бросили погоню, когда подошли слишком близко к городу. Уиден зловеще улыбнулся и на всякий случай прошел по следам до конца, то есть до кервеновской фермы близ Потакета. Он много бы дал за то, чтобы посмотреть на истоптанный двор перед фермой, однако при свете дня побоялся проявлять чрезмерный интерес. Доктор Боуэн, к которому Уиден сразу же направился с докладом, провел вскрытие найденного тела – и пришел в полное замешательство. Пищеварительный тракт великана никогда не работал, а кожа представляла собой необъяснимо грубую и рыхлую ткань. Пораженный слухами о том, что великан очень похож на давно почившего кузнеца Дэниэля Грина, чей правнук теперь работал представителем Кервена на грузовых судах, Уиден провел небольшое расследование и в конце концов нашел могилу Грина. Той же ночью группа из десяти человек посетила старое Северное кладбище напротив Герренденс-лейн. Они вскрыли могилу и обнаружили ее, как и предполагали, совершенно пустой.

Тем временем почтальонов попросили перехватывать всю корреспонденцию Джозефа Кервена, и незадолго до означенного случая с нагим трупом ему пришло письмо от некоего Иедедии Орна из Салема, которое заставило участников заговора глубоко задуматься. Приводим выдержку из письма, сохранившегося в личных архивах семьи Смит:

«Я восхищен Вашими упорными изысканиями в области Древних материй, однако успехи мистера Хатчинсона из Салем-виллидж внушают куда меньшие радости. Лишь толику надобного собрал Х., и из оной толики поднялось живое воплощение ужаса. То, что Вы мне милостиво прислали, надлежит исправить: или же в материалах недостает какой-то части, или Вы неверно записали слова. Я сам пребываю в растерянности, ибо нет у меня должного опыта в химии, дабы последовать по стопам Бореллия или же постичь умом книгу «Некрономикон», каковую вы мне советуете. Однако обращаю Ваше внимание на предостережение мистера Мэзера из «Magnalia —»: с осторожностью надобно взывать к неизвестному, ибо слышал я, какие неописуемые ужасы могут явиться на зов. Заклинаю Вас вновь: не взывайте к тому, что не сможете потом вернуть в небытие и что в ответ призовет на борьбу с Вами нечто, против чего даже самые могущественные Ваши заклинания и орудия будут бессильны. Зовите меньшее, дабы большее не пожелало Вам ответить. Я пришел в суицид ужас, когда узнал, что Вам теперь известно о содержимом того сундука черного дерева, что принадлежал Бену Зариатнатмику, ибо ясно мне, кто мог Вам сие сообщить. И вновь прошу Вас писать на имя Иедедии, а не Саймона, ибо в сем обществе человеку не след жить сверх отмеренного, и Вы знаете о моих планах вернуться в Салем в качестве собственного сына. С нетерпением ожидаю того дня, когда Вы откроете мне, что Черный Человек выпытал у Косидия Сильвана в склепе под римским валом. Равным же образом буду премного признателен, ежели Вы пришлете мне упомянутые материалы».

Второе неподписанное письмо из Филадельфии тоже наталкивало на странные мысли, особенно следующий пассаж:

«Впредь постараюсь пересылать материалы токмо Вашими судами, как Вы просите, однако я не знаю, когда их точно ждать. Относительно нашего же дела, мне осталось добыть единственную составную часть. Я бы хотел увериться, что правильно понял Ваши слова. Вы сообщаете, что ежели мы хотим добиться наилучшей пользы и результата, надобно собрать все части до единой и ничего не упустить. Однако добыть все разом представляется мне большим риском, особенно в городе (как то: в соборе Святого Петра, Святого Павла, Святой Марии или же в Церкви Христа), где это и вовсе нельзя осуществить. Памятуя, какие изъятия были в том, что явилось на мой зов в прошлом октябре, и сколько перевел я живых экземпляров, дабы найти верный способ, буду отныне всецело следовать Вашим указаниям. С нетерпением жду Вашего брига и ежедневно справляюсь о его прибытии на верфь мистера Биддла».

Третье подозрительное письмо было на неизвестном языке – даже алфавита такого никто раньше не видел. В дневнике Смита, обнаруженном Чарлзом Уордом, приведена часто повторяющаяся последовательность символов, скопированных неуклюжей рукой. Ученые Брауновского университета сказали, что это либо амхарская письменность, либо абиссинская, но слово узнать не смогли. Ни одно из этих писем Кервену так и не доставили, однако исчезновение Иедедии Орна из Салема свидетельствует, что провиденские заговорщики все же предприняли кое-какие незаметные меры. В Пенсильванском историческом обществе также сохранилось несколько весьма любопытных писем к доктору Шиппену касательно некоего подозрительного и неприятного господина, проживающего в Филадельфии. Но принимались и более серьезные

шаги: главные плоды уиденовских изысканий стоит искать в действиях группы закаленных моряков и старых верных приватиров, собиравшихся на складе Брауна. Медленно, но верно план по полному искоренению Кервена приобретал все более четкие очертания.

Кервен, несмотря на все меры предосторожности, явно почувствовал угрозу: окружающие замечали его крайне встревоженный и почти напуганный вид. Его карету часто видели в городе и на Потакет-роуд, а напускное благодушие, посредством которого он пытался бороться с нелюбовью горожан, мало-помалу испарялось. Его ближайшие потакетские соседи, Феннеры, рассказывали, как однажды ночью из крыши загадочного каменного здания с высокими узкими окнами выстрелил яркий луч света – они сразу же сообщили об увиденном Джону Брауну из Провиденса. Мистер Браун был своеобразным предводителем группы, вознамерившейся сжить Кервена со света, и он заверил Феннеров, что скоро будут приняты весьма решительные меры. Посвятить их в происходящее было необходимо: они так или иначе стали бы свидетелями налета. Браун солгал им, что Кервен – шпион ньюпортской таможни и все шкиперы, купцы и фермеры открыто или тайно проголосовали за то, чтобы от него избавиться. Поверили Феннеры в эту ложь или нет (все-таки на их глазах происходило немало странного и жуткого), неизвестно, однако человека с такой репутацией легко можно было заподозрить хоть во всех смертных грехах. Мистер Браун возложил на Феннеров ответственную миссию: следить за домом негоцианта и регулярно докладывать о любых происшествιαх.

5

Вероятность того, что Кервен все же догадался о готовящемся налете и предпринимает какие-то меры (об этом, возможно, свидетельствовал таинственный луч света), заставила группу решительно настроенных заговорщиков поторопиться с исполнением плана. Согласно дневнику Смита, 12 апреля 1771 года в десять часов вечера у таверны Терстена, что находилась на Уэйбоссет-пойнте против Большого моста, собралось около ста человек. Из главных заговорщиков, помимо Джона Брауна, присутствовали доктор Боуэн с набором хирургических инструментов, президент Маннинг без своего знаменитого парика (самого большого парика в колонии), губернатор Хопкинс в темном плаще и в компании брата-мореплавателя Изека, которого он с позволения остальных недавно посвятил в готовящийся план, Джон Картер, капитан Мэтьюсон и капитан Уиппл – последний должен был повести за собой налетчиков. Эти почтенные господа собрались в задней комнате таверны на совещание, после чего капитан Уиппл вышел в большой зал, взял с собравшихся моряков обет молчания и раздал последние наставления. Елеазар Смит сидел вместе с главными заговорщиками и дожидался прибытия Эзры Уидена, задачей которого было следить за Кервеном и доложить, как только его карета отправится на ферму.

Примерно полонинадцатого с Большого моста слышался грохот и скрип колес. В столь поздний час и без донесения Уидена всем стало ясно: обреченный на гибель человек выехал из дома – в последний раз вершить свое греховное колдовство. Минутой позже, когда тающий в ночи скрип и лязг стихли за мостом Мадди-Док, к таверне подъехал Уиден, и налетчики стали в боевом порядке выстраиваться на улице, вооружившись кто охотничьими, кто кремневыми ружьями, а кто и огромными китобойными гарпунами. Уиден и Смит присоединились к налетчикам, а за ними вышли капитан Уиппл, руководитель налета, капитан Изек Хопкинс, Джон Картер, президент Маннинг, капитан Мэтьюсон и доктор Боуэн. Ровно к одиннадцати подоспел и Моисей Браун, который на предварительном собрании в таверне не присутствовал. Все эти почтенные граждане и около сотни моряков без промедления отправились в путь: мрачные и чуть напуганные, они вскоре оставили за собой Мадди-Док и начали подъем по Брод-стрит к Потакет-роуд. Сразу за церковью Элдера Сноу некоторые налетчики оборачивались и бросали прощальный взгляд на Провиденс, что простирался под молодыми

весенними звездами. Шпили и крыши домов темными силуэтами поднимались в небо, а из бухточки к северу от Большого моста дул соленый ветер. Вега взбиралась на высокий холм на другом берегу; очертания леса на его вершине прерывались контуром недостроенного университетского здания. У подножия холма и вдоль узких улочек на склоне дремал старинный город Провиденс, ради безопасности и душевного покоя которого сто с лишним жителей решили раз и навсегда искоренить чудовищное зло.

Спустя час с четвертью налетчики подошли к дому Феннеров, где выслушали последнее донесение о будущей жертве. Кервен приехал около получаса назад, вскоре после этого небо опять пронзил яркий луч, и больше ни в одном из окон фермы свет не загорался – так было и прежде. Уже во время разговора с Феннерами на юге вновь полыхнуло, и налетчики поняли: страшное и удивительное совсем рядом. Капитан Уиппл приказал войску разделиться на три части. Один отряд под командованием Елеазара Смита встанет у берега и будет сторожить пристань – на случай, если Кервен уже вызвал подкрепление, – пока к ним не пошлют гонца с просьбой о помощи. Второй отряд под командованием Изека Хопкинса должен незаметно пробраться в речную долину, обойти ферму и топорами, порохом или иными доступными способами уничтожить тяжелую дубовую дверь под крутым высоким холмом. Наконец, третий отряд отправится к дому и прилегающим внешним постройкам. Третью часть отряда с капитаном Мэтьюсоном во главе пойдет к загадочному каменному зданию, еще одна треть под руководством капитана Уиппла окружит сам дом, а оставшиеся матросы будут держать оцепление вокруг всей фермы, пока не услышат сигнал тревоги – значит, их помощь требуется в другом месте.

Единственный громкий свист станет сигналом для берегового отряда, чтобы выломать дубовую дверь в холме и ждать дальнейших указаний, отлавливая все, что может выйти из-под земли. Еще два свистка – и они двинутся в подземелье навстречу врагу или остальным налетчикам. Ровно то же самое свистки будут означать для тех, кто подойдет к каменному зданию: сначала нужно выломать дверь, затем начать спуск под землю навстречу главному или береговому отряду. Третий сигнал – он же сигнал тревоги, – состоящий из трех свистков подряд, призовет на помощь оцепление из двадцати человек, которым надлежит разделиться и войти в подземелье с двух сторон – через дом и через каменное здание.

Капитан Уиппл был абсолютно убежден в существовании катакомб и при планировании налета руководствовался этой верой. Он взял с собой очень мощный и громкий свисток, так что ошибок с толкованием сигналов возникнуть не могло. Пристань располагалась вне пределов слышимости, и к резервному отряду у берега в случае необходимости послали бы гонца. Мойсей Браун, Джон Картер и капитан Хопкинс пошли на берег, а президента Маннинга с капитаном Мэтьюсоном направили к каменному зданию. Доктор Боуэн в компании Эзры Уидена остался в отряде капитана Уиппла, которому предстояло штурмовать сам дом. Облава должна была начаться, как только гонец от капитана Хопкинса доберется до капитана Уиппла и сообщит, что береговой отряд готов к наступлению. Тогда предводитель даст первый сигнал, и все три отряда начнут одновременную атаку по всем фронтам. Незадолго до часу ночи все налетчики покинули дом Феннеров: одни ушли сторожить пристань, вторые искать дубовую дверь в холме, а третьи – окружать постройки кервеновской фермы.

Елеазар Смит, который присоединился к береговому отряду, пишет в своем дневнике о том, как моряки без инцидентов добрались до места и долго ждали, прежде чем вдалеке послышался едва различимый свисток, а за ним – вроде бы крики и взрывы. Позже одному моряку из отряда показалось, что он слышит выстрелы, а еще позднее сам Смит ощутил в небе грохот неведомых и страшных слов. Незадолго до рассвета к ним прибыл единственный изможденный гонец с безумными глазами, от одежды которого исходила странная, ни на что не похожая вонь. Он велел морякам незаметно разойтись по домам и никогда никому не рассказывать о событиях этой ночи и о человеке, называвшем себя Джозеф Кервен. Поведение и взгляд гонца ока-

зались куда красноречивей, чем слова: увиденное раз и навсегда лишило покоя душу и разум крепкого закаленного матроса. То же самое стало и со всеми остальными, кто побывал в ужасном подземелье: увидев нечто необъяснимое и неопишное, они словно бы навек утратили – или, напротив, обрели – какую-то частичку души. Они испытали нечто неподвластное человеческому разуму и с тех пор не могли это забыть, однако никому не поведали о случившемся: человеческим слабостям все же есть предел. А гонец своим видом и поведением так напугал береговой отряд, что страх запечатал и их губы. Лишь считанные слухи просочились в город, и дневник Елеазара Смита – единственное до наших дней письменное свидетельство той ночной экспедиции.

Чарлз Уорд, однако, нашел еще кое-какие сведения в переписке Феннеров, сохранившейся у их родственников в Нью-Лондоне. Проводив налетчиков, Феннеры, из чьих окон можно было наблюдать за проклятой фермой, ясно слышали неистовый лай кервеновских псов и первый взрыв пороха, предваивший наступление. Вслед за взрывом из крыши каменного здания вновь вырвался яркий луч, а еще через секунду, после двух свистков подряд, послуживших сигналом к облаве, раздались мушкетные выстрелы и страшный оглушительный рев, который Люк Феннер записал буквами «ваааарррр-р'вааарррр».

Свойства этого рева не передать словами: мать Люка Феннера тотчас лишилась чувств. Позже он повторился, но уже тише, а за ним вновь последовали выстрелы и оглушительный взрыв со стороны реки. Примерно через час поднялся испуганный собачий лай, а земля начала трястись и гудеть так, что задрожало пламя свечей на каминной полке. Свидетель отмечает сильный запах серы; отец Люка Феннера заявляет, что слышал третий свисток – сигнал тревоги, – однако больше никто его не распознал. Опять раздались приглушенные выстрелы, а за ними – дикий крик, уже не такой оглушительный, но еще страшней предыдущего: некий горловой, неестественный кашель или бульканье, которое можно назвать криком лишь ввиду его продолжительности и психологического эффекта, а не звуковых свойств.

Затем в той стороне, где должна была находиться ферма Кервена, что-то вспыхнуло и послышались испуганные человеческие вопли. Застрекотали мушкеты, и полыхающее нечто рухнуло на землю. За ним появилось второе обьятое огнем существо, кричавшее явно человеческим голосом. Феннер пишет, что ему даже удалось разобрать несколько слов, исторгнутых в предсмертной муке: «Всемогущий, защити агнца своего!» Затем вновь раздались выстрелы, и второе пламенеющее существо тоже рухнуло на землю. На три четверти часа воцарилась полная тишина, в конце которой маленький Артур Феннер, брат Люка, якобы увидел «красный туман», поднимающийся к звездам от проклятой фермы. Кроме ребенка этого никто не видел, но сам Люк признается, что по странному совпадению именно в ту секунду три домашних кошки в ужасе выгнули спины и зашипели.

Пятью минутами позже подул холодный ветер, и воздух наполнился невыносимой вонью, которую береговой отряд и жители Потакета не почуяли лишь благодаря свежему морскому бризу. Ничего подобного этой вонии Феннеры никогда не обоняли: она пробуждала в груди некий липкий бесформенный страх, чем-то похожий на ужас человека, попавшего в темный склеп, но гораздо сильнее. Затем прозвучал кошмарный глас, каковой в памяти любого услышавшего останется до конца жизни. Он прогремел с небес, точно предвестие конца света, и сотряс даже стены домов. Он был низкий и мелодичный, мощный, как орган, и зловещий, как запретные писания безумного араба. Никто не знает, о чем говорил глас, но в своем письме Люк Феннер так запечатлел эти демонические слова: «ДЭЭСМЕС ЙЕХЕТ БОНЕ ДОСЭФЕ ДУВЕМА ЭНИТЕМОСС». До 1919 года ни одна живая душа не могла соотнести эту грубую транскрипцию с какими-либо известными человеческими знаниями, но Чарлз Уорд поблел-нел, узнав в них то, что Мирандола с содроганием объявил ужаснейшей из магических формул.

В ответ на этот зловещий глас с кervenовской фермы раздался человеческий вопль десятков людей, после чего к неведомой вони примешался в равной степени невыносимый смрад.

Затем раздался громкий вой – то слабеющий, то нарастающий. Временами в нем словно проскальзывали какие-то слова, но никто не мог их разобрать, а в какой-то миг он почти перешел в истерический или дьявольский хохот. Из человеческих глоток вырвался крик невыносимого, наивысшего ужаса и безумия – ясный и отчетливый, хотя и шел он из подземных глубин. Затем воцарилась полная тишина и мрак. Едкий дым спиралями поднимался в небо и застилал звезды, однако пламени никто не видел, и на следующее утро все постройки на ферме оказались целы.

Ближе к рассвету в дверь Феннеров постучали два перепуганных насмерть гонца в чудовищно провонявшей неизвестно чем одежде. Они попросили бочонок рома, за который щедро заплатили. Один из них сказал, что с Джозефом Кервеном покончено и о событиях этой ночи надлежит забыть раз и навсегда. Как бы надменно ни прозвучал этот приказ, тон и взгляд говорящего не дали Феннерам повода для возмущения или ослушания. Лишь в тайной переписке Люка Феннера с коннектикутским родственником (последний должен был сразу сжигать письма, но ослушался) сохранились воспоминания семьи о тех страшных событиях, и только упрямство этого родственника спасло ту ночь от полного забвения. Расспросив множество потакетских жителей на предмет семейных легенд, Чарлз Уорд смог добавить лишь одну любопытную подробность к рассказу Люка. Дедушка старика Чарлза Слокума рассказывал ему жуткую байку об обугленном трупе, найденном в поле через неделю после смерти Джозефа Кервена. Останки эти, хоть и серьезно пострадавшие от огня, явно не были человеческими, но и зверей таких никто из потакетских жителей даже в книгах никогда не видел.

6

Ни один человек, ставший свидетелем того налета, не вымолвил ни слова о случившемся. Все дожившие до наших дней обрывочные сведения поступали от людей, которые не вошли в последний отряд. Есть что-то необъяснимо жуткое в той тщательности, с какой налетчики уничтожали мельчайшие крохи информации, имеющей отношение к тем событиям. Погибли восемь матросов: тела их исчезли, но родственники вполне удовлетволялись объяснением, что они погибли в стычке с таможенниками. То же самое сказали и родным бесчисленных пострадавших, раны которых перевязывал участвовавший в облаве доктор Иавис Боуэн. Сложнее всего было объяснить странную вонь от налетчиков – слухи о ней ходили по Провиденсу еще несколько недель. Из первых лиц города сильнее всего пострадали капитан Уиппл и Моисей Браун, но, к вящему недоумению родных и жен, они никого не подпускали к ранам и ни словом не обмолвились о случившемся. Что же до психологического состояния всех участников налета, то они казались постаревшими, мрачными и чем-то страшно потрясенными. Хорошо, что все они оказались людьми крепкими и с простыми религиозными убеждениями: натура сложная и чувствительная могла не вынести пережитого. Сильнее всего тревожился президент Маннинг, но даже он со временем смог избавиться от черных воспоминаний, задушив их неустанными молитвами. Каждый из заговорщиков в будущем так или иначе взял на себя роль предводителя – это, наверно, и хорошо. Примерно через год капитан Уиппл возглавил шайку, которая сожгла таможенное судно «Гаспи», и в этом отважном поступке можно угадать попытку стереть из памяти отвратительные образы.

Вдове Джозефа Кервена доставили запечатанный свинцовый гроб странной формы, явно найденный прямо на ферме. В нем якобы лежал труп ее супруга, убитого в битве с таможенниками, о подробностях которой ей не сообщили. Больше о смерти Джозефа Кервена никто и словом не обмолвился, а Чарлзу Уорду пришлось строить свою теорию на основании единственной призрачной зацепки – наспех переписанного рукой Уидена абзаца из письма Иедедии Орна к Джозефу Кервену. Копию нашли у одного из потомков Смита, и остается лишь гадать,

то ли Уиден сам отдал другу письмо, когда все закончилось, то ли, что вероятней, оно попало к Смиту раньше и он сам подчеркнул нужный абзац. Вот что там было написано:

«Заклинаю Вас вновь: не взывайте к тому, что не возможете потом вернуть в небытие и что в ответ призовет на борьбу с Вами нечто, против чего даже самые могущественные Ваши заклинания и орудия будут бессильны. Зовите меньшее, дабы большее не пожелало Вам ответить».

В свете этих строк Чарлз Уорд всерьез задумался о том, каких невообразимых союзников мог в качестве крайней меры призвать поверженный колдун и действительно ли Кервена убили жители Провиденса.

Тщательному уничтожению любых сведений о Джозефе Кервене из жизни и архивов города весьма способствовало высокое положение и влияние главных заговорщиков. Поначалу они не были столь осмотрительны: вдова, ее дочь и отец долго пребывали в неведении относительно событий той роковой ночи, пока до сведения капитана Тиллингаста, человека весьма проницательного, не дошли кое-какие слухи. Они настолько ужаснули капитана, что он велел дочери и внучке немедленно сменить фамилию, сжег библиотеку со всеми архивами и стер надпись с могильной плиты Джозефа Кервена. Он хорошо знал капитана Уиппла и, должно быть, сумел выудить из простодушного моряка больше сведений о смерти проклятого колдуна, чем остальные.

С того времени запрет на упоминание имени Джозефа Кервена стал полным и безоговорочным, распространившись, по общему согласию, даже на городские архивы и подшивки «Газетт». По духу это можно сравнить лишь с тем забвением, каковому на десять лет предали имя Оскара Уайльда, а по тяжести – только с судьбой нечестивого короля Руназара из сказки лорда Дансейни – короля, которого по велению разгневанных богов не только не стало, но и никогда не было.

Миссис Тиллингаст – именно так ее стали звать после 1772 года – продала дом в Олникорте и переехала к отцу на Пауэрс-лейн, где жила до самой смерти в 1817-м. Ферма в Потакете, куда не отваживалась ступить ни одна живая душа, на протяжении всех этих лет стояла в запустении и с невиданной быстротой ветшала. К 1780 году от нее остались лишь каменные и кирпичные стены, а к 1800-му и те превратились в бесформенные руины. Никто не смел продраться сквозь густые заросли на речном берегу, где могла бы скрываться дубовая дверь в подземелье, равным образом никто и не пытался восстановить картину событий, в ходе которых Джозеф Кервен навсегда покинул созданный им же самим хаос.

И лишь старый капитан Уиппл, как говорят люди с хорошим слухом, иногда бормотал себе под нос: «Черти его раздери! Чего ж он хохотал-то, ..., когда от боли вопил? Будто какую пакость напоследок удумал, сволочь ...! Эх, спалить бы его дом к чертовой бабушке!»

III. Поиски и призыв

1

Чарлз Уорд, как мы уже знаем, впервые узнал о своем родстве с Джозефом Кервеном в 1918 году. Нет ничего удивительного в том, что он с пылким интересом принялся за поиски любых сведений, могущих пролить свет на тайну своего предка. Каждая неподтвержденная байка приобретала для Уорда огромное значение, ведь в нем самом текла кровь Кервена: на его месте любой увлеченный генеалог с богатым воображением начал бы систематический сбор информации о колдуне.

Поначалу он и не пытался скрывать свои изыскания, так что даже доктор Лайман затрудняется назвать точное время начала его безумия – ясно только, что это произошло до конца 1919 года. Юноша с удовольствием рассказывал о Кервене своей семье – хотя мать не шибко обрадовалась сомнительному родству, – а также сотрудникам различных музеев и библиотек. Подавая заявки на изучение личных семейных архивов, он не скрывал предмета своих исследований и разделял ироничный скептицизм родственников к письмам и дневникам предков. Он с восторгом говорил о своем желании выведать, кем на самом деле был Джозеф Кервен и что же произошло сто пятьдесят лет назад на потакетской ферме, местоположение которой ему так и не удалось найти.

Обнаружив дневник Смита и письмо от Иедедии Орна, пылкий юноша решил посетить Салем и узнать, чем занимался и с кем водил знакомства Джозеф Кервен в родном городе. Чарлз совершил это путешествие во время пасхальных каникул 1919 года. В институте Эссекса, хорошо знакомом ему по прошлым поездкам в этот великолепный старинный город осыпающихся фронтонов и теснящихся мансардных крыш, Чарлза приняли очень тепло, и ему удалось собрать немало сведений о Кервене. Его предок родился 18 февраля (по старому стилю) 1662 или 1663 года в Салем-виллидж, ныне Данверсе, что находится в семи милях от города. В возрасте пятнадцати лет Джозеф сбежал из дому и целых девять лет от него не было ни слуху ни духу. Затем он вернулся – одежда, речь и манеры выдавали в нем истинного англичанина – и уже окончательно поселился в Салеме. В те годы он мало общался с семьей и большую часть времени уделял диковинным книгам, привезенным из Европы, а также странным химическим веществам, которые ему присылали из Англии, Франции и Голландии. Его частые вылазки на природу стали предметом множества пересудов: ходили слухи, что по ночам на холмах кто-то разводит костры.

Единственными близкими друзьями Кервена были некий Эдвард Хатчинсон из Салем-виллидж и Саймон Орн из Салема. Окружающие нередко видели эту троицу за оживленной беседой, они регулярно ходили друг к другу в гости. У Хатчинсона был дом на окраине, почти у самого леса, и впечатлительные местные жители его недолюбливали: по ночам оттуда доносились чудные звуки. Поговаривали, что он принимает у себя странных гостей, а окна иногда светятся разными цветами. Его осведомленность в делах давно минувших лет у многих вызывала подозрения, а незадолго до начала охоты на ведьм Хатчинсон бесследно исчез. Тогда же покинул город и Джозеф Кервен, однако в городе скоро узнали, что он поселился в Провиденсе. Саймон Орн жил в Салеме до 1720-го, когда его моложавый внешний вид начал наталкивать горожан на определенные мысли. После этого он также исчез, а через тридцать лет в Салем приехал его сын-самозванец – точная копия отца. Он предъявил права на отцовский особняк и в конечном счете получил его, поскольку под всеми предоставленными документами стояла подлинная подпись Саймона Орна. Иедедия Орн жил в Салеме вплоть до 1771 года, когда пре-

подобному Томасу Барнардусу пришло некое письмо от жителей Провиденса, после чего Орн незаметно уехал из города в неизвестном направлении.

В институте Эссекса, судебных архивах и канцелярии города сохранилось немало свидетельств об этих странных личностях: от безобидных документов на земельную собственность и купчих до обрывочных сведений весьма провокационного характера. В судебных протоколах слушаний по обвинениям в колдовстве нашлось четыре или пять явных указаний на Хатчинсона, Орна и Кервена. Например, некая Гефсиба Лоусон 10 июля 1692 года заявила под присягой судье Готорну, что «в лесу за домом мистера Хатчинсона собираются сорок ведьм и Черный Человек». А некая Эмити Хау на слушании 8 августа того же года сказала Дж. Б. (преподобному Джорджу Берроузу) в присутствии судьи Гедни, что «мистер Г. Б. в ту ночь поставил дьявольское клеймо на Бриджит С., Джонатана А., Саймона О., Деливеренс У., Джозефа К., Сюзан П., Мехитабль К. и Дебору Б.».

Кроме того, сразу после исчезновения Хатчинсона обнаружился каталог его жуткой библиотеки и незаконченный текст, записанный неизвестным шифром. Уорд попросил снять для него фотостатическую копию, и, как только получил ее, без промедления приступил к расшифровке. В сентябре его работа приобрела неистовый и лихорадочный характер, а к октябрю или ноябрю ему удалось подобрать ключ к шифру. Но впоследствии никто так и не узнал, преуспел он в этом деле или нет.

Однако самый живой интерес Чарльза Уорда вызвали материалы по Орну. Анализ почерка очень скоро подтвердил то, что и так следовало из его письма к Кервену: Саймон Орн и его «сын» Иедедия – один человек. Как Орн писал своему другу, оставаться в Салеме было небезопасно, поэтому он решил отправиться в тридцатилетнее заграничное путешествие и вернуться за своим имуществом уже представителем нового поколения. Орн, по-видимому, тщательно уничтожил всю прежнюю переписку, однако сознательным гражданам, которые в 1771 году приняли ряд решительных мер, удалось отыскать несколько старых писем и бумаг, вызвавших у них удивление. Среди таинственных формул и диаграмм, начертанных рукою Орна и других, которые Уорд сразу переписал или сфотографировал, было одно в высшей степени загадочное письмо, написанное каллиграфическим почерком – молодой исследователь без труда признал в нем руку своего предка Джозефа Кервена.

Листок этот, хоть и не датированный, явно не имел отношения к переписке с Орном, письмо из которой конфисковали в Провиденсе перед налетом. По некоторым свидетельствам, содержащимся в самом письме, Уорд отнес его примерно к 1750 году. Полагаю, будет весьма уместно привести текст целиком, дабы у читателя сложилось представление о стиле и слоге человека со столь темной и жуткой историей. Письмо адресовано «Саймону», однако имя это отовсюду вымарали (то ли Кервен, то ли сам Орн, Уорд так и не уяснил).

«Провиденс, 1 мая.

Брат мой —!

Старинный и почтенный друг мой, да славится имя Того, чьему извечному могуществу мы служим! Сейчас только я наткнулся на нечто о Последних Пределах, что вам тоже знать полезно и должно. Я не могу последовать за вами, ибо возраст мне сего не позволяет, тем паче в Провиденсе благосклонней относятся ко всему необычному и странному, нежели в Салеме, где на подобных нам давно объявили охоту. Будучи морской торговлей зело занят, я Вашему примеру последовать не в силах, к тому же сокрытое под фермой моей в Потакете не станет дожидаться моего возвращения под новым именем.

Однако к лишениям я не готов, как уже говорил Вам, и давно о путях возврата помышляю. Минувшей ночью прочел я слова, призывающие ЙОГГЕ-СОТОТЕ, и впервые увидел лик, описанный у Ибн-Шакабао в его «—». Оно сказала, что ключ запрятан в III псалме «Liber Damnatus». Когда солнце в пятом доме будет, Сатурн в трине, нарисуйте огненную пента-

грамму и трижды девятый стих повторите. Оный стих читайте на каждое Воздвижение и в канун Дня всех святых, тогда в Потусторонних сферах зародится Он.

Из старого семени рождается Тот, кто оглянется в прошлое, не зная, чего ищет.

Сие однако будет втуне, ежели к тому времени не подготовим наследника и соли или же хотя бы верного способа сии соли изготавливать. Необходимых шагов я до сих пор не предпринял и мало пока что собрал. Добыть все нужное оказалось нелегко, я уже погубил десятки живых экземпляров, а всё новые потребны, хотя я неустанно нанимаю моряков в Ост-Индии. Местные жители начинают любопытствовать, но я их не подпускаю. Аристократы много любопытнее простонародья и о моих делах могут несравнимо обстоятельней рассказывать, тем паче их слову верят. Парсон и Меррит уже что-то разболтали, но опасности поколе нет. Химические препараты добываю без труда, в городе есть хорошие аптекари, доктор Боуэн и Сэм Кэрю. Я прилежно следую всем указаниям Бореллия и Абдула Альхазреда. Что сумею получить я, то получите и Вы. А пока ждете, не забывайте читать слова, кои я Вам посылаю. Записаны они верно, однако ежели хотите сами Его увидеть, используйте писания из «—», кои прикладываю к сему письму. Повторяйте стихи каждое Воздвижение и канун Дня всех святых, и, коли не прекратите их читать, однажды к нам явится тот, кто оглянется и применит соли, каковые мы ему оставим. Книга Иова, 14:14.

Безмерно радуюсь, что Вы смогли вернуться в Салем, и надеюсь в скором времени Вас повидать. У меня хороший скакун и я подумываю приобрести экипаж, в Провиденсе уже один есть (у мистера Меррита), хотя дороги здешние сквернее некуда. Если надумаете отправиться в путешествие, заезжайте ко мне. Из Бостона можно добраться по почтовой дороге чрез Дедхэм, Рентам и Этлборо, во всех городах хорошие постоялые дворы имеются. В Рентаме останавливайтесь лучше у мистера Балькома, перины у него мягче, чем у Хэтча, зато у последнего лучше кормят. У Потакетского водопада поверните на Провиденс и езжайте мимо постоялого двора мистера Сайлса. Мой дом стоит против таверны Епенета Олни рядом с Таун-стрит, первый дом на северной стороне Олни-корта. От Бостона сюда примерно сорок четыре мили езды.

*Засим прощаюсь, ваш добрый друг и брат в Альмонсине-Метратоне,
Джозеф К.*

*Мистеру — —,
Уильямс-лейн, Салем».*

Именно из этого письма, как ни странно, Уорд впервые узнал о точном местонахождении кервеновского дома в Провиденсе – ни одно из прежде найденных свидетельств такой точной информации не содержало. Открытие это было вдвойне поразительно еще и тем, что последний дом Кервена, построенный в 1751-м на месте старого, до сих пор стоял в Олни-корте и был хорошо знаком Уорду по долгим прогулкам вдоль и поперек Стамперс-хилла. Место это находилось в каких-то считанных кварталах от его собственного дома на вершине холма и сейчас служило пристанищем негритянского семейства, услуги которого по стирке, уборке и чистке печных труб пользовались в округе большим спросом. Найти в далеком Салеме сведения о столь важном для семейной истории гнезде было очень удивительно для Уорда; он решил осмотреть дом сразу по возвращении в Провиденс. Остальные строки, которые юноша принял за некую причудливую разновидность символизма, озадачили и смутили его, хотя он с восторженным замиранием сердца отметил знакомые слова из книги Иова: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена».

2

Юный Уорд вернулся домой приятно взбудораженным и следующее воскресенье провел за долгим и утомительным осмотром дома в Олни-корте. То был не особняк, а скромный полуразвалившийся деревянный дом с двумя этажами и чердаком, какие часто строили в колониальную эпоху: простая островерхая крыша, большая дымовая труба посередине и резная парадная дверь с веерообразным окном наверху, треугольным сандриком и элегантными дорическими пилястрами. Внешне дом почти не изменился, и Уорд чувствовал, что подобрался очень близко к зловещему предмету своих изысканий.

Теперешние чернокожие обитатели дома – старик Эйза и его дородная жена Ханна – знали Уорда и очень любезно показали ему старинные интерьеры. К великому прискорбию юного исследователя, от доброй половины изысканных украшений над каминами и резьбы на буфетах ничего не осталось, а деревянные панели и лепнина были покрыты пятнами, трещинами и сколами, а то и вовсе заклеены дешевыми обоями. В целом можно сказать, что осмотр дома почти не помог Уорду в его исследованиях, но ему было приятно даже просто постоять в стенах, где жил его зловещий предок Джозеф Кервен. Он с замиранием сердца отметил, что кто-то тщательно стер со старинного дверного молотка его монограмму.

С тех пор до окончания учебного года Уорд часами просиживал за расшифровкой фотостатической копии хатчиновской рукописи и различными письменными свидетельствами о ранних годах жизни Джозефа Кервена. Первая никак ему не давалась, зато из последних он извлек немало полезных сведений и отсылок к другим доступным источникам. К июлю Чарлз Уорд решил съездить в Нью-Лондон и Нью-Йорк, где должны были сохраниться различные переписки тех лет. Путешествие это оказалось весьма успешным: Уорд нашел письма Фенне-ров с описанием налета на потакетскую ферму, а также переписку Найтингейла и Тальбота, из которой он узнал о портрете Кервена, написанном прямо на деревянных панелях его библиотеки. Особенно Чарлза заинтересовал портрет – вот бы узнать, как выглядел ужасный Джозеф Кервен! – и юноша решил еще раз навеститься в старый дом: под слоями истлевших обоев или старой краски могли сохраниться черты далекого предка.

В начале августа он приступил к поискам и стал внимательно осматривать стены всех комнат, где могла помещаться библиотека злого колдуна. Особое внимание Уорд уделял большим резным панелям над каминами и примерно через час, к вящему своему восторгу, обнаружил на стене просторной комнаты на первом этаже, под несколькими слоями облупившейся краски поверхность куда более темную, нежели остальные крашеные или обитые деревом стены. Осторожно поддев слой краски тонким ножом, Уорд понял, что наткнулся на большой, написанный маслом портрет. Взяв себя в руки, как подобает истинному ученому, Уорд отказался от попытки расковырять портрет ножом и ушел за профессиональной помощью. Через три дня он вернулся с многоопытным реставратором и художником мистером Уолтером К. Дуайтом, у которого была своя студия у подножия Колледж-хилла. Сей умелый мастер, вооружившись нужными химическими веществами и инструментами, сразу принялся за работу. Прибытие странных гостей, разумеется, не на шутку встревожило старика Эйзу и его жену, поэтому им щедро заплатили за неудобства, связанные с нарушением привычного уклада жизни.

День за днем, пока шла реставрация, Чарлз Уорд с растущим интересом вглядывался в черты и тени, возникающие из пелены векового забвения. Дуайт начал снизу, а поскольку портрет был почти в полный рост, лицо появилось еще не скоро. Тем временем показался на свет темно-синий плащ, расшитый камзол, короткие штаны из черного атласа и белые шелковые чулки. Стройный и подтянутый, Кервен сидел на резном стуле на фоне окна, из которого виднелись верфи и корабли. Когда начала вырисовываться голова, юноша увидел аккуратный

парик и узкое, спокойное, невыразительное лицо, которое и Уорду, и художнику показалось смутно знакомым. Лишь по завершению работы, с потрясением вглядываясь в тонкие бледные черты, заказчик и реставратор начали понимать, какую невероятную шутку сыграла кровь. Последнее движение острым скребком, последняя протирка маслом – и вот перед ними возник лик, который не видел света на протяжении полутора веков. В чертах зловещего прапрапрадеда пораженный Чарлз Уорд, любитель старины, узнал самого себя!

Уорд показал обнаруженную диковинку родителям, и отец без колебаний решил выкупить картину, хоть она и была написана на деревянной панели. Сходство с его мальчиком, несмотря на существенную разницу в возрасте, было поразительным: казалось, благодаря какому-то чуду природы Джозеф Кервен спустя полтора века обрел своего точного двойника. При этом миссис Уорд совершенно не походила на предка, хотя и припоминала в своем роду людей с похожими чертами. Находка ей очень не понравилась, и она посоветовала мужу не приносить портрет домой, а сжечь от греха подальше. Хотя до городских предрассудков ей не было никакого дела, в столь очевидном сходстве с Чарлзом миссис Уорд виделось что-то зловещее и жуткое. Мистер Уорд, однако, – хозяин нескольких хлопкопрядилен в Риверпорте и долине реки Потакет – был человеком практичным и слушать женские благоглупости не стал. Портрет поразил его до глубины души, и мальчик, на его взгляд, вполне заслуживал такого подарка. Нечего и говорить, что мнение это нашло горячий отклик в сердце Чарлза Уорда, и уже через несколько дней мистер Уорд-старший нашел теперешнего владельца дома – маленького человечка с крысиными чертами и гортанным акцентом. Чтобы предупредить неизбежный поток елейных просьб и предложений, мистер Уорд сразу установил весьма привлекательную цену и купил деревянную панель вместе с каминной полкой и резными украшениями.

Теперь оставалось лишь снять панель и перенести ее в дом Уордов, где ее должны были окончательно отреставрировать и установить над искусственным электрическим камином в кабинете или библиотеке Чарлза на третьем этаже – самому Чарлзу поручили следить за этим переносом. Двадцать восьмого августа два искусных мастера из ремонтно-отделочной фирмы Крукера приехали в старинный дом, под надзором юного Уорда осторожно сняли деревянную панель над камином и поместили ее в грузовик. За панелью оказалась голая кирпичная кладка дымовой трубы, а в ней – квадратная ниша примерно в фут глубиной, располагавшаяся прямо за нарисованной головой Кервена. Юноше стало любопытно, для чего могла предназначаться такая ниша: он подошел и увидел внутри под толстыми слоями пыли и сажки несколько пожелтевших листов бумаги, толстую записную книжку и волокна истлевшей ткани – по-видимому, то была лента, которой все бумаги когда-то скреплялись. Сдув с них большую часть пыли и золы, Уорд взял в руки блокнот и прочел надпись на обложке, начертанную хорошо знакомым почерком: «Дневник и заметки Джоз. Кервена, гражд. Провиденса, а ранее – Салема».

Восхищенный и завороженный своей находкой, Уорд показал книжку озадаченным рабочим. Их свидетельства не подлежат сомнению – на них-то доктор Уиллет и построил теорию о том, что Уорд не был безумен, когда в его поведении появились значительные перемены. Все остальные бумаги также были заполнены почерком Кервена, и одна из них показалась Уорду особенно удивительной, ибо заглавие гласило: «Тому, кто придет мне на смену: о преодолении времени и пространств».

Текст на втором листке был зашифрован: Уорд понадеялся, что ключ к шифру тот же самый, который использовал Хатчинсон (и который ему до сих пор не удалось разгадать). Третий – и здесь наш юный исследователь возликовал – явно содержал ключ к шифру. Четвертый и пятый были адресованы соответственно «господину Эдв. Хатчинсону» и «господину Иедедии Орну», «либо же наследникам или их представителям». Шестой – и последний – листок носил следующее заглавие: «Жизнь и путешествия Джозефа Кервена между 1678 и 1687 годами: где он побывал, где останавливался, что видел и чему научился».

3

Тут мы подошли к периоду, который психиатры академической школы считают началом безумия Чарлза Уорда. Найдя дневник и бумаги, юноша сразу же заглянул внутрь и, очевидно, прочел там нечто глубоко его поразившее. В самом деле, показывая рабочим заглавия, он словно бы нарочно не давал им прочесть сами тексты, а потом взялся за работу с таким волнением и ретивостью, каковые не может объяснить даже историческая ценность находки. Родителям он сообщил новость почти смущенно, будто бы хотел передать свой восторг от совершенного открытия, но самих бумаг не показывать. Он даже не продемонстрировал им заглавий – только сказал, что обнаружил кое-какие документы Джозефа Кервена, «главным образом зашифрованные», которые необходимо внимательно изучить, прежде чем делать какие-либо выводы об их истинном значении. Рабочим же Уорд показал находки лишь потому, что те проявили к ним живой интерес и подозрительная скрытность с его стороны послужила бы только лишним поводом для слухов.

В тот вечер Чарлз Уорд заперся в своей спальне и приступил к изучению дневника и бумаг. Село и взошло солнце, а он все читал и читал. Когда мать попыталась войти и узнать, что происходит, Уорд настоятельно попросил не тревожить его и приносить еду в комнату; днем он лишь ненадолго вышел из спальни, чтобы проследить за установкой панели с портретом в его кабинете. Следующей ночью он спал лишь урывками, не раздеваясь, и в минуты бодрствования лихорадочно трудился над расшифровкой текстов. Утром миссис Уорд заметила, что сын работает над фотостатической копией рукописи Хатчинсона, которую он много раз ей показывал; впрочем, он солгал ей, что ключ Кервена к этому шифру не подходит. Днем он отложил работу и завороченно следил, как мастера заканчивают установку портрета над весьма правдоподобной имитацией камина: тот немного выпирал из северной стены, как будто сзади помещалась дымовая труба, и боковые стенки обили такими же деревянными панелями, какими была оформлена вся комната. Сам портрет повесили на петли, так что сзади образовался своего рода стеной шкаф. После ухода мастеров Чарлз перенес все бумаги в кабинет и сел прямо напротив портрета, то и дело переводя взгляд с шифра на изображение предка, взиравшего на него из глубины веков, – казалось, это какое-то волшебное зеркало, состарившее его собственный облик.

Родители, вспоминая поведение Чарлза в тот период, предоставили потом немало любопытных подробностей о политике утаивания, которой стал придерживаться их сын. Например, он и не думал прятать свою работу от слуг, справедливо полагая, что тем не по силам разобратся в замысловатой и архаичной каллиграфии Кервена. С родителями, однако, Чарлз был куда более скрытен: зашифрованные тексты (например, с названием «Тому, кто придет мне на смену...») или бумажки с россыпью неизвестных символов он не прятал, а все остальное, стоило кому-то войти, тотчас прикрывал чистым листком. Ночью он хранил бумаги под замком в резном антикварном шкафчике и туда же складывал всю работу, отлучаясь из кабинета даже на несколько минут. Довольно скоро Чарлз вернулся к прежним привычкам и режиму работы, разве что перестал подолгу гулять и забросил все остальные увлечения. Школа нагоняла на него скуку (Чарлз теперь учился в последнем классе), и он часто говорил, что не собирается поступать в университет. Ему якобы предстояли куда более важные исследования, открывающие перед ним такие необозримые просторы для познания и самосовершенствования, какие не в состоянии предоставить ни один университет.

Разумеется, лишь человек и без того нелюдимый, книжный и чужаковатый мог долгое время вести подобный образ жизни и не вызывать подозрений. Уорд от природы был замкнутым и горячо увлеченным наукой юношей, а потому его родители не столько удивились, сколько опечалились полному затворничеству сына. Однако же и матери, и отцу показалось

странным, что Чарлз не желает показывать им находок из тайника Кервена и ничего не рассказывает об успехах по расшифровке текстов. Эту скрытность сам Чарлз объяснял желанием дожидаться окончательных результатов, но недели шли, работа не сдвигалась с места, и между юношей и его родителями стало возникать напряжение, усиливаемое неприязнью матери ко всему, что касалось Джозефа Кервена.

В октябре Уорд вновь начал посещать библиотеки, но история и древности его больше не увлекали. Ведовство и магия, оккультизм и демонология – вот чем интересовался теперь юный исследователь. Когда выяснилось, что источники Провиденса ничего нового ему открыть не могут, Уорд сел в поезд на Бостон и там припал к щедрому источнику знаний в богатой библиотеке на Копли-сквер, а затем в Гарвардской библиотеке Уиденера и Сионской исследовательской библиотеке в Бруклине, где хранилось немало редких текстов по библейской тематике. Кроме того, Уорд не жалел денег на новые книги и скоро установил в кабинете дополнительные стеллажи для оккультной литературы. Во время рождественских каникул юноша совершил несколько поездок в другие города, включая Салем, где изучал кое-какие архивы в институте Эссекса.

Примерно в середине января 1920 года в поведении Уорда стало проскальзывать явное ликование, природу которого он ничем не объяснял; родители заметили, что он больше не работает над шифром Хатчинсона, а тратит все время на химические опыты и изучение архивов, приспособив для первых пустующую комнату на чердаке и прочесывая всю доступную демографическую статистику Провиденса. Допрошенные местные аптекари предоставили следствию весьма любопытные, но ничего не объясняющие списки веществ и инструментов, которые он закупал. Однако служащие легислатуры, ратуши и различных библиотек без труда называют второй предмет его изысканий: то была могила Джозефа Кервена, с надгробия которой горожане прошлых веков осмотрительно стерли имя.

Постепенно в семье Уордов росло убеждение, что с их сыном творится неладное. Интересы Чарлза и раньше незначительно менялись, но эта скрытность и полное погружение в какие-то зловещие исследования были нехарактерны даже для него. В школе он почти не занимался, и хотя ни одного экзамена еще не провалил, всем было очевидно, что от его прежнего усердия и прилежания не осталось и следа. Теперь его заботило совсем другое; в свободное от химических опытов время Чарлз либо сосредоточенно изучал архивы кладбищ, либо безотрывно читал оккультную литературу – под неизменным присмотром своей почти точной копии, Джозефа Кервена, вкрадчиво глядевшего на него с большой панели над искусственным камином.

В конце марта Уорд стал не просто изучать кладбищенские архивы, но и бродить по различным древним погостам Провиденса. Причина выяснилась позднее, когда служащие городской ратуши сообщили следствию, что Уорд, по-видимому, обнаружил ключ к разгадке этой тайны. Цель его поисков внезапно изменилась: он стал разыскивать могилу не Джозефа Кервена, а некоего Нафтали Филда. Вскоре и этой перемене нашлось объяснение: следователи подняли те же бумаги, что изучал Уорд, и наткнулись в них на короткую архивную запись о похоронах Джозефа Кервена, которую заговорщики забыли уничтожить и в которой говорилось, что «свинцовый гроб закопали в 10 ф. на юг и 5 ф. на запад от могилы Нафтали Филда, на кладб...». Отсутствие названия кладбища сильно усложняло поиск, и могила Нафтали Филда могла показаться столь же недостижимой целью, что и могила Кервена, однако надписи с этого надгробия, по крайней мере, никто не стирал, и даже если архивные записи тех лет не уцелели, при большом желании ее можно было найти, просто прочесывая старые кладбища. Следователи выяснили, зачем Уорд навещался на погосты и почему обошел вниманием церковь Святого Иоанна (прежде называвшуюся Королевской церковью), а также древнее конгрегационалистское кладбище на Суон-пойнт: в единственной сохранившейся архивной записи о Нафтали Филде (умершем в 1729 году) говорилось, что он был баптистом.

4

В конце апреля Уорд-старший обратился за помощью к доктору Уиллету: он предоставил ему все сведения о Джозефе Кервене, какие только успел выудить из сына, пока тот окончательно не замкнулся в себе, и попросил врача поговорить с Чарлзом. Беседа эта не принесла плодов: Уиллет постоянно чувствовал, что скрытный юноша прекрасно владеет собой и имеет дело с чем-то поистине важным, о чем не станет распространяться ни при каких обстоятельствах; зато из его слов врачу хотя бы стало понятно, отчего Уорд так странно ведет себя последнее время. Будучи юношей замкнутым и немногословным, он все же с охотой говорил о своих изысканиях, однако предмета их так и не открыл. Он утверждал, что в бумагах его предка якобы содержались некие весьма важные научные сведения, главным образом зашифрованные, по значимости своей сравнимые только с открытиями Роджера Бэкона, а то и превосходящие их. Однако сами по себе, в отрыве от области человеческих знаний, полностью забытой в наши дни, они лишены всякого смысла. Если явить их миру сейчас – миру, вооруженному лишь современными научными методами, – это принизит их значимость и лишит всякого очарования. Дабы они заняли заслуженно высокое место в истории человеческой мысли, необходимо сначала соотнести эти открытия с научным контекстом того времени – этой-то задаче и посвятил себя Уорд. Он пытался как можно быстрее ознакомиться с забытыми науками прошлого, глубокими познаниями в которых должен владеть всякий, кто хочет правильно истолковать наследие Джозефа Кервена, а затем наконец представить эти открытия ученому миру во всей их полноте и колоссальности – открытия столь революционные, что даже Эйнштейну еще не удавалось так кардинально перевернуть человеческие представления об устройстве мира.

Что же касается поисков могилы – Уорд и не думал утаивать их от Уиллета, – то на изувеченном надгробии Джозефа Кервена должны были сохраниться некие мистические символы, которые заговорщики по невежеству своему забыли стереть, – и которые могли оказаться решающей подсказкой к разгадке таинственного шифра. Кервен, по разумению Уорда, тщательно оберегал свою тайну и все сведения о ней изложил при помощи крайне замысловатой системы символов. Когда доктор Уиллет попросил ознакомиться с таинственными бумагами, Уорд попытался охладить его интерес демонстрацией фотостатической копии рукописи Хатчинсона и загадочных диаграмм Орна, но в конце концов показал Уиллету и дневник, и зашифрованный текст (с зашифрованным же заглавием), и испещренное формулами послание «Тому, кто придет мне на смену» – доктор все равно не смог бы разобраться в непонятных символах и значках.

Дневник он нарочно открыл на самой безобидной странице – просто чтобы показать Уиллету каллиграфический почерк своего предка. Врач внимательно изучил замысловатую вязь и быстро убедился в подлинности документа: почерк и слог несомненно свидетельствовали о том, что автор родился в XVII веке (хотя и застал существенную часть века XVIII). Содержание текста было весьма тривиальным, и Уиллет заполнил лишь небольшой фрагмент:

«Среда, 16 октября 1754 года. Мой корабль «Бдительный» сегодня вышел из Лондона с 20 новыми матросами из Ост-Индии, испанцами с Мартиники и двумя голландцами из Суринама на борту. Голландцы хотят дезертировать, ибо до них дошли слухи о моих плаваниях, но я попробую уговорить их остаться. Для мистера Найта Декстера везу 120 рулонов камлота, 100 рулонов тонкого камлота разных цветов, 20 рулонов синей байки, 100 рулонов шаллуна, 50 рулонов коломанки, по 300 рулонов чесучи и грубого индийского хлопка. Для мистера Грина: 50 галлоновых котлов, 20 грелок, 15 противней для выпечки, 10 коптилен. Для мистера Перриго: набор шил, для мистера Найтингейла 50 стоп лучшей писчей бумаги 13х8 дюймов.

Прошлой ночью трижды прочел «Саваоф», однако же ничего не добился. Нужно спросить мистера Х. из Трансильвании, хотя нынче с ним трудно связаться. Зело неясно, что ему мешает разъяснить мне то, чем он благополучно занимается без малого сто лет. От Саймона за 5 недель ни слова, но скоро надеюсь получить от него весточку».

Когда на этих строках доктор Уиллет хотел перевернуть страницу, Уорд тут же выхватил дневник у него из рук – едва ли не вырвал силой, – и доктор успел увидеть на следующей странице лишь первые два предложения. Они, как ни странно, надолго запечатлелись в его памяти: «*Стих из «Liber-Damnatus» надлежит пять раз прочесть на Воздвижение и четыре в канун Дня всех святых, тогда из Потусторонних сфер, если сие правильно сотворить, придет Он и оглянется в прошлое. Для сего надобно приготовить соли или сырье для их приготовления»*. Больше Уиллет ничего не разглядел, но строки эти отчего-то придали новую зловещую выразительность портрету Джозефа Кервена, взиравшего на них с северной стены. Еще долгое время Уиллета не покидало обманчивое чувство – по крайней мере, разум уверял его, что оно обманчиво, – будто человек на картине пытается следить (если не следит по-настоящему) за передвижениями Чарлза Уорда по комнате. Прежде чем покинуть кабинет, Уиллет подошел к портрету и внимательно изучил его, запомнив каждую мельчайшую черточку на таинственном бледном лице – вплоть до едва заметных шрамов и небольшой ямочки над правым глазом. Художник Космо Александр, решил Уиллет, был достоин страны, что породила великого Генри Реборна, и не менее достойным учителем блистательного портретиста Гилберта Стюарта.

Вняв заверениям врача, что душевному здоровью Чарлза ничто не угрожает и что он занят исследованиями, которые действительно могут принести весьма заметные плоды, заботливые родители довольно спокойно отнеслись к решению сына не поступать в университет. Он убедил их, что занят куда более важной работой, и признался, что в следующем году хочет совершить поездку за границу, дабы ознакомиться там с некоторыми научными трудами, недоступными в Америке. Уорд-старший, хоть и счел последнее желание сына абсурдным (мальчику-то восемнадцать лет!), все же не стал настаивать на поступлении Чарлза в университет. Словом, после не слишком блестящего окончания школы Моисея Брауна Чарлз на три года посвятил себя изучению оккультных наук и прогулкам по кладбищам. Он прослыл чудачком и нелюдимо, совершенно пропав из вида друзей семьи; все свое время он посвящал работе и только время от времени ездил в другие города изучать архивы. Однажды он отправился на юг, чтобы побеседовать с каким-то странным мулатом, жившим на болоте (героем любопытной газетной заметки), а вскоре после этого наведлся в деревушку Адирондакс, жители которой, по слухам, регулярно устраивали ритуальные танцы и жертвоприношения. Но поездку в Старый свет, о которой он так мечтал, родители ему по-прежнему запрещали.

Достигнув совершеннолетия в 1923 году и получив в наследство небольшой капитал от деда со стороны матери, Уорд принял решение наконец совершить заветное путешествие по Европе. О предполагаемом маршруте он почти ничего не говорил, только сказал родителям, что научные изыскания могут завести его в самые разные места, откуда он непременно будет писать им подробные письма. Поняв, что сына не остановить, они прекратили сопротивление и решили помочь, чем удастся, так что в июне юноша уже отплыл в Ливерпуль. Родители проводили его до Бостона, где стояли на пристани «Белая звезда» в Чарльстоне и махали кораблю, пока тот не скрылся из виду. Вскоре от Чарлза пришло письмо, что он благополучно добрался и снял хорошие апартаменты на Грейт-Рассел-стрит, Лондон, где и планировал оставаться, избегая встреч с друзьями семьи, покуда не исчерпает ресурсы Британского музея по определенной теме. О своей жизни Чарлз писал мало – потому что писать было не о чем. Изучение документов и эксперименты отнимали все его время (в одной из комнат он устроил себе лабораторию). То, что сын ничего не писал о прогулках по великолепному древнему городу с манящими очертаниями куполов и колоколен на горизонте, затейливыми переплетениями улиц и

переулков, с которых неожиданно открывались захватывающие дух виды, послужило его родителям верным признаком того, что новые интересы полностью захватили его разум и мысли.

В июне 1924 года Чарлз прислал родителям короткое письмо, в котором сообщил, что отправляется в Париж, куда до сих пор ездил лишь ненадолго и исключительно с целью посетить Национальную библиотеку. На протяжении трех месяцев от Чарлза приходили только почтовые открытки. Он поселился на рю Сен-Жак и упоминал редкие манускрипты, найденные им в частной библиотеке неназванного коллекционера. Новых знакомств Чарлз не заводил, а бывавшие в Париже друзья семьи его там не видели. Потом наступила долгая тишина, а в октябре пришла открытка из Праги: Чарлз приехал в Чехословакию с целью проконсультироваться у некоего загадочного старика, последнего на свете обладателя каких-то средневековых тайн. Он дал родителям свой адрес в Новом городе и заявил, что до января никуда отсюда не уедет. В конце зимы пришло письмо из Вены: Чарлз был там проездом и направлялся на восток страны, куда его пригласил давний знакомый по переписке, такой же любитель оккультных наук.

Следующая открытка пришла из Клужа, Трансильвания: Уорд сообщил родителям, что значительно приблизился к достижению своей цели. Он собирался посетить барона Ференци, чей замок находился в горах к востоку от Ракуси, и велел писать ему в Ракуси на имя сего почтенного господина. Неделью спустя пришла еще одна открытка: хозяин имения прислал за ним экипаж, и Чарлз отбывает в горы. Долгое время от него совсем не было весточек, и на частые письма родителей он ответил только в мае, сообщив, что летом не сможет встретиться с ними ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Риме (Уорды обдумывали поездку в Европу). Исследования, писал Чарлз, не позволяют ему отлучаться из дома, а в замке барона Ференци гостей не принимают: он стоит на утесе среди заросших дремучими лесами гор, а само место пользуется такой дурной репутацией у местных жителей, что нормальным людям там будет в высшей степени неуютно. Больше того, сам барон едва ли понравится воспитанным и консервативным аристократам из Новой Англии. В его манерах и поведении слишком много странностей, и ему столько лет, что даже написать страшно. Уорд посоветовал родителям дожидаться его возвращения в Провиденс – скучать оставалось недолго.

Однако домой он вернулся лишь в мае 1926-го, вслед за несколькими почтовыми открытками, в которых предупреждал о своем приезде. Его корабль «Гомер» тихо вошел в бухту Нью-Йорка, после чего Чарлз сел на автобус и отправился в дальнюю дорогу до Провиденса, впервые за четыре года упиваясь видами родной Новой Англии: мимо проплывали зеленые холмы, цветущие сады и белые города весеннего Коннектикута. Когда автобус въехал на Род-Айленд, сердце Чарлза Уорда застучало быстрее при виде необыкновенной красоты золотистого весеннего дня, а потом – несмотря на страшные глубины тайных знаний, которые Чарлзу пришлось изведать, – зашлось от радости и восторга на подъезде к родному Провиденсу. На площади, где пересекались Бруд-, Уэйбоссет- и Эмпайр-стрит, его взору открылись знакомые, милые сердцу дома, колокольни и шпили родного города, объятые алым пламенем заката. На подъезде к вокзалу, что стоит за зданием гостиницы «Билтмор», Чарлз с любопытством вытянул шею, глядя на заставленный домиками зеленый холм на другом берегу реки и высокий колониальный шпиль Первой баптистской церкви, сияющий нежным розовым светом на фоне свежей весенней зелени крутого склона.

Ах, старый Провиденс! Именно этот город и его загадочная, освещенная веками история сделали Чарлза таким, каким он был, а после привели к удивительным чудесам и тайнам, подлинные глубины которых оказались неподвластны ни одному прорицателю. Именно здесь жила магия, чудесная или ужасная, к встрече с которой он готовился все эти годы, путешествуя по миру и читая запретные книги. Кэб промчал его по Пост-офис-сквер, позволив одним глазком взглянуть на реку, старое здание рынка, бухту и крутую извилистую Уотерман-стрит, над которой сияли, маня на север, залитые розовым светом ионические колонны и огромный

купол Научной церкви Христа. Потом еще восемь кварталов вдоль любимых старинных домов и милых кирпичных тротуаров, по которым так часто ступали его детские ножки, и вот наконец слева от Чарлза показался белый фермерский домик, а справа – белое классическое крыльцо и элегантный фасад большого кирпичного особняка, где он родился. Спустились сумерки, и Чарлз Декстер Уорд вернулся домой.

5

Школа психиатров, настроенная чуть менее консервативно, нежели школа доктора Лаймана, считает это путешествие в Европу началом душевной болезни Уорда. Уезжая из дома, он был еще совершенно здоров, но по возвращении характер и поведение юноши претерпели катастрофические изменения. Однако доктор Уиллет не согласен и с этой гипотезой. Позднее с ним произошло еще что-то; некоторые новые странности в манерах Уиллет приписывает тому факту, что за границей Уорд практиковал различные сомнительные ритуалы, однако было бы глупо утверждать, что они подорвали его душевное здоровье. Хоть Уорд значительно повзрослел и возмужал за время странствий, его организм все еще нормально реагировал на внешние раздражители, и во время бесед с юношей доктор Уиллет отметил его необычайную выдержку и душевное равновесие – ни один безумец, даже на самой зачаточной стадии болезни, не смог бы так долго притворяться нормальным. Однако поводом для подозрений психиатрам послужили странные звуки, доносившиеся днем и ночью из лаборатории Уорда на чердаке, где он проводил почти все свое время. То были неразборчивые причитания, напевы и ритмичные громогласные молитвы – и хотя произносил их всегда голос Уорда, слышалось в нем какое-то новое звучание, от которого у любого свидетеля невольно мороз шел по коже. Заметили также, что Ниг – любимый всем семейством старенький кот – от определенных интонаций в голосе хозяина ощеривался и выгибал спину.

Кроме того, из лаборатории временами доносились весьма странные запахи – порой отвратительные и тошнотворные, но чаще приятные и неуловимые, словно бы навевавшие чудесные сны и видения. Почуяв их, люди вдруг представляли себе бескрайние виды со странными холмами или улицами, уходящими в бесконечность, по обеим сторонам которых стояли сфинксы и гиппогрифы. По возвращении домой Уорд не возобновил прогулок по городу, однако без конца читал привезенные из Европы книги. Родителям он говорил, что европейские источники информации открыли перед ним новые, недоступные прежде возможности, которые сулят обернуться в будущем великими открытиями. Повзрослевший и возмужавший, он стал еще больше походить на Джозефа Кервена, портретом которого доктор Уиллет частенько любовался после визитов к Чарлзу, восхищаясь поразительным сходством и подмечая, что лишь странная ямочка над правым глазом Кервена отличает давно почившего колдуна от юного Уорда. Визиты эти, на которых настаивали родители, весьма озадачивали самого доктора. Юноша никогда не отталкивал Уиллета, однако тот чувствовал, что не может добраться до самой сути его скрытой души. Часто доктор Уиллет подмечал в кабинете странные вещи: маленькие восковые фигурки причудливых форм или полустертые круги, треугольники и пентаграммы, начертанные мелом посреди большой комнаты. По ночам в этих стенах гремели зловещие ритмичные заклинания, так что очень скоро из дома стали уходить слуги, а по городу поползли слухи о безумии юного Уорда.

В январе 1927-го случилось нечто необычайное. Около полуночи, когда Чарлз вновь декламировал загадочные строки, отдававшиеся жутким эхом в стенах особняка, с бухты вдруг подул странный ледяной ветер, а земля едва ощутимо задрожала – это почувствовали все жители близлежащих кварталов. В то же время шерсть на спине кота встала дыбом, а на милю вокруг неистово залаяли собаки. Затем разразилась страшная гроза, каких в это время года не бывает, и грянул такой гром, что мистеру и миссис Уорд почудилось, будто молния ударила

прямо в особняк. Они бросились наверх – посмотреть, не повреждена ли крыша, – но у входа на чердак их встретил Чарлз: бледный, решительный и зловещий, с пугающей смесью ликования и печали на лице. Он заверил их, что молния в дом не попала, а гроза скоро закончится. Родители на миг остановились и бросили взгляд в окно – в самом деле, он был прав: молнии сверкали все дальше и дальше от Провиденса, а деревья перестали гнуться на странном ветру. Гром перешел в низкое рокотание, а потом и вовсе стих. Показались звезды, и ликование во взгляде Чарлза Уорда наложило странную печать на его лицо.

В течение примерно двух месяцев после того происшествия Уорд был общительнее, чем обычно, и проводил меньше времени в своем кабинете. Он живо интересовался погодой и зачем-то наводил справки о времени первых весенних оттепелей. Однажды мартовской ночью Уорд вышел из дома и вернулся только утром: его бодрствующая мать услышала рокот двигателя у въезда для экипажей и чьи-то приглушенные ругательства. Она выглянула в окно: четыре темные фигуры вытащили из грузовика большой длинный ящик и внесли его в дом через черный ход. Затем на лестнице раздалось частое дыхание и тяжелые шаги, потом что-то грохнуло на чердаке. Шаги спустились к выходу, четверо неизвестных сели в машину и укатили прочь.

На следующий день Чарлз вновь заперся на чердаке, задернул все окна лаборатории шторами и начал работать над какими-то жидкими металлами. Дверь он никому не отпирал и упорно отказывался от всякой пищи. Около полудня с чердака донесся какой-то страшный грохот, а вслед за ним – душераздирающий крик и глухой удар. Когда миссис Уорд взволнованно забарабанила в дверь, ее сын через какое-то время тихо ответил, что все нормально и ничего плохого не случилось, а отвратительный запах, валивший из дверных щелей, абсолютно безвреден и, увы, необходим. Внутри он пустить никого не может, но обязательно спустится к обеду. Днем, когда сверху перестало доноситься странное шипение, Чарлз наконец-то появился: он был в весьма растрепанных чувствах и заявил, что никто и ни при каких обстоятельствах не должен входить в его лабораторию. Это, как оказалось, было началом новой политики затворничества: отныне ни одному человеку не разрешалось посещать загадочную мастерскую на чердаке и прилегающее к ней помещение, которое он сам вычистил, обставил простой мебелью и превратил в свое неприкосновенное жилище и спальню. Сюда же он перенес книги из библиотеки, пока не купил себе бунгало в Потакете и не переехал туда вместе со всей литературой и оборудованием.

В тот день Чарлз Уорд первым взял вечернюю газету и словно бы по чистой случайности оторвал низ одной страницы. Позже доктор Уиллет, узнав от родственников точную дату, зашел в редакцию и попросил сохранившийся экземпляр. На месте оторванного клочка была небольшая заметка следующего содержания:

На Северном кладбище застали врасплох ночных гробокопателей

Роберт Харт, ночной сторож Северного кладбища, сегодня утром обнаружил в самой старой части владений грузовик и группу из нескольких человек, которых спугнул своим появлением, не дав им совершить задуманное злодеяние.

Это произошло в четыре утра: внимание Харта внезапно привлек звук работающего мотора за сторожкой. Выйдя на разведку, он заметил на главной аллее большой грузовик, однако подойти к нему не успел – шорох гравия под его ногами вспугнул нарушителей, они поспешно спрятали в кузов большой

ящик и уехали. Поскольку ни одна могила потревожена не была, сторож сделал вывод, что они приехали не выкапывать, а, наоборот, закапывать.

По всей видимости, преступники давно орудуют на кладбище: Харт обнаружил большую яму на участке Амессы Филд, вдали от дороги, где надгробия за давностью лет почти не сохранились. Яма – по размерам и глубине соответствующая могиле – была пуста, и на этом месте, судя по архивам кладбища, никогда никого не хоронили.

Сержант Райли со второго полицейского участка осмотрел место и пришел к заключению, что яму выкопали коварные и безнравственные контрабандисты, искавшие надежный тайник для хранения нелегально перевезенных спиртных напитков. Судя по оставленным следам, грузовик направился вверх по Рошамбо-авеню, но судить однозначно сержант не берется.

В следующие несколько дней родственники почти не видели Чарлза Уорда. Устроив на чердаке спальню, он совсем перестал выбираться оттуда, распорядился приносить еду к двери и не забирал ее, покуда слуга не уходил. Монотонное чтение непонятных формул и напевы со странным ритмом регулярно повторялись, а иногда наверху звенело стекло, шипели химикаты, текла вода или ревелось пламя. Возле двери порой стояли совершенно невообразимые и ни на что не похожие запахи; а когда юный анахорет все же выбирался из дома (однажды Чарлз ненадолго вышел в библиотеку за недостающей книгой, а в другой раз отправил курьера в Бостон за очередным таинственным изданием), лицо и тело его были так напряжены, что окружающие невольно принимались строить догадки и распускать слухи. Словом, все происходящее было крайне подозрительно: ни доктор Уиллет, ни семья не знали, что думать и что предпринять.

6

15 апреля эта история получила неожиданное продолжение. По сути своей ничего не изменилось, но странности в поведении Уорда стали настолько выраженными, что доктор Уиллет не мог не обратить внимания на эту перемену. На 15 апреля в том году пришлась Страстная пятница, каковое обстоятельство слуги сочли зловещим знаком, а остальные, что вполне естественно, – случайным и ничего не значащим совпадением. Днем юный Уорд начал громко повторять одни и те же строки, сжигая при этом некую пахучую смесь – запах был настолько едким и резким, что быстро заполнил весь дом. Само же заклинание было отчетливо слышно за дверью, и миссис Уорд, с тревогой прислушиваясь к происходящему на чердаке, невольно запомнила незнакомые слова и по просьбе доктора Уиллета записала их на бумаге. Позже ученые сообщили Уиллету, что строки эти весьма напоминают мистические писания Элифаса Леви, таинственного ученого, которому удалось краем глаза увидеть пугающую бездну за пределами человеческого разума.

«Per Adonai Eloim, Adonai Jehova,
Adonai Sabaoth, Metraton On Agla Mathon,
verbum pythonicum, mysterium salamandrae,
conventus sylvorum, antra gnomorum,
daemonia Coeli God, Almonsin, Gibor, Jehosua,
Evam, Zariatnatmik, veni, veni, veni».

Строки эти звучали без остановки на протяжении двух часов, пока над всей округой не поднялся оглушительный собачий вой. О шуме, который они подняли, можно судить хотя бы по тому, что заметки о взбесившихся собаках на следующее утро появились во всех городских

газетах, однако для обитателей дома Уорда все затмевал кошмарный запах, которым наполнились комнаты, — омерзительная, всепроникающая, ни на что не похожая вонь. Посреди этого смрада внезапно грянула молния — если бы за окном была ночь, а не день, она могла и ослепить. Вслед за молнией зазвучал жуткий незабываемый глас: поразительно глубокий и низкий, совершенно не похожий на голос Чарлза Уорда, он будто бы раздался с неба и сотряс весь дом. По меньшей мере двое соседей услышали его даже несмотря на вой собак. Миссис Уорд, в отчаянии сидевшая под дверью лаборатории, с ужасом и содроганием узнала дьявольский глас: давным-давно Чарлз рассказывал ей о дурной славе этого голоса в оккультных книгах и о том, как он прогремел над проклятой фермой в Потакете в ночь убийства Джозефа Кервена. Ошибки быть не могло: уж слишком ярко запомнились ей слова, произнесенные Чарлзом в ту пору, когда он еще открыто говорил о своих генеалогических исследованиях. На древнем забытом языке глас вещал: «ДИЕС МИЕС ЙЕХЕТ БОЭНЕ ДОЭСЕФ ДОУВЭМА ЭНИТЕМАУС».

Примерно в это же время дневной свет ненадолго померк, хотя до заката оставалось еще больше часа, а к прежней вонии примешался второй запах, столь же чужеродный и невыносимый. Чарлз опять запричитал какие-то слова, и мать разобрала что-то вроде «Йи наш Йог Сотот хи лгеб сродаг», после чего раздалось оглушительное «ЙА!». А потом прозвучало нечто такое, отчего все пережитое на несколько минут стерлось из памяти миссис Уорд: жуткий вой, прогремевший точно взрыв и постепенно сменившийся истерическим дьявольским смехом. Напуганная до полусмерти, но одурманенная желанием спасти свое дитя, миссис Уорд принялась отчаянно барабанить в дверь, однако ее никто не услышал. Она постучала снова и обмерла: из-за двери донесся второй вопль, явно принадлежавший ее сыну, который слился с безудержным хохотом неизвестного существа. В следующий миг миссис Уорд лишилась чувств и до сих пор не может вспомнить почему. Человеческая память иногда в высшей степени милосердна.

Мистер Уорд вернулся из делового района города около шести вечера. Не найдя жены внизу, он обратился к слугам, и те испуганно сообщили ему, что она, должно быть, сидит под дверью Чарлза, потому что оттуда доносятся еще более страшные звуки, чем обычно. Взлетев по лестнице, он увидел, что миссис Уорд распласталась в коридоре под дверью лаборатории. Плеснув холодной воды ей в лицо, мистер Уорд с облегчением наблюдал, как жена приходит в чувство и изумленно открывает глаза. И тут его пробила сильная дрожь, едва не ввергнувшая его в то же состояние, из которого он только что вывел жену: из тихой лаборатории донеслись звуки приглушенного напряженного разговора — слов разобрать было нельзя, однако голоса внушали чистый ужас.

Да, Чарлз и раньше читал какие-то странные заклинания, но те звуки не имели с этими ничего общего. Было ясно, что за дверью кто-то беседует (или делает вид, что беседует): интонации менялись от вопросительных к утвердительным. Один голос несомненно принадлежал Чарлзу, а вот второй был таким низким и гулким, что юноше вряд ли удалось бы изобразить нечто подобное. В нем слышались какие-то омерзительные, почти богохульные, нездоровые нотки — словом, если бы не крик очнувшейся от обморока жены, который вывел его из оцепенения, Теодор Хаулэнд Уорд вряд ли смог бы и дальше хвастаться друзьям, что никогда не лишался чувств. Он схватил миссис Уорд на руки и быстро понес вниз, куда она не успела расслышать страшную беседу за дверью, — однако ж не настолько быстро, чтобы самому не различить кое-что, отчего его ноги опасно подкосились на лестнице. Крик миссис Уорд, по всей видимости, услышал не только он: из-за запертой двери вместо приглушенной жуткой беседы донеслись первые отчетливые слова, всего лишь взволнованный окрик Чарлза, который почему-то нагнал на его отца неопишуемый ужас: «Ш-ш! Пишите!»

За ужином мистер и миссис Уорд посоветовались и решили этим же вечером серьезно поговорить с сыном. Как бы важны ни были его исследования, это безобразие необходимо прекратить. Последние события не укладываются ни в какие рамки и несут угрозу порядку и душевному благополучию всех обитателей дома. Их юный сын, по-видимому, окончательно

лишился рассудка: нормальный человек не может издавать такие крики и вести вымышленные беседы неизвестно с кем. Всему этому надо положить конец, или миссис Уорд заболит, а удерживать слуг в доме станет и вовсе невозможно.

После ужина мистер Уорд встал из-за стола и начал подниматься по лестнице на чердак. На третьем этаже, однако, он услышал странные звуки из бывшей библиотеки сына: кто-то разбрасывал книги и неистово шуршал бумагами. Ступив на порог комнаты, мистер Уорд увидел своего сына, лихорадочно сгребавшего книги всех форм и размеров. Выглядел Чарлз осунувшимся, изможденным и от звука отцовского голоса в испуге выронил всю охапку книг на пол. Подчинившись приказанию, Чарлз сел и какое-то время покорно выслушивал заслуженные упреки. Скандала не произошло. В конце лекции Чарлз признал правоту отца: его крики, бормотания и запахи химикатов в самом деле никто не обязан терпеть. Впредь он обещает не создавать шума, но по-прежнему настаивает на полном своем уединении. Большая часть его дальнейшей работы все равно связана с изучением литературы, а для шумных ритуалов, проведение которых может стать необходимо впоследствии, он найдет другое место. Чарлз выразил глубокое раскаяние, что его работа стала причиной нездоровья матери, и пояснил, что разговор, услышанный родителями, был частью тщательно продуманной символической системы, призванной создать определенный душевный настрой. Мудреная терминология, которой пользовался Чарлз, привела Уорда в замешательство, однако разговор этот внушил ему полную уверенность, что сын здоров и владеет собой, хоть и практикует весьма сомнительные ритуалы. Правда, никаких конкретных сведений от Чарлза он так и не добился, а когда тот собрал книги и ушел, мистер Уорд проводил его недоуменным и озадаченным взглядом. Неразгаданной осталась тайна гибели старого Нига, чей окоченевший труп нашли в подвале часом ранее: глаза у кота были выпучены, рот раскрыт в испуганном оскале.

Одoleваемый любопытством, отец взглянул на пустые книжные полки: что же сын взял с собой на чердак? В библиотеке юного исследователя царил полный порядок, поэтому нетрудно было понять, каких книг – или хотя бы какого рода книг – не достает на полках. Тут мистера Уорда ждало странное открытие: вся литература по оккультным наукам и химии была на месте, Чарлз забрал с собой лишь современные издания по истории, естественным наукам, географии, философии и литературе, а также подшивки некоторых газет и журналов. В читательских вкусах Чарлза произошла какая-то странная перемена... Мистер Уорд замер, переполняемый ощущением странности происходящего: эта странность буквально теснила ему грудь, пока он крутил головой по сторонам и пытался разобраться, что же тут неладно. А неладное чувствовалось и на уровне подсознательного, и на уровне вполне осязаемого, зримого... В библиотеке мистер Уорд сразу же заметил, что чего-то не хватает, и в конце концов его осенило.

На северной стене все еще красовалась старинная резная панель из дома в Олни-корте, однако с потрескавшимся и тщательно отреставрированным портретом Кервена случилась катастрофа: время и неравномерный обогрев наконец сделали свое дело, и совсем недавно (на днях в комнате делали уборку) здесь произошло ужасное: понемногу отставая от дерева, хлопья краски сворачивались в крошечные свитки и в конце концов со злобещей внезапностью опали на пол. Джозеф Кервен навсегда прекратил свою слежку за юношей, который на него так походил, и теперь лежал на полу тонким слоем серо-голубой пыли.

IV. Роковые перемены

1

Всю следующую за Страстной пятницей неделю родные видели Чарлза Уорда чаще обычного: он без конца таскал книги из библиотеки в лабораторию. Действия его были бесшумны и разумны, однако мать с тревогой отмечала напряженный, загнанный взгляд сына и ненасытный аппетит – Чарлз постоянно отдавал повару новые и новые поручения. Доктору Уиллету рассказали о пятничных событиях, и на следующий четверг он долго беседовал с юношей в библиотеке, на северной стене которой больше не висел портрет Джозефа Кервена. Беседа, как и всегда, плодов не принесла, но Уиллет вновь готов был поклясться, что юноша совершенно здоров. Уорд опять говорил о грядущих великих открытиях, для которых ему как воздух необходима уединенная лаборатория. О портрете он ничуть не горевал, наоборот, отнесся к его внезапной гибели с юмором – что было весьма странно, учитывая, как радовался он сначала своей находке.

Примерно на вторую неделю после Страстной пятницы Чарлз стал часто и надолго отлучаться из дома, и однажды, когда старушка Ханна пришла в особняк Уордов забрать белье на стирку, она сообщила, что мистер Уорд-младший регулярно навещает в их дом с большим саквояжем и зачем-то спускается в подвал. Хотя он всегда добр и любезен к ним с Эйзой, в последнее время мальчик сильно чем-то обеспокоен – ей больно это видеть, поскольку она знает его с самого рождения. Еще одно донесение о действиях Чарлза пришло из Потакета, где его несколько раз подряд видели друзья семьи: он регулярно навещался на курорт и в ангар для каноэ. Наведя соответствующие справки, доктор Уиллет узнал, что целью Чарлза всегда был огороженный берег реки, вдоль которого он уходил на север и возвращался очень не скоро.

В конце мая с чердака вновь стали раздаваться ритуальные чтения, немедленно пресеченные мистером Уордом. Чарлз рассеянно пообещал, что больше это не повторится, но однажды утром в лаборатории началось нечто весьма похожее на события Страстной пятницы. Юноша пылко спорил и ругался с самим собой: друг за другом последовало несколько громких криков, произнесенных на разные лады: требовательных, умоляющих и непреклонных. Миссис Уорд взбежала по лестнице и замерла у двери в лабораторию. Она расслышала немного, всего несколько слов: «три месяца нужна кровь», и стоило ей постучать, как все звуки за дверью утихли. Когда отец позже устроил Чарлзу допрос, тот выразился весьма туманно: в сферах сознания неизбежны некоторые конфликты, решить которые под силу лишь опытному и умелому мастеру, но он, так и быть, постарается перенести эти конфликты в другие области и измерения.

В середине июня случилось еще одно странное ночное происшествие. С раннего вечера в лаборатории что-то гроыхало, и мистер Уорд уже собрался идти на разведку, когда все шумы внезапно стихли. В полночь, когда они с женой легли спать, а дворецкий пошел запирать входную дверь, на подножии лестницы возник шатающийся Чарлз и жестами попросил выпустить его на улицу. Ни одного слова он не произнес, однако славный йоркширец сразу заметил лихорадочный блеск в его глазах и неумную дрожь в членах. Он открыл дверь и выпустил юного Уорда, однако наутро попросил у миссис Уорд расчета. Было что-то богопротивное во взгляде, которым смерил его Чарлз Уорд: не пристало юным господам так смотреть на честных стариков! Дворецкий не пожелал остаться даже на ночь и сразу уехал. Миссис Уорд не стала ему мешать, но и большого значения его словам не придавала. В ту ночь она долго не могла заснуть и слышала, как в лаборатории кто-то всхлипывает, ходит туда-сюда и вздыхает – то были звуки

глубочайшего отчаяния, но не злости. Миссис Уорд давно привыкла прислушиваться к ночным шумам на чердаке: тайна сына вытеснила из ее головы все прочие заботы и тревоги.

На следующий вечер Чарлз, как и три месяца назад, выхватил газету из рук почтальона и «ненароком» потерял главный раздел. Об этом случае никто бы и не вспомнил, не предпринимая доктор Уиллет попытку связать все в единое целое и найти в истории слабые звенья. В редакции «Джорнал» он нашел пропавший раздел и отметил в нем две заметки, могущие иметь значение для следствия. Вот они:

И снова гробокопатели

Сегодня утром Роберт Харт, ночной сторож Северного кладбища, обнаружил, что кладбищенские воры опять взялись за свое. Они раскопали и разграбили могилу некоего Эзры Уидена, родившегося в 1740-м и умершего в 1824-м (согласно надписи на вырытом и расколотом надгробии). Работали воры лопатой, которую украли из сарая для инструментов.

Каковым бы ни было содержимое этого старинного гроба, погребенного более века назад, все бесследно исчезло: осталось лишь несколько прогнивших деревянных щепок. Все следы воры старательно замели, но один отпечаток все же удалось отыскать – ботинок явно принадлежал человеку знатному и богатому.

Харт связывает это преступление с последним инцидентом, произошедшим в марте, когда шаги сторожа вспугнули группу человек на грузовике. Однако сержант Райли не согласен с его теорией и указывает на существенные различия в двух преступлениях. В марте нарушители раскопали пустой участок, а на сей раз это была ухоженная могила конкретного человека. Кроме того, налицо явный признак злого умысла: разбитое надгробие.

Члены семьи Уиденов, когда их уведомили о случившемся, выразили скорбь и недоумение по поводу инцидента; у них нет врагов, которые могли бы столь варварски обойтись с могилой их предка. Хэзерд Уиден, проживающий по адресу Энджелл-стрит, 598, рассказал следствию о семейной легенде, по которой Эзра Уиден незадолго до революции якобы впутался в какую-то странную историю – не порочащую, впрочем, его имя, – однако причины для вражды в наши дни ему неведомы. Инспектор Каннингем, расследующий дело, надеется в ближайшее время обнаружить важные улики.

Собачий лай в Потакете

Примерно в три часа минувшей ночи жители Потакета проснулись от небывало громкого собачьего лая, раздававшегося на берегу реки к северу от исторического здания «Родс-на-Потакете». По свидетельствам очевидцев, лай этот имел крайне необычное звучание; Фред Лемдин, ночной сторож вышеупомянутого здания, утверждает, что он походил на вопли человека, охваченного смертельным ужасом. Конец этим звукам положила сильная и короткая гроза, разразившаяся у самого берега. Жители деревни связывают это происшествие со странными неприятными запахами – вероятно, исходящими от нефтяных резервуаров вдоль бухты, – которые могли послужить причиной такого поведения собак.

Чарлз с каждым днем выглядел все более загнанным и осунувшимся: позже все сошлись во мнении, что он, должно быть, хотел сделать какое-то признание, однако ужас и душевные муки ему не позволили. Напуганная мать теперь ночами напролет прислушивалась к звукам на чердаке и узнала о частых ночных вылазках Чарлза – большинство психиатров убеждены, что именно эти вылазки связаны с отвратительными случаями вампиризма, волна которого прокатилась по округе как раз в это время, но в котором до сих пор никого не уличили. Преступления эти получили широкую огласку в прессе, и нет нужды пересказывать их во всех подробностях: жертвами становились люди различных возрастов и общественного положения, жившие либо в окрестностях холма и Норт-Энда, рядом с особняком Уордов, либо на окраинах города, близ Потакета. Нападению подвергались как припозднившиеся путники, так и спящие в своих кроватях жители, не закрывавшие на ночь окон. Те, кому чудом удалось выжить, рассказывают о тонком и гибком чудовище с пылающими глазами, которое хищно впивалось им в горло или в плечо и жадно пило.

Однако доктор Уиллет отказывается приписывать начало душевной болезни Чарлза даже этому периоду и предпринимает осторожные попытки объяснить вышеупомянутые ужасы. У него якобы есть своя теория, подробности которой он сообщать не желает и ограничивается весьма странным утверждением: «Я не скажу, кто или что совершило эти нападения и убийства, но заявляю со всей уверенностью, что Чарлз Уорд в них неповинен. У меня есть веская причина полагать, что юноша никогда не знал вкуса крови, и его растущая вялость и бледность говорят яснее всяких слов. Уорд вмешался в ужасные дела и поплатился за это, но злодеем и чудовищем он не был. А потом... не знаю, что с ним случилось, и не хочу даже думать. Вместе с переменами, поразившими его тело и разум, умер и сам Чарлз Уорд. По крайней мере, душа его погибла, ибо в том безумном теле, что исчезло из лечебницы Уэйта, жила совсем другая душа, мне незнакомая».

Мнение Уиллета заслуживает доверия хотя бы потому, что он часто навещал дом Уордов и лечил миссис Уорд – нервы ее не выдержали столь страшной нагрузки. Ночные бодрствования под дверью чердака породили ужасные галлюцинации, о которых она с опаской поведала врачу и которые он добродушно высмеял, – впрочем, они таки заставили Уиллета глубоко задуматься. Галлюцинации всегда имели отношение к тем едва различимым звукам, что якобы доносились с чердака – приглушенным стоном и всхлипываниям, раздававшимся в любое время дня и ночи. В начале июля доктор Уиллет настоятельно посоветовал миссис Уорд отправиться в Атлантик-сити восстанавливать силы, а мистеру Уорду и неуловимому Чарлзу велел писать ей только веселые и обнадеживающие письма. Вероятно, лишь благодаря этому вынужденному отъезду ей и удалось сберечь себе жизнь и душевное здоровье.

2

Вскоре после отъезда матери Чарлз начал вести переговоры о покупке бунгало в Потакете. То был грязный и запущенный деревянный домишко с бетонным гаражом, примостившийся на высоком пустынном берегу чуть выше по течению от «Родс-на-Потакете», но ни о каком другом доме Чарлз и слышать не желал. Он не давал спуска всем местным агентствам недвижимости, покуда одному из них не удалось чуть ли не силой выкупить бунгало у упрямого владельца – по заоблачной цене. Как только документы на собственность были готовы, Чарлз под покровом тьмы перевез в дом все содержимое своей лаборатории, включая старинные и современные книги (те, что он недавно перенес из библиотеки на чердак). В самый темный предрассветный час ночи он загрузил свой фургон и уехал – отец только помнит, как сквозь сон слышал приглушенные проклятия и топот ног. После этого Чарлз переехал обратно в свою спальню на третьем этаже, а чердак забросил раз и навсегда.

В потакетское бунгало Чарлз перевез и атмосферу таинственности, которая прежде окутывала его чердачное царство. Правда, теперь у него появились две новые тайны: зловещего вида португалец-мулат, который жил на Саут-мейн-стрит в прибрежной части города (он явно был Чарлзу слугой), и худощавый интеллигентный незнакомец в темных очках и с колючей, будто бы крашеной бородой – он, очевидно, имел статус коллеги. Напрасно соседи пытались завязать с этими двумя людьми хоть какой-нибудь разговор. Мулат Гомес почти не говорил по-английски, а бородач, представившийся доктором Алленом, охотно последовал его примеру. Уорд сам пытался вести себя приветливо и обходительно, но разговорами о своих химических опытах только привлек к ним лишнее внимание. Вскоре по городу поползли странные слухи о том, что в его окнах даже по ночам что-то горит, а когда гореть наконец перестало, соседи принялись судачить о невероятных количествах мяса, которые Уорд заказывает у мясника, и о приглушенных криках, напевах и столах, доносившихся словно бы из подвала бунгало. Меньше всего этот странный дом на берегу нравился местным честным буржуа, и неудивительно, что проклятое бунгало и все происходящее в нем быстро связали с эпидемией вампиризма (к тому же страшные убийства и нападения теперь происходили исключительно в окрестностях Потакета и на прилегающих к нему улицах Эджвуда).

Большую часть времени Уорд проводил в бунгало, но спал иногда дома, поэтому в городе все равно считали, что живет он под родительской крышей. Дважды Чарлз надолго уезжал из города – до сих пор неизвестно куда. Он становился все бледнее, изможденней и уже не так бойко рассказывал доктору Уиллету старую, набившую оскомину историю про важные исследования и грядущие великие открытия. Уиллет обычно подстерегал юношу в родительском доме: Уорд-старший был глубоко озадачен и очень тревожился за сына, поэтому просил доктора как можно внимательней приглядывать за Чарлзом – насколько вообще можно приглядывать за столь скрытным и независимым взрослым человеком. Уиллет настаивает, что даже в ту смутную пору Чарлз был еще здоров, а в качестве доказательства приводит их многочисленные беседы.

Примерно в сентябре случаи вампиризма прекратились, но в январе Чарлз едва не навлек на себя серьезную беду. Вот уже несколько недель в городе перешептывались о загадочных грузовиках, подъезжающих к бунгало Уорда среди ночи, и вот однажды из-за случайной заминки стало известно, что за груз перевозил по крайней мере один из них. На безлюдном участке дороги близ Хоуп-вэлли бандиты, промышлявшие кражей спиртного, устроили одному из таких грузовиков засаду, но на сей раз их ждало страшное потрясение. В длинных ящиках, которые попали им в руки, оказалось нечто столь ужасное, что слухи об этом разнеслись далеко за пределы преступного мира. Воры поспешно закопали добычу, но потом весть дошла до полиции штата, и те начали тщательное расследование. Однажды в участок явился бродяга: заключив сделку со следствием и обезопасив себя от тюремного срока, он в конце концов отшел полицейских на место. Там, в наскоро сооруженном тайнике, они обнаружили нечто поистине ужасное и постыдное. Находка могла так навредить репутации города (а то и всей страны), что потрясенные следователи решили не разглашать сведений о ней. Ошибки быть не могло, даже самые недалекие офицеры все поняли, и в Вашингтон тут же полетели секретные телеграммы.

На вырытых ящиках стоял адрес потакетского бунгало Чарлза Уорда, и полиция штата немедленно нанесла ему весьма нелюбезный и серьезный визит. Они застали его в компании двух странных спутников; Чарлз был крайне бледен и взволнован, однако сумел предоставить им правдоподобное объяснение случившегося и доказательства своей невиновности. Определенные анатомические препараты были необходимы ему для исследований, о глубине и важности которых им может рассказать любой, кто общался с ним последние десять лет. Уорд заказал эти препараты у нескольких агентств и полагал, что это совершенно законно. О происхождении препаратов он ничего не знал и был глубоко потрясен, когда инспекторы намекнули ему, как страшно может сказаться подобное дело на общественном мнении и национальном

достоинстве. В этой беседе со следствием его поддерживал коллега-бородач, доктор Аллен, чей до странного низкий и гулкий голос звучал куда убедительней, чем его – напуганный и дрожащий. В итоге инспекторы решили не привлекать Уорда к ответственности, но тщательно записали нью-йоркский адрес и имя человека, владения которого им предстояло обыскать. Впрочем, обыск этот ничего не дал. Стоит, пожалуй, добавить, что все препараты быстро и незаметно вернули на место, и широкая общественность так и не узнала о том, что их столь кощунственно побеспокоили.

9 февраля 1928 года доктор Уиллет получил письмо от Чарлза Уорда, которому он придает очень большое значение, и по поводу которого он нередко ссорился с доктором Лайманом. Лайман считает, что это послание служит явным доказательством *dementia graecox*, раннего слабоумия, однако Уиллет убежден, что несчастный юноша написал его в совершенно здравом уме. Он обращает особое внимание на почерк Уорда: хоть он и свидетельствует об определенном нервическом возбуждении, все же это почерк нормального человека – и, несомненно, самого Чарлза. Приводим здесь текст письма:

*«Проспект-стрит, 100
Провиденс, Род-Айленд.
8 февраля 1928 года.*

Уважаемый доктор Уиллет!

Чувствую, наконец пришло время сделать то, что я давно обещал и о чем Вы столь часто меня просили. Я буду вечно признателен Вам за терпение, с коим Вы дожидались этого дня, и за уверенность в моем полном умственном здравии.

Да, я наконец-то готов говорить, но прежде должен с унижением признаться, что триумфа, о котором я так мечтал, мне никогда не испытать. Вместо ликования меня охватил ужас, и мое письмо Вам – не радостный победный крик, но вопль о помощи. Я прошу спасти меня и весь мир от ужаса, неподвластного человеческому разумению. Вы ведь помните, что писал Феннер в своих письмах о налете на потакетскую ферму Кервена. Налет необходимо повторить – и быстро. От нас зависит больше, чем можно выразить словами, – вся человеческая цивилизация, законы природы, а может, и судьба Солнечной системы, целой Вселенной. Я вывел на свет чудовищную аномалию, но помните: я сделал это только ради знаний. Теперь – ради всей жизни на Земле – Вы должны помочь мне загнать это обратно во тьму.

Я навсегда покинул бунгало в Потакете, и мы должны как можно скорей уничтожить все, что там есть, живое или мертвое. Причины объясню при личной встрече. Я вернулся в родительский дом и надеюсь, что в ближайшее время Вы сможете нанести мне визит. Прошу Вас выкроить пять или шесть часов, чтобы выслушать мой подробный рассказ. Да, это займет много времени – поверьте, это Ваш самый что ни на есть профессиональный долг. Моя жизнь и рассудок – самое меньшее из того, что поставлено на карту.

Я не решаюсь посвятить в это отца, он не сможет понять и осознать угрозу в полной мере. Но я рассказал ему, что моя жизнь в опасности, и теперь вокруг дома круглосуточно дежурят четверо людей из детективного агентства. Не знаю, на что они годятся, ведь против них может подняться такая сила, которую не в силах вообразить даже Вы. Поэтому заклинаю Вас, приходите как можно скорей, если хотите увидеть меня живым и узнать, как спасти космос от сущего ада.

Жду вас в любое время – из дома я не выйду. Не звоните заранее, ибо тогда вашему приходу могут помешать. И давайте помолимся вместе любым богам, чтобы наша встреча все-таки состоялась.

*Со всей серьезностью и в отчаянии,
Чарлз Декстер Уорд.*

Р. С. Как можно скорее застрелите доктора Аллена и растворите его тело в кислоте. Не сжигайте труп!»

Доктор Уиллет получил это письмо в 10:30 утра и сразу же освободил весь день и вечер для этого судьбоносного разговора. Он хотел явиться в особняк Уордов к четырем часам, а до тех пор настолько глубоко погрузился в размышления, что все необходимые действия совершал почти машинально. Каким бы безумным ни казалось письмо на первый взгляд, Уиллет своими глазами видел слишком много странного, чтобы принять слова Чарлза Уорда за обыкновенный бред сумасшедшего. Он был практически уверен, что происходит нечто ужасное и непостижимое, и строчки о докторе Аллене подтверждали потакетские слухи о загадочном компаньоне Уорда-младшего. Уиллет никогда его не видел, но столько слышал о его внешности и поведении, что невольно задавался вопросом, что могло скрываться за пресловутыми темными очками.

Ровно в четыре доктор Уиллет пришел к Уордам и к досаде своей обнаружил, что Чарлз не сдержал обещание и все-таки покинул дом. Стражи, однако, были на месте и сообщили Уиллету, что юноша все утро испуганно пререкался с кем-то по телефону, без конца повторяя фразы вроде «Я слишком устал и должен отдохнуть», «Я никого не могу принимать», «Вы должны меня извинить», «Прошу отложить любые решительные действия до тех пор, пока мы не придем к компромиссу» и «Мне очень жаль, но я вынужден полностью удалиться от дел, поговорим позже». Затем, словно бы осмелев от каких-то мыслей, Чарлз тихо и незаметно убежал из дома: никто не видел, куда он ушел, однако ровно в час он вернулся и молча поднялся к себе. Там, по всей видимости, его вновь обуял страх, потому что из библиотеки донесся вопль ужаса, сменившийся частым затрудненным дыханием. Дворецкого, поднявшегося его проводить, Чарлз немедленно выдворил – его вид неизъяснимо напугал старика. Затем юноша принялся что-то искать на полках: сверху раздавался грохот, лязг и скрип, после чего Чарлз сразу же вышел из дома. Уиллет спросил, не оставил ли юноша ему какое-нибудь послание или сообщение, но нет, ничего не было. Дворецкого очень обеспокоили внешний вид и поведение молодого хозяина, и он поинтересовался, есть ли какое-нибудь средство для приведения в порядок расстроенных нервов юноши.

Доктор Уиллет почти два часа ждал Чарлза в библиотеке, разглядывая пыльные, наполовину опустевшие книжные полки и мрачно улыбаясь резной деревянной панели над камином, откуда еще год назад вкрадчиво смотрел на него старик Джозеф Кервен. Через какое-то время в комнате стали сгущаться тени, и жизнерадостные закатные краски уступили место смутному ужасу – предвестнику ночи. Наконец вернулся домой Уорд-старший: он был неприятно удивлен и раздосадован тем, что все его попытки оградить сына ни к чему не привели. Он не знал, что у Чарлза назначена встреча, и пообещал сразу же сообщить Уиллету, когда тот вернется. Пожелав доктору спокойной ночи, мистер Уорд еще раз выразил свое крайнее недоумение по поводу здоровья сына и снова попросил сделать все возможное, чтобы вернуть мальчику душевный покой. Уиллет с облегчением вышел из библиотеки – воздух ее был проникнут чем-то страшным и богопротивным, как будто осыпавшийся портрет оставил за собой печать зла. Картина никогда ему не нравилась, и даже теперь, хотя нервы у Уиллета были железные, пустая панель внушала ужас и желание поскорей выбраться на свежий воздух.

3

На следующее утро Уиллет получил от Уорда-старшего записку: Чарлз так и не вернулся домой. Зато позвонил доктор Аллен и сообщил, что Чарлз на неопределенное время останется в Потакете и просит его не беспокоить. Это необходимо, поскольку сам Аллен надолго отбы-

вает в другой город, а их эксперименты нельзя оставлять без бдительного присмотра. Чарлз передает отцу привет и сожаления по поводу столь внезапной перемены планов. Мистер Уорд впервые услышал голос доктора Аллена, и он пробудил в нем какие-то странные неуловимые воспоминания, которые отчего-то встревожили его и почти напугали.

Противоречивые эти сведения завели доктора Уиллета в тупик: он не знал, что теперь делать. Письмо Чарлза не оставляло сомнений в его серьезности и правдивости, однако почему же он сразу нарушил данное обещание? Юный Уорд писал, что его исследования зашли слишком далеко, что все оборудование и даже бородатого коллегу необходимо стереть с лица земли, а сам он клянется никогда не возвращаться в потакетское бунгало. Однако, по последним сведениям, именно так он и поступил, вновь окутав себя плотным пологом тайны. Здравый смысл подсказывал Уиллету оставить юношу в покое – пусть сам разбирается в своих страхах и причудах, в конце концов! – но некий глубинный инстинкт не позволял выбросить из головы отчаянное письмо Уорда. Уиллет перечитал его и вновь не смог разглядеть безумия за выпрениними и туманными словами. Ужас автора был слишком искренним, а вкупе с тем, что доктор уже слышал, письмо Уорда пробуждало яркие образы неподвластных времени и пространству кошмаров, затмевающие собой любые логичные объяснения. Безымянный ужас вырвался на свободу, и пусть не в силах человека было его одолеть, подготовиться к встрече с ним все же стоило.

Больше недели доктор Уиллет размышлял над вставшей перед ним дилеммой, и с каждым днем он все больше склонялся к тому, чтобы нанести Чарлзу визит. Ни один друг еще не отваживался вторгнуться в его запретное логово, и даже отец знал о внутреннем убранстве лишь то, что сын счел возможным описать. Однако Уиллет чувствовал, что должен во что бы то ни стало лично поговорить с пациентом. Мистеру Уорду приходили от сына короткие и уклончивые записки, набранные на пишущей машинке, и миссис Уорд в Атлантик-сити тоже подробных писем не получала. В конце концов доктор решил действовать: несмотря на дурные предчувствия, вызванные старинными легендами о Джозефе Кервене, а также недавними открытиями и предостережениями Чарлза, он храбро отправился в путь – к бунгалу на крутом берегу реки Потакет.

Доктор Уиллет уже бывал в тех местах – из чистого любопытства и, конечно, никогда не сообщая о своем приезде, – поэтому точно знал, как добраться до нужного дома. Когда февральским утром он катил по Брод-стрит в сторону Потакета, его посещали странные и мрачные мысли о налетчиках, которые сто пятьдесят семь лет назад отправились в точно такой же путь и столкнулись с непостижимым ужасом.

Поездка по обветшалым окраинам города не заняла много времени: впереди показались опрятный Эджвуд и дремлющий Потакет. Доктор Уиллет свернул направо и проехал до конца по проселочной Локвуд-стрит, затем вышел из машины и отправился пешком на север, где над живописными изгибами реки и дымчатой долиной поднимался обрывистый берег. Здесь по-прежнему было мало домов, и доктор Уиллет сразу увидел на возвышении слева от себя одинокое бунгало с бетонным гаражом. Стремительно поднявшись по запущенной гравийной дорожке, он решительно постучал в дверь и без малейшей дрожи в голосе заговорил со злоеющим мулатом.

Ему необходимо сейчас же встретиться с Чарлзом Уордом, сказал он, – по жизненно важному делу. Отказа он не примет, а если его все же выгонят, он немедленно пожалуется Уорду-старшему. Мулата это не проняло, и он крепко держал дверь, когда доктор попытался ее открыть. Тогда Уиллет повысил голос и повторил свои требования. Тут из-за двери раздался сиплый шепот, от звука которого доктора насквозь пробила дрожь, хотя он и сам не понял, что именно его напугало. «Пусти его, Тони. Коли господин настаивает, поговорим сейчас». Но, как бы ужасно ни звучал этот шепот, еще страшней было то, что за ним последовало.

Заскрипели половицы, и перед доктором Уиллетом предстал сам говорящий – обладателем странного звучного голоса оказался не кто иной, как Чарлз Декстер Уорд.

Точность, с каковой доктор Уиллет записал состоявшуюся между ними беседу, свидетельствует о том, какое огромное значение он ей придает. Вот тут-то в сознании и разуме Уорда и произошла роковая перемена, убежден Уиллет, и у заговорившего с ним человека душа была совсем другая, нежели у того, за развитием и воспитанием которого он наблюдал двадцать шесть лет. Чтобы окончательно развенчать теорию доктора Лаймана, Уиллет называет точную дату начала душевной болезни: день, когда мистеру и миссис Уорд пришли от сына первые короткие послания, набранные на пишущей машинке. Они написаны совсем другим слогом, странным и архаичным, – отличным даже от того, каким написано последнее отчаянное письмо Чарлза Уиллету. В уме автора словно бы прорвало плотину, и его затопило почерпнутыми в детстве представлениями о старине. Ясно угадывалась попытка изъясняться современно, но общий дух и язык явно принадлежали прошлому.

Прошлое чувствовалось и в манерах Чарлза, когда он наконец соизволил принять доктора в своем темном бунгало. Юноша отвесил поклон, учтиво показал на кресло и сразу начал говорить тем же странным сиплым шепотом (который не преминул тотчас объяснить):

– Из-за проклятого речного воздуха меня одолела чахотка, потому и хриплю, вы уж не обессудьте. Смеею предположить, вас направил сюда мой батюшка. Надеюсь, вы не сообщите ему ничего, что может лишить его покоя.

Уиллет внимательно прислушивался к хриплому голосу – и еще внимательней вглядывался в лицо говорившего. Что-то было неладно, и доктору невольно вспомнился рассказ Уорда-старшего о старике-дворецком, которого внезапно одолел неизъяснимый страх. В комнате было темно, однако Уиллет не стал настаивать на том, чтобы раздернули шторы. Он только спросил, почему Чарлз нарушил свое обещание, данное в письме чуть больше недели назад.

– Я как раз подошел к сему вопросу, – ответил хозяин дома. – Вы должны понимать, что нервы мои оказались в весьма плачевном состоянии, и я часто говорю или делаю то, что не в силах потом объяснить. Как вы многожды слышали, я стою на пороге великих открытий – их величие порой кружит мне голову и мутит рассудок. На моем месте испугался бы любой человек, однако я не из тех, кто малодушничает долго. Я окружил себя стражами и заперся дома по глупости, а на самом деле мое место – здесь. Любопытные соседи распускают обо мне скверные слухи, и я по душевной слабости едва сам в них не поверил. Однако же в моих делах нет ни капли злого умысла, и, если точно соблюдать процедуру, окружающие не могут пострадать от моих исследований. Умоляю вас потерпеть еще полгода, и я сполна вознагражу вас за ожидание!

Да будет вам также известно, что я изобрел способ узнавать подробности давно минувших дел – способ куда более верный, нежели чтение книг. Рассудите сами, какой неоценимый вклад я могу внести в историю и философию – просто открывая двери, к коим я подобрал ключ. Всем этим владел и мой предок, но неразумные соглядатаи вломились в его дом и убили его. Мне удалось восстановить знания предка – точнее, малую их толику. На сей раз ничто не должно мне помешать, и уж точно я не позволю собственным глупым страхам взять надо мной верх. Заклинаю вас: забудьте все, о чем я вам писал, доктор! И прекратите страшиться этого места, я не творю здесь ничего дурного. Доктор Аллен – прекрасный и умнейший человек, я многим ему обязан и приношу глубочайшие извинения за низкие слова, каковые я осмелился произнести в его адрес. Мне жаль было его отпускать, но у нас возникли важные дела в ином месте. Его научный пыл и рвение равны моим, и посему, должно быть, испугавшись своих открытий, я испугался и своего главного помощника.

Уорд умолк, и доктор Уиллет тоже растерянно молчал, не зная что сказать или предпринять. Он почувствовал себя едва ли не дураком, услышав столь спокойный отказ Уорда от собственных слов. Однако его сильно покорибил тот факт, что в странной, нездоровой речи

этого человека совершенно не узнать было того Чарлза Уорда, которого доктор знал с самого рождения. Уиллет попытался заговорить с ним о давних семейных событиях и таким образом настроить его на прежний лад; однако труды эти принесли самые неожиданные и необъяснимые плоды (позже с тем же столкнулись и остальные психиатры). Из памяти Чарлза Уорда будто бы стерлись огромные фрагменты, имеющие отношение к его личной жизни и современности, в то время как юношеское увлечение стариной вдруг вышло на поверхность, поглотив все остальное. Знания юноши о делах давно минувших дней были ненормальны и внушали ужас, поэтому он всячески пытался их скрыть. Когда Уиллет упоминал какой-нибудь старинный предмет, любимый Чарлзом с детства, юноша вдруг проливал такой яркий свет на его историю, что доктор невольно содрогался: ни один смертный не мог обладать столь точными сведениями.

Например, откуда ему знать, как 11 февраля 1762 года (в том году это был четверг) на спектакле в Актерской академии мистера Дугласа толстый шериф нагнулся что-то поднять и обронил собственный парик; или как актеры настолько бездарно искромсали текст «Искренних любовников» Стила, что горожане почти обрадовались, когда двумя неделями позже легислатура закрыла театр? Допустим, в каких-нибудь письмах вполне могли сохраниться сведения о том, какими «чертовски неудобными» были пассажирские вагоны в бостонском поезде Томаса Сабина, но кто и откуда мог знать, что скрип новой вывески Епенета Олни (аляповатая корона, которую он повесил над дверью после переименования своей таверны в «Королевскую кофейню») звучал в точности так же, как первые ноты новой джазовой мелодии, звучавшей в ту пору из всех радиоприемников Потакета?

Однако допрашивать Уорда в таком ключе удалось недолго. От вопросов о современном и личном он отмахивался, но и к рассказам о далеком прошлом быстро утратил всякий интерес. Очевидно было, что ему просто хочется поскорей ответить на все расспросы гостя, дабы впредь у него не возникло желания вернуться. С этой целью он даже предложил Уиллету осмотреть дом и лично показал доктору все комнаты от чердака до подвала. Уиллет внимательно смотрел по сторонам и отметил, что книг, лежавших на виду, было слишком мало, чтобы заполнить пустоты в домашней библиотеке Чарлза, а так называемая «лаборатория» – всего-навсего жалкий муляж. Не подлежало сомнению, что настоящие библиотека и лаборатория располагались в другом месте, но где – определить было нельзя. Потерпев полное поражение в своих поисках неизвестно чего, Уиллет вернулся в город еще до наступления сумерек и подробно рассказал об увиденном Уорду-старшему. Оба считали, что юноша явно помутился рассудком, но крайних мер пока предпринимать не хотели. Миссис Уорд тоже решили не беспокоить: пусть лучше она не знает о болезни сына, пока та сама не проявится в его странных записках.

Мистер Уорд решил нанести Чарлзу личный визит – причем неожиданный. Доктор Уиллет отвез его в Потакет на своем автомобиле и остановился вдалеке от бунгало, где его бы никто не заметил. Встреча затянулась, а когда мистер Уорд наконец вернулся к машине, вид у него был в высшей степени расстроенный и озадаченный. Его приняли примерно так же, как и Уиллета, вот только Чарлз очень долго не выходил к отцу, когда тот силой ворвался в дом и выпроводил слугу-португальца, а в поведении изменившегося юноши не было ни капли сыновней любви. Свет в комнатах горел очень тусклый, но Чарлз постоянно жаловался, что слепнет. Он говорил тихо, почти шепотом, ссылаясь на больное горло, однако в его хриплом голосе звучала какая-то недобрая и зловещая нотка, которую мистер Уорд никак не мог выкинуть из головы.

Решив объединить усилия и во что бы то ни стало вернуть Чарлзу душевное здоровье, мистер Уорд и доктор Уиллет принялись собирать информацию – их интересовало все, что могло иметь отношение к делу. Первым делом они изучили потакетские слухи: сделать это оказалось несложно, поскольку у обоих в деревне жили друзья. Большинство сплетен удалось

разузнать доктору Уиллету, поскольку люди разговаривали с ним охотней, нежели с его влиятельным другом. Из этих бесед стало ясно, что молодой Уорд вел весьма и весьма странный образ жизни. Молва приписывала ему прошлогодние случаи вампиризма, да и грузовики, то и дело подъезжающие к его дому среди ночи, давали плодородную почву для зловещих сплетен. Местные торговцы перешептывались о странных заказах, которые приносил им жуткий мулат, а в особенности об огромных количествах мяса и свежей крови, поставляемых в бунгало из двух ближайших мясных лавок. Ни при каких обстоятельствах три человека не могли съесть столько мяса.

И еще были звуки, которые раздавались из-под земли. Слухи о них не успели особо разползтись по Потакету, но все смутные намеки сводились к одному и тому же: ритуальные песнопения и наговоры звучали из-под земли по ночам, когда в самом бунгало свет не горел. Конечно, они могли доноситься и из подвала, который Уиллет видел своими глазами, но, по слухам, под землей действительно существовали глубокие ходы и пещеры. Вспомнив старинные легенды о катакомбах Джозефа Кервена и сообразив, что бунгало может стоять на месте его фермы (поэтому Чарлз и настоял на его покупке), Уиллет и мистер Уорд с большим вниманием отнеслись к этим слухам и много раз безуспешно искали дубовую дверь в крутом берегу, упомянутую в старинных рукописях. Что же касается обитателей бунгало, то очень скоро стало ясно, что мулата-португальца народ презирает, доктора Аллена боится, а юного молодого ученого недолюбливает. За последнюю неделю-две Уорд очень изменился, бросил любезничать с соседями и стал затворником, а в те редкие случаи, когда выбирался из дома, разговаривал каким-то сиплым и крайне неприятным шепотом.

Вот какие обрывки сведений удалось собрать мистеру Уорду и доктору Уиллету. Каждый слух они подолгу обсуждали, используя все возможности дедукции, индукции и конструктивного воображения, а также сопоставляя известные факты из жизни Чарлза (включая последнее отчаянное письмо доктору Уиллету) с единичными уцелевшими сведениями о Джозефе Кервене. Они бы много отдали, чтобы взглянуть на бумаги, обнаруженные Чарлзом в тайнике, ведь ключ к его безумию несомненно лежал в том, что юноша узнал о колдуне и его занятиях.

4

Однако вскоре история получила новое развитие, и в том вовсе не было заслуги мистера Уорда или доктора Уиллета. Отец и врач, потрясенные и озадаченные столкновением с неизвестным и непостижимым, на какое-то время опустили руки и ничего не предпринимали. Послания от Уорда приходили все реже и реже. А потом начался новый месяц – время для улаживания всевозможных финансовых формальностей, – и служащие многих банков вдруг стали удивленно пожимать плечами и перезваниваться. Чиновники, которые знали Чарлза лично, пошли к нему домой и спросили, отчего на всех его последних чеках стоят поддельные подписи. Молодой человек хрипло заверил их, что беспокоиться нечего: недавно его хватил удар, из-за которого у него почти отнялась рука, и писать он теперь не может. Ему настолько трудно выводить буквы, что даже письма родителям он набирает на машинке – они это, разумеется, подтвердят.

Однако чиновников поставило в тупик вовсе не это обстоятельство – вполне понятное и едва ли подозрительное – и даже не потакетские слухи, отголоски которых, разумеется, до них долетали. Более всего чиновников озадачил странный монолог Уорда, из которого стало ясно, что он начисто забыл о важных финансовых делах, начатых всего месяц или два назад. Что-то было неладно; говорил он вполне рассудительно и разумно, однако нормальный человек не стал бы с плохо скрываемым равнодушием говорить о столь важных делах. Больше того, хотя никто из этих людей не водил с Чарлзом близкого знакомства, они не могли не заметить удивительных перемен в его речи и манерах. Да, все знали о его увлечении стариной, однако

даже самые завзятые любители старины не используют устаревшие слова и жесты в повседневной жизни. А вкупе с хриплым голосом, парализованными руками и плохой памятью все это наталкивало на мысль о некоем серьезном расстройстве или заболевании, ставшем основой для многочисленных слухов. Городские чиновники решили провести серьезную беседу с мистером Уордом-старшим.

Итак, 6 марта 1928 года в кабинете мистера Уорда состоялся долгий и обстоятельный разговор, по окончании которого растерянный и беспомощный отец вызвал к себе доктора Уиллета. Доктор изучил неуклюжие подписи на чеках и сличил их мысленно с почерком в последнем письме Чарлза. Разумеется, перемена была разительной, однако что-то в этих буквах показалось Уиллету странно знакомым. Очертания букв выглядели ломаными, архаичными, да и наклон был незнакомый. Удивительно... где же Уиллет видел этот почерк? Впрочем, одно было ясно и не подлежало сомнению: Чарлз сошел с ума. А поскольку это угрожало и его финансовым делам – он не мог разумно распоряжаться своим имуществом и выходить в свет, – необходимо было как можно скорее предпринять какие-то меры для его лечения. Тогда-то отец и врач обратились за помощью психиатров – докторов Пэка и Уэйта из Провиденса и доктора Лаймана из Бостона, – которым они в мельчайших подробностях изложили дело. Наконец все пятеро собрались в заброшенной библиотеке фамильного особняка, чтобы изучить оставшиеся книги и бумаги и попытаться узнать из них что-то новое о душевном состоянии пациента. Ознакомившись с этими материалами и с последним письмом Чарлза доктору Уиллету, все единодушно согласились, что подобные исследования могли расстроить или хотя бы поколебать любой, даже самый крепкий рассудок. Работе психиатров очень бы помогли более личные записи и книги пациента, однако добыть их можно было лишь в самом бунгало. Уиллет взялся за дело с новым пылом: на сей раз ему удалось раздобыть показания рабочих, которые снимали и вешали портрет Кервена, а также восстановить уничтоженные газетные заметки.

В четверг, 8 марта, мистер Уорд и доктора Уиллет, Пэк, Уэйт и Лайман нанесли юноше роковой визит, не скрывая своих целей и с изрядной дотошностью допрашивая теперь уже признанного пациента. Чарлз – хотя вышел к гостям не скоро и все еще источал запах каких-то странных химикатов – ничуть не противился расспросам и спокойно признал, что память его и рассудок в последнее время значительно пострадали от тесного взаимодействия с трудными для понимания предметами и явлениями. Он не стал сопротивляться, когда ему сообщили о необходимости переезда в другое место, и, если не считать потери памяти, обнаружил весьма незаурядный ум. Такое поведение вполне могло сбить врачей с толку и убедить в нормальности пациента, если б не странная архаичная манера речи и очевидная подмена современных идей устаревшими – все это ясно свидетельствовало о психических отклонениях. О своей работе он рассказал докторам не больше, чем семье и Уиллету, а последнюю отчаянную мольбу о помощи списал на обыкновенное нервное расстройство и истерию. Чарлз также настаивал, что под его бунгало нет никакой тайной библиотеки или лаборатории, а на вопрос, почему от него пахнет химикатами, следов которых нигде не видно, ударился в заумные невразумительные объяснения. Соседские сплетни он назвал дешевыми домыслами любопытных невежд. О местонахождении своего бородатого коллеги в очках Чарлз распространяться не пожелал, однако заверил врачей и отца, что доктор Аллен вернется, как только в том возникнет необходимость. Выплачивая жалованье бесстрастному португальцу (который наотрез отказался отвечать на какие-либо вопросы) и запирая бунгало на ключ, Уорд-младший не выказывал ни малейших признаков волнения или тревоги; казалось только, что он все время прислушивается к каким-то едва уловимым звукам. Он отнесся к переезду спокойно и философски, словно это был пустяк, вынужденная несущественная заминка, которая совершенно не повредит его трудам, если уладить все быстро и без шума. Чарлз был абсолютно уверен, что острый незамутненный ум позволит ему без труда справиться со всеми недоразумениями, в которые он оказался втянут из-за своей плохой памяти, хриплого голоса, парализованной руки, затворничества и эксцентрич-

ных поступков. Миссис Уорд решили ничего не говорить, отец печатал ей письма от имени сына. Чарльза отвезли в тихую частную лечебницу на живописном острове Конаникут, в которой доктор Уэйт был главным врачом. Там его тщательнейшим образом опросили и осмотрели, в результате чего стало известно о странностях физиологического характера: замедленном обмене веществ, рыхлой коже и аритмичном дыхании и сердцебиении. Больше всего эти метаморфозы беспокоили доктора Уиллета, поскольку он наблюдал за здоровьем Уорда всю жизнь и мог оценить эти физиологические перемены во всей их чудовищной глубине. Даже родимое пятно на бедре юноши куда-то исчезло, зато на груди неизвестно откуда появилась большая черная родинка или шрам – Уиллет невольно задался вопросом, не может ли это быть колдовским клеймом, какие якобы наносят людям во время известных ночных встреч в глухих и безлюдных местах. Доктора не покидали мысли об архивных записях из Салемского зала суда, которые давным-давно показывал ему Чарльз: «...мистер Г. Б. в ту ночь поставил клеймо дьявола на Бриджит С., Джонатана А., Саймона О., Деливеренс У., Джозефа К., Сюзан П., Мехитабль К. и Дебору Б.». Лицо Чарльза Уорда также наводило на Уиллета ужас, но он не сразу понял, почему: над правым глазом молодого человека оказался маленький шрамик, точно такой же, как у Джозефа Кервена – вероятно, они в разное время и на определенной стадии своих оккультных «карьер» стали участниками одного и того же ритуала, в ходе которого им сделали некий укол или надрез.

Пока доктора гадали над всеми этими странностями, за всеми письмами Уорда, адресованными ему или доктору Аллену, велось тщательное наблюдение – последние мистер Уорд-старший приказал доставлять к себе домой. Уиллет считал, что вряд ли из писем получится узнать что-то важное, поскольку всеми существенными сведениями они наверняка обмениваются через курьера. Однако в конце марта из Праги доктору Аллену пришло письмо, заставившее глубоко задуматься и доктора Уиллета, и отца. Письмо было написано острым архаичным почерком, однако складно и гладко – английский явно был родным языком автора, – при этом современную речь он приправлял теми же устаревшими словами и выражениями, что и Уорд-младший.

«Кляйништрассе, 11

Старый город, Прага,

11 февраля 1928 года.

Брат мой в Альмонсине-Метратоне!

Сегодня только получил Ваше послание о том, что вышло из солей, кои я вам выслал. Произошла досадная ошибка: полагаю, надгробия переставили местами и Барнабас отправил мне не те экземпляры. Подобные недоразумения нередки в нашем деле, как Вы должны были уразуметь еще в 1769-м, когда получили экземпляр из королевской усыпальницы, и когда в 1690-м Х. едва не пал от рук полученного со старого кладбища экземпляра. 75 лет назад в Египте со мной случилось похожее происшествие: тогда-то и появился шрам, недавно замеченный мальчишкой у меня на лбу. Многакжды я заклинал Вас: не вызывайте к тому, что не сможете потом вернуть в небытие, будь то из солей или же из Потусторонних сфер. Слова для упокоения надобно во все времена держать наготове и без промедлений использовать их, стоит возникнуть хоть тени сомнения относительно того, кто явился на Ваш зов. Не забывайте, что девять надгробий из десяти перепутаны! Ни в чем нельзя быть уверенным, покуда лично не проведете допрос! Сегодня мне пришло письмо от Х., у коего возникли непредвиденные трудности с солдатами. Он жалеет, что Трансильвания отошла теперь Румынии, и с радостью сменил бы место жительства, не будь его замок полон сами знаете чего. Напоминаю, что с нетерпением жду Б. Ф. и zelo надеюсь, что Вы сумеете его для меня раздобыть. Высылаю Г. из Филады, можете вызвать его первым, но не мучьте чересчур, ибо я тоже имею намерение с ним поговорить.

*Йог-Сотот Неблод Зин,
Саймон О.*

*Мистеру Дж. К.,
Провиденс».*

Мистер Уорд и доктор Уиллет в полнейшем замешательстве замерли над письмом, автором которого совершенно точно был безумец. Далеко не сразу до них дошел истинный смысл послания. Выходит, именно пропавший доктор Аллен, а вовсе не Чарлз, был вдохновителем и двигателем исследований в Потакете? Тогда понятно, откуда взялось открытое осуждение и мольба уничтожить Аллена в последнем письме Чарлза. Но почему же бородача в очках называют «мистером Дж. К.»? Намек очевиден, однако всякому безумию должны быть пределы... Кто такой «Саймон О.» – старик, которого Уорд посещал в Праге четыре года назад? Вполне может быть, но ведь был и другой Саймон О. – Саймон Орн, он же Иедедия из Салема, пропавший без вести в 1771 году, чей необычный почерк доктор Уиллет видел на фотостатических копиях рукописных текстов, которые Чарлз ему показывал. Что за кошмары и тайны, что за противоречия и аномалии вернулись в старый Провиденс полтора века спустя, чтобы вновь потревожить город теснящихся шпилей и куполов?

Озадаченные врач и отец отправились в лечебницу и постарались как можно деликатней расспросить Чарлза о докторе Аллене, о поездке в Прагу и о том, что ему известно об Иедедии Орне из Салема. На все вопросы Чарлз отвечал вежливо, но уклончиво: мол, доктор Аллен обладает уникальным даром входить в духовную связь с некоторыми душами прошлого, и человек из Праги, с которым переписывается бородач, по-видимому, наделен тем же даром. Покинув Чарлза, доктор Уиллет и мистер Уорд с досадой осознали, что это их на самом деле подвергли допросу: ничего толком о себе не сообщив, юноша без труда вытянул из них сведения, содержащиеся в странном письме.

Доктор Уэйт, Пэк и Лайман были не склонны придавать большое значение этой переписке, поскольку знали о тенденции людей с одной манией сбиваться в группы. По-видимому, Чарлзу или доктору Аллену попросту удалось найти в Праге эмигрировавшего единомышленника – он наверняка видел почерк Орна и скопировал его в попытке выдать себя за восставшего из могилы персонажа. Аллен, должно быть, сделал то же самое и убедил Чарлза, что он – воскресший Джозеф Кервен. Такие случаи бывали и раньше, и на том же основании твердолобые доктора отмахнулись от тревожных опасений Уиллета касательно изменившегося почерка самого Чарлза Уорда (врачам удалось хитростью добыть несколько его образцов). Уиллет наконец понял, на что походил новый почерк Чарлза – то была рука самого покойного Джозефа Кервена. Данный факт остальные психиатры списали на очередной и вполне ожидаемый симптом вышеупомянутой мании – придавать ему какое-либо значение, положительное или отрицательное, они отказались. Убедившись в закоснелости их образа мыслей, доктор Уиллет посоветовал мистеру Уорду-старшему оставить у себя следующее письмо, адресованное Аллену и пришедшее из Ракуси, Трансильвания. Почерк, каковым написали адрес получателя на конверте, был настолько схож с почерком Хатчинсона, что отец и врач потрясенно замерли и несколько секунд разглядывали его, прежде чем вскрыть сургучную печать. Вот что там было написано:

*«Замок Ференци,
7 марта 1928 года.*

Дражайший К.!

Ко мне явился отряд милиции числом двадцать человек – проверять деревенские слухи. Надобно копать глубже, чтобы никто ничего не слышал. От румын один вред, они насели

на меня точно мухи, тогда как от мадьяров можно было откупиться хорошим ужином и бутылкой вина.

В прошлом месяце я получил саркофаг пяти сфинксов из Акрополя, где должен был покоиться тот, к кому я желал воззвать. Я провел с ним три беседы. В ближайшее время саркофаг отправится в Прагу к С. О., а затем и к Вам. Он упрям, но вы знаете подход к таким экземплярам.

Вы мудро поступаете, уменьшая их количество, ибо тогда нет нужды и держать ове щественными стражей, и в случае беды меньше будет найдено. Теперь Вы можете без труда переехать в другое место и работать там, не заботясь об убиении, – впрочем, надеюсь, в ближайшее время ничто не вынудит вас к таковому шагу.

Безмерно рад, что Вы боле не ведете торговли с Потусторонними, ибо в том таится смертельная опасность, и Вы знаете, что будет, если испросить защиты у того, кто не желает ее давать.

Вы превзошли меня в искусстве записывания заклинаний так, чтобы их могли правильно прочесть другие, однако Бореллий полагал, что главное – найти правильные слова. Часто ли использует их мальчишка? Жаль, что в нем проснулась излишняя добродетельность, хотя я догадался о таком развитии событий еще тогда, когда он гостил у меня. Полагаю, Вы знаете, как его унять. Заклинаниями человека не возьмешь, ибо они действуют лишь на тех, кто встает из солей, но в Вашем распоряжении есть крепкие руки, острый нож и револьвер. Могилу вырыть нетрудно, а кислота растворит любые улики.

О. говорит, Вы обещали добыть для него Б.Ф. Непременно вышлите его и мне. Вам же я отправляю Б., пусть он расскажет о черных тайнах, что сокрыты под Мемфисом. Будьте настороже с теми, к кому взываете, и берегитесь мальчишки.

Уже через год мы сможем поднять из-под земли легионы, и тогда нашей власти не будет границ. Верьте мне, ибо у нас с О. было на 150 лет больше Вашего, и мы лучше понимаем в таких делах.

Нефреу – Ка наи Хадот

Эдв. Х.

Господину Дж. Кервену,

Провиденс».

Уиллет и мистер Уорд не показали этого письма психиатрам, но ряд мер, безусловно, приняли. Никакая заумная софистика не могла спорить с тем фактом, что доктор Аллен со странной бородой и очками, которого так страшился Чарлз в своем письме, состоял в неких близких и зловещих отношениях с двумя загадочными личностями, которых Чарлз посетил во время своей зарубежной поездки и которые открыто утверждали, что являются выжившими либо воскресшими друзьями Кервена, а сам он, доктор Аллен, считает себя Джозефом Кервеном и строит – либо же помогает строить – ужасные козни в отношении некоего «мальчишки» – несомненно, Чарлза Уорда. Эти трое замыслили нечто кошмарное; неважно, кто все затеял, исполнение плана теперь зависело от доктора Аллена. Возблагодарив Господа за то, что Чарлз в безопасности, мистер Уорд не теряя времени нанял частных сыщиков и велел им узнать как можно больше о загадочном бородатом докторе: когда он прибыл в Потакет, что о нем известно в деревне и где он находится сейчас. Дав сыщикам ключи от бунгало, он наказал внимательно обыскать бывшую комнату Аллена, которую обнаружили уже после отъезда Чарлза. Мистер Уорд разговаривал с сыщиками в старой библиотеке сына: покинув ее, они почувствовали явственное облегчение, словно бы вся комната дышала злом. Быть может, виною тому были жуткие легенды о старом волшебнике, чей портрет некогда висел над искусственным камином, а может, что-то совсем иное и не имеющее касательства к нашей истории

нагнало на них страх; как бы то ни было, все они смутно ощущали едва уловимые испарения, которые стужались у старинной резной панели над камином.

V. Кошмар и катаклизм

1

Вскоре после этого случилось ужасное событие, которое оставило неизгладимую печать страха в душе Марина Бикнелла Уиллета и состарило этого и без того немолодого господина еще на добрый десяток лет.

Наконец-то доктору Уиллету и мистеру Уорду удалось договориться о ряде мер, которые психиатры сочли бы смешными и нелепыми. В мире, решили они, затевается нечто кошмарное, напрямую связанное с некромантией даже более древней, чем Салемская. По крайней мере двое человек – об одном из которых они боялись и думать – преступно завладели умами и душами людей, живших в конце XVII века или даже раньше – это противоречило всем известным законам природы, однако не подлежало сомнению. Чем именно занимались эти жуткие личности – включая Чарлза Уорда, – было более-менее ясно из их писем, а также из тех немногих обрывочных сведений, что удалось раздобыть следствию. Они раскапывали могилы разных людей, включая величайших и мудрейших представителей мира сего, в надежде добыть из тлена те знания, которыми эти люди некогда владели.

Они наладили между собой чудовищную и омерзительную торговлю: легко, точно мальчишки, обменивающиеся учебниками на уроках, они пересылали друг другу древние мощи. То, что они извлекали из векового праха, должно было наделять их такой несметной силой и мудростью, каковыми мироздание еще никогда не наделяло одного человека или же группу людей. Негодяи нашли некий богопротивный способ поддерживать жизнь своей души – в одном теле или же в разных телах – и явно преуспели в пробуждении мертвых душ, истлевшие тела которых им удавалось найти. По всей видимости, в словах старого Бореллия была доля правды: даже из самых древних останков можно приготовить «соли», которые помогут воскресить дух давно умершего существа. Существовало заклинание для оживления такого духа и для возвращения его обратно в небытие. Некроманты настолько отточили свое мастерство, что могли успешно обучать ему других. Однако воскрешать мертвых следовало с осторожностью: надписи на древних надгробиях не всегда соответствовали истине.

Уиллет и мистер Уорд делали все новые и новые открытия, каждое из которых заставляло их содрогнуться. Души или голоса людей можно было вызвать не только из могил, но и из самых далеких мест, и здесь следовало быть крайне осторожным. Джозеф Кервен, несомненно, осторожности не соблюдал и взывал к запретным душам, но что делал Чарлз? Какие «чудовищные силы» пробились к нему из глубины веков и заставили обратить взор на давно забытые знания? Очевидно, он следовал чьим-то подсказкам. Чарлз встречался со страшным стариком из Праги и долго прожил в горных владениях другой жуткой твари в Трансильвании. По-видимому, в конце концов ему удалось найти и могилу Джозефа Кервена. Об этом свидетельствует та газетная заметка и страшные ночные звуки в лаборатории, подслушанные матерью Уорда. А потом он воззвал к чему-то ужасному, и оно ответило на его зов. Тот могучий глас с неба, раздавшийся в Страстную пятницу, и разговоры на чердаке... кто мог говорить такими низкими и гулкими голосами? Не предвещали ли они прибытие кошмарного доктора Аллена с потусторонним басом? О да, не зря мистера Уорда охватил суеверный страх, когда он услышал голос этого человека – если то был человек – в телефонной трубке!

Что за дьявольское создание или дух, что за призрак мог явиться в ответ на тайные заклинания Чарлза Уорда? Тот подслушанный разговор... «три месяца нужна кровь»... Святый Боже! Уж не о вампиризме ли, охватившем город вскоре после этого, шла речь? Раскопанная могила Эзры Уидена и ночные крики в Потакете – чей коварный ум замыслил возмездие

и привел юношу в богопротивное логово, куда на протяжении полутора лет не ступала нога человека? Бунгало, бородатый незнакомец, сплетни, страх... Последних перемен в поведении Чарлза ни доктор, ни отец объяснить не могли, но они чувствовали: душа Джозефа Кервена вернулась в наш мир и снова творит зло. Неужели Чарлз одержим дьяволом, неужели такое действительно бывает? В любом случае Аллен имеет к этому непосредственное отношение, и спасение Чарлза во многом зависит от того, удастся ли сыщикам разузнать что-то о его местонахождении. А тем временем необходимо разыскать подземные катакомбы – в их существовании уже не сомневался ни доктор, ни мистер Уорд. Помня о скептическом настрое психиатров, они решили предпринять тайный и тщательнейший обыск бунгало и договорились встретиться у его ворот на следующее утро, прихватив с собой саквояжи и инструменты для археологических раскопок и подземных исследований.

Ясным утром 6 апреля, ровно в десять часов, оба исследователя явились к бунгало. Мистер Уорд открыл дверь своим ключом, они прошли внутрь и провели поверхностный осмотр комнат. По беспорядку в комнате доктора Аллена они поняли, что здесь уже побывали сыщики, но все-таки решили обыскать помещение еще раз – вдруг те что-нибудь упустили. Впрочем, куда больше их интересовал подвал, куда они незамедлительно спустились и вновь прошли по помещениям, которые однажды осматривали в присутствии юного безумца. Поначалу им показалось, что ничего нового они не найдут: стены и пол были столь ровными и прочными, что в голову не приходило даже мысли о возможном ходе или люке. Уиллет подумал, что строители бунгало не могли знать о лежащих под ним катакомбах. Следовательно, ведущий под землю ход должен быть прокопан относительно недавно, когда Чарлз и его помощники узнали о существовании древнего склепа.

Доктор попытался поставить себя на место Чарлза и понять, откуда тот мог начать раскопки. Увы, такой метод не принес плодов. Затем он решил действовать методом исключения и внимательно, стараясь не упускать ни дюйма, изучил все горизонтальные и вертикальные поверхности. Скоро круг его поисков значительно сузился, и в конце концов осталась лишь небольшая деревянная панель за корытами, которую он безрезультатно осматривал раньше. Уиллет стал давить на нее с разных сторон и в итоге, приложив двойное усилие, сдвинул ее в сторону. Под ней лежала ровная бетонная плита с железным люком посередине, к которому тут же кинулся взволнованный мистер Уорд. Крышку поднять оказалось совсем несложно, и мистер Уорд уже почти сдвинул ее, когда Уиллет заметил странную бледность его лица. Затем его спутник пошатнулся, замотал головой, и только тут доктор понял, что вызвало такую реакцию: из открывшейся черной ямы вырывался поток зловонного воздуха.

Доктор Уиллет не мешкая вывел своего спутника наверх и побрызгал ему в лицо холодной водой. Мистер Уорд слабо застонал и пришел в себя, однако видно было, как сильно его отравил едкий воздух из подземелья. Не желая испытывать судьбу, Уиллет поспешил на Брод-стрит, где поймал такси и отправил слабо протестующего мистера Уорда домой. Затем он вооружился электрическим фонариком, прикрыл рот и нос стерильной марлей и снова спустился в подвал. Ядовитая вонь немного рассеялась, и Уиллету удалось посветить фонариком в мрачную темницу. Примерно на десять футов вниз уходил круглый туннель с бетонными стенами и железной лестницей, после чего начинались древние каменные ступени – видимо, изначально они вели на поверхность земли немного к юго-западу от бунгало.

2

Уиллет без всякого стыда признается, что на мгновение ему стало страшно спускаться в зловонный туннель – слишком живы были в его памяти легенды о злом колдуне Кервене. Он не мог выбросить из головы мысли о том, что писал Люк Феннер про ту дьявольскую ночь. Но потом чувство долга взяло верх, и он устремился вперед, не забыв прихватить с собой большой

саквояж – на случай, если внизу обнаружатся какие-нибудь важные бумаги. Медленно, как и подобало человеку в его возрасте, он спускался по влажным скользким ступенькам. Фонарик выхватывал из темноты древнюю каменную кладку, мокрую и заросшую отвратительным вековым мхом. Все ниже и ниже уходили ступени – не спиралью, а тремя узкими крутыми пролетами, где с трудом разминутись бы два человека. Доктор Уиллет насчитал примерно тридцать ступенек, когда до него донесся едва слышный звук... и после этого у него отпала охота что-либо считать.

То был неземной звук, низкий и злобный, точно разгневанный рев Природы. Глухой вой, обреченный крик, безнадежный вопль неизбывной тоски и животной боли – никакими словами было не передать омерзительных и тошнотворных обертонов этого звука. Не к нему ли прислушивался Чарлз Уорд, покидая бунгало? Ничего подобного Уиллет никогда прежде не слышал. Звук словно бы висел в воздухе, не прекращаясь, а доктор тем временем добрался до конца лестницы и осветил фонариком высокие каменные стены, взмывающие к циклопическим сводам и пронзенные бесчисленными черными арками. Зал, в который попал Уиллет, был высотой примерно четырнадцать футов и шириной около десяти-двенадцати. Пол – большие щербатые плиты, на стенах и потолке – каменная кладка с облицовкой. Длину подземелья Уиллет представить не мог: оно уходило в черную бесконечность. В некоторых арках были старинные двери в колониальном стиле, другие зияли чернотой.

Преодолев ужас, вызванный ядовитым запахом и жутким воем, Уиллет начал по очереди заглядывать в арки: за ними были комнаты среднего размера и неизвестного назначения, со сводчатыми каменными потолками. В большинстве комнат имелись очаги с весьма затейливыми дымовыми трубами, инженерное устройство которых и сейчас могло бы послужить предметом для научных исследований. Всюду Уиллет замечал диковинные, опутанные паутиной и засыпанные вековым слоем пыли инструменты – или подобию инструментов. Некоторые из них серьезно пострадали во время налета полуторавековой давности, ко многим никто с тех пор не подходил (видимо, здесь Джозеф Кервен проводил свои первые исследования, давно утратившие актуальность). Наконец пошли комнаты с явно современным оборудованием – или, по крайней мере, недавно использовавшимся. Здесь были пробирки, примусы, книжные полки и столы, стулья и шкафчики, а также заваленный бумагами стол – все разных возрастов, антикварное и современное. Тут и там стояли подсвечники и керосиновые лампы, и Уиллет, найдя спичечный коробок, зажег сразу несколько.

В свете ламп стало окончательно ясно, что перед ним – кабинет или библиотека Чарлза Уорда. Многие книги доктор Уиллет видел и раньше, мебель тоже перекочевала сюда прямоком из особняка на Проспект-стрит. Доктор встретил много знакомых вещей, и от увиденного его охватило такое странное чувство, что он на минуту забыл о запахе и вое – и то и другое здесь ощущалось вдвое сильнее, нежели у подножия лестницы. Его первой задачей было найти и взять с собой как можно больше бумаг, имеющих отношение к делу; особенно те зловещие документы, что Чарлз обнаружил несколько лет назад в старом доме Кервена. Начав поиски, Уиллет понял, какой громадный труд ему предстоит: перед ним было несчетное число папок, забитых бумагами со странными надписями и значками. Чтобы расшифровать и понять все это, понадобятся месяцы, а то и годы. Уиллету попалось три толстых пачки писем с марками из Праги и Ракуси – почерк на конвертах принадлежал Хатчинсону и Орну. Их он тоже положил в грудку бумаг, которые намеревался забрать с собой в саквояже.

Наконец, в запертом шкафчике красного дерева, когда-то украшавшем кабинет Уорда, Уиллет обнаружил стопку старых писем Кервена – несколько лет назад Чарлз показывал их доктору. С тех пор юноша, по-видимому, хранил их вместе: Уиллет нашел все бумаги с заглавиями, которые называли ему рабочие. Однако писем, адресованных Орну и Хатчинсону, там не было, и зашифрованного листка с ключом тоже. Уиллет сунул находку в саквояж и продолжил осматривать папки. Поскольку на карте стояли здоровье и жизнь Уорда-младшего, первым

делом надлежало изучить недавние, самые свежие документы; таковых рукописей оказалось предостаточно, и, листая их, Уиллет отметил одну странность. Нормальный почерк Чарлза был лишь на бумагах двухмесячной давности, все остальное же – внушительные стопки формул и символов, исторических и философских замечаний – было написано острым архаичным почерком Джозефа Кервена, но датировано недавним временем. По всей видимости, Чарлз задался целью в точности имитировать почерк колдуна – и достиг в этом блестящих результатов. Но следов третьей руки – Аллена – доктор нигде не обнаружил. Если он в самом деле руководил исследованиями, видимо, юный Уорд исполнял роль его личного секретаря.

В этих свежих документах и записях часто повторялось заклинание – а точнее, два заклинания, – которое к концу обыска Уиллет запомнил наизусть. Оно представляло собой два параллельных столбца: левый был увенчан древним символом «Голова дракона», которым во всех старинных календарях обозначали восходящий узел, а над правым, соответственно, стоял знак «Хвост дракона» – узел нисходящий. Доктор почти подсознательно догадался, что второй столбик представляет собой тот же самый текст, записанный по слогам наоборот, за исключением последних односложных слов и странного имени «Йог-Сотот», которое Уиллет научился узнавать в самых разных написаниях. Заклинание выглядело так (в точности так, неоднократно подчеркивал доктор), причем первые слова воскресили в его памяти какое-то странное полустертое воспоминание – позднее Уиллет понял, что слышал их в рассказах миссис Уорд о событиях прошлой Страстной пятницы.

ЙА' НГ' НГАХ,
ЙОГ-СОТОТ
Х' ЕЕ-Л' ГЕБ
Ф' АЙ ТРОДОГ
УААХ

ГОДОРТ АЙ' Ф
БЕГ' Л-ЕЕ' Х
ЙОГ-СОТОТ
ХАНГ' ГН' АЙ
ЗХРО

Заклинание это повторялось так часто и было столь навязчиво, что доктор, сам того не замечая, стал шепотом его повторять. Наконец он решил, что на первое время собрал достаточно документов и больше копать в бумагах не будет, а в следующий раз постарается привести с собой остальных врачей, и вместе они проведут более систематический обыск. Уиллету еще предстояло найти потайную лабораторию: оставив саквояж в освещенном кабинете, он вновь вышел в темный зловонный коридор, своды которого оглашали отвратительные вопли.

Уиллет прошел мимо нескольких пустых комнат, заставленных ветхими ящиками и зловещими свинцовыми гробами. Размах кервеновских исследований потрясал: доктор невольно задумался о бесчисленных пропавших без вести матросах и рабах, о разрытых по всему миру могилах и о том, что предстало взорам налетчиков сто пятьдесят лет назад. Содрогнувшись, он решил не думать об этом и поспешил дальше: справа от него начиналась новая каменная лестница – должно быть, когда-то давно она вела к какой-нибудь внешней постройке на ферме Кервена (возможно, даже к загадочному каменному зданию с узкими щелями вместо окон), а лестница, по которой спустился сам Уиллет, шла из подвала фермерского дома с крутой крышей. Внезапно стены вокруг него раздвинулись, а смрад и вой стали еще сильнее. Уиллет понял, что очутился в большом открытом пространстве – настолько огромном, что луч фонарика не доставал до противоположной стены, а лишь выхватывал из темноты массивные колонны.

Через какое-то время доктор Уиллет подошел к месту, где колонны образовывали круг наподобие Стоунхенджа. В центре на трех ступеньках возвышался большой резной алтарь. Затейливая резьба привлекла внимание Уиллета, и он подошел к алтарю с фонариком. Едва увидев сами изображения, он с содроганием отшатнулся и не стал осматривать засохшие темные пятна и потеки на верхней плите. Вместо этого он нашел противоположную стену зала и пошел вдоль нее. Она описывала громадный круг: местами Уиллету встречались черные дверные проемы, а между ними тянулись врезанные в каменную кладку решетки, на которых висели ручные и ножные кандалы. Сами камеры были пусты, однако ужасная вонь и зловещие стоны не пропали – напротив, они стали еще сильнее и временами перемежались каким-то влажным стуком.

3

Теперь все внимание Уиллета было приковано к этим звукам и вони. В большом зале с колоннадой они были сильнее, чем где бы то ни было, и раздавались словно бы снизу – это ощущение не покидало доктора даже в крошечной тьме подземного мира. Прежде чем попробовать спуститься в одну из черных арок, Уиллет посветил фонариком на каменный пол. Плиты лежали неплотно и местами были беспорядочно испещрены небольшими отверстиями. Неподалеку кто-то беспечно бросил лестницу, и от нее, как ни странно, исходила особенно резкая вонь – та же самая, которой пропиталось все вокруг. Медленно обходя ее по кругу, Уиллет вдруг заметил, что запах и вой особенно сильны над продырявленными плитами – словно это примитивные люки, ведущие к новым ужасам. Опустившись на колени рядом с одной из них, доктор надавил на нее руками и обнаружил, что она сдвигается – хоть и с огромным трудом. Когда Уиллет с замиранием сердца отодвинул тяжелую плиту, стоны из-под земли стали еще громче, в нос ударил невыносимый смрад, и голова у доктора закружилась. Тем не менее он отпустил плиту и посветил фонариком в открывшийся черный мрак.

Если он рассчитывал обнаружить внизу лестницу, ведущую к жутчайшему из кошмаров, то его ждало разочарование. Среди зловония и надтреснутого воя Уиллет различил лишь кирпичную кладку цилиндрической шахты диаметром около ярда с половиной. Ни ступенек, ни даже веревочной лестницы вниз не вело, а когда в колодец упал луч света, вой вдруг сменился несколькими омерзительными воплями, которые сопровождались звуками скребущих вслепую когтей и влажными ударами. Доктор задрожал, не желая даже думать о том, кто может скрываться в зловонной бездне, но потом все-таки набрался храбрости, лег на пол и свесил вниз руку с фонариком. Секунду или две Уиллет не видел ничего кроме склизких замшелых стенок колодца, уходящих в бесконечную тьму, полную смрада и яростных воплей, но потом различил какое-то темное существо, неуклюже скачущее по дну узкой шахты (глубиной она была около двадцати или двадцати пяти футов). Фонарик задрожал в руке доктора, однако он нашел в себе силы вновь посмотреть вниз и хорошенько разглядеть существо, заточенное в вечной тьме этого жуткого подземелья. Уорд бросил его умирать с голоду – его и множество других тварей, запертых в таких же колодцах, что испещряли пол огромной сводчатой пещеры. Кем бы ни были эти существа, лежать спокойно в узких шахтах они не могли: все долгие недели в отсутствие хозяина они прыгали по стенкам, выли и ждали его возвращения.

В следующий миг Марин Бикнелл Уиллет пожалел, что снова посмотрел на дно шахты. Опытный хирург и ветеран анатомических театров, он оказался не готов к зрелищу, которое навсегда лишило покоя его разум. Трудно объяснить, как единственный взгляд на некий объект средних размеров может вызвать у взрослого человека такой ужас; скажем только, что порой определенные очертания и формы будят в нас такие ассоциации и переживания, которые глубоко потрясают наш впечатлительный разум одними намеками на космический ужас и неведомую реальность, что кроется за понятным и уютным пологом наших иллюзий. Уиллет выронил

фонарик – его рука вдруг ослабла и перестала слушаться – и от страха едва услышал жуткий хруст, донесшийся из колодца, когда фонарик достиг его дна. Доктор кричал, кричал и кричал – этот панический фальцет не узнал бы даже его самый близкий друг; подняться на ноги Уиллет не мог, но в ужасе откатился от края колодца и пополз прочь от влажных плит, таящих под собой десятки тартаровых шахт, из которых в ответ на его безумные крики раздавался страшный изможденный вой. Он сдирает кожу на руках о грубые плиты, множество раз ударялся головой о частые колонны, но полз дальше. Наконец, окруженный крошечной тьмой и зловонием, Уиллет медленно пришел в себя и заткнул уши, чтобы не слышать монотонного воя, сменившего яростные вопли. Доктор промок до нитки, потерял единственный источник света и дрожал от ужаса, который потряс его до глубины души и наложил вечную печать страха на его память. Под ним все еще прыгали и извивались десятки омерзительных тварей, а плита над одной из шахт теперь была сдвинута. Он знал, что тварь не сможет выбраться из колодца по скользким стенкам, однако при мысли о малейшем выступе в стене невольно содрогался.

Что это была за тварь, Уиллет так и не понял. Она отдаленно напоминала резные изображения на алтаре, но была живой. Природа не могла создать такое существо, ибо оно выглядело до странности незаконченным, собранным из столь безобразных и увечных частей, что они не поддавались описанию. Уиллет потом предположил, что Уорд мог создать таких тварей из неправильно приготовленных «солей» и оставить в живых для ритуальных целей – о том, что они именно для этого и нужны, свидетельствовала резьба на проклятом алтаре. Впрочем, там были изображены чудовища и пострашнее, но другие шахты Уиллет открывать не стал. В те минуты первой связной мыслью, пришедшей ему на ум, была давно прочитанная фраза из старинных документов Кервена (Саймон или Иедедия Орн писал об этом умершему колдуну):

«Лишь толику надобного собрал Х., и из оной толики поднялось живое воплощение ужаса».

Затем, скорее дополняя, нежели замещая страшную картину, в голове Уиллета всплыли старинные байки о жуткой подпаленной твари, найденной в полях через неделю после налета на ферму Кервена. Чарлз Уорд однажды рассказал доктору, что говорил о той твари старик Слокум: останки были явно не человеческими, но и подобных зверей никто из жителей Потакета никогда не видел.

Слова эти эхом отдавались теперь в голове доктора, пока он раскачивался туда-сюда, сидя на каменном полу подземелья. Он пытался прогнать их и стал повторять «Отче наш», затем, сам того не замечая, начал твердить тарабарщину в духе модернистской «Бесплодной земли» мистера Т.С. Элиота, а потом и вовсе перешел на часто повторяющееся в бумагах Уорда двойное заклинание «Йа'нг'нгах, Йог-Сотот...» и так далее.

Это немного успокоило Уиллета, и он сумел подняться на ноги, оплакивая потерянный фонарик и дико озираясь по сторонам в поисках хоть малейшего проблеска света в чернильной, холодной и липкой темноте. Он понимал, что ничего не получится, но все же как мог напрягал зрение – где-то во мраке осталась ярко освещенная библиотека Уорда. Через какое-то время Уиллету показалось, что далеко-далеко впереди показался слабый намек на свет, и он с мучительной осторожностью пополз в ту сторону, постоянно ощупывая пол перед собой, чтобы не врезаться головой в колонну или не свалиться в открытую им же самим яму.

Один раз его дрожащие пальцы наткнулись на твердую преграду – ощутив ее, Уиллет понял, что это ступеньки, ведущие к дьявольскому алтарю. Он в ужасе отпрянул. В другой раз ему попала сдвинутая каменная плита, и тогда он пополз вперед с почти болезненной осторожностью. Впрочем, дыра ему так и не встретилась, и никаких звуков оттуда он не услышал (по-видимому, сожрав фонарик, чудовище погибло). Всякий раз, нащупывая пальцами отверстия в полу, Уиллет содрогался. Когда он проползал над очередным колодцем, снизу раздава-

лись громкие стоны, но обычно его бесшумные движения никого не тревожили. Несколько раз доктору казалось, что свет впереди слабеет – видимо, зажженные свечи и лампы одна за другой гасли. Мысль о том, чтобы остаться одному в крошечной тьме подземного лабиринта, заставила его вскочить на ноги и побежать вперед: теперь он мог не бояться упасть в колодец, ведь тот остался позади, а вот если потухнет свет в библиотеке, единственной надеждой на спасение будет поисковая группа, которую мистер Уорд отправит в подземелье еще не скоро. Вскоре Уиллет вбежал из просторного зала в узкий коридор и теперь явственно увидел впереди свет. Уже через несколько секунд он переступил порог и вновь очутился в библиотеке Уорда, дрожа от облегчения и глядя на искрящийся фитилек последней горящей лампы, которая вывела его из черного лабиринта.

4

В следующую секунду он принялся торопливо подливать в потухшие лампы керосин из канистры, которую заметил еще прежде. Вновь ярко осветив помещение, он осмотрелся по сторонам в поисках надежного фонаря для дальнейшего обхода подземелья. Хотя его и обуял ужас, желание докопаться до истины, кроющейся за странным безумием Чарлза Уорда, его не покинуло, и ради этого он не остановился бы ни перед чем. Не найдя фонаря, он взял самую маленькую лампу, карманы набил свечами и спичками да еще прихватил с собой галлон керосина – на случай, если все-таки сумеет отыскать потайную лабораторию за ужасным залом с алтарем и колодцами. Чтобы вновь пройти по этим плитам, ему придется собрать в кулак всю свою волю, но сделать это необходимо. К счастью, алтарь и сдвинутая плита были далеко от стены с камерами и черными арками, за которыми крылся новый объект его поисков.

Итак, Уиллет вернулся в большой смрадный зал с колоннами и закрытыми шахтами. Он нарочно отвел лампу подальше от алтаря, чтобы даже краем глаза не увидеть изображенных на нем адских тварей или черной отверстой ямы под сдвинутой плитой. Большая часть черных проемов вели в небольшие комнатки – либо пустые, либо отведенные под склады. В последних Уиллету попадались весьма странные вещи: одна комната, например, была завалена тюками ветхой и пропыленной одежды. Доктор с замиранием сердца отметил, что вся она сшита по моде прошлых веков. В другой комнате он обнаружил всевозможные предметы современного платья, как будто кто-то постепенно собирал гардероб для большого количества людей. Но больше всего Уиллету не понравились огромные медные баки, попадавшиеся ему время от времени, и зловещий налет на них. Они были страшнее даже свинцовых чаш странной формы, по краям и на дне которых запеклась столь отвратительная и зловонная корка, что ее запах можно было учуять сквозь невыносимый подземный смрад. Дойдя примерно до середины стены, опоясывающей круглый зал с колодцами, Уиллет наткнулся на второй коридор, очень похожий на тот, из которого он недавно вышел. В нем тоже было много дверей, и доктор принялся изучать помещения за ними. Осмотрев три небольшие комнаты и не найдя в них ничего примечательного, он попал в большие прямоугольные покои. По многочисленным сундукам и столам, горнам и современным инструментам, книгам, банкам и бутылкам Уиллет понял, что наконец-то нашел лабораторию Чарлза Уорда – и Джозефа Кервена, разумеется.

Доктор Уиллет зажег три лампы, в которых уже был керосин, и принялся с глубочайшим интересом осматривать комнату и ее содержимое, заметив по различным реагентам и химикатам на полках, что главным увлечением Уорда была некая область органической химии. В целом он не узнал почти ничего нового из этого набора научных инструментов и приспособлений, среди которых имелся и весьма жуткого вида секционный стол. На книжных полках нашлось ветхое старопечатное издание Бореллия, и здесь Уиллет с удивлением отметил, что Уорд подчеркнул в тексте ровно те же самые строки, что сто пятьдесят лет назад так взволновали почтенного господина Меррита, когда он попал в библиотеку на потакетской ферме. То

старинное издание, конечно, должно было сгнить вместе со всей остальной оккультной библиотекой во время налета на ферму Кервена. В стене лаборатории было еще три арки, куда доктор Уиллет не преминул заглянуть. Две вели в обыкновенные складские помещения, однако он решил внимательно их осмотреть, заметив груды сваленных друг на друга полуразрушенных гробов и с содроганием прочтя некоторые уцелевшие таблички. В этих комнатах тоже было много одежды и еще несколько новых, накрепко заколоченных ящиков, на которые Уиллет не стал тратить время. Наибольший интерес представляли фрагменты странного оборудования – видимо, то были инструменты самого Джозефа Кервена. Они изрядно пострадали от рук налетчиков, но даже по осколкам можно было определить, что это научный инвентарь георгианской эпохи.

Третий арочный проем вел в довольно обширную комнату, все стены которой были завешаны полками, а в центре стоял массивный стол с двумя лампами. Уиллет зажег эти лампы и в ярком свете принялся изучать содержимое полок. Верхние главным образом пустовали, а остальные были заставлены небольшими свинцовыми сосудами двух видов: одни высокие, без ручек, напоминающие греческие лекифы, а другие с единственной ручкой, формой похожие на пузатые арибалы. Все закрывались железными крышками и были исписаны странными мелкими символами. Вскоре доктор заметил, что сосуды четко классифицированы: лекифы выстроены вдоль одной стены (под деревянной табличкой с латинским словом «Custodes»), а арибалы вдоль противоположной, под надписью «Materia».

На каждом сосуде (кроме нескольких пустых на верхней полке) висел картонный ярлычок с номером – видимо, по этому номеру его можно было найти в каталоге. Уиллет решил непременно отыскать этот каталог, но сейчас его больше интересовала природа коллекции в целом, и потому он наугад открыл несколько лекифов и арибалов, желая получить общее представление об их содержимом. Внутри и тех и других хранилось небольшое количество одинакового вещества – мелкого, почти невесомого порошка различных бледных оттенков. Только цветами и различалось содержимое сосудов, но никакой закономерности в их расположении доктор Уиллет не нашел. Голубовато-серый порошок мог стоять по соседству с бело-розовым, а иногда в арибалах и лекифах, стоявших точно напротив друг друга, оказывалась пыль одного цвета. Самым характерным свойством порошка было то, что он совершенно не приставал к поверхностям, которых касался: доктор высыпал немного пыли на ладонь, а потом стряхнул обратно – рука осталась абсолютно чистой.

Деревянные таблички над полками также привели его в замешательство. И почему эти химикаты отделили от всех остальных, что стоят на полках в лаборатории? «Custodes», «Materia» – в переводе с латыни эти слова означали «стражи» и «материалы» соответственно. И тут доктора Уиллета осенило: ведь он уже встречал слово «стражи» в связи с этой жуткой историей! Да-да, в письме старика Эдвина Хатчинсона доктору Аллену была такая фраза: *«Вы мудро поступаете, уменьшая их количество, ибо тогда нет нужды и держать овеществленными стражей, и в случае беды меньше будет найдено»*. Что бы это значило? Но постойте, стражи упоминались и раньше... Когда Уорд еще охотно делился с доктором своими находками, он рассказал ему про дневник Елеазара Смита, где тот описывал слежку за домом Кервена. В этих страшных хрониках говорилось о загадочных допросах, подслушанных Смитом и Уиденом возле проклятого дома (еще до того, как Кервен полностью перенес свою деятельность под землю): пленников допрашивал сам колдун и некие «стражи». Их-то, согласно Хатчинсону, Аллен больше не держал «овеществленными». А если не овеществленными, то какими? Уж не в виде ли «солей», которые колдун и его приспешники готовили из всех останков, какие удавалось раздобыть?

Так вот что хранилось в лекифах! Чудовищные плоды колдовских ритуалов и практик, несчастные твари, которых с помощью черной магии заставляли служить коварному хозяину и истязать тех, кто не желал отвечать на вопросы! Уиллет содрогнулся при мысли о том, что за

порошок он держал сейчас в руках, и на секунду его обуяло непреодолимое желание сбежать из этой пещеры, заставленной молчаливыми, но, быть может, бодрствующими часовыми. И тут его посетила другая мысль – о мириадах сосудов с «материалами» на противоположной стене. Если в них покоятся не «стражи», то что? О, Господи! Уж не хранятся ли в этих арибалах останки величайших мыслителей всех веков, похищенные негодяями из склепов и могил, – чтобы в любую минуту явиться на зов безумцев, преследующих неизвестно какие цели? Цели, которые, если верить последнему отчаянному письму Чарлза Уорда, могут повлиять на судьбу «всей человеческой цивилизации, природы, а может, и Солнечной системы, целой Вселенной». И Марин Бикнелл Уиллет держал в ладонях этот прах!

Тут ему в глаза бросилась небольшая дверца в дальнем конце комнаты. Он взял себя в руки и изучил грубо вытесанную табличку над дверью: на ней был изображен символ, который наполнил Уиллета смутным суеверным ужасом. Один его приятель, сновидец и человек, склонный слишком часто размышлять о смерти, однажды нарисовал ему этот символ на бумаге и рассказал, что он значит в темном царстве снов. То был знак Кóта, который встречает сновидцев на входе в одинокую черную башню, – Уиллету совсем не понравилось то, что он узнал от Рэндольфа Картера о значении и могуществе этого знака. Однако секундой позже он начисто забыл о зловещем символе, поскольку его внимание привлек знакомый едкий запах – скорее химический, нежели животный, шедший явно из-за двери. Именно так пахло от Чарлза Уорда в день, когда его забрали в лечебницу. Значит, вот где его прервали врачи? Он оказался мудрее Джозефа Кервена и не стал сопротивляться. Уиллет, вознамерившись открыть все загадки и тайны этого жуткого подземелья, схватил лампу и храбро переступил порог. Его тут же окатило волной непостижимого ужаса, однако доктор не поддался дурным предчувствиям и суеверным страхам. Здесь не было ни единой живой души, а значит, никто не мог причинить ему вред – он должен во что бы то ни стало развеять удушливое облако безумия, окутавшее его пациента.

За дверью оказалась почти пустая комната средних размеров: в ней помещались стол со стулом и два диковинных устройства с зажимами и скрепами – в следующий миг Уиллет признал в них средневековые орудия пыток. Сбоку от двери стояла полка с жуткими хлыстами и кнутами, а над ними помещались плоские свинцовые чаши наподобие древнегреческих киликов. На столе Уиллет увидел мощную аргандову лампу, блокнот с карандашом и два закупоренных, брошенных в спешке лекифа. Уиллет зажег лампу и внимательно прочел заметки в блокноте, надеясь узнать, чем занимался Уорд, когда его прервали. Однако на страницах блокнота было лишь несколько не связанных друг с другом предложений, написанных каллиграфическим почерком Кервена и не проливающих никакого света на последние события:

«Б. не умер. Вошел в стену и сгинул под землей».

«Видел, как старик В. прочел заклинание «Саваоф» и познал тайное».

«Трижды вызывал Йог-Сотота и на следующий день преуспел».

«Ф. хотел стереть с лица земли всех, кто умеет взывать к Потусторонним».

В мощном свете аргандовой лампы доктор Уиллет увидел, что в стену напротив двери между двумя пыточными орудиями вбиты крючки, на которых висят бесформенные одеяния неприятного желтоватого цвета. Но куда интересней оказались две пустые каменные стены, сплошь покрытые грубо высеченными символами и заклинаниями. На влажном каменном полу тоже были следы резьбы, и, присмотревшись, Уиллет различил в центре огромную пентаграмму, а между нею и углами комнаты – четыре круга диаметром около трех с половиной футов. В одном из них, рядом с небрежно скинутым на пол желтоватым одеянием, стоял неглубокий килик – такой же, как на полках у входа, – а за пределами круга доктор увидел арибал с цифрой 118 на ярлычке. Он был открыт и оказался пустым, а вот килик – нет. В плоской чаше Уиллет с содроганием различил горстку сухого бледно-зеленого порошка, который не разлетелся по комнате лишь благодаря отсутствию сквозняков, – его явно насыпали сюда из кувшина. Доктор едва не упал от ужаса, когда малые подробности обстановки постепенно сложи-

лись перед его взором в цельную картину: кнуты, орудия пыток, пыль или «соль» из кувшина с «Материалами», два лекифа со «Стражами», одеяния, знаки на стенах, заметки в блокноте, подсказки из давних переписок и легенд, тысячи догадок и подозрений, мучивших друзей и родителей юного Чарлза Уорда – все это захлестнуло доктора мощной волной безотчетного ужаса.

И все же усилием воли он взял себя в руки и начал изучать заклинания, высеченные на стене. Потемневшие и покрытые слоем грязи буквы явно вырезали здесь еще в позапрошлом веке, а тексты могли показаться смутно знакомыми тем, кто внимательно читал материалы по делу Кервена или глубоко изучал историю магии. Одно заклинание доктор узнал сразу: то были слова, которые миссис Уорд подслушала в роковую Страстную пятницу и в которых ученые признали обращение к неведомым потусторонним богам. Записано оно было несколько иначе, нежели смогла по памяти записать миссис Уорд, но и не так, как гласили запретные магические писания Элифаса Леви, однако доктор Уиллет узнал слова «Саваоф», «Метратон», «Альмонсин», «Зариатнатмик», и его – человека, столько раз познавшего за последние несколько часов космический ужас, – насквозь пробил озноб.

Этот текст был высечен на левой от входа стене. На правой, столь же густо покрытой символами, Уиллет с удивлением и испугом встретил знакомое двойное заклинание, которое часто встречалось ему в тетрадах и рукописях Уорда. По сути это был тот же самый текст со знаками «Голова дракона» и «Хвост дракона» над двумя столбцами, однако написание существенно отличалось: Кервен словно бы по-разному записывал одни и те же звуки, создавая все более совершенное и могущественное заклинание. Доктор попытался сравнить высеченный на стене вариант и тот, что по-прежнему крутился у него в голове, – и понял, что это непростая задача. Заученные Уиллетом слова звучали как «Йа'нг'нгах, Йог-Сотот», а строки на стене начинались словами «Ай, энгэнга, Йогге-Сототта», что на его слух казалось серьезным нарушением стихотворного ритма.

Поскольку текст заклинания прочно засел у доктора в голове, это различие не давало ему покоя, и он принялся вслух проговаривать первое заклинание, стараясь соотнести звуки с высеченными в камне буквами. Странно и угрожающе звучали эти древние богохульные строки в темноте подземелья; тягучий монотонный напев будил воспоминания о древних колдовских наговорах – и о жутком нечеловеческом вое, что ритмично поднимался и опадал в темных смрадных сводах.

ЙА' НГ' НГАХ,
ЙОГ-СОТОТ
Х'ЕЕ-Л'ГЕБ
Ф'АЙ ТРОДОГ
УААХ!

Но что за холодный ветер поднялся в углу, как только отзвучала последняя строчка? Огонь в лампах тревожно задрожал, и в комнате сгустился такой мрак, что буквы на стенах стали почти неразличимыми. Откуда-то появился дым и знакомый резкий запах – только куда сильнее и ядовитее прежнего. Уиллет резко обернулся: из килика на полу, в котором лежал таинственный летучий порошок, валили клубы на удивление плотного черно-зеленого дыма или пара. Этот порошок... о, Господи! Его принесли сюда с полки «Материалы», что же с ним теперь происходит... и почему?! Уиллет прочел первую часть заклинания, «Голову дракона», восходящий узел... О, силы небесные, неужели...

Доктор отпрянул к стене, и в его голове закрутился бешеный вихрь воспоминаний обо всем, что он когда-либо слышал или видел по делу Джозефа Кервена и Чарлза Декстера Уорда. *«Многакжды я заклинал вас: не взывайте к тому, что не сможете потом вернуть в небытие...*

Слова для упокоения надобно во все времена держать наготове и без промедлений использовать их, стоит возникнуть хоть тени сомнения относительно того, кто явился на ваш зов... Я провел с ним три беседы...» Боже все милостивый, что за тень проступает в тающем дыме?!

5

Марин Бикнелл Уиллет даже не надеялся, что его истории поверит кто-нибудь кроме нескольких ближайших друзей, а посему поведал о случившемся только им. Лишь несколько людей за пределами этого узкого круга позднее услышали историю в пересказе: одни в ответ смеялись, другие с грустью замечали, что доктор стареет. Ему посоветовали взять долгий отпуск и больше не брать пациентов с душевными болезнями. Но мистер Уорд знает, что почтенный доктор говорил чистую правду. Разве не он собственными глазами видел омерзительный ход в подвале бунгало? Разве не отправил его Уиллет домой в одиннадцать часов того недоброго утра – приходить в себя после внезапно одолевшей немочи? Разве не названивал Уорд доктору весь вечер и все следующее утро, а потом лично отправился в бунгало, где и нашел друга в одной из спален – без сознания, но целого и невредимого? Уиллет тяжело дышал, а когда мистер Уорд влил ему в рот несколько капель бренди, медленно открыл глаза, содрогнулся и заорал: «Борода!.. О, эти глаза... Господи, кто ты?!» Весьма странный возглас, если учесть, что он адресовал его гладко выбритому голубоглазому джентльмену, которого знал с юных лет.

В ярком дневном свете бунгало выглядело точно так же, как минувшим утром. На одежде Уиллета не было особых следов беспорядка, если не считать нескольких пятен и протертых на коленях штанин. Лишь едва уловимый едкий запах напомнил мистеру Уорду о том дне, когда его сына забрали в лечебницу. Фонарика при докторе не оказалось, а вот саквояж был при нем – совершенно пустой, как и до спуска в подземелье. Не соизволив даже объясниться, Уиллет огромным усилием воли заставил себя подняться, прошел, шатаясь, в подвал и ощупал заветную деревянную панель под корытами. Она не сдвинулась с места. Тогда доктор шагнул к сумке с инструментами, взял оттуда зубило и принялся по одной выламывать упрямые доски. Под ними оказался тот же бетон, но ни следа люка или зияющего черного отверстия, из-за которого вчера так поплохело мистеру Уорду; лишь гладкий твердый бетон – ни омерзительного колодца, ведущего в мир подземных ужасов, ни тайной библиотеки, ни бумаг Кервена, ни страшных ям, полных воя и смрада, ни полок с сосудами, ни высеченных в камне заклинаний... Ничего. Доктор Уиллет побледнел и схватил своего друга за плечо.

– Вчера... – тихо выдавил он. – Вы ведь тоже это видели? И запах... запах почувствовали?

Мистер Уорд, замороженный и напуганный, наконец нашел в себе силы кивнуть, и доктор Уиллет облегченно-потрясенно охнул.

– Тогда я все вам расскажу, – решительно сказал он.

Они нашли наверху самую солнечную комнату, сели в кресла, и доктор шепотом поведал мистеру Уорду свою страшную историю. Он не знал, с чем сравнить черную тень, возникающую из зеленоватого дыма, и был слишком изможден, чтобы спрашивать себя о ее природе. Оба славных джентльмена беспомощно и растерянно закачали головами, а потом мистер Уорд наконец выдал:

– Думаете, копать не имеет смысла?

Доктор промолчал, и едва ли другой человек на его месте смог бы что-то ответить, увидев явные следы присутствия в нашем мире некой страшной и непостижимой силы. Тогда снова заговорил мистер Уорд:

– Но куда же оно пропало? Сначала принесло вас сюда, заделало дыру в подвале, а потом?..

И вновь Уиллет не нашелся с ответом.

Однако этим дело не закончилось. Сунув руку в карман, чтобы достать носовой платок, доктор Уиллет нащупал листок бумаги, которого раньше не было, и тут же – свечу и спички, взятые в подземной библиотеке. Листок был самый обыкновенный, вырванный из дешевого блокнота, а текст написан обычным графитовым карандашом – явно тем самым, что лежал рядом с блокнотом в подземелье. На небрежно сложенном листке не было никаких примет, относящих его к нашему миру или подземному, – разве что знакомый и едва уловимый едкий запах. Зато сам текст поражал воображение: слова были начертаны затейливой средневековой вязью, не на шутку озадачившей двух исследователей – впрочем, похожие значки и символы они явно где-то видели. Загадка письма придавала им решимости: они уверенно прошли к машине Уорда и попросили водителя отвезти их в какой-нибудь тихий ресторан, а затем – в библиотеку Джона Хэя на холме.

В библиотеке они без труда нашли нужные пособия по палеографии и просидели над ними до наступления темноты, когда под потолком загорелась величественная люстра. Наконец друзья обнаружили искомое: буквы действительно оказались не вымышленными, то был весьма распространенный в стародавние времена почерк, саксонский минискул восьмого или девятого века нашей эры – той дикой поры, когда под свежим лаком христианства колыхались древние языческие верования и ритуалы, а бледная английская луна порой становилась свидетелем странных дел, что вершились в римских развалинах Каерлеона, Хексема и у полуразрушенных башен Адрианова вала. Текст был написан на латинском языке того варварского века: «Corvinus necandus est. Cadaver aq(ua) forti dissolvendum, nec aliq(ui)d retinendum. Tace ut potes», что в грубом переводе звучало так: «Кервена надо убить. Тело без остатка растворить в азотной кислоте. Никому об этом не рассказывайте».

Уиллет и Уорд в немом потрясении взирали на листок бумаги. Они столкнулись с чем-то совершенно непостижимым, и запаса известных им чувств и эмоций не хватало, чтобы должным образом отреагировать на находку. У доктора вдобавок способность воспринимать новые поразительные сведения изрядно притупилась, и оба друга так и просидели в библиотеке до ее закрытия, не в силах что-либо предпринять. Потом они молча отправились в особняк Уорда на Проспект-стрит и до глубокой ночи вели бессмысленные беседы. Утром доктор Уиллет поспал, но домой так и не поехал. В воскресенье днем он по-прежнему был у Уорда, когда от сыщиков, нанятых искать доктора Аллена, поступил первый телефонный звонок.

Мистер Уорд, нервно мерявший шагами гостиную, лично поднял трубку: узнав, что сыщики почти готовы предоставить отчет о проделанной работе, он велел им приезжать на следующее утро. Они с Уиллетом обрадовались, что расследование хоть в чем-то продвинулось вперед: каково бы ни было происхождение загадочной записки, они уже поняли, что под «Кервеном» автор имел в виду бородача в очках. Чарлз боялся этого человека и в своем последнем письме просил растворить доктора Аллена в кислоте. Вдобавок таинственный доктор получал из Европы странные письма, адресованные «Кервену», – то есть он считал себя по меньшей мере воплощением злобного некроманта. А теперь из свежего и неизвестного источника пришло новое распоряжение: «Кервена» убить и без остатка растворить в азотной кислоте. Уж слишком очевидна была связь, да к тому же Аллен по совету Хатчинсона собирался убить юного Уорда. Конечно, письмо с этим советом так и не нашло адресата, но из текста было ясно, что Аллен уже строит козни относительно «добродетельного» юноши. Не подлежало сомнению, что доктора необходимо арестовать, и – если крайние меры принять невозможно – хотя бы заточить его в тюрьму, откуда он не сможет навредить Чарлзу.

В тот день, надеясь вопреки всем обстоятельствам получить хоть крупицу сведений от того единственного человека, который мог их предоставить, отец и врач отправились навестить юного Чарлза в лечебницу. Уиллет без обиняков рассказал ему о случившемся, обращая внимание, как бледнеет юноша при упоминании каждого нового открытия. Врач старался говорить как можно убедительней и не жалел своего актерского дарования, надеясь, что Чарлз хотя

бы поморщится от его рассказа о закрытых колодцах и неведомых чудовищах. Но тот и бровью не повел. Уиллет потрясенно умолк, а потом в его голосе зазвучал гнев: да разве можно обрекать несчастных тварей на голодную смерть! Какая бесчеловечность, какая жестокость! Однако Чарлз лишь язвительно усмехнулся: сообразив, что отрицать существование подземелья нет смысла, он открыл в происходящем что-то смешное для себя и хрипло расхохотался. В следующий миг он громко зашептал страшные слова, звучавшие еще страшней из-за надлома в его голосе:

– Фу ты черт, они и впрямь жрать горазды, вот только еда им не нужна! Говорите, месяц без пищи? Ха, сэр, да вы скромно взяли! Знаете, что приключилось со святошей Уипплом? Который собирался убить под землей все живое? Черти его раздери, этот болван чуть не оглох от Потустороннего гласа, потому и не услышал вой из колодцев! Он так и не узнал об их существовании! Эти проклятые твари воют там с тех пор, как сто пятьдесят семь лет назад жители Провиденса прикончили Кервена!

Больше Уиллет ничего от юноши не добился. В ужасе он продолжал свой рассказ, отчаянно надеясь, что все-таки сумеет нарушить непоколебимое спокойствие безумного собеседника. Заглядывая в его лицо, доктор не мог не дивиться переменам, что произошли с Чарлзом за последние месяцы. В самом деле, юноша навлек на себя космический ужас. Наконец, когда Уиллет упомянул комнату с высеченными на стене заклинаниями и зеленоватый порошок, Чарлз немного оживился. На его лице появилось недоуменное выражение, а когда доктор прочел ему текст записки из блокнота, юноша даже снизошел до короткого ответа: запись сделана давным-давно и ничего не значит для тех, кто хорошо знаком с историей магии. Затем он добавил: «Если б вы знали верные слова и возвратили к жизни то, что лежало на дне чаши, вы бы здесь не сидели. То был номер 118, и вас, полагаю, пробила бы дрожь, узнай вы, кто стоит под этим номером в моем каталоге. Сам я прежде его не оживлял, однако собирался – в тот самый день, когда меня забрали в лечебницу».

Тут Уиллет рассказал ему о прочтенном заклинании и черно-зеленом дыме, повалившем из килика. При этих словах лицо Чарлза исказила гримаса неподдельного ужаса. «Он явился, а вы по-прежнему живы?!» – эти слова Чарлз прохрипел страшным голосом, который будто бы рвался из сдерживающих его пут, чтобы погрузиться в гулкие бездны ужаса. Уиллет обрадовался и, решив, что правильно все понял, присовокупил к своему ответу предостережение из письма Орна: «Так то был номер 118, говорите? Не забывайте, что девять надгробий из десяти перепутаны! Ни в чем нельзя быть уверенным, куда лично не проведете допрос!» И тут, без всякого предупреждения, Уиллет вытащил из кармана карандашную записку и помахал ею перед глазами Чарлза. Более красноречивой реакции нельзя было и ждать: Чарлз Уорд немедленно лишился чувств.

Беседа эта, разумеется, проходила втайне от психиатров: они могли обвинить Уиллета и Уорда-старшего в том, что те поддерживают безумца в его заблуждениях. Никого не позвав на помощь, Уиллет и Уорд подхватили юношу и положили на диван. Очнувшись, пациент принялся бормотать что-то о словах, которые надо немедленно сообщить Орну и Хатчинсону. Когда он полностью пришел в себя, доктор Уиллет объяснил ему, что по меньшей мере один из этих людей – его злейший враг и желает ему смерти, ведь именно он посоветовал доктору Аллену его убить. Это утверждение не произвело на пациента никакого эффекта: он и без того выглядел перепуганным насмерть, загнанным в ловушку зверем. От дальнейшей беседы Чарлз наотрез отказался, и господа вскоре удалились – не забыв напоследок предостеречь его от любого общения с доктором Алленом. Тот в ответ злобно захихикал и сказал, что «сей господин никому теперь не сможет навредить, даже при великом своем желании». О том, что Чарлз станет вести переписку с двумя другими негодяями из Европы, можно было не беспокоиться: работники лечебницы читали все приходящие пациентам письма и ничего подозрительного не пропустили бы.

Однако история с Орном и Хатчинсоном – если эти ссыльные колдуны вообще существовали – все же получила весьма любопытное продолжение. Руководствуясь неким смутным предчувствием (вокруг творилось столько ужасов, что это было неудивительно), Уиллет заказал международному бюро газетных вырезок найти в пражской и трансильванской прессе все упоминания о недавних громких преступлениях и происшествиях; примерно через полгода среди многочисленных статей, которые Уиллет получал и исправно переводил, обнаружилось два весьма важных для следствия материала. В одной заметке говорилось о полном разрушении дома в старейшем квартале Праги и бесследном исчезновении старика по имени Джозеф Надек, который в этом доме проживал. Вторая заметка рассказывала о мощном взрыве, прогремевшем в трансильванских горах к востоку от Ракуси, в результате которого погибли все обитатели зловещего замка Ференци, о хозяине которого так плохо отзывались и крестьяне, и военные, что в конце концов его вызвали на допрос в Бухарест (куда бы он вскоре отправился, не положи взрыв конец его жизни и чрезвычайно долгой колдовской практике). Уиллет убежден, что человек, чья рука начертала ту предостерегающую записку, был способен и на куда более решительные меры. О Кервене предстояло позаботиться Уиллету, а вот о Хатчинсоне и Орне автор записки, судя по всему, позаботился сам. О том, какая судьба их постигла, доктор старался не думать.

6

На следующее утро доктор Уиллет поспешил в особняк Уордов, чтобы присутствовать при разговоре с сыщиками. Доктора Аллена – или Кервена, если верить негласной теории о реинкарнации, – необходимо было устранить любой ценой, и об этом своем намерении он поведал мистеру Уорду, пока они дожидались приезда сыщиков в гостиной на первом этаже – на второй и третий этажи дома теперь никто не поднимался из-за тяжелого тошнотворного духа, наполнившего комнаты. Старые слуги считали, что это проклятие сгинувшего кервеновского портрета.

В девять часов утра приехали сыщики и немедленно доложили Уорду и Уиллету все, что удалось выяснить. Увы, отыскать мулата Брава Тони Гомеса они не смогли, о местонахождении доктора Аллена также ничего не было известно. Зато они сумели выудить из пота-кетских жителей немало сведений и сплетен о молчаливом незнакомце. Он произвел на них весьма странное впечатление, а густая светлая борода и вовсе казалась им либо крашеной, либо накладной – подозрение подтвердилось, когда сыщики нашли в бунгало эту самую бороду и очки с затемненными стеклами. Его голос отличался жутким незабываемым тембром и глубиной (что подтвердил и мистер Уорд, разговаривавший с ним однажды по телефону), а глаза, хоть и скрытые темными стеклами, будто излучали угрозу. Один лавочник, которому Аллен оставлял заказ, говорил потом, что почерк у него очень странный, острый и ломаный; это подтвердилось карандашными записками, найденными в бунгало, смысл которых так и остался неясен. Поскольку доктор Аллен появился незадолго до первых вампирских нападений прошлым летом, большинство жителей считали, что настоящий вампир – именно он, а вовсе не Уорд-младший. Также сыщикам удалось расспросить городских чиновников, которые пришли в бунгало после той неприятной истории с ограблением грузовика. У них жуткого впечатления о докторе Аллене не сложилось, однако и они подумали, что хозяином в доме был он, а не Чарлз Уорд. Из-за тусклого освещения им не удалось как следует его рассмотреть, но они узнали бы его, если б увидели снова. Борода действительно выглядела странно, а возле правой брови, кажется, был небольшой шрамик. Что касается обыска, проведенного в комнате, сыщики не обнаружили ничего примечательного, кроме бороды, очков да нескольких карандашных записей – сделанных тем же острым ломаным почерком, что и старинные рукописи Кервена и многочисленные записи юного Уорда, обнаруженные в сгинувших катакомбах.

По мере того как сыщики докладывали о проделанной работе, доктора Уиллета и мистера Уорда отчего-то все сильнее охватывал глубокий, затаенный, космический ужас: оба вздрогнули, когда одна и та же безумная мысль одновременно пришла им в головы. Накладная борода и темные очки, одинаковый кервеновский почерк, один и тот же шрамик, как на портрете, чудовищно изменившийся юноша с таким же шрамом, низкий звучный голос по телефону, – разве не пришло все это на ум мистеру Уорду-старшему, когда сын впервые заговорил с ним жалким осипшим голосом? Кто-нибудь хоть раз видел Чарлза и Аллена вместе? Да, чиновники однажды видели, но потом?... Разве не после загадочного отъезда Аллена Чарлз потерял всякий страх и окончательно перебрался в бунгало? Кервен – Аллен – Уорд: в какой богопротивной и ужасной связи слились два века и три личности? Проклятое сходство Кервена и Чарлза – да еще всем казалось, что портрет не сводит пристального взгляда с юноши, когда тот ходит по комнате... Почему и Аллен, и Чарлз старательно копировали почерк Джозефа Кервена, даже когда никто за ними на наблюдал? И чудовищные занятия этих людей: страшное подzemелье, где доктор за ночь состарился на десять лет; чудовища, умирающие от голода в смрадных шахтах; заклинание, принесшее непостижимые результаты; таинственное послание древним минискулом в кармане Уиллета; бумаги, письма и постоянные упоминания надгробий и «солей» – куда же все это ведет? И вдруг мистер Уорд, стараясь не думать, зачем он это делает, протянул сыщикам фотокарточку – ее следовало показать потакетским торговцам. На фотографии был его злополучный сын, к лицу которого он пририсовал черные очки и заостренную бороду – точно такую, как нашли в комнате Аллена.

Два часа они с доктором Уиллетом ждали возвращения сыщиков в гнетущей атмосфере особняка, где медленно сгущался страх и зловонные испарения: они буквально спинами чувствовали, как с деревянной панели в библиотеке на них смотрит с исчезнувшего портрета Джозеф Кервен. Наконец сыщики вернулись. Да. Человек на фотографии с пририсованной бородой и очками весьма похож на доктора Аллена.

Мистер Уорд побледнел, а Уиллет отер носовым платком внезапно выступивший на лбу пот. Аллен – Уорд – Кервен... Какое чудовище вызвал юноша из бездны и что оно с ним сотворило? Что все-таки произошло? Кто этот Аллен, который хотел убить «добродетельного» Чарлза, и почему несчастный ученый в постскриптуме к последнему письму настойчиво призывал сжечь его тело в кислоте? Почему того же требовал автор карандашной записки, о происхождении которой никто не отваживался теперь и думать? В день, когда Уиллету пришло письмо, юноша вел себя очень странно: все утро тревожился и чего-то боялся, потом исчез и через какое-то время нагло прошествовал в дом мимо охранников. Но постойте... ведь потом, войдя в свой кабинет, он закричал страшным голосом. Что он там нашел? Или, скорее, что нашло его? Симулякр, бесцеремонно вошедший в дом, откуда прежде незаметно исчез, – быть может, то был ужасный фантом, вселившийся в тело юноши, который на самом деле никуда и не выходил? Разве дворецкий не вспоминал, что слышал наверху какие-то странные звуки?

Уиллет вызвал дворецкого и тихим голосом задал ему несколько вопросов. В тот день, рассказал старик, наверху творилась какая-то чертовщина: сначала кто-то вскрикнул, потом часто задышал и захрипел, как от удушья, а потом послышался грохот – или топот, или скрип, или все сразу – поди разбери. Мистер Уорд-младший спустился сам не свой и молча вышел из дома. Рассказывая все это, дворецкий то и дело вздрагивал и принимался к тяжелому духу, который иногда вырывался из открытых окон наверху. Весь особняк был проникнут ужасом и отчаянием; одних лишь деловитых сыщиков не посещали дурные мысли и предчувствия, но даже они ощущали, что здесь творится неладное. Доктор Уиллет лихорадочно осмысливал новые сведения и время от времени начинал бормотать что-то себе под нос, вновь и вновь прокручивая в голове новую, поистине ужасную цепь событий.

Наконец мистер Уорд дал понять, что разговор окончен, и все кроме него и доктора покинули комнату. Был только полдень, однако в особняке, словно бы населенном призраками,

уже сгустились ночные тени. Доктор начал серьезный разговор с хозяином дома: он убеждал его доверить основную часть дальнейшего расследования ему, Уиллету, поскольку в будущем они могут столкнуться с явлениями и фактами столь страшными, что их проще вынести другу семьи, нежели родителю. Доктор также попросил предоставить ему полную свободу действий: некоторое время он должен пробыть совершенно один в библиотеке наверху, где вокруг проклятой панели сгустилась такая жуткая аура, какой не было и год назад, когда портрет Джозефа Кервена еще не осыпался со стены и мерил присутствующих коварным вкрадчивым взглядом.

Мистеру Уорду, у которого голова шла кругом от урагана немыслимых подозрений и безумных догадок, оставалось только повиноваться. Полчаса спустя доктор Уиллет заперся в проклятой комнате со старинной деревянной панелью из дома в Олни-корте. Хозяин дома остался снаружи и тревожно прислушивался к шагам и шорохам внутри. Через некоторое время раздался скрип, словно отворилась тугая дверца стенного шкафа, потом кто-то вскрикнул, захрипел и поспешно захлопнул открытую дверцу. Тут же в замке загремел ключ, и в коридор вырвался напуганный и бледный Уиллет. Он потребовал принести дров для настоящего камина в южной стене библиотеки: в печь все не поместится, а от электрического камина и вовсе не будет толку. Заинтригованный мистер Уорд не смел задавать вопросов и только распорядился выполнить требования доктора. Через несколько минут слуга принес несколько толстых поленьев, с содроганием вошел в заколдованную библиотеку и положил дрова на подставку. Уиллет тем временем поднялся в пустующую лабораторию на чердаке и принес остатки оборудования, которое Чарлз забыл перевезти в бунгало. Инструменты лежали в закрытой корзине, и мистер Уорд так их и не увидел.

Потом доктор вновь заперся в библиотеке, и по клубам дыма из трубы стало ясно, что он развел огонь. Долго слышался шорох газет, затем вновь раздался странный скрип, а дальше – грохот, который никому из подслушивающих не понравился. За двумя сдавленными криками последовал невыразимо жуткий шелестящий свист, из трубы повалил очень темный и едкий дым, и все пожалели, что нет ветра, который бы унес подальше эти ядовитые удушливые пары. У мистера Уорда закружилась голова, и все слуги сбились в одну кучу, со страхом глядя на тяжелый черный дым, вываливающийся из трубы на крышу особняка. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем дым стал светлеть и таять, а за наглухо запертой дверью начали отскребать и подметать пол, расставлять по местам вещи. Наконец, хлопнув дверцей стенного шкафа, на пороге появился доктор Уиллет – печальный, изможденный и бледный, с той же закрытой корзиной в руках. Дверь он оставил открытой, и в проклятую комнату хлынул поток свежего воздуха, мешавшийся с новым запахом обеззараживающих средств. Старинная резная панель никуда не делась, но зловещая аура вокруг нее исчезла: теперь она величественно возвышалась над искусственным камином, точно никогда не носила на себе портрета Джозефа Кервена. Близилась ночь, однако ее тени уже не таили в себе страха – только легкую грусть. Доктор Уиллет никому и никогда не рассказывал о том, что случилось в библиотеке. На вопросительный взгляд мистера Уорда он ответил так: «Я не могу ответить на ваши вопросы, скажу лишь вот что: колдовство бывает разное. Я провел ритуал очищения, и отныне обитатели вашего дома будут спать спокойно».

7

«Очищение» это стоило Уиллету не меньше нервов и здоровья, чем ужасные странствия по сгинувшему подземелью. Сразу по возвращении домой доктор слег и не вставал с постели трое суток (впрочем, слуги потом шептались, будто в среду ночью он все-таки выходил из спальни, но очень тихо, чтобы никого не разбудить). К счастью, воображение у слуг не слишком богатое, иначе эта заметка из «Вечернего бюллетеня» могла бы стать причиной долгих пересудов:

Гробокопатели опять взяли за свое

Прошло десять месяцев с тех пор, как осквернили участок Уиденов на Северном кладбище, и минувшей ночью сторож Роберт Харт вновь заметил таинственного гробокопателя. Выглянув из окна около двух ночи, Харт увидел в северо-западной части кладбища бледное свечение карманного фонарика или керосиновой лампы. Открыв дверь, в свете ближайшего уличного фонаря он ясно различил силуэт мужчины с садовой лопатой. Сторож немедленно бросился в погоню, однако преступник успел выскочить за ворота и скрыться в темноте.

Как и первые гробокопатели, вчерашний нарушитель не успел нанести какого-либо урона. На участке Уордов полиция обнаружила следы поверхностных раскопок, но ни одна могила не была потревожена.

Харт не смог разглядеть преступника и заметил только, что это был невысокий человек с окладистой бородой. Сторож склоняется к мысли, что все три преступления связаны между собой. Полиция, однако, убеждена в обратном, поскольку во втором случае гробокопатели раскопали древнюю могилу и разрушили надгробие.

Первый подобный случай произошел около года назад в марте: тогда преступники явно пытались что-то закопать. Следствие считает, что это были контрабандисты. Третий случай имеет похожий характер. Полиция прилагает все усилия, чтобы изловить банду злоумышленников, ответственных за эти вопиющие преступления.

Весь четверг доктор Уиллет отдыхал: он словно бы восстанавливал силы после изнурительных трудов или, наоборот, готовился к чему-то. Вечером он написал письмо мистеру Уорду, которое пришло на следующее утро и надолго озадачило адресата. Мистер Уорд еще не вернулся к делам после того страшного понедельника и ритуала «очищения», однако письмо, хоть и могущее вселить отчаяние, странным образом его успокоило.

*«Барнс-стрит, 10.
Провиденс, Род-Айленд.
12 апреля 1928 года.*

Дорогой Теодор!

Прежде чем принимать дальнейшие меры, я чувствую себя обязанным кое-что Вам сказать. Мой следующий шаг раз и навсегда положит конец начатому нами расследованию (ибо, чуёт мое сердце, ни одной лопате никогда не добратся до тех чудовищных катакомб), но, боюсь, Вам не будет покоя, если я не заверю Вас со всей ответственностью, что принятые мною меры в самом деле окончательны.

Мы знакомы с раннего детства, и Вы должны поверить мне на слово: есть вещи, о которых лучше никому не знать. Я рекомендую Вам прекратить расследование по делу Чарлза и заклинаю не сообщать больше ничего его матери. Когда я приду к Вам завтра, Чарлз уже бежит из лечебницы. Это все, что Вам и остальным людям нужно знать. Он сошел с ума и бежал. Жене потом как можно мягче расскажете о его безумии, когда перестанете посылать записки от его имени. Советую Вам тоже поехать в Атлантик-сити и хорошенько отдохнуть. Господь свидетель, после такого потрясения Вам необходим отдых – как, впрочем, и мне. Сам я ближайшее время поеду на юг, чтобы успокоиться и собраться с силами.

Прошу Вас не задавать никаких вопросов, когда я приду. Возможно, что-то пойдет неладно, но в таком случае я обязательно Вас предупрежу. Заминок возникнуть не должно, и Вам ни о чем не нужно волноваться, Чарлз будет в полной безопасности. Он и сейчас в безопасности – ему гораздо спокойней, чем Вы можете себе представить. Не бойтесь и доктора Аллена, не ломайте себе голову раздумьями о том, кто он такой. Аллен остался в прошлом, как и портрет Джозефа Кервена. Когда я позвоню завтра в Вашу дверь, можете быть спокойны: этого человека больше не существует. Пусть Вас не тревожат мысли и об авторе той карандашной записки минискулом, он никогда не побеспокоит ни Вас, ни Ваших близких.

Однако Вы должны собраться с духом и приготовиться к удару (и приготовить к нему жену). Скажу Вам откровенно: побег Чарлза из лечебницы не означает, что однажды он снова будет с Вами. Примерно через год, если пожелаете, можете рассказать друзьям о его кончине – как это произошло, придумайте сами. Установите надгробие на Северном кладбище, в десяти футах к западу от могилы Вашего отца – именно там упокоился Ваш сын. Не бойтесь, что под могильной плитой будет лежать прах какого-то чудища или оборотня. Нет, это прах Вашего родного сына, плоти от плоти вашей – того Чарлза Декстера Уорда, которого Вы нянчили и воспитывали, настоящего Чарлза с родимым пятном на ноге, без черного клейма на груди и ямочки на лбу. Чарлза, который никому не сделал зла и жестоко заплатил за свою «добродетельность».

Ну, вот и все. Чарлз сбежит, а через год Вы можете установить надгробие на его могиле. Не спрашивайте меня ни о чем завтра и верьте: честь Вашей почтенной семьи осталась незапятнанной.

*Желаю смирения и твердости духа,
с глубочайшим уважением,
Марин Б. Уиллет».*

Итак, на следующее утро, в пятницу, 13 апреля 1928 года, Марин Бикнелл Уиллет вошел в палату Чарлза Декстера Уорда в частной лечебнице доктора Уэйта на острове Конаникут. Юноша не пытался уйти от встречи с доктором, однако пребывал в мрачном расположении духа и не желал вести с посетителем никаких разговоров. После того как доктор спустился в тайное подземелье и сделал там чудовищные открытия, между ним и пациентом установились весьма напряженные отношения, поэтому теперь, обменявшись формальными приветствиями, оба погрузились в неловкую тишину. Напряжение усугубилось, когда Уорд, по-видимому, прочел на застывшем лице доктора страшную цель, с каковой тот явился в лечебницу. Пациент пришел в ужас, когда понял, что перед ним уже не доброжелательный и заботливый семейный врач, а беспощадный и неустрашимый мститель.

Уорд побледнел и будто лишился дара речи. Тогда первым заговорил доктор:

– Нам открылись новые обстоятельства, и я должен предупредить вас, что час расплаты не за горами.

– Копнули глубже и вновь наткнулись на бедненьких голодающих питомцев? – ядовито осведомился Чарлз, решив до последнего морочить голову врачу своей бравадой.

– Отнюдь, – медленно ответил Уиллет. – На сей раз даже копать не пришлось. Мы наняли сыщиков, чтобы найти доктора Аллена, и те обнаружили в бунгало его бороду и очки.

– Великолепно! – крикнул встревоженный юноша и попытался уязвить собеседника побольней: – Держу пари, вам эти очки и борода пошли бы куда больше, чем нынешние.

– Да нет, они к лицу скорее вам, – последовал спокойный и пытливый ответ. – Оно и неудивительно, ведь вы были их настоящим хозяином.

На этих словах солнце будто бы зашло за тучу, хотя в комнате было по-прежнему светло. Тогда Уорд задал вопрос:

– И что же, за это я должен непременно поплатиться? Разве желание иметь два облика наказуемо?

– Нет, – мрачно ответил Уиллет, – снова мимо. Меня не касается, сколько обличий должен иметь человек, если он вообще имеет право на жизнь и не занял место того, кто вернул его из небытия.

Уорд содрогнулся.

– Не томите, сэр, что вы нашли и зачем сюда явились?

Доктор немного выждал время, словно подбирая самые верные и сокрушительные слова.

– Я кое-что обнаружил в стенном шкафу за старинной деревянной панелью, на которой раньше был написан портрет вашего предка. Находку я сжег, а прах закопал на том месте, где и должен упокоиться Чарлз Декстер Уорд.

Безумец охнул и вскочил с кресла.

– Проклятье! Кому еще вы сказали?.. Никто вам не поверит, ведь я прожил вместе с ним два месяца! Что вы задумали?!

Несмотря на скромный рост, Уиллет выглядел невозмутимо и величественно, точно судья. Он жестом велел пациенту успокоиться и сесть.

– Я никому ничего не сказал. Дело слишком необычное: ваше безумие родом из другого века, а с потусторонними ужасами, которые вы вызвали из космоса, не справились бы ни полиция, ни адвокаты, ни психиатры. Слава Богу, во мне еще осталась искорка воображения, и я сумел разгадать, что произошло на самом деле. Вам не обмануть меня, Джозеф Кервен, ибо я знаю, что ваша проклятая магия существует на самом деле!

Мне известно, как из глубины веков вы ткали колдовские чары, чтобы в один прекрасный день опутать ими своего несчастного двойника и потомка. Мне известно, как вы заманили его в прошлое и заставили поднять вас из могилы. Мне известно, как он прятал вас в лаборатории, пока вы знакомились с нашим миром, ночами пили людскую кровь, а потом стали выходить на улицу в очках и бороде, чтобы никто не увидел вашего с Чарлзом поразительного сходства. Мне известно, что вы вознамерились сделать, когда он запретил вам раскапывать могилы, и мне известно, как вы претворили в жизнь свой зловещий план.

Вы сняли бороду и очки, чтобы обмануть нанятых отцом Чарлза стражей. Они думали, что в дом вошел Чарлз – а потом вышел, когда вы его задушили и спрятали в шкафу. Только вот о различиях в образе мыслей и характере вы не подумали. Вы болван, Джозеф Кервен, если действительно решили, что одного внешнего сходства будет достаточно! Почему вы не подумали о голосе, манере речи, почерке? Ваш план в конечном счете рухнул. Вы лучше меня знаете, кто написал ту карандашную записку, но имейте в виду: она была написана не зря. Ваше зло необходимо раз и навсегда искоренить из этого мира, и автор тех строк уже позаботился о Хатчинсоне и Орне. Один из них писал вам: «Не вызывайте к тому, кого не сможете вернуть в небытие». Однажды вас уничтожили, и теперь вы снова падете – жертвой собственного колдовства. Кервен, поймите: игры с Природой не проходят даром, и созданное вами поднимется против вас.

Тут доктора прервал сдавленный крик стоявшего перед ним создания. Безоружный и беспомощный, Кервен понимал: стоит ему применить физическую силу, как на помощь доктору сбегутся санитары. Поэтому он прибегнул к единственному оставшемуся у него оружию и начал чертить в воздухе кабалистические символы, проговаривая низким звучным голосом, из которого исчезла поддельная хрипотца, первые строки ужасного заклинания:

– PER ADONAI ELOIM, ADONAI JEHOVA, ADONAI SABAOth, METRATON...

Но Уиллет не медлил. Хотя за окном уже поднялся оглушительный собачий вой, а с бухты вдруг подул холодный ветер, доктор решительным и ровным тоном начал читать подготовленные заранее слова. Око за око – колдовство за колдовство – и пусть судьба покажет, правильно ли он выучил урок бездны! Чистым ясным голосом Марин Бикнелл Уиллет прочел вторую

часть двойного заклинания, чьи первые строки – Голова дракона, восходящий узел, – вернули к жизни автора карандашной записки:

ГОДОРТ АЙ'Ф
БЕГ'Л-ЕЕ'Х
ЙОГ-СОТОТ
ХАНГ'ГН'АЙ
ЗХРО!

При первом же слове, сорвавшемся с губ Уиллета, его противник резко умолк. Лишившись дара речи, чудовище замахало руками, пока и их не сковали колдовские чары. Когда же прозвучало ужасное имя Йог-Сотота, с Кервеном начали происходить отвратительные метаморфозы: он не просто разваливался на части, а плавился в воздухе, и Уиллет закрыл глаза, чтобы не потерять сознания от ужаса.

Однако он сумел взять себя в руки и прочесть до конца нужное заклинание, навеки придав забвению обладателя порочных тайн и запретных знаний. Тайна Чарлза Декстера Уорда была разгадана. Открыв глаза, доктор Уиллет убедился, что не напрасно хранил в памяти проклятые слова: в кислоте уже не было нужды. Подобно портрету, осыпавшемуся со стены год назад, Джозеф Кервен лежал на полу тонким слоем голубовато-серой пыли.

Сны в Ведьмином доме

Перевод Светланы Лихачевой

Сны ли вызвали лихорадку или лихорадка послужила причиной снов, Уолтер Гилман не знал. На заднем плане затаился тягостный, неотвязный ужас пред древним городом и перед проклятой затхлой мансардой под самой крышей, где он писал, корпел над книгами и сражался с цифрами и формулами, когда не метался беспокойно на нищей железной кровати. Слух его сделался сверхъестественно, невыносимо чуток; Гилман давным-давно остановил дешевые каминные часы – их тиканье со временем зазвучало для него артиллерийской канонадой. Ночью еле различимые шорохи из непроглядной городской черноты снаружи, зловеший топот крыс в изъеденных червями перегородах и поскрипывание незримых балок векового дома складывались для него в адскую какофонию. Темнота неизменно наполнилась необъяснимыми звуками – и однако ж порою Гилман содрогался от страха при мысли о том, что эти шумы стихнут и тогда он, чего доброго, расслышит и другие – еще более слабые и неясные.

Гилман жил в неизменном, овеванном легендой Аркхеме, с его нагромождениями двускатных крыш, что нависают и проседают над чердаками – на этих чердаках в темные, былые дни Провинции от королевских стражников прятались ведьмы. Во всем городе не нашлось бы места, более пропитанного жуткими воспоминаниями, нежели приютившая Гилмана мансарда: ведь в этом самом доме и в этой самой комнате некогда ютилась старуха Кезия Мейсон, чей побег из Салемской тюрьмы так в итоге и остался загадкой. Было это в 1692 году: тюремщик тронулся умом и бессвязно бормотал что-то про мелкую мохнатую тварь с белыми клычками, что якобы шмыгнула из камеры Кезии, и даже сам Коттон Мэзер⁹ не смог истолковать смысл углов и кривых линий, намалеванных на серых каменных стенах какой-то красной липкой жидкостью.

Вероятно, Гилману не стоило так усердствовать в своих занятиях. От неевклидовой геометрии и квантовой физики у кого угодно ум за разум зайдет, а если еще сдобрить все это фольклористикой и пытаться выявить странную подоплеку многомерной реальности, что стоит за зловещими намеками готических повестей да нелепых пересудов у камелька, тут уж и впрямь добра не жди. Приехал Гилман из Хаверхилла, но лишь поступив в Аркхемский колледж, он стал пытаться увязать математику с фантастическими легендами о древней магии. Было в самом воздухе многовекового города что-то такое, что подспудно действовало на его воображение. Профессора Мискатоникского университета наперебой уговаривали его сбавить темп и сами, по доброй воле, несколько раз сокращали ему курс. Более того, Гилману запретили работать с сомнительными старинными книгами о недозволенных тайнах, что хранились под замком и под спудом в университетской библиотеке. Но все эти предосторожности запоздали: Гилман уже почерпнул недобрую подсказку-другую из кошмарного «Некрономикона» Абдула Альхазреда, фрагментарной «Книги Эйбона» и запрещенного труда «Unaussprechlichen Kulten», или «Неназываемые культы», фон Юнцта и соотнес эти подсказки со своими абстрактными формулами, описывающими свойства пространства, и взаимосвязанностью ведомых и неведомых измерений.

Гилман знал, что живет в старом Ведьмином доме – поэтому, собственно, он здесь комнату и снял. В округе Эссекс сохранилось немало документов по процессу Кезии Мейсон, и то,

⁹ Коттон Мэзер (Cotton Mather, 1663–1728) – американский ученый, биолог и медик, проповедник, писатель и памфлетист. Близко общался со многими из судей, участвовавших в процессе Салемских ведьм; в связи с процессом написал трактат о доказательной силе тех или иных свидетельств.

в чем она под давлением призналась суду, Гилмана несказанно завораживало. Старуха рассказала судье Готорну про линии и спирали, что могут выводить из уз пространства в иные пределы, и намекнула, что эти самые линии и спирали частенько использовались на полуночных сборищах в темной долине белого камня за Луговым холмом и на безлюдном речном островке. Упомянула она и о Черном Человеке, и о своей клятве, и о своем новом тайном имени Нахаб. А потом начертала эти узоры на стенах своей камеры – и исчезла.

Гилман свято верил всей небывальщине, что рассказывали о Кезии, и, узнав, что дом ее стоит и по сей день, спустя более 235 лет, ощутил некий странный трепет. Когда же он услышал боязливые аркхемские перешептывания о том, что Кезия, дескать, по-прежнему появляется в старом особняке и узких окрестных улочках, и о том, что на спящих в этом доме и в соседних домах обнаруживаются неровные отметины человеческих зубов, и о детских криках, что слышатся накануне первого мая и Дня Всех Святых, и о гнусном зловонии, что зачастую ощущается в мансарде старого дома сразу после этих страшных дат, и о мелкой, мохнатой, острозубой твари, что рыщет по прогнившему зданию и по городу и с любопытством обнюхивает людей в темные часы перед рассветом, – Гилман твердо решил поселиться именно тут, чего бы ему это не стоило. Снять комнату оказалось нетрудно, дом пользовался дурной славой, сдать его целиком не удавалось, так что его давно переоборудовали под дешевые «меблирашки». Гилман понятия не имел, что ожидал там обнаружить: просто знал, что хочет жить под той самой крышей, где волею обстоятельств убогая старуха семнадцатого века неожиданно-негаданно обрела понимание таких математических глубин, рядом с которыми ничего не стоили последние современные изыскания Планка, Гейзенберга, Эйнштейна и де Ситтера¹⁰.

Гилман внимательно изучил деревянные и оштукатуренные стены, ища следы загадочных знаков во всех доступных местах, где отклеились обои, и, не прошло и недели, как заполучил комнату в восточной части мансарды, где Кезия якобы творила свои заклинания. Комната с самого начала пустовала – никто так и не захотел задержаться в ней надолго, – но поляк-домовладелец со временем стал побаиваться сдавать ее кому бы то ни было. Однако ничего страшного с Гилманом не случилось, – во всяком случае, вплоть до прихода болезни. Призрак Кезии не порхал по мрачным коридорам и покоем, никакие мохнатые твари не прокрадывались в жуткое гнездо под самой крышей обнюхать жильца – однако ж и неустанные поиски не увенчались успехом: никаких записей о ведьминых заклинаниях Гилман так и не нашел. Порою он отправлялся на прогулку по сумеречным лабиринтам немощеных, пахнущих затхлостью улиц, где зловещие коричневые особняки невесть какого века кренились, шатались, насмешливо шурились мелкими переплетами узких оконцев. Гилман знал: некогда здесь происходило немало всего странного, а за внешней видимостью маячило смутное ощущение того, что, возможно, не все из этого чудовищного прошлого исчезло безвозвратно – чего доброго, прошлое это живо и по сей день на самых темных, самых узких и прихотливо извилистых улочках. Пару раз Гилман сплавал на веслах на речной островок с недоброй репутацией и зарисовал характерные угловатые линии, образованные мшистыми рядами стоячих камней неведомого и незапамятного происхождения.

Комната Гилману досталась просторная, зато до странности несимметричная; северная стена заметно покосилась внутрь по всей длине, а низкий потолок шел вниз, под уклон, в том же самом направлении. Если не считать явной крысиной норы и следов других таких же, заделанных, не было никакого доступа (и никаких следов того, что такой проход когда-либо существовал) к зазору, что, по-видимому, образовался между покосившейся внутренней стеной и ровной внешней стеною дома с северной стороны. Хотя, если посмотреть снаружи, можно было

¹⁰ Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (*Max Karl Ernst Ludwig Planck*, 1858–1947) – выдающийся немецкий физик, основатель квантовой теории. Вернер Карл Гейзенберг (*Werner Karl Heisenberg*, 1901–1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Виллем де Ситтер (*Willem de Sitter*, 1872–1934) – нидерландский математик, физик и астроном.

разглядеть, что здесь когда-то в незапамятные времена заколотили досками окно. К чердаку, с покатым, по всей видимости, полом, в этом месте доступа тоже не было. Когда же Гилман вскарабкался по приставной лестнице на затянутый паутиной чердак, там, где над остальной частью мансарды пол был ровным, он обнаружил следы бывшего отверстия, которое надежно, просто-таки намертво забили старыми досками с помощью крепких деревянных гвоздей, что были в ходу у плотников колониального периода. Однако ж Гилману так и не удалось убедить флегматичного домохозяина позволить ему исследовать какую-либо из этих заделанных пустот.

По мере того как шли дни, неровная стена и потолок все больше занимали Гилмана; он принялся вычитывать в странных углах математический смысл, что словно бы наводил на некие мысли об их предназначении. Старуха Кезия, размышлял он, конечно же, жила в комнате с необычной конфигурацией не просто так: не она ли уверяла, будто через определенные углы она перемещается за пределы ведомого нам мирового пространства? Но постепенно Гилман утратил интерес к неизведанным зазорам за наклонными поверхностями: теперь ему казалось, что назначение их следует искать на этой стороне, а не на той.

Первые признаки мозговой горячки и сны проявились в начале февраля. Какое-то время, по всей видимости, причудливые углы гилмановой комнаты оказывали на него странный, почти гипнотический эффект; с приближением промозглой зимы он ловил себя на том, что все пристальнее и пристальнее смотрит на угол, где скошенный вниз потолок сходиллся с накренившейся внутрь стеной. Примерно в то же время неспособность сосредоточиться на прежних научных занятиях изрядно его встревожила: экзамены середины года внушали ему самые серьезные опасения. Но обострившийся слух досаждал ему ничуть не меньше. Жизнь превратилась в непрекращающуюся, почти нестерпимую какофонию, которой сопутствовало неотвязное, пугающее ощущение иных звуков – возможно, откуда-то из областей за пределами жизни, – что подрагивали на самой грани слышимости. Что до звуков реальных, хуже всего были крысы в старых перегородках. Порою казалось, что скребутся они не столько украдкой, сколько нарочито. Когда это царапанье доносилось из-за наклонной северной стены, к нему примешивалось что-то вроде сухого дребезжания, а когда оно слышалось с вот уже целый век как заколоченного чердака над скошенным потолком, Гилман всегда собирался с духом, как если бы ожидал, что некий ужас, выжидающий своего часа, низвергнется вниз и поглотит его целиком.

Сны со всей определенностью выходили за рамки разумного; Гилман полагал, что они – не иначе как следствие его математических изысканий вкупе с фольклористикой. Слишком много размышлял он о смутных пределах, что, как подсказывали ему формулы, непременно таятся вне ведомых нам измерений, и о вероятности того, что старая Кезия Мейсон – направляемая некой непостижной силой – в самом деле отыскала врата в эти пределы. Пожелтевшие бумаги из окружных архивов с показаниями Кезии и ее обвинителей соблазнительно намекали на то, что человеческому опыту неподвластно, – а описания юркого мохнатого существа, ее фамильяра, были пугающе реалистичны, невзирая на все неправдоподобные детали.

Это существо размером с хорошую крысу горожане затейливо окрестили «Бурым Дженкином»; по-видимому, то был результат прелюбопытного случая симпатической массовой галлюцинации, ведь в 1692 году целых одиннадцать человек подтвердили, что своими глазами видели это существо. Да и недавние слухи поразительно и даже пугающе сходились на одном и том же. Свидетели уверяли, что тварь эта с виду – крыса, с длинной шерстью, но острозубая бородастая мордочка смахивает на лицо злобного карлика, а лапы напоминают крохотные человеческие руки. Этот монстр служил посредником между старухой Кезией и дьяволом, а вскормлен была на ведьминой крови – сосал ее как вампир. Голос его звучал как мерзкое хихиканье; тварь владела всеми языками на свете. Из всех противоестественных чудищ в гилмановых снах ни одно не повергало его в такую панику и не вызывало такой тошноты, как эта

кошунственная помесь человечка и крысы: жуткий образ мельтешил в его ночных видениях в облике в тысячу раз более омерзительном, нежели бодрствующий ум способен был представить на основании старинных записей и нынешних слухов.

В своих снах Гилман по большей части нырял в бездонные пропасти, наполненные необъяснимо цветными сумерками и беспорядочной невнятицей звуков: материю этих пропастей, их гравитационные свойства и отношение к реальности собственного бытия он даже не пытался объяснить. Он не шел, не карабкался, не летел и не плыл, не полз и не проскальзывал, извиваясь; и однако же всякий раз испытывал некое движение, отчасти сознательное, отчасти – произвольное. О своем состоянии он судить не мог: из-за странной рассогласованности перспективы разглядеть собственные руки, ноги и туловище не представлялось возможным. Тем не менее он чувствовал, что его физическая организация и способности чудесным образом преобразованы и отражены как в кривом зеркале – хотя и не без гротескной соотнесенности с его обычными пропорциями и качествами.

Пропасти отнюдь не пустовали: они кишмя кишели неопишимо угловатыми сгустками субстанции неземного цвета: одни казались органической материей, другие – нет. Органические порою пробуждали в нем некие смутные воспоминания на самых задворках сознания, хотя Гилман не смог бы на сознательном уровне объяснить, что именно они гротескно пародируют или напоминают. Позже в снах он научился различать отдельные категории органических объектов: по-видимому, в каждом случае имели место совершенно разные типы образа действий и исходной мотивации. Одна из категорий, как ему казалось, включала в себя объекты менее алогичные и непоследовательные в своих передвижениях, нежели представители других категорий.

Все эти объекты – как органические, так и неорганические, – не поддавались ни описанию, ни даже пониманию. Порою Гилман сравнивал неорганические сгустки с призмами, лабиринтами, скоплениями кубов и плоскостей и циклопическими зданиями; а органические существа напоминали ему попеременно группу пузырей, осьминогов, сороконожек, одушевленных индуистских идолов и прихотливые, змееподобно оживающие арабески. Все, что он видел, внушало ужас и невысказанную угрозу; всякий раз, когда какое-нибудь органическое существо, судя по его передвижениям, замечало Гилмана, юноша испытывал мгновенный приступ ледящего, жуткого страха – от которого, как правило, резко просыпался. Как именно передвигались эти органические создания, он понимал не больше, чем природу собственных перемещений. Со временем Гилман заметил еще одну загадку: некоторые объекты появлялись внезапно, из пустоты, и точно так же исчезали бесследно. Какофония звуков – визг и рев, переполнявшие пропасти, – не поддавались никакому анализу в том, что касалось высоты, тембра и ритма; но словно бы синхронизировались с размытыми зрительными изменениями во всех неопределенных объектах, как органических, так и неорганических. Гилмана одолевал непрерывный страх, что при тех или иных неувольнимых, пугающе неотвратимых флюктуациях звуки, чего доброго, достигнут непереносимого уровня громкости.

Но не в этих чужеродных безднах являлся ему Бурый Дженкин. Этот гнусный мелкий кошмар принадлежал неглубоким и вместе с тем ярким сновидениям, что приходили как раз перед тем, как юноше провалиться в самые глубины сна. Он лежал в темноте, отчаянно пытаясь не сомкнуть глаз, и тут по вековой комнате словно бы разливался слабый мерцающий свет, и в фиолетовой дымке проступали сходящиеся углы и плоскости, столь злокозненно завладевшие его мозгом. Кошмарная тварь выскакивала из крысиной норы в углу и семенила к нему по просевшим, широким половицам; в крохотном бородастом личике отражалось недоброе предвкушение – но, по счастью, этот сон неизменно гас, прежде чем существо подбиралось поближе, чтобы его обнюхать. А какие у него дьявольски длинные, острые клыки! Каждый день Гилман пытался заделать вход в нору, но каждую ночь настоящие обитатели стен прогрызали любое заграждение. Гилман заставил домохозяина заколотить нору жестью, но следующей же ночью

крысы опять проели дыру – и при этом не то выпихнули, не то вытащили наружу любопытный фрагмент кости.

Гилман не стал жаловаться на лихорадку доктору: он знал, что ни за что не сдаст экзаменов, если его уложат в университетскую больницу, в то время как вызубрить предстояло немало – каждая минута была на вес золота. Он и так уже провалил математический анализ за четвертый семестр и аспирантский курс по общей психологии, хотя не терял надежды до сессии наверстать упущенное. В марте к неглубокому, «предваряющему» сну добавился третий элемент: теперь кошмарный образ Бурого Дженкина сопровождало неясное, расплывчатое облако, что с каждым разом все больше и больше походило на согбенную старуху. Это добавление необъяснимо встревожило Гилмана, но наконец он решил, что видение смахивает на седую каргу, с которой он дважды сталкивался в темном лабиринте переулков близ заброшенной пристани. Оба раза от беспричинно злобного, сардонического взгляда старухи его просто в дрожь бросало – особенно в первую встречу, когда разъяренная крыса метнулась через затененный проход на соседнюю улочку, а Гилман, вопреки здравому смыслу, подумал о Буром Дженкине. А теперь вот, размышлял он, эти нервные страхи отразились в беспорядочных снах, точно в зеркале.

То, что старый дом пагубно влияет на жильца, отрицать не приходилось; но былой нездоровый интерес, или то, что от него осталось, по-прежнему удерживал юношу там. Гилман внушал себе, что в ночных бредовых фантазиях повинна лишь лихорадка и ни что иное, и как только болезнь пройдет, он освободится от чудовищных видений. Однако ж видения эти были так отвратительно яркие и убедительны, что всякий раз, просыпаясь, он смутно подозревал, что испытал гораздо больше, нежели сохранила память. Он был пугающе уверен, что в позабытых снах он разговаривал как с Бурым Дженкином, так и со старухой, и что оба убеждали его куда-то с ними отправиться и повстречаться с кем-то третьим – обладателем великого могущества.

Ближе к концу марта Гилман вновь взялся за математику, хотя все остальные занятия все больше нагоняли на него скуку. Он интуитивно научился решать уравнения Римана и поразил профессора Апема пониманием четырехмерных задач, что ставили в тупик весь класс. Однажды имела место дискуссия о вероятных странных искривлениях пространства и о теоретических точках сближения или соприкосновения между нашей частью Вселенной и иными областями, далекими, как запредельные звезды или сами межгалактические бездны, – или даже столь же баснословно недостижимыми, как условно допустимые космические единицы вне эйнштейновского пространства-времени.

Рассуждения Гилмана на эту тему вызвали всеобщее восхищение, пусть некоторые его гипотетические примеры и дали новую пищу и без того богатым сплетням о его нервной, отшельнической эксцентричности. Студенты лишь головами качали, выслушав продуманную теорию о том, что человек способен – при наличии математических познаний, которых людям заведомо обрести не дано, – сознательно шагнуть с Земли на любое другое небесное тело, находящееся в одной из множества определенных точек космической системы.

Для такого шага, объяснял Гилман, потребуется лишь два этапа: сперва – выход из знакомого нам трехмерного пространства, затем – переход обратно в трехмерное пространство в иной, возможно, бесконечно отдаленной точке. В ряде случаев это вполне достижимо и гибелью не грозит. Любое существо из любой части трехмерной вселенной, вероятно, выживет и в четвертом измерении; а его выживание на втором этапе зависит от того, в какую чужеродную область трехмерной вселенной он решил возвратиться. Не исключено, что обитатели ряда планет не погибнут и на некоторых других – причем даже на тех, что принадлежат иным галактикам – или сходным трехмерным фазам иного пространства-времени; хотя, безусловно, должно существовать немало обоюдно необитаемых, пусть даже математически сопряженных космических тел и зон.

Допустимо также, что жители отдельно взятой пространственной области способны пережить перемещение во множество неведомых и непостижимых областей с дополнительными или умноженными до бесконечности измерениями – будь то вне или внутри данного пространственно-временного континуума, – и справедливо также и обратное. Здесь есть над чем поразмыслить, хотя можно с долей уверенности утверждать, что изменения, вызванные переходом из одного пространственного измерения в другое, высшее, не окажутся губительными для биологической целостности так, как мы ее понимаем. Гилман не мог объяснить, каковы его основания для этого последнего допущения, но подобную неопределенность заметно перевешивала полная ясность в других трудных вопросах. Профессору Апему особенно понравились его доказательства родства высшей математики с определенными стадиями развития магических знаний, что передавались через века из незапамятной древности – будь то уже во времена человека или гораздо раньше, но только древность эта располагала куда более обширными познаниями о Вселенной и ее законах, нежели мы сегодня.

С приближением первого апреля Гилман всерьез забеспокоился: его затянувшаяся лихорадка утихать и не думала. А еще – несколько жильцов уверяли, будто бы он ходит во сне, – отчего Гилман встревожился еще больше. Его постель якобы частенько оказывалась пустой, а квартирант из комнаты под мансардой отмечал, как скрипят половицы над его головой в определенные часы ночи. Он же уверял, будто слышит в ночи шаги обутых ног; но Гилман был уверен, что по крайней мере в этом сосед ошибается – ведь его ботинки, равно как и прочая одежда, поутру обнаруживались ровно на том самом месте, где были оставлены. В этом зловещем старом доме у кого угодно разовьются слуховые галлюцинации – разве сам Гилман, даже при свете дня, не слышал со всей определенностью, как иные звуки, помимо крысиной возни, доносятся из черных пустот за наклонной стеной и над наклонным потолком? Его болезненно чуткий слух начал улавливать слабый отзвук шагов на давно заколоченном чердаке над головой, и порою такого рода иллюзии становились мучительно реалистичными.

Однако ж Гилман знал, что в самом деле страдает сомнамбулизмом: ибо дважды комнату его ночью обнаруживали пустой, хотя вся одежда была на месте. Так, по крайней мере, уверял Фрэнк Элвуд, единственный сокурсник Гилмана, что по бедности вынужден был снять комнату в этом убогом и пользующемся дурной репутацией доме. Засидевшись за книгами далеко за полночь, Элвуд поднимался к соседу попросить его помочь с дифференциальным уравнением – и обнаруживал, что Гилмана нет. С его стороны было довольно-таки бесцеремонно открыть незапертую дверь, после того как, постучав, он не получил ответа, но студенту отчаянно требовалась помощь, и он подумал, что хозяин, если его деликатно растолкать, возражать не станет. Оба раза Гилмана в комнате не оказывалось – и, выслушав рассказ приятеля, он сам недоумевал, куда мог отправиться – босиком и в ночной сорочке. Гилман решил расследовать это дело, если воспоследуют новые свидетельства его сомнамбулизма, и подумывал о том, чтобы присыпать мукой пол в коридоре и посмотреть, куда ведут следы. Дверь казалась единственным мыслимым выходом, ведь за узким окном не было никакой опоры для ног.

Апрель шел своим чередом, а обостренный лихорадкой слух Гилмана терзали заунывные молитвы суеверного ткацкого подмастерья по имени Джо Мазуревич: тот снимал комнату на первом этаже. Мазуревич рассказывал длинные, бессвязные байки про призрак старухи Кезии и про пушистую острозубую принимающуюся тварь: его, дескать, эти двое порою просто-таки осаждали, так что спас беднягу лишь серебряный крест, специально выданный ему отцом Иванички из церкви Святого Станислава. Теперь же Джо искал спасения в молитвах, поскольку близился ведьминский шабаш. Канун первого мая – это же Вальпургиева ночь, когда чернейшее зло ада беспрепятственно рыщет по Земле и все рабы Сатаны сходятся для неопишуемых ритуалов и деяний. Прескверное то время для Аркхема – хотя именитые господа с Мискатоник-авеню, с Хай-стрит и Солтонстолл-стрит и прикидываются, будто они о том ни сном ни духом. В городе будет твориться страшное – пропадет ребенок-другой. Кто-кто, а Джо

о таких вещах знал доподлинно – его бабушка еще на родине наслушалась историй от своей бабушки. В эту пору самое разумное – молиться да перебирать четки. Вот уже три месяца как Кезия с Бурым Дженкином не заглядывали в комнату ни к Джо, ни к Полу Чойнски, ни куда бы то ни было; а уж если они не дают о себе знать – тогда точно добра не жди. Небось что-то затевают.

16-го числа текущего месяца Гилман зашел-таки к доктору и с удивлением обнаружил, что температура у него не столь высока, как он опасался. Врач подробно расспросил его о симптомах – и посоветовал обратиться к специалисту по нервным болезням. По зрелом размышлении Гилман поразился, что не стал консультироваться с доктором колледжа, человеком еще более дотошным. Старик Уолдрон, что уже и без того сократил ему нагрузку, теперь непременно предписал бы студенту отдых – а о каком отдыхе может идти речь, когда он так близок к великим результатам в своих уравнениях? Он же, вне всякого сомнения, уже приблизился к границе между ведомой вселенной и четвертым измерением: как знать, далеко ли еще идти?

Но даже во власти подобных мыслей Гилман все гадал – а откуда у него столь странная уверенность? Не идет ли это грозное ощущение неизбежности от формул, которыми он ежедневно исписывал лист за листом? Тихие, крадущиеся воображаемые шаги на заколоченном чердаке действовали на нервы. А теперь еще нарастало подозрение, будто кто-то то и дело убеждает его совершить нечто страшное и противоестественное. А как насчет пресловутого сомнамбулизма? Куда он хаживал ночью? И что это за слабый отзвук порою словно бы просачивается сквозь раздражающую какофонию знакомых звуков даже среди бела дня, когда сна – ни в одном глазу? Его ритм не походил ни на что земное – разве что на модуляцию одного-двух неназываемых ритуальных распевов с шабаша; а порою Гилман со страхом узнавал в нем нечто схожее с невнятным визгом или ревом в чужеродных пропастях сновидений.

А сны между тем становились все ужаснее. В поверхностном, «предваряющем» сне злобная старуха теперь являлась с дьявольской отчетливостью; Гилман уже не сомневался: именно она напугала его в трущобах. Ее длинный, крючковатый нос и сморщенный подбородок ни с чем невозможно было перепутать, да и бесформенное бурое платье хорошо запомнилось юноше. В лице ее отражались отвратительное злорадство и ликование; по пробуждении у него в ушах все еще слышался каркающий голос, убеждая и угрожая. Ему должно повстречаться с Черным Человеком и отправиться вместе со всеми к трону Азатота в самом сердце предельного Хаоса. Так говорила старуха. Ему должно собственной кровью начертать свою подпись в книге Азатота и принять новое тайное имя – теперь, когда его самостоятельные изыскания продвинулись так далеко. Что же препятствовало Гилману отправиться вместе с нею, Бурым Дженкином и тем, другим, к трону Хаоса, где бессмысленно посвистывают пронзительные флейты? Только то, что он уже встречал имя «Азатот» в «Некрономиконе» и знал, что обозначает оно древнейшее зло, зло настолько чудовищное, что не поддается описанию.

Старуха неизменно появлялась из разреженного воздуха в том углу, где уклон вниз сходился со скосом внутрь. Материализовывалась она ближе к потолку, нежели к полу, и каждую ночь подбиралась чуть ближе и проявлялась чуть четче, прежде чем сон менялся. Вот и Бурый Дженкин тоже всякий раз оказывался немного ближе; его желтовато-белые клычки недобро поблескивали в потустороннем фиолетовом свечении, визгливое мерзкое хихиканье все крепче отпечатывалось в сознании Гилмана; поутру он помнил, как тварь произносила слова «Азатот» и «Ньярлатхотеп».

Сны более глубокие также обретали все бóльшую четкость; теперь Гилману казалось, что сумеречные пропасти вокруг принадлежат четвертому измерению. Те органические сущности, перемещения которых казались не столь вопиюще непоследовательными и бессмысленными, возможно, представляли собою проекции форм жизни с нашей родной планеты, включая людей. Что такое остальные в своем собственном измерении или измерениях, Гилман даже

задуматься не смел. Два менее хаотично движущихся создания – довольно крупный сгусток переливчатых, вытянутых сферических пузырей и небольшой многогранник неведомых оттенков, плоскости которого стремительно изменяли углы наклона, – словно бы заметили Гилмана и повсюду следовали за ним – либо плыли впереди, по мере того как он перемещался среди исполинских призм, лабиринтов, скоплений кубов, плоскостей и квазисооружений; а невнятный визг и рев между тем все нарастали, словно бы приближаясь к чудовищной высшей точке абсолютно невыносимой интенсивности.

Ночью с 19 на 20 апреля случилось нечто новое. Гилман полуосознанно перемещался в сумеречных пропастях вслед за сгустком пузырей и маленьким многогранником, – как вдруг заметил, что края нескольких смежных скоплений гигантских призм образовали характерно правильные углы. А в следующий миг Гилман был уже не в пропасти: он стоял на каменистом склоне холма, омытом ярким рассеянным зеленым светом. Он был бос и в ночной сорочке; попытавшись сделать шаг, он обнаружил, что с трудом передвигает ноги. Клубящееся марево скрывало от глаз все, кроме небольшой части косогора прямо перед ним; при мысли о том, что за звуки могут выплеснуться из этого марева, Гилман неуютно поежился.

И тут Гилман заметил, как к нему с трудом подползают две фигуры: старуха и мелкая мохнатая тварь. Безобразная карга натужно привстала на колени и сложила руки в характерном жесте, а Бурый Дженкин куда-то указывал пугающе человекообразной передней лапой, поднимая ее с явным усилием. Побуждаемый порывом, что брал начало не в нем самом, Гилман побрел в направлении, обозначенном углом скрещенных старухиных рук и лапой мелкого уродца, но, не проковыляв он и трех шагов, как вновь оказался в сумеречных пропастях. Геометрические фигуры теснились вокруг него; Гилман падал – кружилась голова, и конца падению не предвиделось. В конце концов он проснулся в своей постели в мансарде с ее бредовой угловатой планировкой, под кровом жуткого старого дома.

Наутро юноша чувствовал себя совсем разбитым; на занятия он не пошел. Что-то неведомое притягивало его взгляд туда, где, казалось бы, ровным счетом ничего не было: он не мог отвести глаз от пустого места на полу. По мере того как разгорался день, фокус невидящих глаз сместился: к полудню Гилман поборол в себе тягу неотрывно глядеть в никуда. Часа в два юноша вышел пообедать: пробираясь по узким улочкам города, он ловил себя на том, что его то и дело тянет свернуть на юго-восток. Лишь усилием воли он заставил себя задержаться в кафе на Черч-стрит, но после еды неведомая тяга дала о себе знать с еще большей силой.

Наверное, надо все-таки проконсультироваться у специалиста по нервным болезням – может, сомнамбулизм тоже как-то с этим связан; а до поры можно хотя бы попробовать рассеять страшные чары самостоятельно. Вне всякого сомнения, он пока еще в силах преодолеть эту тягу. Призвав на помощь всю свою решимость, Гилман зашагал вперед, наперекор притяжению, и нарочно побрел к северу вдоль Гаррисон-стрит. К тому времени, как он добрался до моста над рекой Мискатоник, он был весь в холодном поту; вцепившись в железную ограду, он пристально глядел вверх по течению, на островок с дурной репутацией, где правильные очертания древних стоячих камней мрачно вырисовывались в полуденном свете.

Вдруг он вздрогнул. На безлюдном островке ясно просматривался кто-то живой; приглядевшись вторично, Гилман понял: это, конечно же, та самая незнакомая старуха, чей злоедающий образ столь роковым образом вторгся в его сны. Рядом с ней шевелилась высокая трава – словно по земле кралась еще какая-то тварь. Старуха начала было поворачиваться в его сторону – и Гилман поспешно кинулся прочь от моста, под защиту городского лабиринта портальных улочек. Остров находился далеко, и однако ж Гилман чувствовал: сардонический взгляд этой согбенной старой карги в бурых одеждах исполнен чудовищной, неодолимой злобы.

Гилмана по-прежнему тянуло на юго-восток: лишь грандиозным усилием воли он смог заставить себя войти в старый дом и подняться по шатким ступеням. Там он просидел молча, бесцельно не один час; взгляд его постепенно смещался на запад. Около шести часов его обост-

рившийся слух уловил плаксивые молитвы Джо Мазуревича двумя этажами ниже. В отчаянии Гилман схватил шляпу и вышел на позлащенные закатом улицы, позволяя притяжению, что теперь было направлено точно на юг, нести его куда угодно. Час спустя тьма застала его в открытом поле за Палаческим ручьем, а в вышине мерцали и переливались весенние звезды. Порыв идти вперед постепенно сменялся желанием мистически нырнуть в пространство вселенной, – и внезапно Гилман осознал, где таится источник неодолимого притяжения.

Источник этот – в небе! Некая определенная точка среди звезд притягала на него – и манила его. По-видимому, точка эта находилась где-то между Гидрой и Кораблем Арго; Гилман знал, что туда-то его и влекло с самого момента пробуждения вскоре после восхода. Утром она была ниже линии горизонта; после полудня поднялась на юго-востоке, а сейчас – находилась ориентировочно на юге, но клонилась к западу. Что бы все это значило? Уж не сходит ли он с ума? И как долго это продлится? Вновь призвав на помощь всю свою решимость, Гилман развернулся и с трудом побрел к зловещему старому дому.

Мазуревич ждал его в дверях: похоже, ему не терпелось шепотом рассказать какое-то свежее суеверие – и вместе с тем слова не шли с языка. Речь шла о ведьминском огне. Накануне ночью Джо дома не было: в Массачусетсе праздновали День патриотов, и он вернулся уже после полуночи. Глядя на дом снаружи, он сперва подумал было, что окно Гилмана не освещено; но затем заметил внутри слабый фиолетовый отблеск. Ему хотелось предостеречь джентльмена насчет этого отблеска: ведь весь Аркхем знал, что это – ведьминский свет Кезии, что мерцает вокруг Бурого Дженкина и призрака старой карги. Мазуревич не упоминал об этом прежде, но теперь не может дольше молчать: ведь это значит, что Кезия со своим длиннозубым фамильяром преследуют молодого джентльмена. Порою он, Пол Чойнски и домовладелец Домбровски словно бы видели, как свет просачивается сквозь щели в заколоченном чердаке над комнатой молодого джентльмена, но они сговорились молчать о таких вещах. Однако ж джентльмену лучше бы снять другую комнату и разжиться крестом у какого-нибудь доброго священника вроде отца Иванички.

Мазуревич продолжал молоть всякий вздор, а Гилман чувствовал, как к горлу подступает ком невыразимая паника. Разумеется, накануне вечером Джо был изрядно навеселе, и однако упоминание о фиолетовом свете в окне мансарды было пугающе важным. Именно такой мерцающий отблеск неизменно играл вокруг старухи и мелкой мохнатой твари в поверхностных и вместе с тем пронзительно-ярких снах, что предшествовали прыжку юноши в неведомые пропасти, и мысль о том, что человек посторонний и бодрствующий тоже видел это свечение из снов, в здравом уме просто не укладывалась. Но откуда у соседа взялась столь странная идея? Или сам он не только ходит по дому во сне, но еще и разговаривает? Джо уверяет, что нет, – но неплохо бы проверить. Может, Фрэнк Элвуд что-нибудь подскажет, хотя спрашивать Гилману отчаянно не хотелось.

Лихорадка – безумные сны – сомнамбулизм – слуховые галлюцинации – неодолимое притяжение некой точки на небе – а теперь еще и, чего доброго, нездоровые разговоры во сне! Надо, непременно надо отвлечься от занятий, посоветоваться со специалистом по нервным болезням, взять себя в руки. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Гилман замешкался у двери Элвуда, но понял, что соседа дома нет. Неохотно побрел он к своей мансарде и какое-то время посидел в темноте. Взгляд его по-прежнему обращался к юго-западу, и вместе с тем Гилман поймал себя на том, что напряженно прислушивается к звукам на заколоченном чердаке и уже готов навоображать себе, будто сквозь микроскопическую щель в низком, покатым потолке сочится зловещий фиолетовый свет.

В ту ночь фиолетовое свечение обрушилось на спящего Гилмана с удвоенной силой; старуха-ведьма и мелкая мохнатая тварь, подобравшись еще ближе, чем прежде, дразнили его нечеловеческими воплями и дьявольскими жестами. Гилман рад был провалиться в сумеречные пропасти, бурлящие невнятным ревом, вот только навязчивое преследование стукта пузы-

рей и калейдоскопического многогранничка раздражало и пугало. И тут случился переход – гигантские сходящиеся плоскости осклизлой с виду субстанции нависли сверху и снизу – накатил приступ бреда, и вспыхнул неведомый, чуждый свет, в котором бешено и неразрывно смешались желтая, карминно-красная и темно-синяя краски.

Он полулежал на высокой террасе, обнесенной фантастической балюстрадой, над бескрайними нагромождениями диковинных, неописуемых пиков, сбалансированных плоскостей, куполов, минаретов, горизонтальных дисков, уравновешенных на шпилях, и бессчетных, еще более причудливых форм, из металла и камня, что искрились великолепием в смешанном, едва ли не жгучем слепящем свете многокрасочного неба. Подняв глаза, Гилман различал три громадных огненных диска, все – разных оттенков и на разном расстоянии над бесконечно далекой волнистой линией приземистых гор у самого горизонта. Позади, насколько хватало глаз, возносились ярусы террас еще более высоких. А внизу, вплоть до самых пределов обзора, раскинулся город, и Гилман надеялся, что никакому звуку не долететь оттуда.

Гилман с легкостью поднялся на ноги. Площадка была вымощена полированным, с прожилками, камнем, определить который не удавалось; плитки были неправильно-угловатой формы, что казалась Гилману не столько асимметричной, сколько основанной на некоей внеземной симметрии, законы которой ему не постичь. Балюстрада, изящная, причудливо выполненная, доходила ему до груди; вдоль всей ограды, на небольшом расстоянии друг от друга, стояли скромных размеров статуи гротескной формы и самой изысканной работы. Как и вся балюстрада, они были сделаны из какого-то сияющего металла, цвет которого не распознавался в этом хаосе смешанного блеска; а природа их и вовсе не поддавалась разгадке. Они представляли собою некий рифленый бочкообразный предмет – от центрального кольца, точно спицы, отходили тонкие горизонтальные руки, а верхняя часть и основание бочонка бугрились выпуклостями или пузырями. Каждый из таких пузырей служил основой для конструкции из пяти длинных, плоских, конусообразных ответвлений, похожих на лучи морской звезды, – почти горизонтальные, они чуть выгибались, отклоняясь от срединного бочонка. Нижний пузырь крепился к протяженной ограде, причем перемычка была столь хрупкой, что нескольких фигур недоставало: они давно отвалились. В высоту статуи достигали четырех с половиной дюймов, а руки-спицы создавали максимальный диаметр около двух с половиной дюймов.

Плитка обжигала босые ноги. Гилман был совсем один; его первым побуждением стало дойти до балюстрады и с ошеломляющей высоты оглядеть бесконечный, исполинский город на расстоянии двух тысяч футов внизу. Прислушавшись, Гилман, как ему показалось, уловил ритмичную какофонию негромких музыкальных посвистов в самом широком звуковом диапазоне, что доносилась из узких улочек; он пожалел о том, что жителей не видно. Спустя какое-то время у Гилмана закружилась голова; не схватись он машинально за лучезарную балюстраду, он бы упал на плитки. Его правая рука соскользнула на одну из выступающих статуй; это касание словно бы придало ему устойчивости. Однако экзотически хрупкий металл не выдержал, и шипастая фигура отломилась под его пальцами. Гилман полубессознательно сжал ее в кулаке, другой рукой схватившись за пустое место на гладких перилах.

Но теперь его сверхчувствительный слух уловил какое-то движение за спиной. Гилман обернулся и окинул взглядом ровную террасу. К нему тихо, хотя и не таясь, приближались пятеро, в том числе – зловещая старуха и клыкастая мохнатая тварь. При виде остальных троих Гилман потерял сознание: то были живые существа восьми футов ростом, в точности похожие на шипастые статуи балюстрады: передвигались они, по-паучьи изгибая нижние лучи-руки.

Гилман проснулся весь в холодном поту; лицо, руки и ступни саднило. Он спрыгнул с постели, умылся, оделся с лихорадочной поспешностью: ему нужно было как можно быстрее убраться из этого дома. Он понятия не имел, куда пойдет, но сознавал, что вновь придется пропустить занятия. Странное притяжение некоей точки в небесах между Гидрой и Кораблем Арго ослабло, но вместо него возникло иное, еще более сильное. Теперь юноша чувствовал,

что необходимо спешить в северном направлении – как можно дальше. Перспектива пройти по мосту с видом на безлюдный островок реки Мискатоник внушала ему ужас, так что Гилман пересек мост на Пибоди-авеню. Он то и дело спотыкался: его взгляд и слух были прикованы к неопишимо далекой точке в ясном синем небе.

Спустя примерно час Гилман овладел собою – и обнаружил, что забрел далеко от города. Повсюду вокруг тянулась унылая пустыня солончаковых болот, а узкая дорога впереди уводила к Иннсмуту – древнему, полузаброшенному городу, от которого жители Аркхема почему-то предпочитали держаться подальше. И хотя тяга к северу не слабела, Гилман сопротивлялся ей – как и тому, второму притяжению, и наконец ему почти удалось уравновесить их. Он побрел обратно в город, выпил кофе у киоска с газированной водой, с трудом доплелся до публичной библиотеки и посидел там, бесцельно листая глянцевого журналы. Раз к нему подошли друзья и удивились, до чего он загорел; но о своей прогулке Гилман рассказывать не стал. В три он пообедал в ресторанчике, попутно отмечая, что притяжение либо ослабло, либо разделилось надвое. После того Гилман, чтобы убить время, заглянул в дешевый кинотеатр и просмотрел пустопорожний сеанс несколько раз, снова и снова, не вдумываясь в содержание.

Где-то около девяти вечера юноша поковылял домой и, спотыкаясь, ввалился в старый дом. Джо Мазуревич жалобно тянул свою молитвенную невнятицу; Гилман торопливо поднялся к себе в мансарду, не задержавшись проверить, дома ли Элвуд. Он включил тусклый электрический свет – и испытал настоящее потрясение. Он сразу заметил на столе нечто постороннее, а второй взгляд не оставил места сомнениям. На боку лежала – потому что стоять стоймя без поддержки не могла – необычная шипастая фигурка, что в чудовищном сне он своей рукой отломал от фантастической балюстрады. Верно, она – все детали на месте. Гофрированный, бочонкообразный центр, тонкие расходящиеся спицы-руки, выпуклости на каждом конце, а от выпуклостей тянутся плоские, чуть изогнутые наружу лучи – все в точности! В электрическом свете цвет фигурки казался радужно-серым, с зелеными прожилками; в ужасе и изумлении Гилман осознал, что на одной из выпуклостей замечен рваный надлом: в этом месте статуэтка некогда крепилась к перилам из сновидения.

Лишь полубессознательное оцепенение помешало ему закричать в голос. Это слияние сна и реальности сводило юношу с ума. До глубины души потрясенный, он стиснул в руке шипастую фигурку и побрел вниз по лестнице в квартиру домохозяина Домбровски. В затхлых коридорах все еще звенели плаксивые молитвы суеверного ткацкого подмастерья, но теперь Гилману было все равно. Домовладелец оказался у себя и приветливо поздоровался с жильцом. Нет, этой вещи он прежде не видел и ничего о ней не знает. Но жена рассказывала, будто нашла забавную жестяную игрушку в одной из постелей, когда убирала комнаты в полдень; может, это она и есть? Домбровски позвал супругу, та степенно вплыла в комнату. Да, верно, та самая вещица. В постели молодого джентльмена нашлась – у самой стенки. Странная штуковина, ничего не скажешь, ну да у молодого джентльмена комната битком набита всякими странностями – тут и книги, и разные редкости, и картины, и заметки на бумаге. Нет, она ровным счетом ничего про находку не знает.

Во власти душевного смятения Гилман вновь поднялся к себе, будучи убежден, что либо он все еще спит и видит сон, либо сомнамбулизм дошел до небывалой крайности и вынуждает его к грабежу в незнакомых местах. Где он только мог раздобыть эту экзотическую вещицу? Ни в каком аркхемском музее он ничего подобного не видел. Но откуда-то она ведь взялась! Разгуливая по городу во сне, он, должно быть, увидел и схватил ее – и это, в свою очередь, вызвало странный сон про обнесенную балюстрадой террасу. На следующий день нужно будет очень осторожно навести справки – и посоветоваться наконец со специалистом по нервным болезням.

А между тем надо попробовать отследить, куда он ходит во сне. По пути в свою комнату Гилман рассыпал по лестнице и в коридоре мансарды муку, одолженную у хозяина, – он честно

объяснил зачем. Юноша задержался было у комнаты Элвуда, но свет внутри не горел. Войдя к себе, Гилман поставил шипастую фигурку на стол и прилег, не потрудившись даже раздеться – так он был измучен физически и духовно. С заколоченного чердака над скошенным потолком словно бы доносилось тихое царапанье и топоток, но в смятении своем Гилман даже не придал этому значения. Таинственная тяга на север снова набирала силу, хотя теперь источник ее находился, по-видимому, ниже у горизонта.

В слепящем фиолетовом свете сновидения старуха и клыкастая мохнатая тварь проявились снова – куда отчетливее, нежели когда-либо прежде. На сей раз они подобрались вплотную к юноше: иссохшие старухины клешни вцепились в него. Гилмана вытащили из постели и повлекли в пустоту; мгновение он слышал ритмичный рев и видел, как вокруг него вскипает сумеречная бесформенность размытых пропастей. Но картина тотчас же сменилась: в следующий миг он оказался в нищей, тесной камерке без окон – грубо обработанные балки и брусья сходились конусом у него над головой, а под ногами пол, как ни странно, шел под уклон. На подпорках вровень с полом стояли низкие ящики, битком набитые книгами самых разных эпох, более или менее тронутых распадом, а в центре громоздились стол и скамейка, по-видимому, закрепленные неподвижно. Сверху на ящиках выстроились небольшие предметы неведомой природы и формы, и в пламенеющем фиолетовом свечении Гилман заметил словно бы копию шипастой фигурки, так его озадачившей. Слева пол резко уходил вниз, в черный треугольный провал, откуда сперва донеслось сухое дребезжание, а потом выползла отвратительная мохнатая тварь с желтыми клыками и бородастым человеческим лицом.

Старая карга, недобро ухмыляясь, по-прежнему не отпускала своего пленника. А позади стола возвышалась прежде невиданная фигура – высокий, сухощавый человек, весь черный, но без характерных негроидных черт; полностью лишенный волос и бороды; единственной одеждой ему служила бесформенная мантия из какой-то плотной черной ткани. Ног различить было невозможно, их заслоняли стол и скамья, но незнакомец, по всему судя, был обут – когда он менял положение, слышалось легкое постукивание. Человек не произнес ни слова; мелкие, правильные черты лица его оставались совершенно бесстрастны. Он просто указал на массивный фолиант, раскрытый на столе, а карга всунула в правую руку Гилмана огромное серое перо. Все застлала пелена сводящего с ума страха, что достиг высшей своей точки, когда мохнатая тварь вскарабкалась по одежде спящего ему на плечи, спустилась вниз по левой руке и наконец больно укусила в запястье у самой манжеты. Фонтаном брызнула кровь, и Гилман потерял сознание.

Очнулся он поутру 22 апреля. Левое запястье ныло, манжета побурела от засохшей крови. Воспоминания путались, однако ж сцена с участием черного человека в неведомом месте запечатлелась в сознании четко и ярко. Должно быть, во сне юношу укусила крыса, что и породило кульминацию ночного кошмара. Отворив дверь, Гилман убедился, что мука на полу в коридоре не потревожена – если не считать гигантских следов неотесанного увальня, что жил в противоположном конце мансарды. Значит, на сей раз о сомнамбулизме речи не идет. Но с крысами давно пора что-то делать. Надо пожаловаться домовладельцу. Гилман снова попытался закупорить нору у основания наклонной стены, забив в нее подсвечник подходящего размера. В ушах стоял чудовищный звон – точно остаточное эхо какого-то жуткого шума из снов.

Он вымылся, переоделся и попытался вспомнить, что же произошло во сне после сцены в фиолетовом мареве, но в сознании не вырисовывалось ничего определенного. Само место событий наверняка соотносилось с заколоченным чердаком, мысли о котором поначалу так властно подчинили себе воображение Гилмана, но последующие впечатления были нечетки и тусклы. Проступали смутные образы сумеречных пропастей и еще более обширных и черных бездн за ними – бездн, в которых отсутствовали какие бы то ни было устоявшиеся представления о формах. Гилмана перенесли туда сгусток пузырей и маленький многогранник, его навязчивые преследователи, но они, как и сам Гилман, превратились в клочья молочно-

белого, чуть подсвеченного тумана в еще более отдаленной пустоте запредельной тьмы. Впереди маячило что-то еще – более крупный обрывок тумана то и дело сгущался до неназываемого приближения к той или иной форме – и Гилман подумал, что продвижение их следует не по прямой линии, но скорее по чужеродным кривым и спиральям некоего эфирного водоворота, который подчинялся законам, неведомым физикам и математикам любой из мыслимых вселенных. Наконец смутно обозначились громадные мятущиеся тени, чудовищная, не вполне звуковая пульсация и тонкий монотонный посвист незримой флейты – и на этом воспоминания оборвались. Гилман решил, что последнее представление он почерпнул из «Некрономикона», в котором прочел про бездумную сущность именем Азатот, что правит временем и пространством с черного трона посреди причудливого окружения в самом сердце Хаоса.

Когда Гилман смыл кровь, ранка оказалась ничтожной: вот только расположение двух крошечных точек изрядно озадачивало. Гилману пришло в голову, что на постельном покрывале кровавых следов не осталось – что было по меньшей мере странно, учитывая количество крови на коже и на манжете. Или он расхаживал во сне по комнате, и крыса укусила его, пока он сидел на стуле или замер в какой-нибудь менее естественной позе? Гилман осмотрел все углы, ища бурые пятна или капли, но так ничего и не нашел. Пожалуй, стоит посыпать мукой пол в комнате, а не только в коридоре, – решил он; хотя никаких новых подтверждений хождения во сне, наверное, уже и не требуется. Он о своем недуге знает: теперь осталось только положить ему конец. Надо попросить о помощи Фрэнка Элвуда. Этим утром странные призывы из космоса словно бы поутихли, зато на их место заступило новое ощущение, еще более необъяснимое. То был неясный, но настойчивый порыв бежать от всего, что его окружает, но куда – Гилман ведать не ведал. Он взял со стола странную шипастую статуэтку – и юноше померещилось, что прежняя тяга на север чуть усилилась; но если и так, новое, непонятное побуждение полностью ее заглушало.

Он отнес шипастую статуэтку в комнату Элвуда, усилием воли не вслушиваясь в плаксивые стенания ткацкого подмастерья, что доносились с первого этажа. Элвуд, слава небесам, был дома и уже встал. До завтрака и ухода в колледж оставалось немного времени на беседу, и Гилман торопливо пересказал приятелю свои недавние сны и страхи. Элвуд сочувственно выслушал гостя и согласился, что надо что-то делать. Изможденный, осунувшийся вид бедняги поразил его до глубины души; не оставил он без внимания и странный, необычный загар, что в течение последней недели отмечали столь многие. Однако что тут сказать, он не знал. Он ни разу не видел Гилмана расхаживающим во сне, и что это за загадочная статуэтка, понятия не имел. Однажды вечером он слышал, как франкоканадец, живущий под комнатой Гилмана, беседовал с Мазуревичем. Они жаловались друг другу на то, как бояться прихода Вальпургиевой ночи, до которой оставалось уже всего-то несколько дней, и вслух жалели бедного, обреченного молодого джентльмена. Дерошер, жилец из комнаты под мансардой Гилмана, рассказывал, что по ночам раздаются шаги как обутых, так и босых ног и что однажды ночью, в страхе прокравшись наверх, чтобы заглянуть в замочную скважину к Гилману, он увидел фиолетовый свет. Подсматривать он так и не дерзнул, признавался он Мазуревичу, – ибо фиолетовый свет просачивался в щель под дверью. А еще из комнаты слышались тихие голоса, и... – На этом франкоканадец понизил голос до невнятного шепота.

Элвуд понятия не имел, что послужило для этих суеверных олухов материалом для сплетен: вероятно, воображение их разыгралось, с одной стороны, оттого, что Гилман засиживался за книгами допоздна и сонно расхаживал по комнате, рассуждая сам с собою, – а с другой стороны, близился канун первого мая, дата, по традиции внушавшая немалый страх. Не приходилось отрицать, что Гилман и впрямь разговаривает во сне, и, конечно же, не кто иной, как Дерошер, имевший привычку подслушивать у замочной скважины, распустил ложный слух о фиолетовом свечении из сна. Эти простецы горазды навоображать себе любые странности, о которых случайно слышали. Что до плана действий – Гилману лучше бы на время перебраться

в комнату Элвуда, дабы не оставаться по ночам одному. Элвуд, если не уснет сам, непременно разбудит его, как только сосед заговорит во сне или попытается встать. Кроме того, необходимо как можно скорее посоветоваться с врачом. А между тем они покажут шипастую статуэтку в разных музеях и кое-кому из профессоров: попросят идентифицировать ее и скажут, что нашли экспонат на городской помойке. Кроме того, Домбровски просто обязан потравить крыс в старых стенах.

Ободренный беседой с Элвудом, в тот день Гилман даже пошел на занятия. Его по-прежнему странно тянуло туда и сюда, но он не без успеха противостоял всем призывам. Во время «окна» в расписании он показал странную статуэтку нескольким профессорам: все они чрезвычайно заинтересовались находкой, но так и не смогли пролить свет ни на ее природу, ни на происхождение. В ту ночь Гилман спал на кушетке, что по просьбе Элвуда домохозяин перенес в комнату на третьем этаже, и впервые за много недель его не осаждали тревожные сны. Но лихорадка не спадала, а плаксивые подвывания ткацкого подмастерья изрядно действовали на нервы.

В течение следующих нескольких дней Гилман наслаждался почти полной неуязвимостью для зловещих явлений. Элвуд уверял, что ни разговаривать, ни ходить во сне сосед не порывался; между тем домовладелец повсюду разложил крысиный яд. Единственное, что тревожило, – так это пересуды среди суеверных иностранцев, воображение которых разыгралось ни на шутку. Мазуревич настойчиво уговаривал Гилмана разжиться распятием, и наконец сам всучил ему крест, по его словам, благословленный праведным отцом Иванички. У Дерошера тоже нашлось что сказать – он, собственно, настаивал, что в пустой комнате над ним в первую и вторую ночь после переселения Гилмана слышались сторожкие шаги. Полу Чойнски мерещились ночами разные звуки в коридорах и на лестницах; он уверял, что однажды дверь его осторожно подергали снаружи, а миссис Домбровски клялась, что впервые со Дня Всех Святых видела Бурого Дженкина. Но все эти наивные рассказы, конечно же, ничего не значили; дешевый металлический крест так и остался висеть без дела на ручке шкафа в квартире Элвуда.

Три дня кряду Гилман с Элвудом опрашивали местные музеи, пытаясь идентифицировать загадочную шипастую статуэтку, – но безуспешно. Однако ж повсюду интерес она вызывала немалый; абсолютная чужеродность фигурки бросала научному любопытству серьезный вызов. Одну из тонких расходящихся рук-спиц отломали и подвергли химическому анализу; о результатах в кулуарах колледжа толкуют и сегодня. Профессор Эллери обнаружил в странном сплаве платину, железо и теллур; но к ним примешивались по меньшей мере три явных элемента с высоким атомным весом, классификации совершенно не поддающиеся. Они не только не соответствовали никакому из известных элементов, но даже не вписывались в пустые места, оставленные для гипотетических элементов в периодической системе. Эта тайна не раскрыта и по сей день, хотя сама статуэтка выставлена в музее Мискатоникского университета.

Утром 27 апреля в комнате, где гостил Гилман, появилась свежая крысиная нора, но Домбровски заколотил ее жостью в тот же день. Яд ощутимого результата не дал; царапанье и возня в стенах тише не сделались. В тот вечер Элвуд где-то задержался, Гилман его ждал. Ему не хотелось засыпать одному в комнате, тем более что в вечерних сумерках ему померещилась отвратительная старуха, образ которой столь ужасным образом перенесся в его сны. Гилман гадал, кто она такая и что громыхало жестянкой в мусорной яме у входа на грязный внутренний двор. А карга его, похоже, заметила и злобно ему ухмыльнулась – хотя, может быть, он просто навоображал себе невесть чего.

На следующий день оба юноши очень устали и знали, что с приходом ночи заснут как убитые. Вечером они вяло потолковали о математических изысканиях, что всецело и, вероятно, не к добру поглощали внимание Гилмана, и пообсуждали связь между древней магией и фольклором, что представлялась столь загадочной – и столь возможной. Вспомнили и про старую Кезию Мейсон; Элвуд признал, что Гилман имеет веские научные основания думать,

что она, вероятно, случайно оказалась обладательницей странного и важного знания. Тайные культы, к которым принадлежали ведьмы, нередко хранили и передавали удивительные секреты из древних, позабытых веков; очень может статься, что Кезия и в самом деле овладела искусством проходить сквозь врата измерений. Предания все как одно утверждают, будто материальные преграды ведьму удержать не в силах; и кому ведомо, что стоит за старыми сказками о ночных полетах на помеле?

Дано ли современному студенту обрести сходные способности благодаря одним только математическим изысканиям, предстояло еще проверить. Гилман сам признавал, что успех, чего доброго, приведет к опасным и немыслимым ситуациям; ибо кто сумел бы предсказать, что за условия царят в соседнем, но обычно недоступном измерении? С другой стороны, сколь безграничные возможности рисует разыгравшееся воображение! В определенных областях пространства время, вероятно, не существует; переносясь в эти области и оставаясь в них, можно сохранять жизнь и молодость до бесконечности; процессы обмена веществ и старения утратят над человеком власть, кроме как в те недолгие моменты, когда он навещает свое собственное или сходные измерения. Можно, например, нырнуть в безвремяе – и выйти из него в какой-нибудь отдаленной эпохе земной истории, причем столь же молодым, как и прежде.

Удавалось ли такое хоть кому-нибудь, остается разве что гадать – с большей или меньшей степенью достоверности. Древние легенды невняты и противоречивы, а в историческое время все попытки преодолеть запретные пропасти, по-видимому, осложняются странными и жуткими союзами с существами и посланниками извне. Взять вот исконную фигуру посредника или глашатая тайных и ужасных сил – «Черного Человека» ведьминского культа или «Ньярлатхотепа» из «Некрономикона». А ведь есть еще неразрешимая проблема малых посланцев – квазиживотных или противоестественных гибридов, что в легендах именуются «ведьминскими фамильярами». Глаза у собеседников уже закрывались сами собою, и на этом разговор прервался. Уже укладываясь спать, Гилман и Элвуд слышали, как в дом ввалился Джо Мазуревич, изрядно навеселе, и поневоле содрогнулись: такое исступленное отчаяние звучало в его заунывных молитвах.

Той ночью Гилман снова увидел фиолетовое свечение. Во сне он слышал царапанье и грызущее похрустывание в перегородках, потом словно бы кто-то неловко подергал за щеколду. Затем он увидел, как старуха и мелкая мохнатая тварь идут напрямик к нему по застеленному ковром полу. В лице карги сияло жестокое торжество; крохотный желтозубый монстр, глумливо хихикая, указал на фигуру Элвуда, спящего глубоким сном на своей кровати в противоположном конце комнаты. Парализующий страх пресек все попытки закричать. Как и в предыдущий раз, безобразная старуха схватила Гилмана за плечи, рывком выдернула из постели и утащила в пустоту. И вновь мимо замелькала беспредельность визжащих сумеречных пропастей, а в следующую секунду он, по-видимому, оказался в темном, слякотном, незнакомом переулке, где воздух был пропитан зловонными запахами, а слева и справа вздымались прогнившие стены старых домов.

Впереди шел Черный Человек в мантии – тот самый, которого Гилман видел в камерке с конусообразным потолком в другом своем сне, а на небольшом расстоянии обнаружилась и старуха – она манила Гилмана рукой и строила властные гримасы. Бурый Дженкин с игривой ласковостью терся о лодыжки Черного Человека, ступни которого тонули в глубокой грязи. Справа обозначился темный дверной пролет; Черный Человек молча указал на него. Туда-то и нырнула гримасничающая старуха, таща за собою Гилмана за рукав пижамы. На лестнице нависала вонь, ступени зловеще поскрипывали; старуха словно бы излучала слабый фиолетовый свет; но вот наконец лестничная площадка – и дверь. Мерзкая карга повозилась немного со щеколдой, толкнула дверь, знаком велела Гилману ждать – и исчезла в черном проеме.

Обострившийся слух юноши уловил жуткий сдавленный крик, и вскоре старая карга вышла из комнаты с маленькой бесчувственной фигуркой, которую и всунула спящему в руки,

точно носильщику. При виде этой фигурки и выражения на ее лице Гилман словно бы сбросил с себя чары. В потрясении своем не в силах даже закричать, он опрометью кинулся вниз по вонючей лестнице и в грязь снаружи; но Черный Человек, ждавший у входа, схватил беглеца и начал его душить. Гилман потерял сознание: последнее, что он слышал, – это тихое, пронзительное хихиканье клыкастого крысоподобного уродца.

Утром 29-го числа Гилман проснулся в водовороте кошмара. Едва он открыл глаза, как сразу понял: случилось что-то ужасное. Ведь он снова находился в своей старой комнате в мансарде, с наклонной стеною и потолком: раскинулся на незастеленной за ненадобностью кровати. Горло необъяснимо болело; с трудом приняв сидячее положение, Гилман с нарастающим страхом обнаружил, что его ступни и штанины пижамы заляпаны засохшей грязью. В первое мгновение воспоминания его безнадежно путались, но по крайней мере не приходилось сомневаться: приступ сомнамбулизма повторился. Элвуд, верно, уснул слишком крепко, ничего не услышал и не остановил гостя. На полу остались беспорядочные грязные следы, но, как ни удивительно, до двери они не доходили. Чем дольше Гилман их разглядывал, тем более странными они казались: в придачу к тем, что явно принадлежали ему самому, там были и другие отпечатки, поменьше, и почти круглые, вроде как от ножек большого стула или стола, вот только большинство их словно бы делились напополам. А еще – грязная дорожка характерных крысиных следов вела из свежей норы и обратно. Неописуемое смятение и ужас при мысли о том, что он сходит с ума, подчинили себе Гилмана, когда он с трудом доковылял до двери и увидел, что грязных отпечатков по другую ее сторону нет. Чем яснее вспоминал Гилман свой жуткий сон, тем бóльшая паника его охватывала; и унылый речитатив Джо Мазуревича двумя этажами ниже лишь усиливал его отчаяние.

Спустившись в комнату Элвуда, Гилман растолкал спящего хозяина и принялся рассказывать о том, что с ним случилось, но Элвуд даже предположить не мог, как такое возможно. Где Гилман был, как умудрился вернуться в комнату, не оставив следов в коридоре? – любые догадки заходили в тупик. А потом еще эти темные лилово-синие пятна на горле: можно подумать, Гилман пытался сам себя задушить. Он приложил к синякам руки – и обнаружил, что его собственные пальцы отпечаткам нимало не соответствуют. Пока друзья беседовали, в дверь заглянул Дерошер: сообщить, что в предрассветной темноте слышал над головой ужасный грохот. Нет-нет, на лестнице никого после полуночи не было – хотя незадолго до полуночи он слышал слабый отзвук шагов в мансарде, а потом еще крадущуюся поступь вниз, которая ему очень не понравилась. Недоброе это время года для Аркхема, прибавил гость. Молодому джентльмену лучше бы носить на себе принесенный Джо Мазуревичем крестик. Здесь даже днем и то опасно; ведь после рассвета в доме раздавались странные звуки – вот, например, тоненький детский вскрик, тут же и заглушенный.

Гилман машинально отправился на занятия, но сосредоточиться на учебе никак не мог. Им овладели мрачные предчувствия и опасения; он словно бы ждал сокрушительного удара. В полдень он пообедал в университетском клубе и в ожидании десерта взял с соседнего сиденья газету. Но десерта он так и не отведал: на первой же странице он прочел такое, отчего все тело его обмякло, глаза расширились; он смог лишь расплатиться по счету да, пошатываясь, доковылять до комнаты Элвуда.

Накануне ночью случилось странное похищение в проулке Орни: бесследно исчез двухлетний ребенок туповатой прачки именем Анастасия Волейко. Мать, как выяснилось, вот уже какое-то время страшилась подобного исхода; но причины для страха приводила столь нелепые, что их никто не принимал во внимание. Она якобы с самого начала марта то и дело видела в доме Бурого Дженкина, и по его ужимкам и хихиканью поняла: маленький Ладислас не иначе как предназначен в жертву на страшном шабаше в Вальпургиеву ночь. Она просила соседку, Марию Кзанек, ночевать в той же комнате и попытаться защитить ребенка, но Мария не осмелилась. В полицию обращаться было бесполезно: ей бы все равно не поверили. Детей так заби-

рали каждый год, сколько она себя помнила. А ее дружок Пит Стовацки помочь и вовсе отказывался: ребенок-де ему только мешал.

Но что бросило Гилмана в холодный пот, так это рассказ двоих припозднившихся гуляк, что проходили мимо входа в проулок как раз после полуночи. Они признавали, что были пьяны, однако оба клялись и божились, будто видели, как в темный проход прокралась странно одетая троица. А именно: высокий негр в мантии, старушенция в лохмотьях и белый юноша в пижаме. Старуха волокла за собой юношу, а у ног негра ласкалась и резвилась в бурой грязи ручная крыса.

Гилман просидел в оцепенении до самого вечера. Так и застал его по возвращении домой Элвуд – который между тем тоже прочел газеты и сделал самые жуткие выводы. Теперь уже ни один не сомневался: к ним подступает нечто пугающе серьезное. Между фантомами ночных кошмаров и реальностью объективной действительности выкристаллизовалась чудовищная, немыслимая связь, и лишь неусыпная бдительность способна была отвратить события еще более ужасные. Безусловно, Гилману необходимо рано или поздно обратиться к невропатологу, но не прямо сейчас, когда все газеты пестрят новостями о похищении.

Загадочность происшедшего просто-таки сводила с ума. Минуту Гилман с Элвудом шепотом делились друг с другом теориями самого безумного толка. Неужто Гилман бессознательно преуспел в своем изучении пространства и его измерений куда больше, нежели рассчитывал? Неужто он и в самом деле ускользал за пределы нашей планеты в области, недоступные ни догадкам, ни воображению? Где же бывал он в ночи демонического отчуждения – если и вправду где-то бывал? Ревущие сумеречные бездны – зеленый склон холма – раскаленная терраса – призывы со звезд – запредельный черный водоворот – Черный Человек – грязный проулок и лестница – старуха-ведьма и клыкастый, мохнатый монстр – сгусток пузырей и многогранничек – странный загар – рана на запястье – необъяснимая фигурка – заляпанные грязью ноги – отметины на горле – рассказы и страхи суеверных иностранцев – что все это значило? Применимы ли здесь вообще законы здравого смысла?

Той ночью никто из них так и не заснул, но на следующий день оба пропустили занятия и вздремнули немного. Было 30 апреля; с приходом сумерек настанет адская пора шабаша, которой так страшились все иностранцы и все суеверные старики. Мазуревич вернулся домой в шесть и рассказал, что рабочие на фабрике перешептываются, будто Вальпургиевы оргии назначены в темном овраге за Луговым холмом, где на поляне, пугающе лишенной всякой растительности, высится древний белый камень. Кое-кто даже подсказал полиции искать пропавшего ребенка Вoleyко именно там, да только никто не верит, будто из этого хоть что-нибудь выйдет. Джо настаивал, чтобы бедный молодой джентльмен надел на шею крестик на никелевой цепочке, и, не желая огорчать соседа, Гилман послушался и спрятал крест под рубашку.

Поздно вечером друзья устроились в креслах; молитвенный речитатив ткацкого подматерья этажом ниже оказывал усыпляющее действие: глаза их закрывались сами собою. Гилман хоть и клевал носом, но бдительности не терял: его сверхъестественно обострившийся слух словно бы пытался уловить на фоне звуков старинного дома некий еле различимый, пугающий шум. В памяти всколыхнулись омерзительные воспоминания о прочитанном в «Некрономиконе» и в «Черной книге»; внезапно Гилман осознал, что раскачивается взад-вперед, подстраиваясь под неопишимо жуткие ритмы, что якобы сопровождают гнуснейшие обряды шабаша и берут свое начало за пределами постижимого нами времени и пространства.

Очень скоро Гилман осознал, к чему прислушивается – к адскому распеvu жрецов в далекой темной долине. Откуда он знал, чего они ждут? Откуда он знал, когда именно Нахаб и ее приспешник вынесут полную до краев чашу, что последует за черным петухом и черным козлом? Видя, что Элвуд заснул, Гилман попытался закричать и разбудить его. Однако отчего-то в горле у него стеснилось. Он не принадлежит сам себе. Разве не поставил он свою подпись в книге Черного Человека?

А затем его возбужденный, болезненный слух уловил далекие, прилетевшие с ветром ноты. За много миль холмов, полей и улиц донеслись они, но Гилман их все равно узнал. Пора зажечь костры; настало время плясок. Как может он удержаться – и не пойти? Что за тенета его опутали? Математика – фольклор – дом – старуха Кезия – Бурый Дженкин – а вот и свежая крысиная нора в стене рядом с его кушеткой. На фоне далекого распева и куда более близких молений Джо Мазуревича послышался новый звук – потаенное, настойчивое царапанье в перегородках. Если бы только электрический свет не погас! В крысиной норе показалось клыкастое, бородатое личико – то самое ненавистное лицо, что, как он с запозданием осознал, пугающе-гротескно повторяет черты старухи Кезии, – и чья-то рука уже возилась с задвижкой двери.

Перед глазами замелькали визжащие сумеречные бездны; во власти бесформенной хватки переливчатого сгустка пузырей Гилман ощущал себя совершенно беспомощным. Впереди неся калейдоскопический многогранничек; на протяжении всего пути через пустоту густел, нарастал, ускорялся зыбкий рисунок тонов, словно предвещая некий невыразимый, невыносимый апофеоз. Гилман, похоже, знал, чего ждать – чудовищного взрыва Вальпургиевых ритмов, в космическом тембре которых сосредоточатся все первичные и конечные пространственно-временные вихри. Вихри эти бушуют за скоплением бесчисленных материальных сфер и порою прорываются в размеренных отзвуках, что слабым эхом пронизывают собою все уровни существования и через все миры придают отвратительный смысл отдельным страшным временам.

Секунда – и все исчезло. Гилман снова был в тесной камерке с конусообразным потолком и покатым полом, залитой фиолетовым светом; взгляд различал низкие ящики с древними книгами, скамью и стол, разные редкости и треугольный провал сбоку. На столе лежало тщедушное белое тельце – маленький мальчик, раздетый и без сознания. По другую сторону зловеще ухмылялась мерзкая старуха, сжимая в правой руке блестящий нож с причудливой рукоятью, а в левой – странной формы чашу из светлого металла, покрытую прихотливой гравировкой и с изящными боковыми ручками. Она нараспев произносила хриплым голосом какое-то заклинание на непонятном Гилману языке, однако ж нечто похожее со всеми предосторожностями цитировалось в «Некрономиконе».

Место действия обрело отчетливость. На глазах у Гилмана старая карга наклонилась вперед и протянула пустую чашу через стол – и, не владея собою, он потянулся навстречу и принял чашу в обе руки, отмечая попутно ее сравнительную легкость. В тот же миг над краем треугольного черного провала слева показалась отвратительная мордочка Бурого Дженкина. Карга жестом велела держать чашу в определенном положении и занесла громадный гротескный нож над крошечной бледной жертвой – так высоко, как смогла. Клыкастая мохнатая тварь, хихикая, подхватила неведомое заклинание; ведьма хрипло произносила омерзительные ответы. Гилман почувствовал, как мучительное, острое отвращение пробилось сквозь умственную и эмоциональную заторможенность, и невесомый металл задрожал в его руке. Секундой позже нож пошел вниз – и чары окончательно рассеялись. Гилман отбросил чашу – она ударилась об пол с лязгом, подобным звону колокола, – и рванулся помешать чудовищному преступлению.

В мгновение ока он метнулся вверх по покатоному полу мимо стола, вырвал нож из старухиных когтей и отшвырнул его прочь; клинок со стуком провалился в узкую треугольную дыру. Но в следующее мгновение роли поменялись: смертоносные когти крепко вцепились ему в горло, а сморщенное лицо исказилось от безумной ярости. Гилман чувствовал, как цепочка дешевого крестика впивается ему в шею, и перед лицом опасности задумался – а что станет с адской старухой при виде распятия? Злобная карга душила его едва ли не со сверхчеловеческой мощью, но он из последних сил пошарил под рубашкой и извлек на свет металлический символ, оборвав цепочку.

Увидев крест, ведьма запаниковала, железная хватка ослабла – достаточно, чтобы Гилман сумел высвободиться. Он оторвал стальные когти от своего горла и спихнул бы каргу в черный провал, если бы та не вцепилась в него снова, словно бы ощутив прилив новых сил. На сей раз Гилман решил отплатить старухе ее же монетой – и в свой черед потянулся к ее шее. Не успела ведьма понять, что он задумал, как Гилман обвил ее шею цепочкой от креста – и сдавил как можно крепче. Пока старуха билась в последних судорогах, что-то укусило его в лодыжку: это Бурый Дженкин подоспел на помощь хозяйке. Одним могучим пинком Гилман отшвырнул уродца за край черного провала: тот жалобно пискнул где-то далеко внизу.

Гилман понятия не имел, убил ли он старую каргу; он просто оставил ее лежать там, где она упала. Юноша отвернулся к столу – и глазам его открылось зрелище, от которого едва не порвалась последняя ниточка разума. Пока он боролся с ведьмой, Бурый Дженкин, жилистый и крепкий, с четырьмя крохотными, дьявольски ловкими ручками, времени зря не терял, и все усилия Гилмана пошли прахом. Своим вмешательством он уберег грудь жертвы от ножа – но не запястье от желтых клыков мохнатого демона: чаша, еще недавно валяющаяся на полу, теперь стояла рядом с безжизненным тельцем, полная до краев.

В сонном бреду Гилман слышал адские, внеземные ритмы распева – отголосок бесконечно далекого шабаша, и знал, что Черный Человек наверняка там. Сбивчивые воспоминания мешались с математикой; Гилману казалось, что подсознание его владеет конфигурацией углов, посредством которых он сумеет вернуться в привычный мир – на сей раз один, без посторонней помощи. Он был уверен, что находится на заколоченном с незапамятных времен чердаке над своей комнатой, но очень сомневался, сможет ли бежать через давным-давно заделанный выход, или, допустим, пробив наклонный пол. Кроме того, покинув чердак из сновидения, не окажется ли он всего-навсего в доме из того же сна – в противоестественном отображении реально существующего места? А он понятия не имел, как именно соотносятся сон и действительность во всех пережитых приключениях.

Значит, ему остается пугающий переход через размытые пропасти: ведь бездны будут вибрировать Вальпургиевыми ритмами и он наконец услышит доселе сокрытую пульсацию Вселенной – то, что внушало ему смертельный ужас. Гилман уже сейчас улавливал низкую чудовищную вибрацию и нимало не заблуждался насчет ее темпа. В день шабаша эта вибрация всегда нарастала и распространялась по всем мирам, призывая посвященных к неназываемым обрядам. Половина распевов шабаша вторили этой смутно различимой пульсации – и ни одно ухо на земле не выдержало бы всей ее разверстой космической полноты. Кроме того, как он может быть уверен, что не окажется на омытом зеленым сиянием склоне холма далекой планеты, на мозаичной террасе над городом чудовищ с щупальцами где-то за пределами галактики или в спиральных черных водоворотах той конечной пустоты Хаоса, где царит бездумный демонический султан Азатот?

Как раз перед тем, как ему совершить прыжок, фиолетовый свет погас – и Гилман остался в непроглядной темноте. Ведьма – старуха Кезия – Нахаб – должно быть, умерла. А на фоне далекого распева шабаша и поскуливания Бурого Дженкина в провале внизу Гилман словно бы различил новый, еще более неистовый вой из неведомых глубин. Джо Мазуревич – молитвы против Ползучего Хаоса внезапно зазвучали необъяснимо торжествующим выкриком – миры сардонической реальности, посягающие на водовороты лихорадочных снов... Йа! Шуб-Ниггурат, Коза с Тысячей Отпрысков...

Гилмана нашли на полу его причудливо спланированной комнаты в старой мансарде задолго до рассвета, ибо на ужасный крик тут же сбежались и Дерошер, и Чойнски, и Домбровски, и Мазуревич; пробудился даже Элвуд, крепко спавший в своем кресле. Гилман был жив, но в полубеспамятстве; открытые глаза неотрывно глядели в никуда. На шее синели отпечатки смертоносных пальцев, а на левой лодыжке обнаружился болезненный крысиный укус. Одежда его была вся измята, креста не доставало. Элвуд задрожал, боясь даже помыслить, как

проявился сомнамбулизм его друга на этот раз. Потрясенный Мазуревич был явно не в себе – ему, дескать, явился некий «знак» в ответ на молитвы – и испуганно крестился всякий раз, как из-за наклонной стены доносились крысиный писк и повизгивание.

Сновидца уложили на кушетку в комнате Элвуда и послали за доктором Малковски – местным практикующим врачом, умеющим при необходимости держать язык за зубами. Врач сделал Гилману две подкожные инъекции – и тот, расслабившись, задремал. В течение дня пациент порою приходил в сознание и бессвязным шепотом пересказывал свой последний сон Элвуду. То был весьма болезненный процесс, причем с самого начала выяснилась новая загадочная подробность.

Гилман – чей слух еще недавно обладал сверхъестественной чуткостью – теперь совершенно оглох. Опять спешно призвали доктора Малковски; и тот сообщил Элвуду, что у пациента – разрыв обеих барабанных перепонок, словно бы под воздействием какого-то звука колоссальной мощности, что человек вынести не в силах. Откуда бы взяться за последние несколько часов такому звуку и почему он не переполюшил всю Мискатоникскую долину, честный доктор ответить не мог.

Элвуд писал свои реплики на бумаге, так что поддерживать разговор труда не составило. Оба не знали, что и думать о сумбурных событиях, и решили, что самое лучшее – вообще о них больше не вспоминать. Друзья, однако, сошлись на том, что древний проклятый дом необходимо покинуть, как только переезд станет возможен. В вечерних газетах рассказывалось о полицейской облаве на подозрительных гуляк в ущелье за Луговым холмом незадолго до рассвета; упоминалось и о стоячем белом камне, что испокон веков служил объектом суеверного поклонения. Никого, впрочем, не задержали: но среди разбежавшихся участников оргии заметили дюжего негра. В соседней колонке говорилось, что никаких следов пропавшего ребенка именем Ладислас Волейко не найдено.

Но той же ночью случилось самое страшное. Элвуд так и не смог позабыть об этом кошмаре и вынужден был оставить занятия вплоть до конца семестра – с ним приключился нервный срыв. Ему казалось, весь вечер напролет он слышал в стенах крысиную возню, да только не придавал этому значения. А затем, спустя много времени после того, как они с Гилманом улеглись спать, раздался душераздирающий крик. Элвуд вскочил с постели, включил свет, кинулся к гостевой кушетке. Лежащий издавал звуки, в которых не осталось ничего человеческого – словно терзаемый неопишуемой мукой. Он извивался и корчился под покрывалом, а на ткани постепенно проступало огромное красное пятно.

Элвуд не смел к нему прикоснуться – но мало-помалу вопли и корчи прекратились. К тому времени в дверях уже столпились Домбровски, Чойнски, Дерошер, Мазуревич и жилец с верхнего этажа; а жену хозяин послал позвонить доктору Малковски. Внезапно все завизжали: здоровенная, похожая на крысу тварь выпрыгнула из-под окровавленного постельного белья и побежала через всю комнату к свежей норе. Когда же прибыл доктор и осторожно приподнял страшные покрывала, Уолтер Гилман был уже мертв.

Можно лишь предположить, что убило Гилмана, – вдаваться в подробности было бы слишком жестоко. Кто-то выгрыз ему сердце, проев тело почти насквозь. Домбровски, вне себя от того, что все его попытки отравить крыс заканчиваются ничем, выбросил из головы все мысли об аренде и еще до конца недели перебрался вместе со всеми своими прежними жильцами в обветшалый, но не настолько старый дом на Уолнат-стрит. Труднее всего оказалось утихомирить Джо Мазуревича: унылый ткацкий подмастерье напивался всякий день и неумолчно ныл да бормотал что-то про призраков и прочие ужасы.

Как выяснилось, в ту последнюю жуткую ночь Джо наклонился приглядеться к алым крысиным следам, что вели от кушетки Гилмана к ближайшей норе. На ковре отпечатки терялись, но между краем ковра и плинтусом оставался промежуток настила. Там Мазуревич обнаружил нечто чудовищное – или так ему показалось, потому что никто другой так с ним и не согла-

сил, невзирая на бесспорную необычность следов. Дорожка на полу и впрямь совершенно не походила на обычные отпечатки крысиных лап, но даже Чойнски с Дерошером отказывались признавать, насколько они напоминали оттиски четырех крохотных человеческих рук.

С тех пор дом больше не сдавался внаем. Как только Домбровски съехал, на здание опустился покров окончательного запустения: люди избегали его в силу прежней репутации, а также и из-за возникшего непонятно откуда зловония. Видимо, крысиный яд бывшего домовладельца все-таки сработал, потому что вскоре после его отъезда запах из особняка стал изрядно досажать соседям. Санитарная инспекция проследила источник смрада до заколоченных пустот над восточной комнатой в мансарде и рядом с нею, и сошлись на том, что крысы тут, верно, передохло бесчисленное множество. Однако ж было решено, что не стоит трудиться взламывать и дезинфицировать давно заделанные помещения: тяжелый дух скоро развеется, а район тут не из тех, где пристало привередничать. И в самом деле, по району всегда ходили смутные слухи о необъяснимом зловонии, что ощущалось на верхних этажах Ведьмино дома сразу после кануна первого мая и Дня Всех Святых. Соседи неохотно смирились с бездействием властей – но тем не менее смрад послужил дополнительным аргументом против дома. В итоге инспектор по строительству признал особняк непригодным к проживанию.

Сны Гилмана и сопутствующие им обстоятельства объяснить так и не удалось. Элвуд, чья версия событий порою способна свести с ума, вернулся в колледж следующей осенью и закончил его в июне. Он обнаружил, что городских сплетен на тему призраков изрядно поубавилось; не приходится отрицать, что со времен гибели Гилмана ни старуха Кезия, ни Бурый Дженкин больше не появлялись – невзирая на отдельные слухи про зловещее хихиканье в покинутом доме, слухи, просуществовавшие почти столько же, сколько само здание. Элвуду, пожалуй, повезло, что его не было в Аркхеме в тот год, когда некие события внезапно возродили к жизни местные рассказы о древних ужасах. Разумеется, впоследствии он о событиях узнал и испытал невыразимые муки, в замешательстве строя догадки самые мрачные; но лучше уж гадать, чем находиться рядом и, чего доброго, насмотреться на такое, чего видеть не стоит.

В марте 1931 года ураган сорвал с пустого Ведьмино дома крышу и высокую трубу, так что мешанина из растрескавшихся кирпичей, почерневшей мшистой дранки и прогнивших досок и брусьев обрушилась в мансарду и продавила в ней пол. Весь верхний этаж завалило обломками сверху, но никто не потрудился разгрести этот мусор, вплоть до неизбежного сноса обветшалого строения. Этот решающий шаг был предпринят в следующем декабре; именно тогда прежнюю гилманову комнату с неохотой расчистили боязливые рабочие – и по городу опять поползли пересуды.

Среди всякого хлама, что просыпался сквозь старинный покатый потолок, обнаружилось такое, отчего рабочие остоленели – и тут же вызвали полицию. Позже полиция в свою очередь призвала следователя и нескольких университетских профессоров. Нашлись кости – раздробленные и перемолотые, но вполне узнаваемо человеческие – однако ж, как ни странно, датировались они сравнительно недавним периодом, в то время как единственное место, способное послужить им укрытием, то есть низкий чердак с покатым полом, был, по-видимому, заколочен и ни для кого не доступен вот уже много лет. Врач при следователе определил, что часть косточек принадлежала маленькому ребенку, а другие найденные вперемешку с ключьями прогнившей бурой ткани, – довольно низкорослой и согбенной женщине преклонных лет. После того как мусор был тщательно просеян, на свет извлекли множество крохотных косточек, останки угодивших под обвал крыс, а также и крысиные косточки более старые, обглоданные острыми клычками – что наводило на противоречивые размышления.

А еще во всей этой мешанине обнаружили фрагменты множества книг и бумаг и желтоватая пыль – все, что осталось от разложившихся книг и бумаг, еще более древних. По-видимому, все они без исключения были посвящены черной магии в ее наиболее продвинутых и чудовищных формах; а то, что некоторые предметы явно относятся ко времени более позд-

нему, до сих пор не поддается объяснению – точно так же как и тайна свежих человеческих костей. Еще большее недоумение вызывает абсолютное единообразие неразборчивых архаических записей на огромном количестве бумаг, состояние которых, равно как и водяные знаки, предполагает временной промежуток по меньшей мере от 150 до 200 лет. Однако ж некоторые считают, что главная тайна – это множество совершенно необъяснимых предметов, разбросанных среди мусора и в разной степени поврежденных – предметов, форма, материал, способ исполнения и предназначение которых ставят в тупик. В числе этих находок, что привели в восторг нескольких профессоров Мискатоникского университета, была и изрядно попорченная чудовищная статуэтка, явно схожая со странной фигуркой, что Гилман подарил музею колледжа, – только крупнее, сработанная не из металла, а из характерного синеватого камня, и стояла она на причудливо угловатом пьедестале, покрытом неразборчивыми иероглифами.

Археологи и антропологи по сей день пытаются объяснить странные узоры, выгравированные на смятой чаше из какого-то легкого металла: с внутренней стороны она была покрыта зловещими бурыми пятнами. Иностранцы и легковерные старушки также готовы порассуждать насчет современного никелевого крестика с оборванной цепочкой: его тоже нашли в мусоре, а Джо Мазуревич, дрожа, опознал в нем то самое распятие, что сам подарил бедняге Гилману много лет назад. Иные полагают, что это крысы утащили крестик на заколоченный чердак, а другие считают, будто он так с тех пор и валялся на полу в уголке старой гилмановой комнаты. А третьи, включая Джо, строят догадки настолько дикие и фантастические, что на трезвую голову и не поверишь.

Когда же разобрали наклонную стену гилмановой комнаты, в заколоченном треугольном зазоре между этой перегородкой и северной стеной дома обнаружилось куда меньше строительного мусора, нежели в комнате, даже принимая во внимание небольшие размеры, и однако ж пол покрывал жуткий слой останков более древних: при виде него рабочие заledenели от ужаса. Вкратце, зазор служил самым настоящим склепом, битком набитым костями маленьких детей: часть их относилась к современности, другие – чем дальше, тем древнее, – принадлежали к периодам настолько давним, что почти рассыпались в прах. На этом плотном слое костей покоился огромный нож, явно очень древний, гротескный, изысканно украшенный, фантастической формы – а сверху на него был навален всякий хлам.

В куче всего этого хлама, между поваленной балкой и грудой зацементированных кирпичей от развалившейся трубы, застрял предмет, которому суждено было вызвать в Аркхеме куда больше недоумения, завуалированного страха и откровенно суеверных пересудов, нежели все прочие находки из облюбованного призраками проклятого здания. То был полураздавленный скелет гигантской крысы-переростка, чьи уродства по сей день служат предметом споров среди представителей кафедры сравнительной анатомии Мискатоникского университета и при том столь многозначительно замалчиваются. Крайне немного об этом скелете просочилось за пределы кафедры, но рабочие, обнаружившие находку, потрясенно перешептывались, обсуждая ключья длинной бурой шерсти.

По слухам, кости крохотных лапок наводили на мысль о хватательных свойствах, более типичных для небольшой мартышки, нежели для крысы; а маленький череп с хищными, противоестественными желтыми клыками под определенным углом казался миниатюрной пародией на чудовищно выродившийся череп человека. Обнаружив этого кошунственного уродца, работники в страхе перекрестились – а после поставили свечи в церкви Святого Станислава в благодарность за то, что никогда больше не услышат визгливого, призрачного хихиканья.

Показания Рэндольфа Картера

Перевод Олега Колесникова

Повторяю вам, джентльмены: дознание, которое вы проводите, не даст никакого результата. Хотя целую вечность удерживайте меня здесь, заточите в темницу, казните меня – если считаете нужным принести жертву мнимому божеству, что зовется «правосудием», – ничего нового вы от меня не услышите. Я рассказал все, что помню, поведал как на духу, ничего не скрывая и не искажая, а если что осталось непроявленным – виной тому мгла, застилавшая мой рассудок, и непостижимая природа тех ужасов, что ее вызвали.

Повторяю: я не знаю, что случилось с Харли Уорреном, хотя думаю – по крайней мере, надеюсь, – что он пребывает в безмятежном забытии, если, конечно, столь благословенная вещь вообще существует. Истинно то, что на протяжении пяти лет я был его ближайшим другом и верным спутником в опаснейших изысканиях в области неизведанного. Не стану также отрицать – особенно потому, что моя собственная память стала слаба, – что человек, который свидетельствовал здесь, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь в половине двенадцатого на Гейнсвилльском пике, направляющихся, по его словам, в сторону Большой кипарисовой топи. То, что мы несли электрические фонари, лопаты и моток провода, соединяющий какие-то аппараты, я готов подтвердить и под присягой, ибо эти предметы играли важную роль в той чудовищной истории, разрозненные фрагменты которой глубоко врезались мне в память, как бы та ни была слаба и ненадежна. Но о том, что произошло впоследствии и почему меня обнаружили наутро на краю болота одного и в невменяемом состоянии, – я не способен поведавать ничего помимо того, что уже устал вам повторять. Вы утверждаете, что ни на болоте, ни где-либо рядом нет места, подходящего под описанный мною кошмарный эпизод. Я повторяю, что только описываю увиденное собственными глазами. Было это видением или бредом – о, я надеюсь, что видением или бредом! – не знаю, но это все, что сохранилось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы пребывали исключительно друг с другом, вдали от прочих людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, способен ответить только он сам, или его тень, или та сущность, для которой у меня нет названия и которую я не в силах описать.

Я не скрывал, что не только был в курсе того, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и отчасти принимал в них участие. Я прочитал все книги из его обширной коллекции старинных раритетов на запретные темы, что написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, оказалось меньшинство по сравнению с фолиантами, исписанными абсолютно не понятными мне значками. Большая часть из них, насколько я могу судить, были арабскими, но та вдохновенная нечистой силой книга, что привела к чудовищной развязке – он унес ее с собой в кармане, – была написана знаками, подобных которым я нигде и никогда не встречал. Уоррен же ни за что не соглашался открыть мне, о чем она. Что же касается характера наших штудий – могу лишь повторить, что теперь уже не вполне это представляю. И, говоря откровенно, даже рад своей забывчивости, потому что в целом они были жутковаты, и я принимал участие скорее с деланным энтузиазмом, нежели с искренним интересом. Уоррену всегда удавалось помыкать мною, и я его отчасти даже побаивался. Помню, мне стало не по себе от выражения его лица накануне этого ужасного происшествия, когда он увлеченно излагал мне свои соображения относительно того, почему некоторые трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в могилах, неподвластные тлену. Но теперь я не боюсь его; сам он, похоже, столкнулся с такими ужасами, по сравнению с которыми мой страх ничто. Теперь я боюсь за него.

Повторяю снова, что не имею внятного представления о наших намерениях той ночью. Несомненно лишь, что это было тесным образом связано с книгой, которую Уоррен захватил с собой, – упомянутой уже древней книгой, написанной непонятным алфавитом, полученной им по почте из Индии месяц назад, – но, клянусь, я не знаю, что именно мы предполагали найти. Свидетель утверждает, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвилльском пике направляющимися в сторону Большой кипарисовой топи. Возможно, так оно и было, но в памяти у меня все расплывчато. Врезалась мне в душу и опалила ее сцена, явно имевшая место значительно позже; полагаю, было уже далеко за полночь, поскольку серп луны застыл высоко в мгlistых небесах.

Окружало нас старое кладбище, настолько древнее, что я испытывал трепет, глядя на многочисленные приметы глубокой старины. Располагалось оно в глубокой сырой ложине, заросшей мхом, редкой травой и причудливо стелющимися сорняками. Неприятный запах в этой ложине в моем воображении абсурдным образом вязался с гниющим камнем. Нас окружали дряхлость и запустение, и меня не покидала мысль, что за многие века мы с Уорреном – первые живые существа, нарушившие безмятежность здешних могил. Бледная ущербная луна тускло проглядывала над краем ложбины сквозь нездоровые испарения, струившиеся, казалось, из каких-то невидимых катакомб, и в ее слабом свете я различал зловещие очертания древних плит, урн, кенотафов и фасадов мавзолеев; все это было разрушающимся, поросшим мхом, потемневшим от времени и наполовину скрытым в буйно разросшейся вредоносной растительности.

Мое первое яркое впечатление от этого чудовищного некрополя: мы с Уорреном остановились возле какой-то древнего вида гробницы и скинули на землю то, что принесли с собой. Возле меня лежали две лопаты и электрический фонарь, а возле моего спутника – точно такой же фонарь и переносные телефонные аппараты. Мы не проронили ни слова – и место, и наша цель были нам, похоже, хорошо известны – и, не теряя времени, взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипшую землю с древнего плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, составленную из трех тяжелых гранитных плит, мы чуть отошли назад, посмотреть со стороны на представшую нам картину, а Уоррен, похоже, делал в уме какие-то прикидки. Вернувшись к гробнице, он, орудуя лопатой как рычагом, попытался приподнять плиту, ближайшую к груде камней, которая, должно быть, в свое время представляла собой памятник. Не преуспев в этом, он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями мы расшатали каменный блок, приподняли его и поставили на торец.

На месте удаленной плиты зиял черный провал, из которого хлынули настолько тошнотворные миазмы, что мы в ужасе отпрянули. Спустя некоторое время, когда испарения стали менее густыми, мы снова приблизились к яме. Наши фонари осветили верхние ступени, сочащиеся какой-то мерзкой подземной сукровицей, каменной лестницы, ограниченной по сторонам влажными стенами с налетом селитры. Именно тогда прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова – их произнес Уоррен, обращаясь ко мне, и голос его, несмотря на кошмарную обстановку, был таким же спокойным, как всегда.

– К великому сожалению, – сказал он, – вынужден просить тебя оставаться здесь, наверху. Было бы преступлением с моей стороны позволить человеку с такими слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда. Ты не можешь даже вообразить, несмотря на все прочитанное и услышанное от меня, что суждено увидеть и совершить мне. Это дьявольская миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы, после всего того, что предстоит мне увидеть внизу, вернуться в наш мир живым и в здравом уме. Не хочу обидеть тебя, и, видит Бог, я рад, что сейчас ты со мной, но вся ответственность за предстоящее в некотором роде лежит на мне, а я не считаю себя вправе приводить такой сгусток нервов, как ты, к порогу возможной смерти или безумия. Твоему воображению недоступно то, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя

в известность по телефону о каждом своем движении, а провода, как видишь, у нас хватит до центра Земли и обратно.

Эти бесстрастно произнесенные слова все еще звучат у меня в ушах, и я хорошо помню свои протесты. Я отчаянно упрашивал его взять меня с собой в глубины гробницы, но он оставался неумолимым и даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать. Именно эта угроза и подействовала, ибо лишь у него был ключ к тайне. Этот момент я хорошо помню, а вот чего ради мы туда прибыли – сказать теперь не могу. Добившись от меня безусловного согласия во всем слушаться его, Уоррен поднял с земли провод и подключил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый заплесневелый камень рядом с проходом в гробницу. Уоррен пожал мне руку, накинул моток провода на плечо и начал спускаться в недра мрачного склепа.

С минуту мне были видны отсветы его фонаря и слышно шуршание скидываемого витками с плеча провода, но потом свет резко исчез, будто лестница сделала резкий поворот, и почти тут же стихли и звуки. Я остался в одиночестве, хотя и со связью с неведомыми безднами через волшебную нить, изоляция которой зеленовато отсвечивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело светил фонарем на циферблат часов и с лихорадочным беспокойством прижимал ухо к телефонной трубке, однако на протяжении четверти часа так и не услышал ни звука. Потом в трубке раздался слабый треск, и я в тревоге выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на терзающие меня предчувствия, я оказался никак не готов услышать те слова, что устройство донесло до меня из глубин чертова склепа, произнесенные таким встревоженным, дрожащим голосом, что я не сразу опознал Харли Уоррена. Еще совсем недавно такой невозмутимый и бесстрастный, теперь он говорил шепотом, звучащим страшнее, чем душераздирающий вопль:

– Боже! Если бы ты только мог видеть то, что вижу я!

Я не смог вымолвить ни слова. Только безмолвно ждал. Затем испуганный шепот продолжил:

– Картер, это ужасно... чудовищно... невообразимо!

Наконец я смог совладать со своим голосом и разразился потоком полных тревоги вопросов. Вне себя от ужаса я повторял снова и снова:

– Уоррен, что там? Что там?

Я вновь услышал голос друга – искаженный страхом голос, в котором были отчетливо слышны нотки отчаяния:

– Я не могу сказать тебе, Картер! Это выше всякого понимания... я не должен говорить тебе... никакой человек не способен выжить, узнав об этом! Великий Господь! Я ожидал чего угодно, но только не такого!

В трубке установилось молчание, несмотря на бессвязный поток вопросов с моей стороны. Потом опять прозвучал голос Уоррена – похоже, на высшей ступени уже не сдерживаемого ужаса:

– Картер, во имя любви к Господу, верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорее! Сделай так и убегай скорее – это твой единственный шанс на спасение! Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал это и тем не менее продолжал испуганно повторять вопросы. Вокруг меня были могилы, тьма и тени; внизу подо мной – ужас, недоступный человеческому пониманию. Но мой друг пребывал в еще большей опасности, чем я, и, несмотря на испуг, мне было обидно, что он полагает меня способным бросить его в таких обстоятельствах. В трубке прозвучали еще несколько щелчков, а затем отчаянный вопль Уоррена:

– Уматывай скорее! Ради Бога, столкни плиту на место и уматывай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустился до просторечных выражений, свидетельствовало о крайней степени его потрясения, и это оказалось последней каплей. Приняв вдруг решение, я прокричал:

– Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

На эти слова трубка откликнулась воплем, в котором сквозило уже полное отчаяние:

– Не делай этого! Ты не понимаешь!.. Уже слишком поздно... И лишь я один виноват!

Столкни плиту и беги – мне уже никто не поможет!

Тон Уоррена опять изменился – сделался мягче, в нем стала слышна горечь безнадёги, но при этом ясно звучала тревога за мою судьбу.

– Скорее, а то будет поздно!

Я пытался не слишком вслушиваться в его увещевания, стараясь стряхнуть сковавший меня паралич и броситься ему на помощь. Но когда он обратился ко мне в очередной раз, я все еще сидел без движения, скованный леденящим ужасом.

– Картер, торопись! Не теряй времени! Все бесполезно... тебе нужно уходить... лучше я один, чем мы оба... плиту...

Пауза, щелчки, и вслед за тем слабый голос Уоррена:

– Почти все кончено... не продлевай этого... завали вход на чертову лестницу и беги со всех ног... ты зря теряешь время... прощай, Картер... прощай навсегда...

Внезапно Уоррен перешел с шепота на крик, переходящий в вопль, исполненный тысячелетнего ужаса:

– Будь они прокляты, эти исчадия ада!.. их здесь легионы!.. Господи!.. Беги! Беги! БЕГИ!

После этого наступила тишина. Бог знает сколько тысячелетий я просидел ошеломленный, бормоча, взывая и выкрикивая в телефонную трубку. Уходило тысячелетие за тысячелетием, а я все сидел и шептал, звал, кричал и вопил:

– Уоррен! Уоррен! Ответь мне – ты все еще здесь?

А потом на меня обрушился ужас, явившийся апофеозом всего происшедшего – невыносимый, невообразимый и почти необъяснимый. Я уже сказал, что, казалось, многие тысячелетия миновали с тех пор, как Уоррен выкрикнул последнее отчаянное предупреждение, и с тех пор лишь мои крики нарушали гробовую тишину. Однако спустя все это время в трубке снова раздались щелчки, и я весь обратился в слух.

– Уоррен, ты здесь? – снова позвал я, но в ответ мой рассудок накрыло непроглядной мглой. Я даже не пытаюсь дать себе отчет о том, что именно имею в виду, джентльмены, и не решаюсь как-то описать это, ибо первые же услышанные мною слова лишили меня чувств и привели к тому провалу в памяти, что продолжается вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Имеет ли смысл говорить о том, что голос казался низким, вязким, глухим, отдаленным, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Что еще могу я рассказать? На этом заканчиваются мои воспоминания, и далее я не способен поведать ничего. Услышав этот голос, донесшийся из глубин зияющего спуска в склеп, я впал в беспамятство – на неведомом кладбище в глубокой сырой лощине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, где все оплетено растениями и пропитано зловонными испарениями – и сидел, оцепенело наблюдая за пляской под бледной ущербной луной бесформенных, питающихся трупами теней.

А произнес он вот что:

– Идиот! Уоррен МЕРТВ!

В поисках неведомого Кадата

Перевод Дениса Афиногенова

Трижды грезился Рэндольфу Картеру чудесный город, и трижды Картер пробуждался в тот самый миг, когда выходил на высокую террасу, с которой открывался великолепный вид: сверкали в лучах заката многочисленные купола, колоннады, мраморные арки мостов, облаченные в серебро фонтаны, что украшали широкие площади и тенистые сады; вдоль улиц тянулись ряды деревьев, цветочные клумбы и статуи из слоновой кости, а на севере карабкались на крутые склоны холмов островерхие красные крыши, целое море крыш, волны которого отделялись друг от друга вымощенными булыжником переулками. Переполняемый восторгом, Картер будто слышал пение небесных труб и звон цимбал. Подобно тучам вокруг легендарной горы, на вершину которой не ступала нога человека, город окутывала тайна; и когда Картер, трепетавший в предвкушении чуда, взирал с балюстрады, его терзали воспоминания о былой красоте мира и он рвался туда, где обитала некогда эта красота.

Он знал, что каким-то образом связан с тем городом, хотя и не мог сказать, в каком из воплощений, во сне или наяву он бывал там. Картер смутно припоминал далекую юность, когда каждый день обещал радость и удовольствие, а рассветы и закаты словно вторили песням и звукам лютни, отворяя огненные врата, за которыми скрывались еще более грандиозные чудеса. Ночь за ночью на высокой мраморной террасе с ее диковинными вазами и изваяниями, глядя на раскинувшийся внизу в лучах заходящего солнца прекрасный город, Картер ощущал невидимые путы, которые набросили на него деспотические божества сновидений: ибо как ни стремился он покинуть возвышение, спуститься по широким лестницам к древним мощеным улочкам, все было напрасно.

Проснувшись в третий раз, осознав, что так и не сумел достичь желаемого, он принялся молиться и долго и пылко взывал к капризным божествам, таящимся за облаками на вершине неведомого Кадата, что высился посреди холодной пустыни. Но боги не ответили ему, даже когда он воззвал к ним во сне, даже когда принес жертву, назначенную бородами жрецами Нашт и Кама-Таха, чей пещерный храм с огненным столбом расположен недалеко от ворот в мир яви. Впрочем, молитвам его все же вняли, однако иначе, нежели он рассчитывал: уже после первого моления чудесный город перестал являться ему во сне, будто он, Рэндольф Картер, чем-то оскорбил богов или нарушил их волю.

Наконец, истомившись от тоски по сверкающим улицам, извилистым переулкам и островерхим крышам, Картер с мужеством отчаяния вознамерился попасть туда, где не бывал до сих пор ни один человек, – преодолеть мрак ледяной пустыни и достичь неведомого Кадата, окутанного облаками и увенчанного звездами, на вершине которого стоит ониксовый замок Великих.

Погрузившись в легкую дрему, он спустился по семидесяти ступенькам в пещеру пламени и поведал о своем замысле бороатым жрецам Нашт и Кама-Таха. Те покачали головами и сказали лишь, что он погубит душу. Они утверждали, что искушать Великих просьбами по меньшей мере безрассудно, и напомнили Картеру, что никому из смертных не известно, где находится Кадат – то ли в краях грез поблизости от нашего мира, то ли в непознанной дали, у Фомальгаута или Альдебарана. Лишь троим удалось пересечь темные провалы между мирами грез, и двое потеряли разум. Опасностей на пути не перечесать, а в конце путника поджидает ужас, обитающий за пределами упорядоченного космоса, последний осколок первобытного хаоса, оскверняющий пространство в самом центре бесконечности, – султан демонов Азатот, имя которого не смеют произносить ничьи уста. Он восседает в своих темных палатах

вне времени, внимая оглушительному грохоту барабанов и пронзительному визгу колдовских дудок, наблюдая за неуклюжими движениями Других Богов, слепых, немых, мрачных божеств, чьим посланцем является ползучий хаос Ньярлатотеп.

Так предостерегали Картера бородатые жрецы Нашт и Кама-Таха в пещере пламени, однако Рэндольф не пожелал отказаться от своего намерения отыскать неведомый Кадат, где бы тот ни был, и вызнать у богов, которые восседают на его вершине, местонахождение чудесного города. Он знал, что путь будет долгим и трудным, что Великие воспротивятся его попыткам, но, поскольку был не новичком в стране грез, надеялся, что сумеет преодолеть все и всяческие преграды. Испросив благословения жрецов, он сошел по семидесяти ступеням к Вратам Глубокого Сна, миновал их и очутился в зачарованном лесу.

Там, под сенью кряжистых дубов, ветви которых переплетались между собой, а стволы поросли диковинным светящимся мхом, обитали загадочные зуги, ведавшие многие тайны мира грез и располагавшие кое-какими познаниями о мире яви, ибо их лес в двух местах соприкасался с землями людей (сказать, где именно, значило бы потрясти основы мироздания). Там, куда имели доступ зуги, среди людей возникали невообразимые слухи, происходили необъяснимые события, творились невероятные дела, и нам повезло, что они не могут существовать вдали от края сновидений. В своем же собственном мире они странствуют свободно, шныряют по нему едва различимыми бурными тенями, жадно впитывают все, что случается вокруг, чтобы потом, вернувшись в лес, рассказать собравшимся перед очагом сородичам. Большинство зугов живут в норах, но некоторые селятся в дуплах деревьев; питаются они в основном древесными грибами, однако не брезгают и мясом, и многие из сновидцев, забредавших в зачарованный лес, так и не выбрались оттуда. Тем не менее Картер не испытывал страха; он неоднократно бывал у зугов, научился их языку; заключил с ними союз. Они даже помогли ему отыскать блистающий Селефаис в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, город, которым правил полгода король Куранес, знакомец Картера в мире яви, известный ему под другим именем. Куранес единственный преодолел звездный провал и не сошел с ума.

Шагая по тропинке, что вилась меж гигантских стволов, Картер время от времени издавал нечто вроде птичьей трели и прислушивался, не прозвучал ли ответ. Он помнил, что одно селение зугов находится прямо посреди леса, там, где выстроились в круг на поляне громадные замшелые валуны – творение древнего, всеми ныне позабытого народа, – и направился туда. Вскоре он разглядел впереди исполинский серо-зеленый монолит, возвышавшийся над макушками деревьев, и догадался, что теперь до селения зугов подать рукой. Он снова издал тот же переливистый звук, и на поляну высыпали крошечные существа. Их было не перечесть. Наиболее дикие принялись немилосердно толкать Картера, а один даже укусил его за ухо. Впрочем, старики быстро утихомирили непосед. Мудрецы совета, признав гостя, предложили ему напиток из коры призрачного дерева, что выросло из семени, которое уронил кто-то из лунных жителей. Картер пригубил вино, как того требовал обычай, и начался весьма странный разговор. К сожалению, зуги не ведали, где расположен Кадат, не могли сказать, в каком из миров грез простирается холодная пустыня – в нашем или нет. Наверняка можно было утверждать лишь одно: богов следует искать не в долинах, а на вершинах гор, ибо там они танцуют, когда с неба светит луна, а облака стелются по земле.

Однако нашелся дряхлый зуг, который припомнил то, что забыли или никогда не знали остальные. По его словам, в Ультаре, за рекой Скай, хранилась копия прославленных Пнакотических манускриптов, написанных в незапамятные времена людьми из некоего северного королевства в мире яви и попавших в страну сновидений, когда волосатые каннибалы-гнофкесы захватили многокупольный Олатоэ и перебили всех героев края Ломар. В этих манускриптах, уверял зуг, часто упоминаются боги.

Рэндольф Картер поблагодарил зугов, которые подарили ему на прощание бутылку с напитком из коры лунного дерева, и двинулся через фосфоресцирующий лес в направлении

бурной реки Скай, которая свергается водопадом с круч Лериона и течет по равнине, где высятся Хатег, Нир и Ультар. Он шагал не оглядываясь, а за ним по пятам крались несколько зугов, решивших узнать, что станется с человеком, и донести весть о том до своих соплеменников. За селением лес сделался гуще; Картер пристально вглядывался во мрак, чтобы не пропустить место, где деревья вдруг расступятся и покажется лужайка. На краю лужайки следовало резко свернуть в сторону, ибо посреди нее торчал черный камень (как утверждали те, кто осмелился приблизиться, из камня выступало железное кольцо). Зуги не отличались храбростью, а потому не подходили к замшелому валуну. Вдобавок они ежедневно видели громадные монолиты по соседству с селением и понимали, что «древний» вовсе не обязательно значит «мертвый».

Картер свернул как раз там, где было нужно, и услышал шепоток пугливых зугов. Он давно привык к их странностям и ничуть не сомневался, что они последуют за ним; пожалуй, даже удивился бы, случись наоборот. На опушку леса он вышел в рассветных сумерках. Вдалеке, на берегу Ская, виднелись соломенные крыши крестьянских домишек, из печных труб поднимался дымок, а вокруг, насколько хватало глаз, простирались разделенные изгородями поля. Картер направился к реке. Когда он остановился у деревенского колодца, чтобы попить воды, псы во всех дворах залились лаем, почуяв укrywшихся в траве зугов. Заглянув в один из домов, Картер начал было расспрашивать о богах, но крестьянин и его жена дружно заохали, сделали знак, призванный уберечь от сглаза, и смогли только объяснить путнику, как добраться до Нира и Ультара.

В полдень Картер ступил на широкие улицы Нира. Он бывал когда-то в этом городе, но дальше не заходил. Через Скай был переброшен: мост, и, перейдя на противоположный берег, Картер словно очутился в кошачьем царстве, а значит, понял он, до Ультара осталось всего ничего. Старинный ультарский закон гласит, что никто не смеет убивать кошек, потому что их там видимо-невидимо. Странник любовался пригородами с их зелеными аккуратными домиками, а сам Ультар произвел на него еще более благоприятное впечатление: островерхие крыши, нависающие над переулками балконы, бесчисленные печные трубы, узкие улочки, заполненные котами всех возрастов и мастей. Появление зугов заставило животных освободить дорогу, и Картер двинулся напрямик к храму Древних, где хранились, по слухам, старинные записи. Увитый плющом храм стоял на вершине самого высокого из ультарских холмов. Оказавшись в его стенах, Картер поспешил разыскать патриарха Атала, который поднимался на запретный пик Хатег-Кла и избегал кары богов.

Атал восседал на троне из слоновой кости в святилище на верху храма. Он разменял четвертую сотню, но был по-прежнему крепок рассудком и памятью. Картер узнал от него, что боги Земли не столь уж могущественны: обитатели мира грез едва ли повинуются им. Да, повинуюсь собственной прихоти, они могут внять молитвам человека, но о том, чтобы достичь их ониксовой твердыни на вершине неведомого Кадата, нечего и мечтать. Хорошо, что никто из людей даже не подозревает, где высится Кадат, ибо того, кто взойдет по его склону, ожидает смерть. Атал поведал о своем товарище, Барзае Мудром, которого затянуло в небо лишь потому, что он взобрался на пик Хатег-Кла. Что же касается Кадата, смерть будет ничтожнейшим из наказаний тому, чья нога ступит на вершину горы, ибо кроме богов Земли, которых можно перехитрить, существуют Другие Боги. Пришедшие извне, они охраняют земных божеств, и о них лучше не вспоминать. Они нисходили на Землю по крайней мере дважды: в первый раз, как то явствует из Пнакотических манускриптов, в доисторические времена, а во второй – когда Барзай Мудрый вознамерился увидеть танец земных богов на Хатег-Кла. И вообще, заключил Атал, безопаснее всего оставить небожителей в покое и не докучать им своими просьбами.

Разочарованный словами Атала и теми скудными сведениями, которые обнаружил в Пнакотических рукописях и семи Тайных Книгах Хсана, Картер тем не менее не отчаялся. Он

спросил у старого жреца, не известно ли тому о чудесном городе, озаренном лучами заходящего солнца. Атал отвечал отрицательно и прибавил, что, возможно, тот город принадлежит миру грез Картера, то есть являлся в сновидениях лишь ему одному и – как знать – может помещаться на другой планете. В таком случае боги Земли будут бессильны помочь. Однако судя по тому, что сны прекратились, Великие тут все же замешаны.

Затем Картер совершил грех: он напоил гостеприимного хозяина вином из коры лунного дерева, которым его столь щедро наделили зуги. Старик разговорился, позабыл об осторожности и выболтал многое из того, о чем должен был молчать. Он упомянул об огромном лице, вырезанном в камне горы Нгранек на острове Ориаб в Южном море, намекнул, что этот барельеф, скорее всего, дело рук земных божеств, танцевавших когда-то на той горе.

Картера словно осенило. Он знал, что молодые боги часто навещают человеческих дочерей – значит, в жилах крестьян на краю холодной пустыни, над которой возвышается Кадат, должна течь их кровь. Следовательно, чтобы отыскать пустыню, необходимо взглянуть на лицо в склоне Нгранека и запомнить черты, а затем пуститься на поиски подобных лиц среди смертных. Там, где сходство будет наиболее явным, и следует расспрашивать о богах; а каменная пустыня, сколь бы убогой она ни выглядела, окажется именно той, что прячет неведомый Кадат.

Возможно, он сумеет побольше разузнать о Великих; ведь те, кто унаследовал их кровь, могли перенять от предков некие знания, весьма и весьма полезные для искателя истины. Возможно, они не подозревают о своем происхождении, поскольку божества всячески избегают являться людям. Однако им на роду написано выделяться, быть не такими как все, петь о далеких краях и дивных садах, столь непохожих даже на пейзажи мира грез. Соседи наверняка перешептываются и называют их глупцами. Что ж, если ему посчастливится, подумалось Картеру, его посвятят в древние тайны Кадата или, на худой конец, поведают, где лежит чудесный город, который купается в багрянце заката.

Атал, увы, не знал, в какой стороне находятся остров Ориаб и гора Нгранек, но посоветовал Картеру следовать за течением певучего Ская до того места, где река вливается в Южное море; там не бывал никто из горожан Ультара, за исключением купцов, что ходили туда на челнах или снаряжали караваны из множества запряженных мулами двухколесных повозок. В устье Ская стоял большой город Дайлат-Лин, пользовавшийся у ультарцев дурной славой из-за того, что в его порту частенько появлялись черные галеры; они приплывали из неведомой дали с полными трюмами драгоценных камней. Те, кто торговал этими самоцветами, выглядели обыкновенными людьми, гребцы же вовсе не показывались на палубах, а потому в Ультаре относились к галерам настороженно, если не с подозрением.

Язык у Атала заплетался. Старик клевал носом, и Картер уложил его на украшенную резьбой кровать черного дерева, поправил седую бороду жреца, повернулся к двери – и лишь теперь заметил, что кравшиеся по пятам зуги куда-то подевались.

Солнце клонилось к закату, и потому Картер отправился на поиски ночлега. Ему приглянулся старинный трактир, окна которого выходили на нижний город. Когда Картер посмотрел вниз с балкона, он увидел красные черепичные крыши, мощеные улочки, зеленые предместья, залитые колдовским светом, вобравшим в себя все оттенки багрянца, и на миг ему почудилось, будто Ультар – предел его желаний. Однако мгновение душевной слабости миновало, и к нему возвратилась память о чудесном городе из снов. На Ультар опустились сумерки, розовые стены домов сделались загадочно-лиловыми, в крохотных окошках замерцали желтые огоньки. На колокольне храма зазвенели колокола, в небе засияла над лугами по берегам Ская первая звезда. Послышалась песня, в которой восхвалялись былые дни. Картер кивнул головой. Пожалуй, подумалось ему, в такую ночь покажутся сладкозвучными даже кошачьи голоса. Впрочем, ультарские коты, похоже, отдыхали после сытной трапезы, а потому хранили молчание. Некоторые из них ускользнули в таинственные закутки, доступные только кошкам;

если верить молве, они каждый вечер отправлялись на обратную сторону луны, прыгали туда с коньков крыш. Но один черный котенок почему-то привязался к Картеру, долго мурлыкал, играл с человеком, а когда тот улегся спать, пристроился у него в ногах, на кровати, застланной свежим бельем. Картер с наслаждением откинулся на подушки, от которых исходил дурманящий аромат свежескошенных трав.

Утром он присоединился к купеческому каравану, что направлялся в Дайлат-Лин. Купцы везли на продажу капусту и ультарскую пряжу. Шесть дней кряду они ехали под звяканье колокольцев на шеях животных по ровной дороге вдоль берега реки, ночуя то в постоянных дворах рыбацких селений, то под открытым звездным небом. Местность была весьма живописной: зеленые изгороди и рощицы, островерхие крыши деревенских домиков, ветряные мельницы на холмах.

На седьмой день пути впереди за клубилось облако дыма, а затем на горизонте возникли черные базальтовые башни Дайлат-Лина. В многочисленных тавернах города и на мрачных городских улицах толкались моряки, прибывшие сюда со всех концов света и даже, по слухам, из-за его пределов. Картер пустился расспрашивать горожан, облаченных в диковинные наряды, о пике Нгранек на острове Ориаб и вскоре выяснил все, что требовалось. В Дайлат-Лин время от времени заходили корабли, приписанные к порту Бахарна, от которого до Нгранека было два дня езды на зебре. Что касается лика на скале, его видели немногие, ибо склон, в котором он был вырезан, смотрел на отвесные утесы да на залитое лавой ущелье: там когда-то жили люди, прогневавшие земных божеств и познавшие на себе мщение Других Богов.

Да, Картер добыл нужные сведения довольно скоро, но не без труда, ибо моряки и купцы предпочитали шептаться о черных галерах, одна из которых ожидалась в Дайлат-Лине через неделю, тогда как бахарнской ладье предстояло отправиться в обратный путь не ранее чем через месяц. Когда эти черные галеры с грузом самоцветов пришвартовывались к причалам Дайлата и некоего порта, с них сходили большеротые люди с тюрбанами на головах, и у каждого ткань тюрбана в двух местах вспучивалась, словно под нею скрывались рога; башмаков же, подобных тем, в какие были обуты торговцы, не видывали ни в одном из шести Королевств. Однако хуже всего обстояло дело с незримыми гребцами. Три ряда весел двигались слишком ровно, слишком ритмично, чтобы не возбуждать нездорового любопытства; и потом, что это за корабли, гребцов с которых не пускают на берег, сколь бы долгой ни была стоянка в порту? Кабатчики, бакалейщики, мясники и рады были бы услужить, но в их услугах, по-видимому, не нуждались. Купцы с галер приобретали лишь золото да крепких чернокожих рабов из Парга, края за рекой. Если задувал южный ветер, город окутывала будто пелена тумана, нестерпимая вонь, исходившая от тех самых галер, одолеть которую можно было разве что раскурив трубку, набитую крепчайшим табаком. Когда бы не драгоценные камни, равных которым по красоте было не сыскать на всем белом свете, дайлатлинцы ни за что не стали бы торговать с купцами в причудливых тюрбанах.

Вот о чем перешептывались моряки в старинных тавернах Дайлат-Лина, вот что довелось узнать Картеру за то время, какое он провел в городе, считая дни, остававшиеся до прибытия бахарнской ладьи, которая доставит его на остров, где высится величественный Нгранек. Картер внимательно прислушивался к историям, которые рассказывали при нем, надеясь уловить хотя бы намек на Кадат или на чудесный город с мраморными стенами и серебряными фонтанами, обогранный лучами закатного солнца. Однако его надежды не оправдались, даже когда он завел разговор с узкоглазым стариком. Тот, как утверждала молва, торговал с жителями деревень, расположенных на каменистом плато Ленг, куда не отваживался заглядывать ни один здравомыслящий человек. По слухам, старый купец имел когда-то дело с верховным жрецом Тем-Кого-Нельзя-Описать, существом, лицо которого скрыто желтой вуалью, обитающим в древнем скальном монастыре. Вполне возможно, купец лишь притворялся несведущим, однако Картер довольно быстро понял, что продолжать расспросы нет никакого смысла.

Между тем в порт, проскользнув мимо базальтового утеса с маяком на вершине, вошла черная галера, и южный ветер погнал на Дайлат-Лин невыносимую вонь. Хозяева и посетители приморских таверн сразу же повели себя так, будто сильно чего-то испугались, а вскоре на городских базарах появились большеротые торговцы с рогатыми тюрбанами на головах. Приглядевшись к ним, Картер решил, что они ему не нравятся. Как-то раз он увидел, как они заходят на борт галеры чернокожих невольников-паргиан, и спросил себя: в каких неведомых краях – и вообще, на Земле ли? – суждено влачить свои цепи этим бедолагам?

На третий день стоянки галеры смуглый купец в тюрбане заговорил с Картером, когда тот зашел в таверну, намереваясь скоротать вечерок. Криво улыбаясь, купец признался, что слышал о поисках Картера, и намекнул, что обладает кое-какими сведениями, которые могут пригодиться, но которыми ни за что не поделится на людях. Его слащавый голос вызывал у Картера отвращение, однако возможностью вызнать хоть что-нибудь о Кадате пренебрегать не следовало, а потому он пригласил купца подняться наверх и угостил остатками лунного вина зугов, рассчитывая, что от спиртного у собеседника развяжется язык. Тот и не подумал отказаться, единым глотком осушил свой стакан, но вино, похоже, ничуть на него не действовало. Затем купец поставил на стол диковинную бутылку, представлявшую собой полный рубин, украшенный снаружи затейливой резьбой. Он наполнил стакан Картера. Рэндольф Картер едва пригубил вино, однако у него тут же закружилась голова и все поплыло перед глазами, а купец по-прежнему улыбался. Последним, что увидел Картер, было смуглое, искаженное злорадной ухмылкой лицо и нечто совершенно неопишемое, выглянувшее вдруг из-под сбившегося тюрбана.

Картер болел три дня, но крепкий организм справился с ядом. Купец же исчез, и никто не мог припомнить ни имени его, ни внешности.

Через две недели прибыл долгожданный корабль до Бахарны. Картер обрадовался тому, что он выглядит ничуть не зловеще – ярко раскрашенные борта, желтые треугольные паруса. Барк доставил в Дайлат-Лин ароматные смолы Ориаба, изящные кувшины и горшки работы бахарнских мастеров и резные фигурки из запекшейся на склонах Нгранека лавы, а взамен его нагрузили ультарской шерстью, переливчатыми тканями Хатега и слоновой костью, которую добыли у себя за рекой чернокожие паргиане. Картер разыскал капитана, седобородого старика в шелковых одеждах, и попросился пассажиром; ему сообщили, что путь до Бахарны займет десять дней. Всю ту неделю, которую корабль простоял в порту, Картер расспрашивал капитана о Нгранеке. Старик сказал, что лишь немногие воочию видели тот лик на скалистом склоне, как правило, путешественники удовлетворялись легендами и преданиями, а дома потом хвастали, будто и впрямь лицезрели выбитое в камне изображение. Капитан утверждал даже, что вряд ли кто из ныне живущих созерцал божественный лик, поскольку склон, в котором тот высечен, крут и обрывист, вдобавок его, по слухам, стерегут обитающие в пещерах у вершины горы призраки. Что именно за призраки, он не пожелал уточнить, заявив, что они, мол, со временем начинают неотвязно преследовать в сновидениях того, кто слишком много о них размышлял. Картер спросил у старика о неведомом Кадате в холодной пустыне и о чудесном городе в багрянце заката, но не узнал ничего нового.

Приняв на борт весь положенный груз, барк однажды утром вышел из дайлатлинской гавани. Стоя на палубе, Картер наблюдал за тем, как первые лучи солнца выхватывают из мрака стройные башни базальтового города. Два дня напролет они плыли вдоль зеленого побережья, часто видели рыбацкие деревушки – красные крыши домов, печные трубы, ветхие пристани, раскинутые для просушки сети. На третий же день корабль повернул к югу, и земля вскоре исчезла из виду. К пятому дню пути матросы забеспокоились; капитан извинился за их страхи и объяснил, что барк вот-вот достигнет затонувшего города, развалины которого сплошь увиты водорослями, так что, когда вода прозрачна, кажется, будто среди них снуют некие существа.

Ночь выдалась светлая, луна сияла необыкновенно ярко, и морское дно можно было различить невооруженным глазом. Ветер стих, и барк еле двигался. Перегнувшись через борт, Картер разглядел глубоко внизу, под толщей воды, купол грандиозного храма, а чуть дальше – площадь, к которой вела аллея, украшенная изваяниями сфинксов. В развалинах резвились дельфины, иногда они поднимались к поверхности и выпрыгивали из воды. Впереди подводная равнина переходила в гряду холмов, усыпанных обломками древних строений. Когда корабль приблизился к городу, стали видны предместья, извилистые улочки и странное здание, располагавшееся отдельно от остальных, менее вычурное по архитектуре и гораздо лучше сохранившееся. Здание было приземистым и квадратным, с башенкой на каждом углу и мощеным внутренним двориком; возможно, его воздвигли из базальта, хотя определить наверняка было трудно, ибо кладка лишь кое-где выступала из-под густых водорослей. В стенах виднелись круглые окошки. Строение производило весьма внушительное впечатление и, судя по всему, являлось в незапамятные времена храмом или монастырем. Окошки тускло светились, должно быть, благодаря тому, что внутри прятались фосфоресцирующие рыбы, и страх матросов перед затонувшим городом показался Картеру вполне простительным. Посреди мощеного дворика высился монолит, к которому был привязан веревкой какой-то предмет. Картер попросил у капитана разрешения воспользоваться подзорной трубой, навел резкость и рассмотрел, что к камню привязан человек в платье ориабского матроса. Зрелище было не из приятных, и Картер откровенно обрадовался, когда задул ветер и корабль устремился прочь от нечестивого жертвенника.

На следующий день им повстречалось судно с лиловыми парусами, шедшее в Зар, страну забытых сновидений, груженное луковицами лилий. А на одиннадцатые сутки пути, под вечер, на горизонте замаячил остров Ориаб и взметнулась к небесам снежная вершина Нгранека. Островов крупнее Ориаба не найти, а порт Бахарна ничем не уступал крупным городам материка. Причалы из порфира, каменные террасы, широкие лестницы, арки и мосты между домами – такова была Бахарна. Через весь город тянулся подземный туннель, который запирался гранитными воротами и вел к озеру Йат. На дальнем берегу острова громоздились руины доисторического поселения с позабытым именем. Когда барк вошел в гавань, маяки Тон и Тал приветствовали его мерцанием своих огней. Вечер незаметно перетек в ночь, на небе высыпали звезды, в домах горожан зажглись лампы, а на улицах – фонари, и Бахарна внезапно словно превратилась в искрящееся созвездие между ночными светилами в небесах и их отражениями на зеркальной глади бухты.

Капитан пригласил Картера поселиться в его домике на берегу Йата, у подножия холмов. Путника вкусно и сытно накормили и уложили спать. Поутру Картер приступил к поискам: он бродил по городу, не пропуская ни единой таверны, куда заглядывали сборщики лавы и резчики по камню, и расспрашивал о Нгранеке, но не сумел найти никого, кто забирался бы на вершину или зрел божественный лик. Крутизна склона, проклятая долина за горой, слухи о призраках – все это, вместе взятое, остужало пыл смельчаков, которым порой взбрело вдруг в голову взойти на Нгранек.

Когда старый капитан отправился обратно в Дайлат-Лин, Картер переселился в таверну, окна которой выходили на одну из городских лестниц. Картер принялся обдумывать, как ему осуществить свой замысел и подняться на вершину Нгранека. Хозяин таверны, человек весьма преклонных лет, оказался сущим кладезем полезных сведений, ибо помнил множество преданий. Он даже показал Картеру грубый рисунок, нацарапанный на глиняной стене комнаты еще в те времена, когда люди были смелее и не так боялись всяких призраков. Прадед хозяина слышал от своего деда, что храбрец, побывавший на Нгранеке, пытался изобразить на стене божественный лик, каким он его запомнил, однако в достоверности этого предания Картер сомневался: слишком уж торопливыми, небрежными были линии рисунка, к тому же лицо с крупными, резкими чертами окружали гурьбой крохотные фигурки, наружность кото-

рых свидетельствовала разве что о дурном вкусе художника – рожки, крылышки, когти, лихо закрученные хвосты.

Наконец, разузнав, очевидно, все, что можно, в тавернах и на улицах Бахарны, Картер купил зебру и как-то утром поскакал вдоль берега озера туда, где возвышается Нгранек. По правую руку от себя он видел холмы, цветущие сады и обнесенные каменными изгородями поля, что напомнили ему о плодородных землях в долине Ская. К вечеру он достиг безымянных руин на дальнем берегу Йата и, хотя сборщики лавы не советовали ему ночевать там, привязал зебру к какому-то столбу у осыпавшейся стены, а затем расстелил одеяло в укромном уголке, под затейливой и загадочной резьбой. Завернувшись в другое одеяло, ибо ночами на Ориабе отнюдь не жарко, он почти сразу заснул. Во сне ему почудилось, будто над ним кружит некое насекомое, и он укрылся с головой и проспал до самого рассвета.

Его разбудило пение птиц. Солнце только-только выглянуло из-за гор и осветило древние развалины – полуразрушенные стены, покосившиеся колонны, треснувшие постаменты. Картер поискал глазами зебру. Изумлению его не было предела: животное лежало у того самого столба, к которому его привязали накануне вечером, и не подавало признаков жизни. В горле зебры зияла страшная рана. Лишь теперь Картер заметил, что кто-то рылся в его пожитках и похитил некоторые из них. В пыли пропечатались следы огромных клиновидных лап. Картеру вспомнились рассказы и предостережения сборщиков лавы; он подумал о том, какие твари могли кружить поблизости, пока его посещали сны, а потом закинул за спину мешок и зашагал в направлении Нгранека.

Местность, по которой пролегал его путь, была лесистой и безлюдной – ни деревень, ни хуторов, лишь изредка попадались хижины углежогов да станы сборщиков знаменитой ароматной смолы. В воздухе разливался пряный аромат, птицы маги звонко рассыпали трели на ветвях деревьев, сверкая на солнце своим семицветным оперением. На закате Картер набрел на лагерь сборщиков лавы, возвращавшихся с добычей с нижних склонов Нгранека. Он подсел к костру, слушал песни и сказания, жадно ловил шепотки: сборщики перешептывались друг с другом о товарище, которого потеряли. Тот поднялся выше остальных, потому что углядел наверху отличный кусок лавы, и так и не спустился с горы, а на следующий день нашли только его тюрбан, после чего поиски прекратились, ибо самые старые и опытные из сборщиков заявили, что толку все равно не будет. Если кто угодил к призракам, то ему не помочь.

Утром Картер простился со сборщиками лавы, которые отправились на запад, а он – к востоку, оседлав купленную у них зебру. Старики благословили его и посоветовали не забираться чересчур высоко; он сердечно поблагодарил их, однако пропустил совет мимо ушей. Он чувствовал, что должен отыскать богов на неведомом Кадате и добиться, чтобы те объяснили ему дорогу к чудесному городу в багрянце заката.

К полудню, после долгого и утомительного подъема, Картер достиг заброшенной деревни, в которой когда-то проживали горцы, искусно вырезавшие из лавы затейливые фигурки. Они обитали здесь во времена прадедушки хозяина таверны в Бахарне, но уже тогда ощущали, что их присутствие кому-то мешает. Селение разрасталось, дома карабкались все выше по склону горы и все чаще оказывались на восходе солнца пустыми. В конце концов горцы решили уйти отсюда насовсем, ибо по ночам вокруг деревни начали шнырять существа, облик которых никак не внушал доверия. Они переселились к морю, в Бахарну, заняли целиком старинный городской квартал и стали учить детей искусству резьбы по камню, тому самому, что сохранилось до наших дней и вызывает такое восхищение знатоков. Рыская по тавернам Бахарны, Картер подружился кое с кем из детей переселенцев, их рассказы о Нгранеке были интереснейшими из всех, какие ему довелось слышать.

Чем ближе подходил Картер к пику, тем выше тот становился. Если на нижних склонах еще виднелась чахлая растительность – робкие деревца, хилый кустарник, – то наверху не было ничего, кроме камня, льда, вечных снегов и застывших языков лавы. Множество эпох

назад, задолго до того, как танцевали на его вершине боги, Нгранек извергал огонь и сотрясался от раскатов подземного грома. Ныне же он хранил зловещее молчание и всячески скрывал от любопытствующих взоров высеченный в скалистом склоне божественный лик, о котором ходило столько слухов. Вдобавок ко всему прочему, если молва не обманывала, он приютил в своих мрачных пещерах таинственных созданий, о которых лучше даже не упоминать.

У подножия Нгранека росли редкие дубы и ясени, из-под толстого слоя пепла выглядывали камни, тут и там чернели кострища, следы ночевок сборщиков лавы, бросались в глаза грубые алтари, возведенные то ли для того, чтобы умиловить Великих, то ли во славу тех божков, которые таились в горных проходах и гротах. Картер заночевал у последнего из кострищ. Он привязал зебру к стволу дерева, а сам поплотнее закутался в одеяла. Ночь напролет откуда-то издали доносились крики вунита, но Картер не обращал на них внимания, поскольку его заверили, что эти мерзкие твари не смеют приближаться к Нгранеку.

Ясным солнечным утром он ступил на склон горы. Вскоре ему пришлось расстаться с зеброй, ибо животное не могло, подобно человеку, карабкаться по крутизне. Картер миновал лесок с каменными развалинами на полянах, продрался сквозь кустарник и очутился в густой траве. Мало-помалу перед ним открывался вид на равнину, он различал покинутые хижинки горцев, роши и становища тех, кто собирал в них ароматную смолу, леса, где гнездились и пели переливчатые маги, и далеко-далеко – расплывчатые очертания берегов озера Йат и древних безымянных руин. Впрочем, вскоре ему стало ясно, что по сторонам лучше не глядеть, и он угрюмо уставился себе под ноги.

Постепенно трава сошла на нет, ее сменили громадные валуны, лезть по которым, не будь они выщербленными ветрами и дождями, было бы поистине невозможно. Порой в вертикальных трещинах или на уступах виднелись гнезда кондоров. Перебираясь с камня на камень, Картер радовался всякий раз, когда замечал на скале знак сборщиков лавы. Сознание того, что здесь бывали и другие люди, согревало душу. Потом знаки исчезли; теперь следовало искать зарубки для рук и ног. В одном месте вправо от тропы уводил вырубленный в склоне желоб – должно быть, кто-то торил дорогу к облюбованному куску лавы. Оглядевшись, Картер изумился явленному зрелищу. Его взгляду открылся весь остров до самого побережья: террасы Бахарны, струйки дыма из печных труб, бескрайняя ширь Южного моря, хранилища бесчисленных тайн.

До сих пор подъем был утомительным, поскольку Картер то и дело огибал различные препятствия. Но вот он рассмотрел впереди карниз и продолжил путь по нему, надеясь, что возвращаться не придется. Картер не обманулся в своих ожиданиях и десять минут спустя установил, что, если не случится ничего непредвиденного, он через несколько часов достигнет загадочного южного склона, выходящего на проклятую долину. Местность внизу становилась все более унылой, да и склон тоже менялся, в нем все чаще появлялись трещины, кое-где чернели зевы пещер, причем ни к одной нельзя было добраться иначе как по воздуху.

Наконец преодолев последние метры карниза, Картер вышел на загадочный склон Нгранека. Внизу, в немыслимой дали, проступали очертания залитой лавой долины, за которой простиралась пустыня. Пещеры и трещины в склоне по-прежнему оставались недоступными для скалолаза. Дорогу Картеру преградил громадный камень, и странник на мгновение испугался, что его не обойти. Солнце между тем клонилось к закату; если ночь застанет его здесь, рассвета он уже не встретит.

Но страх накатил – и отхлынул, и тогда Картер понял, как следует поступить. Пройти там, где прошел он, сумел бы только опытный сновидец. Обогнув камень, он обнаружил, что дальше двигаться гораздо легче, поскольку по склону, очевидно, прополз когда-то ледник, оставивший после себя широкую колею. Слева высилась отвесная стена, в которой зияло чернотой отверстие очередной пещеры.

Справа же и сзади было достаточно места для того, чтобы выпрямиться и передохнуть.

Картер начал замерзать и заключил, что приближается к границе снежного покрова. Он поднял голову, чтобы осмотреться. И впрямь, высоко-высоко вверху серебрился снег, а чуть ниже виднелся величественный утес. Разглядев его, Картер задохнулся от радости, издал громкий крик и едва устоял на ногах. С утеса взирал на мир осиянный лучами заката лик божества.

Молва уверяла, что черты божества необычны и западают в память; Картер убедился, что так оно и есть. Он с первого взгляда запомнил узкие раскосые глаза, длинные мочки ушей, тонкий нос и заостренный книзу подбородок. Он преисполнился благоговения и трепетал под взором каменных глазниц, ибо хоть и разыскал то, к чему стремился, все же не был готов к великолепию открывшегося ему зрелища, несмотря на множество сказаний и легенд, услышанных в разных краях, – ни в одной из них не упоминалось о багреце заката.

Картер совершил открытие, полностью переменившее его планы. Он намеревался обойти, если понадобится, всю страну сновидений, чтобы найти отпрысков небожителей, но теперь осознал, что в том нет ни малейшей необходимости. Ему частенько доводилось видеть похожие черты в тавернах Селефаиса, приморского города в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, города, которым правил король Куранес, знакомец Картера по миру яви. Каждый год в Селефаис приплывали смуглокожие моряки, чьи черты угадывались в высеченном на склоне лике; они привозили оникс и меняли его на поделки из яшмы, золотую нить и певчих птичек Селефаиса. Значит, они – те самые полубоги, встречи с которыми он ищет! А раз так, то поблизости от их поселений должна простираться холодная пустыня, посреди которой возвышается неведомый Кадат с ониксовым замком Великих на вершине. Значит, нужно двигаться в Селефаис, покинуть остров Ориаб, возвратиться в Дайлат-Лин, пересечь по нирскому мосту Скай, вернуться в зачарованный лес зугов, а оттуда направиться на север, мимо садов Украноса, к золоченым шпилям Трана и там сесть на какой-нибудь из галеонов, бороздящих ширь Серанианского моря.

Над Нгранеком сгущались сумерки. Божественный лик, укрывшись в тень, приобрел еще более грозное выражение. Ночь застала Картера на склоне. Беспомощный как ребенок, не в силах ни подняться выше, ни спуститься, он отчаянно прижимался к скале, моля о том, чтобы не заснуть, так как страшился, что потеряет во сне равновесие и рухнет вниз, прямиком в заливную застывшей лавой долину. На небе высыпали звезды, тусклые искорки в кромешной тьме, той, что была заодно со смертью, притягивала к себе, манила сделать шаг в пропасть. Последним, что видел Картер перед тем, как мир окутал непроглядный мрак, был кондор, паривший над расселиной; птица спокойно кружила в воздухе – и вдруг шарахнулась прочь от пещеры в отвесной стене.

Внезапно Картер почувствовал, как кто-то ловко вытащил у него из-за пояса ятаган. Мгновение спустя тот ударился о камни внизу. Млечный Путь заслонила некая фигура – рогатая, хвостатая, с крыльями как у летучей мыши. К первой твари прибавилась вторая, третья... Судя по всему, они появлялись из той пещеры, до которой было не добраться иначе как по воздуху. Холодная лапа сдавила Картеру горло; человека схватили за ноги, перевернули и куда-то поволокли. Звезды пропали из виду, и Картер догадался, что угодил к призракам.

Они влетели в пещеру и устремились дальше, в чудовищный лабиринт темных коридоров. Картер попытался вырваться, но похитители быстро вразумили его, дали понять, что шутить не намерены. Они хранили молчание, даже крылья их не производили ни шелеста, ни шороха – словом, призраки внушали жуткий страх. Вскоре лабиринт закончился, вернее, вывел в казавшийся бездонным колодец со спертым воздухом, и Картеру почудилось, будто его засасывает, пронзительно завывая и визжа, водоворот демонического безумия. Он закричал, а призраки в ответ принялись щекотать его, что вовсе не было приятно. Неожиданно мрак слегка рассеялся, вокруг разлился серый свет, и Картер сообразил, что они достигли подземелья ужасов, о котором говорилось в древних сказаниях; это подземелье освещали бледные огоньки, вроде тех, что выются над могилами на кладбищах.

Наконец он разглядел под собой, сквозь белесую пелену, смутные очертания горных вершин. То были легендарные и зловещие Кряжи Трока, превосходившие размерами самое смелое человеческое воображение, стерегущие лишенные солнечного света долины, в которых ползают из норы в нору отвратительные, мерзкие дхолы. Горы повергали в панику, однако Картер предпочитал все же смотреть на них, нежели на своих похитителей, чей облик потряс его до глубины души: гнусные черные твари с гладкой, лоснящейся кожей, повернутыми друг к другу рогами, нетопыриными крыльями, когтистыми лапами и хвостами, которыми они непрестанно вертели. Призраки не переговаривались между собой, не смеялись и не улыбались, ибо улыбаться им было нечем – лица у них начисто отсутствовали. Таковы были призраки пика Нгранек, умеющие всего лишь хватать, тащить и щекотать.

Чем ниже они спускались, тем внушительнее становились серые Кряжи Трока, и уже можно было различить, что на их склонах нет и намека хотя бы на единый признак жизни. Бледные огоньки мало-помалу пропали, и стаю призраков вновь поглотила первобытная тьма. Вскоре горные вершины остались далеко вверху, задул порывистый ветер, пронизанный сыростью земных недр, и полет завершился. Картера бросили в одиночестве, распростертого на толстом слое костей. Призраки Нгранека, исполнив то, что вменялось им в обязанность, немедленно удалились. Картер всмотрелся в темноту, надеясь увидеть, как они поднимаются по колодцу, однако тщетно напрягал зрение: во мраке, который его окружал, было не различить даже Кряжи Трока.

Нечто, может стать наитие, подсказало Картеру, что он очутился в долине Пнот, той самой, которую населяли дхолы. Впрочем, осознание этого мало чем могло ему помочь, ибо он – да и никто другой – никогда не встречался с дхолом и понятия не имел о том, как тот выглядит и чего от него ждать. Про дхолы упоминалось разве что в преданиях: мол, их можно узнать по шороху, какой они производят, снуя среди костей, и по липкому прикосновению к коже. Видеть же их нельзя, ибо они живут в сплошной темноте. Картер отнюдь не стремился свести знакомство с дхолом, а потому настороженно прислушивался, жадно ловя любые звуки, откуда бы те ни доносились. Тем временем мысли его обратились к тому, как извлечь из случившегося хоть какую-то пользу. Давным-давно Рэндольфу Картеру довелось беседовать с человеком, сведущим в географии ужасного подземелья, и тот поведал, что долина Пнот – скорее всего, помойная яма, куда скидывают остатки своих пиров упыри, терзающие обитателей мира яви. Вполне возможно, подумалось Картеру, ему посчастливится набрести на гору, что выше Кряжей Трока и отмечает границу долины; надо только заметить, откуда сыплются кости, а уж там воззвать к упырям, чтобы те спустили лестницу. Он вправе был рассчитывать, что вампиры внемлют его призыву, ибо, как ни дико это звучит, его с ними кое-что связывало.

Он знал бостонского художника, писавшего жуткие картины в своей тайной студии, в подвале дома на окраинной улочке, неподалеку от кладбища; тот художник на деле подружился с упырями и научил Картера разбирать их бормотание, вернее, малую его часть. Потом художник бесследно исчез. Картер полагал, что найдет его здесь, и намеревался впервые за все свои странствия по миру грез воспользоваться английским языком, дабы привлечь внимание приятеля. Он не особенно уповал на то, что его затея осуществится, однако решил все же попытаться. По совести говоря, лучше уж повстречаться с вампиром, которого видно, нежели с дхолом, которого не разглядеть.

И вот Картер двинулся сквозь мрак сначала шагом и на ощупь, а затем бегом, после того как решил, что кости под ногами начинают шевелиться. Вскоре над его головой раздался чудовищный грохот, и он догадался, что приближается к нужному месту. Он засомневался было, услышат ли упыри крик, но тут же сообразил, что в подземном мире свои законы. В этот миг его слегка оглушило упавшей сверху костью, судя по размерам, не иначе как черепом; он заключил, что находится совсем рядом с пиком, и закричал по-вампиры.

Звук путешествует медленно, а потому прошло некоторое время, прежде чем прозвучал ответный клич. Картеру сообщили, что лестницу сейчас спустят. Ожидание было непереносимым, он весь извелся, ибо не мог даже предположить, кто еще, кроме упырей, услышал его зов. Страхи оказались обоснованными: издалека донеслось какое-то шуршание, которое с каждым мгновением становилось все громче. Картер изнывал от беспокойства, паника нарастала, и он едва сдерживался. Внезапно что-то глухо стукнулось о кости. Лестница! В следующий миг он крепко вцепился в нее и полез вверх. Однако шуршание, казалось, преследовало его по пятам. На высоте около пяти футов он услышал внизу омерзительные звуки, а когда поднялся футов на десять, лестница заходила ходуном. Пятнадцать футов, двадцать – мимо Картера промелькнуло огромное склизкое щупальце; он содрогнулся и принялся лихорадочно карабкаться по перекладинам, моля небеса, чтобы ему удалось оторваться от преследователя – гнусного дхола, облик которого скрыт от человеческого взора.

Подъем продолжался не один час. У Картера болела каждая косточка, руки покрылись волдырями. Он миновал пояс бледных огоньков, взобрался выше Кряжей Трока, разглядел уступ на вершине упыринога пика, а несколько часов спустя увидел на краю уступа чье-то лицо, похожее на рыло горгульи. От подобного зрелища он едва не потерял сознание и оступился, однако совладал со своими чувствами, хоть и с немалым трудом. Впрочем, благодаря любезности того самого бостонского художника Картеру доводилось уже общаться с упырями, и он хорошо запомнил их собачьи физиономии, уродливые тела и взбалмошный нрав. Так что он сохранил самообладание, когда гнусная тварь вытянула его на вершину пика, и не закричал в ужасе, заметив чуть поодаль целую толпу вампиров, что с любопытством таращились на него, не переставая одновременно улаживать свои чрева.

Картер осмотрелся по сторонам. Он оказался на тускло освещенной равнине, испещренной норами и громадными валунами. Упыри отнеслись к нему довольно уважительно, хотя один попробовал было ущипнуть Картера, а несколько других не сводили с него алчных взглядов. Тщательно выговаривая слова, Картер справился о своем пропавшем приятеле и выяснил, что тот сделался упырем и пользуется к тому же известным влиянием в сферах поблизости от мира яви. Пожилой упырь с зеленоватой кожей вызвался проводить человека туда, где находился сейчас бывший художник. Преодолев естественное отвращение, Картер заполз следом за вожатым в нору и погрузился на долгие часы в пропитанный сыростью мрак узких ходов. Утомительный путь завершился на бескрайней равнине, усеянной реликвиями человеческого бытия – старинными надгробиями, треснувшими урнами, обломками памятников, – и Картер догадался, что с тех пор, как сошел по семистам ступеням из пещеры пламени к Вратам Глубокого Сна, он не был еще столь близок к миру яви.

На могильном камне 1768 года, украденном с кладбища Гранари в Бостоне, восседал упырь, ранее известный как художник Ричард Антон Пикмен, совершенно голый и изменившийся настолько, что почти полностью утратил прежний облик. Однако английский он забыл не до конца и сумел худо-бедно объясниться с Картером, несмотря на то что речь его состояла в основном из маловразумительных звуков и то и дело перемежалась бормотанием на языке вампиров. Узнав, что Картер хочет попасть в зачарованный лес, а оттуда – в город Селефаис в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, он как будто смешался, поскольку упыри, терзавшие мир яви, не заглядывали на могильники верхнего мира грез, оставляя те во владении краснолапых вурдалаков, что кишмя кишели в мертвых городах; вдобавок их отделяли от зачарованного леса многие мили пути, в том числе – по землям королевства ужасных кагов.

Именно каги, косматые исполины, возвели в зачарованном лесу те диковинные каменные сооружения, где поклонялись Другим Богам и ползучему хаосу Ньярлатотепу. Однажды ночью божества Земли прослышали об их бесчинствах и в наказание загнали кагов в пещеры. Из обители упырей в зачарованный лес вела одна-единственная дорога, что заканчивалась огромным камнем с железным кольцом. То была дверь, которую каги никогда не открывали, опасаясь

гнева богов. Сновидец-смертный не мог и мечтать о том, чтобы добраться до нее, ибо в седой древности каги питались людьми и у них сохранились предания о лакомой человеческой плоти. Стоит им увидеть Картера, они тут же сожрут его, тем более что теперь их пищу составляют одни только гасты, отвратительные существа, которые не выносят света, населяют подземелья Зина и прыгают на длинных задних ногах, точно кенгуру.

Поэтому упырь, который был Пикменом, посоветовал Картеру либо покинуть бездну у Саркоманда, заброшенного города в долине недалеко от Ленга, где крылатые диоритовые львы стерегут черные лестницы, ведущие в верхний мир грез, либо возвратиться через кладбище в мир яви и вновь сойти оттуда по семидесяти ступеням в пещеру пламени, а затем спуститься к Вратам Глубокого Сна и ступить сквозь них в зачарованный лес. Но Картер не внял его совету, ибо не ведал, в какой стороне от Ленга лежит Оот-Наргай, и не желал просыпаться из опасения потерять все то, что обрел в сновидении. Он сознавал, что ни в коем случае не должен забыть удивительные лица тех моряков с севера, что привозили в Селефаис оникс и, будучи отпрысками богов, могли указать путь к холодной пустыне и неведомому Кадату с замком Великих на вершине.

После долгих уговоров упырь согласился отвести Картера к стене, что окружала королевство кагов. Сновидец твердо решил воспользоваться той единственной возможностью, которая ему представлялась: прокрасться мимо круглых монолитов в час, когда исполины будут спать. Если повезет, он достигнет башни со знаком Коса, внутри которой вьется лестница к каменной двери в зачарованный лес зугов. Пикмен даже приставил к Картеру трех своих братьев, они должны были помочь человеку отворить дверь. И потом, каги испытывали страх перед упырями и частенько бросались врассыпную, стоило тем появиться на кладбище.

Пикмен также дал Картеру совет притвориться упырем – сбрить бороду, так как вампиры не носят бород, раздеться догола, вызеленить кожу и шагать, переваливаясь с ноги на ногу, а одежду связать в узелок и закинуть за спину – каги наверняка подумают, что он тащит недоеденную добычу. В город кагов, пределами которого, собственно, и ограничивалось королевство, им предстояло попасть по подземному коридору, что выходил на поверхность на кладбище близ башни Коса, нужно было только остерегаться обширной пещеры, рубежа, принадлежавшего гастам Зина. Мерзкие гасты несли там неусыпный дозор, высматривая утративших осторожность путников. Едва лишь каги ложились спать, те вылезали из своих нор и нападали на всех подряд, не делая разницы ни между кагами и упырями, ни между теми и собственными сородичами, ибо, как дикари, пожирали любых живых существ. Каги обычно выставляли часового, но тот зачастую дремал на посту, а потому нападения гастов многажды оказывались внезапными. Если бы в городе кагов было светлее, они, пожалуй, могли бы чувствовать себя в безопасности, но, к сожалению, жили они в вечном сумраке, который не причинял гастам ни малейших неудобств.

Завершив необходимые приготовления, Картер нырнул в туннель. Его сопровождали трое упырей, прихвативших с собой плоское надгробие полковника Непемайи Дарби, скончавшегося в 1719 году и похороненного на салебском кладбище Чартер-стрит. Туннель привел их к скопищу замшелых монолитов, таких высоких, что человеческий глаз бессилён был различить их вершины; однако то были всего лишь самые скромные из могильных камней кагов. Справа от зева норы виднелись за монолитами гигантские круглые башни, что тянулись вдаль, насколько хватало взгляда, и терялись в сером полумраке. Картер понял, что перед ним город кагов – исполинов, в чьих домах высота дверных проемов равнялась тридцати футам. Упыри нередко заглядывали сюда, ведь трупом одного кага можно было кормиться чуть ли не целый год; вдобавок похищать мертвецов у кагов куда проще, чем связываться с людьми. Теперь Картеру стало ясно, откуда взялись те громадные кости, на которые он несколько раз наткнулся в долине Пнот.

Впереди, сразу за оградой кладбища, возвышался обрывистый утес, у подножия которого чернела дыра. Упыри предупредили Картера, чтобы он не вздумал приближаться к ней, так как это был вход в пещеру гастов. Там простирались в кромешном мраке подземелья Зина. Картер вскоре убедился, что предупреждение – не пустой звук: едва один из упырей пополз к башне, дабы удостовериться, спят ли каги, в черноте пещеры сверкнули чьи-то желтовато-красные глазки. Походило на то, что каги остались без часового; если так, значит, за упырями следили гасты, чьему исключительно острому чутью можно было только подивиться. Разведчик вернулся к норе и жестом призвал товарищей к молчанию. Упыри вовсе не рвались схватиться с гастами, пока существовала возможность избежать столкновения: утомленные битвой с часовым кагов, гасты наверняка вот-вот уберутся восвояси. Однако мгновение спустя из тьмы в серый сумрак выпрыгнуло существо размером с жеребенка, при виде которого к горлу Картера подкатила тошнота. Когда бы не отсутствие носа, лба и некоторых других черт, морда гаста являла бы собой точную копию человеческого лица.

За первым гастом выскочили еще трое. Кто-то из упырей, обращаясь к Картеру, пробормотал, что враги, похоже, не сражались с кагом-часовым, а попросту проскользнули мимо него и потому будут рыскать по округе, пока не найдут жертву и не утолят свою свирепость. Гастов становилось все больше, теперь их насчитывалось что-то около пятнадцати особей; наблюдать за тем, как они скачут по кладбищу, было неприятно само по себе, однако куда неприятнее оказалось слушать кашель, заменявший им членораздельную речь. Да, они внушали отвращение, но существо, которое появилось из пещеры следом за ними, обладало поистине гнуснейшей наружностью.

Сперва показалась когтистая лапа, примерно двух с половиной футов в поперечнике, за ней другая, дальше – поросшая густым черным мехом рука, засветились розовые глаза на кончиках усиков длиной добрых два фута каждый, зашевелились низкие кустистые брови – проснувшийся каг покрутил огромной, как бочка, головой. Ужаснее всего в его облике была пасть, из которой торчали желтые клыки и которая словно рассекала голову чудища пополам, причем не горизонтально, а по вертикали.

Прежде чем каг успел распрямиться во весь свой рост – двадцать футов, – расторопные гасты скопом накинудись на него. Картер испугался было, что часовой поднимет тревогу и начнется всеобщий переполох, но притаившийся рядом упырь поведал, что каги лишены голоса и общаются лишь посредством мимики. Между тем на кладбище разворачивалась кровопролитная битва. Гасты насакивали на бедного кага со всех сторон, щипали его, кусали, наносили удары своими заостренными копытами, не переставая при этом восторженно подкашливать, взвизгивали, когда кагу удавалось расправиться с кем-нибудь из них, – шум стоял такой, что удивительно, как только не проснулся весь город. Впрочем, каг слабел на глазах, и гасты мало-помалу оттаскивали его в глубь пещеры. Вскоре они исчезли вместе со своим пленником во мраке под ее сводами, и о том, что борьба продолжается, говорило разве что случайное эхо. Вожак упырей подал знак двигаться, и Картер, заодно с проводниками, покинул кладбище и устремился к городу гигантских башен. Пробираясь к своей цели темными мощеными улицами, все четверо настороженно прислушивались к доносившемуся из домов храпу кагов. Время сна исполинов подходило к концу, поэтому упыри торопились изо всех сил: ведь расстояние, которое предстояло пройти, было отнюдь не маленьким. Наконец из сумрака возникла башня, превосходившая размерами все остальные; над ее дверью виднелся вырезанный в камне символ, от одного вида которого бросало в дрожь даже того, кто не ведал, что этот символ означает. То была башня Коса, а едва различимые ступени в ее дверном проеме являлись началом лестницы, что выводила в верхний мир грез, к зачарованному лесу.

Подниматься по лестнице было нелегко, ибо кругом царила непроницаемая тьма, к тому же ступеньки, высотой где-то в ярд, явно не предназначались для кого-либо, кроме кагов. Картер принялся пересчитывать их, но очень скоро утомился настолько, что незнакомым с уста-

лостью упырям пришлось тащить его на себе. Они спешили, поскольку опасались погони: хотя, страшась гнева Великих, ни один каг не посмеет отворить каменную дверь в зачарованный лес, но ничто не препятствует исполинам входить в башню. Зачастую они намеренно загоняли внутрь башни гастов и преследовали тех до самого верха. Слух у кагов столь острый, что они вполне могли слышать шаги чужаков на улицах своего города; коли так, им, привыкшим охотиться на гастов в лишенных света пещерах Зина, не понадобится много времени, чтобы отловить в темноте четверых возмутителей спокойствия. Мысль о том, что каги не могут разговаривать, а потому если нападут, то в полном молчании, угнетала Картера. Вдобавок он понимал, что на традиционный страх кагов перед упырями надежд возлагать не стоит: как-никак, все преимущества сейчас были на стороне косматых гигантов. Кроме того, не следовало забывать и про зловредных гастов, которые частенько забирались в башню, пока сонливые каги отдыхали. Может случиться и так, что та стая гастов, которая накинута на часового, быстро управится с ним, учует запах упырей и ринется вдогонку.

Подъем продолжался невыносимо долго. Внезапно сверху донесся кашель, и стало ясно, что дело принимает дурной оборот. Очевидно, гаст или несколько гастов проникли в башню раньше Картера и его провожатых. Судя по всему, беды было не миновать. Справившись со смятением, вожак упырей оттолкнул Картера к стене и выстроил своих товарищей в подобие боевого порядка. Они могли видеть в темноте, и Картер порадовался тому, что не один. Раздался цокот копыт; упыри воздели над головами надгробие полковника Дарби и приготовились нанести сокрушительный удар. Вот в темноте сверкнули желтовато-красные глаза, послышалось учащенное дыхание; когда гаст оказался на расстоянии ступеньки, упыри обрушили на него надгробие. Сдавленный визг – и все было кончено. Установившаяся тишина как будто свидетельствовала, что гаст был один, и поэтому, выждав мгновение-другое, упыри поманили Картера за собой наверх. Им снова пришлось тащить его; медленно, но верно они уходили все дальше от того места, где распростерся во мраке обезображенный труп гаста.

Какое-то время спустя упыри остановились. Картер пошарил вокруг и установил, что они добрались до громадной каменной двери с железным кольцом наверху. О том, чтобы распахнуть ее настежь, нечего было и думать; упыри рассчитывали подпихнуть под нее надгробие и выпустить Картера наружу сквозь образовавшуюся трещину. Сами же они собирались потом спуститься вниз и вернуться к своим через город кагов, поскольку, во-первых, не сомневались в том, что сумеют проскользнуть незамеченными, а во-вторых, не знали дороги к призрачному Саркоманду с его диоритовыми львами.

Упыри дружно навалились на дверь всем весом своих раздобревших от нечестивой пищи тел. Картер помогал им в меру оставшихся у него сил. Вот между дверью и стеной появилась тоненькая полоска света, и Картер, которому поручили эту задачу, умудрился всунуть в расщелину край надгробия. Однако первый успех оказался единственным: дверь упрямо не желала поддаваться.

Вдруг лестница словно заходила ходуном, послышался глухой стук – должно быть, показилось по ступенькам тело убитого гаста. Упыри удвоили, если не удесятерили усилия и ухитрились-таки приоткрыть дверь настолько, что Картер сумел поставить надгробие на ребро. Потом он взобрался на плечи провожатым, подтянулся – и рухнул на благодатную почву верхнего мира грез. Вампиры, которые протиснулись следом, выбили надгробие, и дверь закрылась – весьма кстати, ибо в темноте уже разносилось тяжелое дыхание кагов. Теперь они были в безопасности: исполины ни за что не отважатся нарушить наложенный богами запрет. Картер привольно развалился на диковинном мху зачарованного леса, а упыри усадились на корточки – они всегда отдыхали в такой позе.

Сколь бы потусторонним ни был зачарованный лес, после тех передраг, в которых побывал Картер, он казался тихой гаванью, сулил покой и уют. Поблизости не было ни единого живого существа, поскольку зуги боялись камня с железным кольцом. Картер принялся сове-

щаться с упырями, как быть дальше. Вампиры пребывали в затруднении: возвращение через город кагов представлялось уже невозможным, да и путь в мир яви не вызывал у них восторга, особенно когда они узнали, что дорога туда пролегает сквозь пещеру пламени, где обитают жрецы Нашт и Кама-Таха. В конце концов они решили вернуться к себе через ворота Саркоманда, но до тех тоже надо было как-то добраться. Картер припомнил, что Саркоманд расположен в долине за плато Ленг, а еще – что в Дайлат-Лине ему показывали зловещего вида узкоглазого купца, который, по слухам, торговал с жителями плато. Поэтому он посоветовал упырям отправиться в Дайлат-Лин, объяснил, что нужно сперва попасть в Нир, перейти по мосту Скай, а затем следовать течению реки до самого устья. Те тотчас согласились. В зачарованном лесу сгущались сумерки. Картер поблагодарил своих спутников за помощь, выразил признательность бывшему Ричарду Пикмену, однако не смог подавить вздох облегчения, когда вампиры тронулись в путь. Упирь есть упирь, и для человека он в лучшем случае – неподходящая компания. Расставшись со своими проводниками, Картер разыскал в лесу пруд, выкупался, смыл с себя грязь подземелий и облачился в одежду из узелка.

В зачарованном лесу тем временем наступила ночь, правда, темноты как таковой не было, ее рассеивали светящиеся древесные грибы. Картер вышел на дорогу.

Ему частенько доводилось бывать в тех краях, что лежат между зачарованным лесом и Серанианским морем, а потому он ни минуты не сомневался, куда надлежит идти, – путь указывала певучая речка Укранос. Наступил рассвет, солнце поднималось все выше, освещало рощицы и луга, прибавляло яркости и свежести тысячам цветов, покрывавших землю переливчатым ковром. Над Украносом постоянно стояло легкое марево, благодаря чему солнце пригревало тут немного сильнее, нежели в других местах, птицы и насекомые пели дольше, а люди воображали, будто очутились в волшебной сказке, испытывали ни с чем не сравнимые радость и восторг.

К полудню Картер достиг яшмовых террас Кирана, спускавшихся уступами к реке и служивших опорой Храму Милости, куда прибывает раз в году в золотом паланкине из глубин сумеречного моря король Илек-Вада, чтобы помолиться богу Украноса, который пел ему, когда он был совсем маленьким и жил в доме на речном берегу. Тот храм тоже из яшмы и занимает целый акр земли со своими стенами, внутренними двориками, семью высокими башнями и святилищем, где струится вода реки и поет ночами бог. Луна, освещая храм, многожды слышала диковинную музыку, но была ли то песня бога или напевные заклинания жрецов, знал один лишь король Илек-Вада, ибо только ему разрешалось входить в храм и видеть жрецов. В разгар дня, когда все словно погружается в дрему, никто, похоже, петь не собирался, во всяком случае, Картер различал всего-навсего журчание воды, щебет птиц и стрекотание цикад.

За Кираном вновь начались луга и пологие холмы, на которых виднелись дома с соломенными крышами и алтари местных божеств, вырезанные из яшмы или хризоберилла. Порой Картер спускался к воде, чтобы посвистеть шаловливым рыбам, порой замирал среди тростника и глядел на густой лес на противоположном берегу. В прежних снах он наблюдал за неуклюжими буопотами, что выходили из того леса к реке напиться, но теперь не заметил ни одного из них. Зато ему представилась возможность подсмотреть, как охотится на птиц плотоядная рыба: подманивает сверканьем чешуи поближе к воде, а затем, стоит птице окунуть клюв, стискивает его мощными челюстями и увлекает жертву на дно.

Под вечер он взошел на травянистый холм и узрел пламенеющие в лучах заката золоченые шпили Трана. Алебастровые стены этого дивного города взмывают едва ли не к небесам и высечены из одного-единственного, невообразимо громадного камня в незапамятные времена руками не людей, а неких загадочных существ. В них сотня ворот, они увенчаны двумястами башенками и непостижимо высоки, однако белые городские башни с золочеными шпилями еще выше; те шпили видны издалека – они то сверкают на солнце, то вонзаются в облака, то рассекают гроззовые тучи. На реке выстроены мраморные причалы, к которым швартуются

галеоны, источающие аромат кедра и каламандера. Корабли привозят грузы со всех концов света, моряки, что плавают на них, поголовно носят бороды. От самых стен Трана простираются возделанные поля, дремлют на взгорках белые крестьянские домики, выются меж полей и садов мощеные дороги со множеством каменных мостов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания